

ISSN 1026-9452 (Print)
ISSN 2713-0398 (Online)

Номер 6

Июнь 2024

ГОСУДАРСТВО И ПРАВО

State and Law

*Институт государства и права
Российской академии наук:
навстречу 100-летнему юбилею*

Возышение права – миссия С.С. Алексеева (к 100-летию выдающегося правоведа) • Россия в новых geopolитических реалиях: правовой вектор цивилизационного самоопределения • О современных проблемах механизма ответственности судей за дисциплинарный проступок: правоприменительная практика, общие подходы. Часть 3 • Катехизис нормативности: синкетические размышления о философских основаниях военного права • Общее имущество простого товарищества как основа корпоративного хозяйствования • Государственное управление в России: «цифровая» трансформация экономики в конце XIX – начале XX в. • Члену-корреспонденту РАН, доктору юридических наук, профессору Ю.М. Батурину – 75 лет

Российская академия наук
Институт государства и права

ГОСУДАРСТВО И ПРАВО

№ 6 2024 Июнь

Основан в феврале 1927 г.
Выходит 12 раз в год
ISSN (Print) 1026-9452
ISSN (Online) 2713-0398

Выходил под названиями: «Революция права» (1927–1929 гг.)
«Советское государство и революция права» (1930–1931 гг.)
«Советское государство» (1932–1938 гг.)
«Советское государство и право» ISSN 0132-0769 (1939 г. – первая половина 1992 г.)
«Государство и право» ISSN 1026-9452 (вторая половина 1992 г. – по н/в)

*Журнал издается под руководством
Отделения общественных наук РАН*

Главный редактор
А.Н. Савенков,
член-корреспондент РАН,
доктор юридических наук, профессор

Редакционный совет:

В.Н. Руденко, акад. РАН (председатель);
О.В. Белянский, к.ю.н.; В.С. Грузев, д.ю.н.; В.И. Жуков, акад. РАН; В.Д. Зорькин, д.ю.н. (Санкт-Петербург);
М.И. Клеандров, чл.-корр. РАН; А.А. Клишас, д.ю.н.; А.Г. Лисицын-Светланов, акад. РАН;
Н.А. Макаров, акад. РАН; И.М. Рагимов, д.ю.н. (Азербайджанская Республика);
С.В. Степашин, д.ю.н.; Т.Я. Хабриева, акад. РАН

Редакционная коллегия:

С.А. Авакян, д.ю.н.; Г.Г. Арутюнян, д.ю.н. (Республика Армения);
С.Ф. Афанасьев, д.ю.н. (Саратов); А.А. Бессонов, д.ю.н.; С.А. Бочкирев, д.ю.н.; М.М. Бринчук, д.ю.н.;
Г.А. Василевич, чл.-корр. НАН Беларуси; Т.А. Васильева, д.ю.н.; Бернд Визер, д.ю.н., д.ф.н. (Австрийская Республика);
Е.В. Виноградова, д.ю.н.; А.В. Габов, чл.-корр. РАН; Л.В. Головко, д.ю.н.; В.С. Горбань, д.ю.н.; Е.Ю. Грачева, д.ю.н.;
А.А. Гришковец, д.ю.н.; Е.П. Губин, д.ю.н.; А.В. Дзюбак, к.ю.н. (ответственный секретарь);
А.Г. Диденко, д.ю.н. (Республика Казахстан); В.В. Дорошков, д.ю.н.; Ульрика Дэви, д-р права (ФРГ);
И.В. Ершова, д.ю.н.; И.С. Жудро, д.ю.н.; В.Н. Жуков, д.ю.н., д.ф.н.; С.В. Запольский, д.ю.н.;
В.С. Каменков, д.ю.н. (Республика Беларусь); Кристина Карзай, д.ю.н. (Венгрия);
А.И. Коробеев, д.ю.н. (Владивосток); Н.В. Кроткова, к.ю.н. (заместитель главного редактора);
Куан Цзэнцзюнь, д.ю.н. (КНР); А.В. Кудашкин, д.ю.н.; В.В. Кудашкин, д.ю.н.; Лю Хунянь, д.ю.н. (КНР);
С.В. Маликов, д.ю.н. (заместитель главного редактора); И.М. Мацкевич, д.ю.н.; Е.В. Михайлова, д.ю.н.;
А.В. Наумов, д.ю.н.; В.Б. Наумов, д.ю.н.; Срето Ного, д.ю.н. (Республика Сербия);
Е.И. Носырева, д.ю.н. (Воронеж); Пламен А. Панайотов, д.ю.н. (Республика Болгария);
В.Н. Плигин, д.ю.н.; Т.А. Полякова, д.ю.н.; С.Б. Россинский, д.ю.н.;
А.Н. Савенков, чл.-корр. РАН (главный редактор);
Р.Н. Салиева, д.ю.н. (Казань); Паола Северино, д.ю.н. (Итальянская Республика);
А.Ю. Соколов, д.ю.н. (Саратов); Янаки Б. Стоилов, д-р права (Республика Болгария); А.А. Тедеев, д.ю.н.;
В.В. Устюкова, д.ю.н.; Уве Хеллманн, д-р права (ФРГ); Ван Чжи Хуа, д.ю.н. (КНР); С.Ю. Чучка, д.ю.н.;
А.И. Чучаев, д.ю.н.; В.М. Шерстюк, д.ю.н.; Г.Г. Шинкарецкая, д.ю.н.; Б.С. Эбзеев, д.ю.н.; О.А. Ястребов, д.ю.н.

Адрес редакции: 119019 г. Москва, ул. Знаменка, д. 10

е-mail: gospopravo@igpran.ru
<http://gospopravo-journal.ru/>

Москва

*Russian Academy of Sciences
Institute of State and Law*

STATE AND LAW

No. 6   2024   June

Published since February 1927
Monthly Publication (12 Times a Year)
ISSN (Print) 1026-9452
ISSN (Online) 2713-0398

Formerly known as: "Revolution of the Law" (Revolutsiya prava) (1927–1929)
"Soviet State and the Revolution of the Law" (Sovetskoe gosudarstvo i revolutsiya prava) (1930–1931)
"Soviet State" (Sovetskoe gosudarstvo) (1932–1938)
"Soviet State and Law" (Sovetskoe gosudarstvo i pravo) ISSN 0132-0769 (1939 – mid-1992)
"State and Law" (Gosudarstvo i pravo) ISSN 1026-9452 (mid-1992 – present)

*The Journal is published under supervision
of the Department of Social Sciences of the RAS*

Editor-in-Chief

A.N. Savenkov,

Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences,
Doctor of Law, Professor

Editorial Council:

V.N. Rudenko, Academician of the RAS (*Chairman*);

O.V. Belyavsky, PhD in Law; V.S. Gruzdev, Doctor of Law; V.I. Zhukov, Academician of the RAS;

V.D. Zorkin, Doctor of Law (St. Petersburg); M.I. Kleandrov, Corresponding Member of the RAS;

A.A. Klishas, Doctor of Law; A.G. Lisitsyn-Svetlanov, Academician of the RAS; N.A. Makarov, Academician of the RAS;

I.M. Ragimov, Doctor of Law (Azerbaijan Republic); S.V. Stepashin, Doctor of Law;

T.Ya. Khabrieva, Academician of the RAS

Editorial Board:

S.A. Avakyan, Doctor of Law; G.G. Arutunyan, Doctor of Law (Republic of Armenia);

S.F. Afanasev, Doctor of Law (Saratov); A.A. Bessonov, Doctor of Law; S.A. Bochkarev, Doctor of Law;

M.M. Brinchuk, Doctor of Law; G.A. Vasilevich, Corresponding Member of the NAS of Belarus; T.A. Vasileva, Doctor of Law;
Bernd Wieser, Doctor of Law, DSc in Philosophy (Republic of Austria); E.V. Vinogradova, Doctor of Law;

A.V. Gabov, Corresponding Member of the RAS; L.V. Golovko, Doctor of Law; V.S. Gorban, Doctor of Law;

E.Yu. Gracheva, Doctor of Law; A.A. Grishkovets, Doctor of Law; E.P. Gubin, Doctor of Law;

A.V. Dzyubak, PhD in Law (*executive secretary*); A.G. Didenko, Doctor of Law (Republic of Kazakhstan);

V.V. Doroshkov, Doctor of Law; Ulrike Davy, Doctor of Law (Germany); I.V. Ershova, Doctor of Law; I.S. Zhudro, Doctor of Law;

V.N. Zhukov, Doctor of Law, DSc in Philosophy; S.V. Zapolsky, Doctor of Law; V.S. Kamenkov, Doctor of Law (Republic of Belarus);
Krisztina Karsai, Doctor of Law (Hungary); A.I. Korobeev, Doctor of Law; N.V. Krotkova, PhD in Law (*Vice-Editor-in-Chief*);

Kuang Zengjun, Doctor of Law (China); A.V. Kudashkin, Doctor of Law; V.V. Kudashkin, Doctor of Law;

Liu Honguan, Doctor of Law (China); S.V. Malikov, Doctor of Law (*Vice-Editor-in-Chief*); I.M. Matskevich, Doctor of Law;

E.V. Mikhailova, Doctor of Law; A.V. Naumov, Doctor of Law; V.B. Naumov, Doctor of Law;

Sreto Nogo, Doctor of Law (Republic of Serbia); E.I. Nosyreva, Doctor of Law (Voronezh);

Plamen A. Panayotov, Doctor of Law (Bulgaria); V.N. Pligin, Doctor of Law; T.A. Polyakova, Doctor of Law;

S.B. Rossinsky, Doctor of Law; A.N. Savenkov, Corresponding Member of the RAS (*Editor-in-Chief*);

R.N. Salieva, Doctor of Law (Kazan); Paola Severino, Doctor of Law (Italian Republic);

A.Yu. Sokolov, Doctor of Law (Saratov); Yanaki B. Stoilov, Doctor of Law (Bulgaria); A.A. Tedeev, Doctor of Law;
V.V. Ustyukova, Doctor of Law; Uwe Hellmann, Doctor of Law (Germany); Wang Zhi Hua, Doctor of Law (China);

S.Yu. Chucha, Doctor of Law; A.I. Chuchaev, Doctor of Law; V.M. Sherstyuk, Doctor of Law;

G.G. Shinkaretskaya, Doctor of Law; B.S. Ebzeev, Doctor of Law; O.A. Yastrebov, Doctor of Law

Address: 10 Znamenka street, 119019 Moscow, Russian Federation

e-mail: gosp право@igpran.ru

<http://gospраво-журнал.ру/>

Moscow

СОДЕРЖАНИЕ

Номер 6, 2024

ИНСТИТУТ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК: НАВСТРЕЧУ СТОЛЕТНЕМУ ЮБИЛЕЮ

Возышение права – миссия С.С. Алексеева (к 100-летию выдающегося правоведа)

М.Ф. Казанцев, В.Н. Руденко

7

* * *

Россия в новых геополитических реалиях: правовой вектор
цивилизационного самоопределения

В.В. Лапаева

33

ФИЛОСОФИЯ ПРАВА

Диалектика в фундаментальной юриспруденции: античные подходы и тенденции
современности

П.Л. Лихтер

44

СУДЕБНАЯ ВЛАСТЬ

О современных проблемах механизма ответственности судей за дисциплинарный
проступок: правоприменительная практика, общие подходы
Часть 3. О дисциплинарной ответственности судей, пребывающих в отставке

М.И. Клеандров

55

СУД, ПРОКУРАТУРА, АДВОКАТУРА, НОТАРИАТ

Административное судопроизводство как процессуальная форма защиты

Е.В. Михайлова

68

ДИСКУССИИ И ОБСУЖДЕНИЯ

Катехизис нормативности: синкетические размышления
о философских основаниях военного права

И.В. Холиков, А.В. Дахин, А.Д. Куманьков, П.Ю. Наумов, Н.С. Новиков

76

В СУБЪЕКТАХ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Особенности поступления на государственную гражданскую службу
в новых субъектах Российской Федерации

М.В. Пресняков

93

ГРАЖДАНСКОЕ И ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЕ ПРАВО

Общее имущество простого товарищества как основа корпоративного хозяйствования

В.А. Лаптев

102

ТРУДОВОЕ ПРАВО И ПРАВО СОЦИАЛЬНОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ

Правовые средства защиты созидающего труда как традиционной российской
духовно-нравственной ценности

С.Ю. Чука

111

УКРЕПЛЕНИЕ ЗАКОННОСТИ И БОРЬБА С ПРЕСТУПНОСТЬЮ

Система мер уголовно-процессуального принуждения: какие признаки указывают на ее существование?

С.Б. Россинский

120

Криминологическая оценка масштабов потребления и оборота наркотиков

В.С. Соловьев

128

В ГОСУДАРСТВАХ – УЧАСТНИКАХ СНГ

Реформа верхней палаты парламента Республики Узбекистан в современных конституционно-правовых условиях: компаративно-правовой анализ основных тенденций

Дж.И. Сафаров

137

ЗА РУБЕЖОМ

Верховный суд США и доктрина «исключение для служителей»

И.А. Пибаев

145

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

Государственное управление в России: «цифровая» трансформация экономики в конце XIX – начале XX в.

А.П. Вершинин

154

НАУЧНЫЕ СООБЩЕНИЯ

Правовое регулирование налогообложения в контексте глобальных климатических проблем

О.И. Лютова

165

Таможенный контроль товаров, перемещаемых в качестве гуманитарной помощи

С.А. Агамагомедова

172

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Российско-китайский круглый стол «Современная юридическая наука и образование в России и Китае»

Н.В. Кроткова

181

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

С.В. Кабышев. Конституция России: традиции прогресса (к 30-летию)

В.Д. Мазаев

201

ПЕРСОНАЛИИ

Члену-корреспонденту РАН, доктору юридических наук, профессору Ю.М. Батурину – 75 лет

206

CONTENTS

Number 6, 2024

INSTITUTE OF STATE AND LAW OF THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES: TOWARDS THE CENTENARY

The rise of law – the mission of S.S. Alekseev (on the 100th anniversary of the outstanding jurist)

M.F. Kazantsev, V.N. Rudenko

7

* * *

Russia in the new geopolitical realities: the legal vector of civilizational self-determination

V.V. Lapaeva

33

PHILOSOPHY OF LAW

Dialectics in fundamental jurisprudence: ancient approaches and modern trends

P.L. Likhter

44

JUDICIAL POWER

On modern problems of the mechanism of judges' responsibility for disciplinary misconduct:
law enforcement practice, general approaches

Part 3. On the disciplinary responsibility of retired judges

M.I. Kleandrov

55

COURT, PROSECUTOR'S OFFICE, BAR, NOTARIAL SYSTEM

Administrative legal proceedings as a procedural form of protection

E.V. Mikhailova

68

DISCUSSIONS AND DEBATES

The catechism of normativity: sincretic reflections on the philosophical foundations of Military Law

I.V. Kholikov, A.V. Dakhin, A.D. Kumankov, P. Yu. Naumov, N.S. Novikov

76

IN SUBJECTS OF THE RUSSIAN FEDERATION

Features of admission to the state civil service in new subjects of the Russian Federation

M.V. Presnyakov

93

CIVIL AND ENTREPRENEURIAL LAW

Common property of a simple partnership as the basis of corporate management

V.A. Laptev

102

LABOR LAW AND SOCIAL SECURITY LAW

Legal means of protecting creative labor as a traditional Russian spiritual and moral value

S. Yu. Chucha

111

STRENGTHENING OF LEGALITY AND STRUGGLE WITH CRIMINALITY

System of criminal measures procedural coercion: what signs indicate for its existence?

S.B. Rossinskiy

120

Criminological assessment of the scale of drug consumption and drug trafficking

V.S. Solov'yev

128

IN THE COUNTRIES – MEMBERS OF THE COMMONWEALTH OF INDEPENDENT STATES

Reform of the Upper house of the Parliament of the Republic of Uzbekistan in modern
constitutional and legal conditions: comparative legal analysis of the main trends

J.I. Safarov

137

ABROAD

The U.S. Supreme Court and the “ministerial exception” doctrine

I.A. Pibaev

145

PAGES OF HISTORY

Public administration in Russia: the “digital” transformation of the economy
in the late XIX – early XX century

A.P. Vershinin

154

SCIENTIFIC REPORTS

Legal regulation of taxation in the context of global climate problems

O.I. Lyutova

165

Customs control of goods transported as humanitarian aid

S.A. Agamagomedova

172

SCIENTIFIC LIFE

Russian-Chinese Round Table “Modern legal science and education in Russia and China”

N.V. Krotkova

181

CRITICISM AND BIBLIOGRAPHY

S.V. Kabyshev. The constitution of Russia: traditions of progress (to the 30th anniversary)

V.D. Mazaev

201

PERSONALIA

Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Law,
Professor Yu. M. Baturin – 75 years old

206

**ВОЗВЫШЕНИЕ ПРАВА – МИССИЯ С.С. АЛЕКСЕЕВА
(к 100-летию выдающегося правоведа)**

© 2024 г. М. Ф. Казанцев*, В. Н. Руденко**

*Институт философии и права
Уральского отделения Российской академии наук, г. Екатеринбург*

*E-mail: kazan.m@mail.ru

**E-mail: rudenko@prm.uran.ru

Поступила в редакцию 05.06.2024 г.

Аннотация. Статья посвящена выдающемуся ученому и организатору науки, правоведу, философу, мыслителю, публицисту, писателю, государственному деятелю, члену-корреспонденту Российской академии наук, доктору юридических наук, профессору Сергею Сергеевичу Алексееву (1924–2013). Прослеживается биография С.С. Алексеева, его ипостаси как теоретика права, цивилиста, философа, организатора науки, публициста, писателя, государственного деятеля, законотворца, дается оценка его вклада в науку, становление современной правовой системы в нашей стране, раскрывается роль в создании Конституции РФ и Гражданского кодекса РФ. В статье процитированы фрагменты ранее не публиковавшихся произведений С.С. Алексеева.

Ключевые слова: С.С. Алексеев, общая теория права, аналитическая теория права, инструментальная теория права, философия права, конституционное право, гражданское право, Институт философии и права УрО РАН, Исследовательский центр частного права, правотворчество, Конституция РФ, Гражданский кодекс РФ.

Цитирование: Казанцев М.Ф., Руденко В.Н. Возвышение права – миссия С.С. Алексеева (к 100-летию выдающегося правоведа) // Государство и право. 2024. № 6. С. 7–32.

DOI: 10.31857/S1026945224060011

**THE RISE OF LAW – THE MISSION OF S.S. ALEKSEEV
(on the 100th anniversary of the outstanding jurist)**

© 2024 M. F. Kazantsev*, V. N. Rudenko**

*Institute of Philosophy and Law,
Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Yekaterinburg*

*E-mail: kazan.m@mail.ru

**E-mail: rudenko@prm.uran.ru

Received 05.06.2024

Abstract. The article is devoted to the outstanding scientist and organizer of science, jurist, philosopher, thinker, publicist, writer, statesman, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Law, Professor Sergey S. Alekseev (1924–2013). The biography of S.S. is traced. Alekseev, his hypostasis as a legal theorist, civilist, philosopher, organizer of science, publicist, writer, statesman, legislator, is evaluated for his contribution to science, the formation of the modern legal system in our country, reveals his role in the creation of the Constitution of the Russian Federation and the Civil Code of the Russian Federation. The article quotes fragments of previously unpublished works by S.S. Alekseev.

Key words: S.S. Alekseev, General theory of law, analytical theory of law, instrumental theory of law, Philosophy of Law, Constitutional Law, Civil Law, Institute of Philosophy and Law of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Research Center for Private Law, lawmaking, Constitution of the Russian Federation, Civil Code of the Russian Federation.

For citation: Kazantsev, M.F., Rudenko, V.N. (2024). The rise of law – the mission of S.S. Alekseev (on the 100th anniversary of the outstanding jurist) // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 6, pp. 7–32.

2024 год – год столетия Сергея Сергеевича Алексеева – ученого и организатора науки, правоведа, философа, мыслителя, публициста, писателя, государственного деятеля, члена-корреспондента Российской академии наук, доктора юридических наук, профессора, почетного доктора (*honoris causa*) Университета Париж-ХII Валь-де-Марн, заслуженного деятеля науки РСФСР, участника Великой Отечественной войны.

Масштаб личности С.С. Алексеева определяется в первую голову тем, что он – выдающийся ученый-правовед, лидер отечественной юридической науки последней трети XX – первого десятилетия XXI в., ученый с мировым именем, чьи фундаментальные идеи в области теории и философии права, конституционализма, частного права существенно обогатили и продвинули вперед науку, сформировали профессиональное мировоззрение многих тысяч юристов, способствовали становлению современной правовой системы в нашей стране, а воплотившись в законах, благотворно повлияли на жизнь людей.

Личность, жизнь и деятельность С.С. Алексеева, конечно, получили (может быть, даже относительно заметное) отражение в литературе. Мы сами, вместе и порознь, тоже не остались в стороне. Но вековой юбилей Сергея Сергеевича Алексеева побуждает нас вновь взяться за перо.

1. Биография

Сам о себе он писал так:

«Кто я такой?

Алексеев Сергей Сергеевич. Русский. Из интеллигенции, “служивых людей”, мещан, земского слоя – статистиков (хотя где-то в дореволюционной,

до 1917 г., дали – из сословия российских коммерсантов, с полуазиатским оттенком – это по отцовской линии). Сейчас есть документы из архивов, в том числе – церковных о моих предках – постарались по своей инициативе мои коллеги из юрфака Орловского университета (они же отвели для моей персоны уголок в университетской комнате “Славы”).

Жил со второго десятилетия XX века до самого его конца, и немножко захватил даже XXI век. Родился в самой старорусской обители – г. Орле, но жил в основном на Урале, в Екатеринбурге, несколько лет в Москве (плюс три года в армии, 1942–1945 гг., в беспощадную, истребительную войну, названную “Великой Отечественной”; сразу после демобилизации – опять Урал). Правовед. Преподавал право. Написал десятка три книг по юриспруденции, ряд учебников, множество статей, чуть задевая при этом философию, другие материи, строил какие-то свои проекты по реформированию общества (три самые крупные книги этого плана – “Восхождение к праву” – 2002, “Линия права” – 2006, “Право собственности” – 2006–7). Из наследия самая значительная – Лауреат Госпремии (таких из нашей сферы науки были только двое – акад. А. Венедиктов и моя персона). Во время крушения коммунистического строя, в конце 1980 – начале 1990-х гг., оказался рядом с властью, даже чуть-чуть включаясь в нее, кажется, что-то сделал по проповедованию демократии, права, духовных ценностей. Не исключено, что зернышки и осколки всего этого останутся какое-то время в памяти людей, в книгах, может быть, в жизни. Есть и в Конституции (1993 г.), а также в Гражданском кодексе России (1993–2007), некоторые реализованные идеи, формулы, собственноручно написанные фразы. Через категории “конструкции”, собственность в их новых трактовках (2006 г.), некоторые другие попытались вывести юриспруденцию на уровень передовой, даже околоматематической науки. После терактов в США в сентябре 2001 г. попытался сопротивляться унижению правоведения, впрочем, не очень успешно (оказывается, чуть ли не все уповают просто на “силу”).

Что еще? Пожалуй, могу сказать, что точка в точку совпадают с моей жизнью известные слова поэта. Кажется, так – Блажен, кто посетил сей мир // в его минуты роковые...»¹.

¹ Алексеев С.С. Страницы моей жизни. О пережитом. Фрагменты. Екатеринбург (Свердловск) – СПб., 1996–2007 // Архив Н.С. Алексеевой и И.С. Алексеевой. 35 л.; цит. текст на л. 3–4. Подлинник на бумажном носителе набран на компьютере; не опубликован.

Сказано сжато, емко, содержательно. И все же добавим сведений к биографической канве С.С. Алексеева.

Корни. Сергей Сергеевич Алексеев родился 28 июля 1924 г. в г. Орле.

Предки по отцовской линии² имели корни в г. Ливны³ Орловской губернии (ныне – Орловской области). *Отец* – Алексеев Сергей Николаевич (1897–1990) родился в Ливнах, в 1915 г. окончил местное реальное училище, поступил в Путейский институт в Петрограде, в 1916 г. по студенческому призыву был призван на военную службу, участвовал в Первой мировой войне, в 1919–1920 гг. в рядах Красной армии принимал участие в Гражданской войне, с 1921 г. работал в сфере статистики в г. Орле. *Дед* – Алексеев Николай Федорович (1862–1933) был мещанином г. Ливны, позже купцом. *Бабушка* – Алексеева (урожденная Кожухова) Пелагея Акимовна (~1875–?); ее отец Кожухов Аким Иовлевич (*прадед* С.С. Алексеева) был ливенским купцом. *Прадед* – Алексеев Федор Максимович (~1832–1906), ливенский мещанин. *Прабабушка* – Алексеева Татьяна Никитична. *Прапрадед* – Алексеев Максим Абрамович (~1804–?). *Прапрабабушка* – Алексеева Надежда Федоровна. *Прапрапрадед* – Алексеев Абрам.

Предки С.С. Алексеева по материнской линии⁴ были родом из Орла. *Мать* – Алексеева (урожденная Неретина) Наталья Никифоровна (1900–1987) родилась в г. Орле, в разные годы работала

² Сведения о предках С.С. Алексеева по отцовской линии взяты из следующих источников: Ревизская сказка мещан города Ливны 1858 года // Государственный архив Орловской области (ГАОО). Ф. 760. Д. 355. Л. 98 об., 99; Метрическая книга Воскресенской церкви 1893 года // Там же. Ф. 101. Оп. 2. Д. 2280. Л. 30 об., 31; Метрическая книга Воскресенской церкви 1897 года // Там же. Д. 2284. Л. 36 об., 37; Метрическая книга Воскресенской церкви 1906 года // Там же. Д. 2293. Л. 60 об.; Алексеев С.Н. [Письмо Председателю СНК СССР, 1938 г.] // Государственный архив административных органов Свердловской области (ГААОСО). Ф. 1. Оп. 2. Д. 26977. Т. 2. Л. 7 об.–54; Его же. Автобиография, 1935 г. // Там же. 3 л.

³ Примечательный факт – нынешний директор Института государства и права РАН Александр Николаевич Савенков родился в г. Ливны Орловской области.

⁴ Сведения о предках С.С. Алексеева по материнской линии взяты из следующих источников: Алфавитная книга работников просвещения учебных заведений города Орла за 1926 год // ГАОО. Ф. 189. Оп. 2. Д. 65. Л. 85 об., 87; Списки преподавателей советских школ города Орла за 1928–1932 годы // Там же. Оп. 1. Д. 73. Л. 12; Д. 81. Л. 6 об.; Д. 83. Л. 1 об.; Д. 98. Л. 4 об.; Списки преподавателей Орловской частной гимназии М.В. Гиттерман за 1909, 1911–1913 годы // Там же. Ф. 493. Оп. 1. Д. 103. Л. 50 об.; Д. 127. Л. 12 об.; Памятная книжка и адрес-календарь Орловской губернии на 1905 г. Орел, 1905. С. 91, 102; Памятная книжка и адрес-календарь Орловской губернии на 1915 год. Орел, 1914. С. 50, 51, 57, 58; Памятная книжка и адрес-календарь Орловской губернии на 1916 год. Орел, 1916. С. 54, 55, 58.

химиком-аналитиком, заместителем декана. *Дед* – Неретин Никифор Никифорович (1871–1961) родился в г. Орле, был преподавателем музыки и пения. *Прадед* – Неретин Никифор.

То, что С.С. Алексеев родился и воспитывался в семье русской земской интеллигентии, многое объясняет. Известно, что определяющее влияние на формирование человека с первых лет жизни оказывают семья, ближайшее окружение. Именно в родительской семье был заложен мощный нравственный фундамент личности будущего ученого. По признанию самого С.С. Алексеева, обстановка в семье дала ему на всю жизнь заряд духовных ценностей.

Детство. Первые детские годы Сергея Алексеева прошли в г. Орле. В четырехлетнем возрасте в 1928 г. (по другим данным – в 1929 г.) он с родителями переехал в Свердловск. Переезд был вызван ликвидацией органов статистики Орловской губернии, где работал его отец.

Будущий правоведрос «домашним», интеллигентным мальчиком, читал наизусть Брюсова и Блока. По признанию самого Сергея Сергеевича, в драки лезть ему не очень хотелось, но уж если случалось... Бывало по-всякому – и победы, и поражения.

На детские годы Алексеева выпала подлинная трагедия – в 1937 г. арестовали и Особой тройкой осудили его отца на 10 лет по обвинению в контрреволюционных преступлениях. Когда отца арестовали, Сергею было 12 лет, он учился в 5-м классе Тургеневской школы № 2 г. Свердловска. По словам самого С.С. Алексеева, события 1937 г. были для него потрясением, они стали одним из самых важных фактов жизни, сформировавших его как личность.

В 1937 г. закончилось беззаботное детство. В 1941-м, вместе с началом войны, закончилась юность. Школу он окончил только в 1942 г.

Война. Как сыну «врага народа» С.С. Алексееву грозила труда мия. Однако в военкомате он настоял, чтобы его отправили на фронт. До отправки на фронт Алексеев около двух месяцев проучился в Уральском индустриальном институте (ныне – Уральский федеральный университет).

Военную службу С.С. Алексеев начал в августе 1942 г. в 44-й запасной бригаде. Затем – кратковременная учеба в Камышловском пехотном училище и непродолжительная служба в 225-м армейском запасном стрелковом полку. С февраля 1943 г. Алексеев воевал в составе 133-го отдельного дорожно-эксплуатационного батальона⁵ командиром отделения на Волховском, Ленинградском и Карельском фронтах, был контужен.

⁵ См.: ЦАМО. Ф. 8520. Оп. 35121с. Д. 4.

Солдат Алексеев воюет. А в это время (если точнее – 19 августа 1944 г.) его мать Наталья Никифоровна пишет письмо народному комиссару внутренних дел, просит разобраться в деле репрессированного мужа: «Я и сын мой верим, т. Берия, что Вы своим глубоким сердцем поможете в окончательном разрешении дела моего мужа. Сын мой сейчас на передовых позициях, участвовал в прорывах на Волховском и Карельских фронтах, сейчас он пишет, что находится на марше. Он комсомолец, был два месяца студентом, но был призван в Армию в 1942 г.»⁶.

Боевой путь С. С. Алексеев закончил в апреле 1945 г. Последним местом его службы была Москва, где после Карельского фронта стояла, а затем расформировывалась его часть. Именно оттуда после демобилизации в звании сержанта он вернулся в Свердловск.

Студенчество. И сразу (точнее 8 декабря 1945 г.) поступил в Свердловский юридический институт (ныне – Уральский государственный юридический университет), сначала – на вечернее отделение, откуда затем (на 1-м же курсе) был переведен на дневное.

Учился студент Алексеев легко и успешно, получал стипендию им. И. В. Сталина. По его словам, учиться ему было «не просто – очень просто». Он сразу же обнаружил интерес к гражданскому праву, теории права, науке. Занимался в кружке теории и истории государства и права, был председателем студенческого научного общества.

Особое влияние в студенческие годы на Алексеева оказали видные цивилисты с дореволюционным образованием: профессора Александр Маркович Винавер и Борис Борисович Черепахин.

Первый послевоенный набор студентов 1945 г. в Свердловский юридический институт оказался на редкость «урожайным» на будущих ученых-юристов. Вместе с С. С. Алексеевым учились еще пятеро будущих докторов юридических наук, профессоров, в числе которых Василий Степанович Якушев (зав. кафедрой хозяйственного права Свердловского юридического института, заслуженный юрист РСФСР) и Валентин Карлович Мамутов (академик Национальной академии наук Украины, академик Академии правовых наук Украины, заслуженный деятель науки и техники Украины).

Свердловский юридический институт С. С. Алексеев окончил с отличием в 1949 г. и сразу поступил в аспирантуру института, где под руководством проф. Б. Б. Черепахина подготовил и досрочно защитил кандидатскую диссертацию по гражданскому праву.

⁶ Алексеева Н. Н. [Письмо народному комиссару внутренних дел СССР от 19 августа 1944 г.] // ГААОСО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 26977.

Институт. Дальнейшая преподавательская и научная карьера С. С. Алексеева в Свердловском юридическом институте связана сначала с кафедрой гражданского права (с 1952 г.), а затем – теории государства и права (с 1961 по 1988 г.). Все ступени профессионального роста были пройдены – кандидат наук: преподаватель, старший преподаватель, доцент; доктор наук: зав. кафедрой теории государства и права, профессор. Этот путь был пройден быстро – за 10 лет (к 1962 г.).

Последующие 27 лет С. С. Алексеев заведовал кафедрой теории государства и права Свердловского юридического института. За это время написаны фундаментальные новаторские монографии по теории права, учебники по теории государства и права, десятки статей, получены ордена, звания, премии, обретено прочное имя в науке, завоевано всеобщее признание в научном юридическом сообществе как теоретика права № 1 в Советском Союзе. Казалось бы, куда дальше. Но...

Главные дела Правоведа Алексеева были еще впереди, и путь к ним лежал через Академию наук.

Академия. В марте 1988 г. С. С. Алексеев, за несколько месяцев до того избранный членом-корреспондентом Академии наук СССР, возглавил вновь созданный Институт философии и права Уральского отделения Академии, организацией которого сам и занимался. Под руководством С. С. Алексеева институт энергично начал свою научную жизнь.

Власть. И тут – новый поворот в профессиональной деятельности и в целом в жизни С. С. Алексеева, поворот, связанный с общественно-политическими процессами в стране. В начале 1989 г. начал формироваться высший орган государственной власти – Съезд народных депутатов СССР, в том числе путем избрания депутатов от общественных и научных организаций, включая Академию наук. Председатель Уральского отделения Академии наук академик Г. А. Месяц настоятельно порекомендовал С. С. Алексееву баллотироваться в народные депутаты СССР.

После многочисленных, порой драматических процедур (начиная с выдвижения кандидатуры С. С. Алексеева коллективом Института философии и права и кончая избранием на Общем собрании Академии наук СССР) С. С. Алексеев в марте 1989 г. стал народным депутатом СССР.

С началом работы в мае 1989 г. I Съезда народных депутатов СССР наступил новый, теперь уже московский, этап жизни и деятельности – «хождение во власть». После выступления 6 июня на I Съезде, заседания которого транслировались по телевидению, началась общесоюзная известность С. С. Алексеева и как знаменитого публичного правоведа, и как государственного деятеля.

Деятельность С.С. Алексеева на крупных государственных должностях, прежде всего в должности Председателя Комитета Верховного Совета СССР по вопросам законодательства, законности и правопорядка, а затем в должности Председателя Комитета конституционного надзора СССР, была плодотворной и полезной. Впервые научный теоретический потенциал С.С. Алексеева нашел адекватное его таланту практическое применение.

Дело. После распада СССР и прекращения вследствие этого деятельности Комитета конституционного надзора СССР С.С. Алексеев вплотную занялся организацией Исследовательского центра частного права, возглавив его Совет. В это время за несколько лет было сделано много важнейших дел, и среди них в высшей степени значимая для правоведа работа – участие в создании Конституции РФ и Гражданского кодекса РФ.

В феврале 1993 г. С.С. Алексеев назначен членом Президентского совета, а в ноябре того же года утвержден членом Комиссии по правам человека при Президенте РФ. Но уже в марте 1996 г. С.С. Алексеев по своей инициативе оставил Совет и Комиссию (в связи с событиями в Чечне) и вернулся в Екатеринбург (Свердловск). На этом закончилось его «хождение во власть» и в целом семилетний московский период жизни и деятельности.

Екатеринбург. В родном Екатеринбурге С.С. Алексеев вновь в полную силу занялся любимым делом – наукой и преподаванием. В течение 15 лет он писал монографии, статьи, другие произведения (и не только научные), читал лекции в Российской школе частного права, созданной по его же инициативе.

Санкт-Петербург. 6 ноября 2011 г. Сергей Сергеевич с женой Зоей Михайловной в связи с ухудшающимся здоровьем переехали к дочерям Надежде и Ирине в Санкт-Петербург. Последние полтора года жизни он провел среди родных, многочисленных внуков и правнуок. И продолжал творить. Задумал новую книгу с названием «XXI век. Торжество права». Но успел только наметить ее предварительную структуру, которая (в ред. на 17 июля 2012 г.) позволяет судить о замысле книги:

«Вводная глава. Прозрение

Часть первая. Исходное: самое святое, что есть у Бога на земле

Часть вторая. Продолжение: разработка ряда идей права в современную эпоху:

- 1) Право – достойный предмет высокой науки;
- 2) Глубинные закономерности;
- 3) Развитое право – основа и путь в свободное процветающее общество»⁷.

⁷ XXI век. Торжество права. [Предварительная структура книги. Редакция на 17 июля 2012 г.] / С.С. Алексеев.

12 мая 2013 г. на 89 году жизни С.С. Алексеев умер. Погребен на Овчинском кладбище (Ленинградская область, Всеволожский район, Свердловское городское поселение). Удивительно. Сергей Сергеевич очень любил Свердловск. И вот теперь с названием его любимого города перекликается адрес его вечного пристанища.

Сам – о главном, что удалось сделать в жизни, он написал так:

«Возможно – главное, по моему разумению, из того, что мне удалось сделать в жизни (может быть, наиболее значимое все же о собственности, 2006?). И это – не научные звания и титулы, и тем более – не должности и посты, которые мне довелось занимать в краткую и такую бурную пору жизни в столице. И даже не какие-то реальные дела того времени (хотя в общем-то на ниве государственных дел мне довелось быть у истоков и собственного парламентского законодательства – есть даже день и час 31 июля 1989 г., когда стали творить законы с а м и “без политбюро”, сделать первые шаги конституционного правосудия – в Комитете конституционного надзора, и быть зачинщиком создания основополагающих законов страны – Конституции, Гражданского кодекса).»

Главное – в том, что к концу жизни удалось выйти на важнейшую, верю – ключевую, грань понимания важнейшего института общества – права. И что, быть может, рано или поздно должно породить “взрывной эффект” в науке. А еще, быть может, скажется, возьмусь предположить, на судьбе людей, людского будущего. (А чуть позже, в 2006 г., еще на одну грань – право собственности, где конструкции оказались только намечеными.)

Во всем этом, по-видимому, важны подробности. И сами по себе как отзвуки и свидетельства тогдашнего времени. А еще более – как повод и данные для размышлений о сложных ходах и зигзагах человеческой мысли, ее долгом, трудном, витиеватом, порой тягостном пути и неожиданных выходах на великие человеческие ценности. Есть здесь, как мне показалось, даже некие предзнаменования, или даже такие ситуации, когда после долгих блужданий по желтоватой гальке оказывается, что перед тобой по научным критериям – нечто такое, что близко к “чистому золоту”...»⁸.

Здесь к сказанному – ни прибавить, ни убавить.

2. Ипостаси

Деятельность С.С. Алексеева чрезвычайно многогранна. Все ипостаси его деятельности значимы, проявились масштабно и ярко. Не претендую на охват всех Алексеевских ипостасей, сосредоточим здесь внимание на С.С. Алексееве как ученом (теоретике, цивилисте, конституционалисте, философе), организаторе науки, публицисте, писателе, мемуаристе, государственном деятеле, законотворце, туристе.

Ученый. И все же С.С. Алексеев прежде всего ученый – правовед и философ. Им опубликовано

[Санкт-Петербург] // Архив Н.С. Алексеевой и И.С. Алексеевой. 3 л. (цит. текст на л. 3). Рукопись; не опубликована.

⁸ Алексеев С.С. Страницы моей жизни. О пережитом. Фрагменты. Л. 17 (фрагмент публикуется впервые).

более 500 произведений по проблемам теории государства и права, гражданского, конституционного права и философии права, в том числе свыше 80 книжных изданий (не считая коллективных учебников и других работ). Его труды широко признаны и являются выдающимся вкладом в развитие юридической науки. Более 10 книг издано за рубежом.

И раз уж зашла речь о наукометрии, скажем, что в базе данных РИНЦ (Российский индекс научного цитирования) на июнь 2024 г. у С.С. Алексеева индекс Хирша равен 71⁹ – один из самых высоких в стране по юридическим, да и в целом по общественным (гуманитарным), наукам.

Как правовед С.С. Алексеев творил в различных сферах юридической науки, занимался многими видами юридической деятельности. Но более всего он известен как теоретик права, цивилист и конституционалист.

Теоретик. Главные научные достижения С.С. Алексеева как правоведа лежат в области теории права. Любовь к теории права у него зародилась еще в студенческие годы. В мае 1949 г. студент 4-го курса Свердловского юридического института Сергей Алексеев руководством вуза был рекомендован для поступления в аспирантуру Института права АН СССР (так тогда назывался Институт государства и права РАН) по теории государства и права. Но обстоятельства сложились так¹⁰, что свой путь в науке С.С. Алексеев начал с гражданского права. Именно по этой специальности на кафедре гражданского права Свердловского юридического института им были защищены кандидатская¹¹ и докторская¹² диссертации (соответственно в 1952 и 1960 гг.). И только после перехода в 1961 г.

⁹ См.: Научная электронная библиотека eLIBRARY. RU // <https://www.elibrary.ru/authors.asp> (дата обращения: 03.06.2024).

¹⁰ По свидетельству самого С.С. Алексеева, не хватило денег на билет в Москву (см.: Алексеев С.С. Интервью порталу Закон.ру // Алексеев С.С. Свобода ценою в жизнь: мемуары. Екатеринбург, 2012. С. 15).

¹¹ См.: Алексеев С.С. Акцептная форма расчетов между социалистическими организациями по советскому гражданскому праву: дис. ... канд. юрид. наук / науч. рук. Б. Б. Черепахин. Свердловск, 1951; Его же. Акцептная форма расчетов между социалистическими организациями по советскому гражданскому праву: автореф. дис. ... канд. юрид. наук / науч. рук. Б. Б. Черепахин. Свердловск, 1952. Защита состоялась 21 марта 1952 г. в Совете Свердловского юридического института.

¹² См.: Алексеев С.С. Предмет советского социалистического гражданского права. Свердловск, 1959 (Общ. тит. л.: Свердл. юрид. ин-т им. А.Я. Вышинского. Учен. труды. Серия «Гражданское право». Т. 1). Диссертация на соискание ученой степени д-ра юрид. наук по теме «Предмет советского социалистического гражданского права» была защищена С.С. Алексеевым 9 июня 1960 г. в Совете Ленинградского государственного университета по данной монографии без оформления отдельного текста диссертации.

на кафедру теории государства и права, причем сразу на должность зав. кафедрой, С.С. Алексеев смог в полную силу заняться теорией права.

Уже в первые годы обнаружил себя фирменный Алексеевский подход к освоению теории права, определяющими чертами которого стали основательность, системность, масштабность. Наряду с глубокой монографической разработкой отдельных теоретико-правовых проблем¹³ С.С. Алексеев пишет полную, детализированную «Общую теорию социалистического права» в четырех выпусках (1963–1966)¹⁴. До этого в Советском Союзе одним автором не выпускалась столь объемная (почти 900 страниц) общая теория права, о чем свидетельствует библиография по теории государства и права за 1917–1968 гг.¹⁵

Спустя пять лет С.С. Алексеев развел успех двухтомником «Проблемы теории права» (1972–1973)¹⁶, который, по нашей оценке, на долгие годы стал самым популярным и цитируемым изданием по общей теории права, да, пожалуй, и вообще юридическим изданием.

Наконец, еще через 10 лет он выпускает двухтомную «Общую теорию права» (1981–1982)¹⁷. Это масштабное, фундаментальное произведение представляет собою результат разработки С.С. Алексеевым общей теории права за 20-летний период¹⁸. Как выяснилось позже, оно, по сути, подытожило развитие общей теории права всей советской эпохи.

После смены эпох, а точнее по завершении «хождения во власть» С.С. Алексеев вернулся к интенсивной научной работе, в том числе к теоретическому постижению права, но уже на новом витке.

¹³ См.: Алексеев С.С. Общие теоретические проблемы системы советского права. М., 1961; Его же. Механизм правового регулирования в социалистическом государстве. М., 1966; Его же. Социальная ценность права в советском обществе. М., 1971.

¹⁴ См.: Алексеев С.С. Общая теория социалистического права (Курс лекций): учеб. пособие: в 4 вып. Свердловск, 1963. Вып. 1: Введение. Сущность социалистического права; вып. 2: Нормы права и правоотношения; 1964. Вып. 3: Правовые акты; 1966. Вып. 4. Применение права. Наука права.

¹⁵ См.: Кулажников М.Н. Теория государства и права. Библиография 1917–1968. М., 1969.

¹⁶ См.: Алексеев С.С. Проблемы теории права: курс лекций: в 2 т. Свердловск, 1972. Т. 1: Основные вопросы общей теории социалистического права; 1973. Т. 2: Нормативные юридические акты. Применение права. Юридическая наука (правоведение).

¹⁷ См.: Алексеев С.С. Общая теория права: курс в 2 т. М., 1981–1982.

¹⁸ Сюда следует добавить не упоминавшиеся ранее монографии: Алексеев С.С. Структура советского права. М., 1975; Его же. Право и наша жизнь. М., 1978; Его же. Общие дозволения и общие запреты в советском праве. М., 1989. Было, конечно, множество научных статей по различным проблемам теории права, но упомянуть здесь хотя бы некоторые из них нет возможности.

Начиная с 1993 г. выходит целая серия книг С. С. Алексеева, в которых он ищет и развивает новые подходы к общетеоретическому осмыслению права¹⁹. Серию завершила монография «Восхождение к праву» (2001)²⁰, которая стала итогом всей многолетней работы С. С. Алексеева по теоретическим проблемам права.

Пытаясь оценить вклад С. С. Алексеева в теорию права (а более чем на попытку мы не претендуем), прежде всего следует сказать о его видении системы общетеоретических правовых знаний. Представления об этой системе наиболее интенсивно развивались им в постсоветский период поиска новых подходов к общетеоретическому осмыслению права и в итоговом виде сложились в монографии «Восхождение к праву». В компактном обобщенном изложении они таковы.

Целостная система общетеоретических правовых знаний состоит из двух звеньев – общей теории права и философии права. Общая теория права включает два уровня – аналитическую общую теорию права и инструментальную общую теорию права. Оба эти уровня общетеоретических правовых знаний не конкурируют друг с другом, не перекрывают друг друга. Каждый из них занимает свою нишу, свое достойное место в системе общей теории права, каждый по-своему, но в одинаковой мере важен для решения практических задач и для достижения права, его особенностей и «секретов». Философия права представляет собой наиболее высокую по научеведческому уровню ступень теоретического осмысления права, но при этом не является уровнем (аспектом) общей теории права. Таким образом, теоретическое познание права осуществляется на трех последовательных уровнях:

во-первых, на уровне аналитической общей теории права;

во-вторых, на уровне инструментальной общей теории права;

в-третьих, на уровне философии права.

Аналитическая общая теория права раскрывает элементы, атомы доктрины права как системы юридических норм, их внутреннее строение, формы, действие и фиксирующую эти «элементарные

¹⁹ См.: Алексеев С. С. Теория права. М., 1993; *Его же. Философия права. История и современность. Проблемы. Тенденции. Перспективы*. М., 1997; *Его же. Самое святое, что есть у Бога на земле. Иммануил Кант и проблемы права в современную эпоху*. М., 1998; *Его же. Право. Азбука. Теория. Философия. Опыт комплексного исследования*. М., 1999; *Его же. Право на пороге нового тысячелетия. Некоторые тенденции мирового правового развития – надежда и драма современной эпохи*. М., 2000; *Его же. Теория права: поиск новых подходов: учеб. пособие*. Екатеринбург, 2000.

²⁰ См.: Алексеев С. С. Восхождение к праву. Поиски и решения. М., 2001.

частицы» права как нормативного явления в единых для всех юридических дисциплин понятиях. По своему научеведческому профилю аналитическая общая теория права остается в рамках юридического позитивизма, доктрины права (отторгая с точки зрения строго научных подходов существующие в теории позитивного права крайности, в том числе претензии быть некоей конечной «философией» реальной юридической материи, – то, на что предстает кельзенская концепция нормативизма).

Инструментальная общая теория права основана на инструментальном подходе и призвана с опорой на качество определенности права, на весь комплекс правовых средств освещать более глубокие пластины правовой материи (в связи и в динамике всех ее элементов), ее специфическую логику и особенности как институционального образования, ее структуру, свойства, механизмы, функционирование, направления и типы правового воздействия на жизнь общества. Инструментальная общая теория права представляет собой новую, наиболее высокую ступень правовой науки в общетеоретической плоскости, вплотную примыкающую к вершине теоретических знаний по правоведению – философии права.

Философия права характеризуется как область знаний о праве в жизни людей, в человеческом бытии, призванная дать мировоззренческое объяснение права, его смысл и предназначение для людей, каждого человека, обосновать его под углом зрения сути человеческого бытия, существующей в нем системы ценностей. Философия права как составная часть правоведения – это завершающее звено целостной системы общетеоретических правовых знаний, где реализуются и развиваются на философском уровне данные предшествующих ступеней, в особенности данные о специфической логике права, и на этой основе разрабатывается собственная философско-правовая проблематика²¹.

Выделяя периоды научно-теоретического творчества С. С. Алексеева и преломляя их сквозь призму его вышеописанных представлений о трехуровневом теоретическом осмыслении права, можно сказать, что советский период (1950–1991) был посвящен разработке аналитической общей теории права (которая по временной привязке является советской теорией права²²), а постсоветский (1992–2013) – помимо того, также инструментальной общей теории права и философии права.

Алексеевские теоретико-правовые разработки советского и постсоветского периодов

²¹ См.: Алексеев С. С. Восхождение к праву: поиски и решения // Алексеев С. С. Собр. соч.: в 10 т. [+ Справоч. том]. М., 2010. Т. 6. С. 80–82, 309, 310.

²² О феномене советской теории права см.: там же. С. 38–42.

не антагонизируют друг с другом. Постсоветские разработки не дезавуируют, не порочат, не отвергают «советские» разработки только из-за времени их появления. Но они уточняют и развиваются прежние результаты исследований в рамках аналитической общей теории права (т.е. в рамках юридического позитивизма, догмы права). И они осмысливают право на новых уровнях его познания – уровнях инструментальной общей теории права и философии права. Вместе с тем советская эпоха не могла не наложить свой идеологический отпечаток на советское правоведение, и С.С. Алексеев здесь не исключение.

С.С. Алексеев так сказал о своей собственной оценке той исследовательской работы в области права, которую ему довелось провести в советское время:

«Замечу сразу, в моих работах той поры немало такого, что должно уйти в прошлое. И что навсегда останется для меня предметом горечи, стыда, очищения и покаяния²³. Но было в работах правоведов того времени и другое. Наряду с той показушной мишурой, цитатной обязаловкой, слепым преклонением перед коммунистическими идолами, которых не избежали и мы, молодые правоведы (в немалом числе – недавние солдаты Отечественной войны), решающим в моей работе и судьбе стал сам факт возвышения и даже возвеличивания права, и в еще большей степени – знакомство с ним через отработанный понятийный аппарат, а затем погружение в материю права, ее тонкие, подчас ювелирные связи и соотношения – поразительные юридические конструкции. Тем более – поскольку речь идет о моей персоне – что этот импульс веры и настрой на овладение тонкостями материи права был сообщен при первых же шагах в научных исследованиях моими учителями, профессорами дореволюционного времени Б.Б. Черепахиным и А.М. Винавером, да и самим предметом моих творческих увлечений – цивилистикой, гражданским правом. Эти же романтические начала и некоторые знания тонкостей правовой материи помогли в не менее тяжкие (и такие счастливые!) годы начавшихся в нашей стране перемен, когда на мою долю выпало участие в первых шагах, неуверенных и драматичных, по созданию истинных правовых основ жизни нашего общества. Именно вера в Право, а также настрой на овладение тонкостями юридической материи позволили и в обстановке тоталитарного режима (во многом, скажу еще раз, благодаря интеллектуальной силе цивилистики и наставничеству моих учителей) встать на путь углубленного рассмотрения права как объективной реальности, а отсюда его структуры, ценности, механизма правового регулирования, – всего того, что ныне в результате дальнейших творческих поисков выводит на новые подходы к праву, на понимание его главных особенностей и ценностей, его – будем верить – ключевой роли в настоящем и будущем людей, всего человеческого сообщества»²⁴.

Главная заслуга Алексеева-теоретика советского периода – это, на наш взгляд, создание полной,

²³ Мы не знаем, кто бы еще из правоведов, живших и творивших в советскую эпоху, так откровенно и даже беспощадно высказывался о своих работах той поры.

²⁴ Алексеев С.С. Восхождение к праву: поиски и решения. Т. 6. С. 552.

системной, детально структурированной общей теории права, нашедшей воплощение сначала в четырехтомной «Общей теории права» (1963–1966), затем в двухтомной «Проблемах теории права» (1972–1973) и наконец, в двухтомной «Общей теории права» (1981–1982). Научная ценность этой алексеевской теории права не утрачена по сию пору, а следовательно, ее значимость простирается за пределы советской эпохи. Ее завершающая версия – двухтомная «Общая теория права» является вершиной развития теории права советского времени.

Научная значимость, ценность теоретико-правовых исследований С.С. Алексеева постсоветского периода заключена прежде всего в результатах поиска новых подходов к праву, которых он достиг при рассмотрении права как объективной реальности, в самой материи которого заложена специфическая логика, целеустремленная к свободе человека, его неотъемлемым правам, их обеспечению, при понимании права в высших его значениях как права человека, при характеристике права с мировоззренческих позиций как феномена Разума и высоких истинно человеческих начал²⁵.

Труды С.С. Алексеева по теории права как советского, так и постсоветского периодов активно, массово используются юридическим сообществом, и не только научным. Показательно, что в базе данных РИНЦ первые четыре места по количеству цитирований занимают его теоретические книги. Первое место – место самого цитируемого юридического произведения – занимает «Общая теория права» (на июнь 2024 г. – более 8600 ссылок на первое двухтомное издание 1981–1982 г. и однотомное переиздание 2008 г.) с многократным отрывом от произведений других авторов. Эти данные, надо полагать, свидетельствуют, что С.С. Алексеев остается самым известным, популярным и востребованным теоретиком права, да и вообще правоведом – правоведом № 1 в России.

С.С. Алексеев является основателем уральской научной школы в теории государства и права, в рамках которой разрабатываются проблемы социальной ценности права, механизма правового регулирования, применения права и др. В числе его многочисленных учеников И.Я. Дюрягин, С.В. Запольский, В.Б. Исаков, В.М. Корельский, В.Д. Перевалов, Н.Н. Тарасов, С.А. Хохлов, Н.А. Шайкенов.

Цивилист. Как уже было сказано, учеба в московской аспирантуре по теории государства

²⁵ Означенные результаты будут далее рассмотрены подробнее при характеристике монографии «Восхождение к праву», в которой эти результаты нашли наиболее завершенное и развернутое выражение.

и права сорвалась. Казалось бы, неудача. Но нет. Вот как об этом пишет спустя более 60 лет сам С.С. Алексеев:

«Неудача, связанная с перспективой поехать в аспирантуру в Москву, как это бывает иной раз в жизни, обернулась небывалой удачей: я остался в своем родном институте, сразу же был принят в аспирантуру по гражданскому праву, вошел в состав мощного коллектива специалистов по гражданскому праву под руководством Бориса Борисовича Черепахина. И это во многом определило мою последующую жизнь, скажу больше – мою судьбу».

Как было отмечено ранее, на кафедре гражданского права Свердловского юридического института им были защищены кандидатская диссертация об акцептной форме расчетов (1952) и докторская – о предмете гражданского права (1960). Примечательно, что докторская диссертация С.С. Алексеева стала первой из своеобразной серии из трех докторских диссертаций, защищенных немногим более чем за десятилетие цивилистами Свердловского юридического института по ключевым проблемам теории гражданского права: вторая – Октября Алексеевича Красавчикова о науке гражданского права (1961) и третья – Вениамина Федоровича Яковлева о методе гражданского права (1972).

Кроме монографии о предмете гражданского права (по которой защищалась докторская диссертация) С.С. Алексеев (в сущности, еще молодой ученый) за короткое время опубликовал (причем в главном юридическом издательстве страны!) еще две книги по гражданско-правовой тематике: «Гражданская ответственность за невыполнение плана железнодорожной перевозки грузов» (1959)²⁶ – его самая первая опубликованная монография и «Гражданское право в период развернутого строительства коммунизма» (1962)²⁷ – отклик на XXI Съезд КПСС, провозгласивший вступление Советского Союза в период развернутого строительства коммунизма.

В последующие примерно 30 лет С.С. Алексеев был сосредоточен в основном на теории права (положение зав. кафедрой теории государства и права обязывало). К гражданско-правовой тематике он вернулся только ближе к 90-м годам – сначала как законодатель (в бытность Председателя Комитета по законодательству Верховного Совета СССР), а после оставления государственных должностей – как ученый, но опять-таки в немалой степени в контексте законопроектных работ²⁸.

²⁶ См.: Алексеев С.С. Гражданская ответственность за невыполнение плана железнодорожной перевозки грузов. М., 1959.

²⁷ См.: Алексеев С.С. Гражданское право в период развернутого строительства коммунизма. М., 1962.

²⁸ В это время из-под пера С.С. Алексеева, в частности, вышли: Алексеев С.С. Гражданское право в современную эпоху

Наиболее крупной (не только по размеру) своей цивилистической работой постсоветского периода С.С. Алексеев считал книгу по теории права собственности (не случайно она в течение трех лет вышла тремя изданиями с переработкой и дополнениями и включена в Собрание сочинений). В этой книге ученый, по его словам, «предпринял попытку положить в основу рассмотрения вопросов собственности философские положения, которые *связывают наше миропонимание с человеком, его разумом и свободной волей*, и с этих позиций обосновать взгляд на собственность (право собственности) как на величайшее человечества и одновременно как на остро проявившуюся в последние годы трагедию человеческого бытия»²⁹.

Научные труды Алексеева-цивилиста теоретически выверены, что естественно, ибо не могли не испытать влияния Алексеева-теоретика. Они востребованы научным сообществом и практикой. Примером могут служить объемная, фундаментальная монография о предмете гражданского права и еще не упоминавшаяся здесь сравнительно небольшая, но столь же фундаментальная статья об односторонних сделках³⁰. Труды С.С. Алексеева по гражданскому праву стали классикой российской цивилистики, о чем свидетельствует недавно изданный том его избранных произведений в одноименной серии³¹.

Заслуги С.С. Алексеева перед цивилистикой заключены не только в написании научных трудов. Ученый сыграл поистине выдающуюся роль в возрождении частного права, цивилистики в России. Продуманность и четкость, с какой он действовал на этом поприще, впечатляют. Судите сами:

во-первых, была разработана стратегия в виде утвержденной Указом Президента РФ программы «Становление и развитие частного права в России». Научным руководителем программы стал сам С.С. Алексеев;

(Заметки и постановка проблемы). Екатеринбург, 1999; *Его же. Частное право: науч.-публицист. очерк*. М., 1999; *Его же. Право собственности. Проблемы теории*. Екатеринбург, 2006; 2-е изд., перераб. и доп. М., 2007; 3-е изд., перераб. и доп. М., 2008; перепеч. с 3-го изд.: Алексеев С.С. Собр. соч. в 10 т. [+ Справоч. том]. Т. 4. С. 323–514.

²⁹ Алексеев С.С. Право собственности. Проблемы теории. 3-е изд., перераб. и доп. М., 2008. С. 5.

³⁰ См.: Алексеев С.С. Односторонние сделки в механизме гражданско-правового регулирования // Сборник научных трудов. Вып. 13: Теоретические проблемы гражданского права / науч. ред. С.С. Алексеев, О.А. Красавчиков. Свердловск, 1970. С. 46–63.

³¹ См.: Алексеев С.С. Частное право. Избранное. М., 2024 (Классика российской цивилистики).

во-вторых, созданы организации-исполнители – Исследовательский центр частного права при Президенте РФ, Российская школа частного права, Институт частного права (в Екатеринбурге);

в-третьих, к выполнению программы привлечены квалифицированные ученые, из числа которых особо следует выделить Станислава Антоновича Хохлова и Александра Львовича Маковского;

в-четвертых, заложены законодательные основы в виде нового Гражданского кодекса РФ (о роли С.С. Алексеева в создании Гражданского кодекса дальше будет сказано особо).

Конечно, С.С. Алексеев больше известен как теоретик права. И сам он скорее всего позиционировал себя прежде всего как теоретика. Но при всем при том главным делом своей жизни он считал (и затвердил это письменно) «возрождение правовой науки, гонимой в сталинское время, – цивилистики»³².

Конституционалист. С.С. Алексеев – нетипичный конституционалист. Начать с того, что он, «кадровый» теоретик права и цивилист, занялся проблемами конституционного права, если можно так выразиться, «по необходимости». Сначала в связи с деятельностью на посту Председателя Комитета конституционного надзора СССР (или даже еще раньше, участвуя в разработке законопроекта об этом комитете), а затем, совсем вплотную, – в связи с разработкой проектов Российской Конституции (участие С.С. Алексеева в подготовке этих проектов далее будет освещено подробно в рубрике «Законотворец»).

Разработка любого значительного законопроекта требует серьезного научного обеспечения. Тем более – Конституции. И тем более – Конституции РФ в переломное для страны время. Поэтому подготовка конституционного законопроекта стала для С.С. Алексеева мощным побудителем, катализатором его научного творчества в сфере конституционализма.

Результаты этого творчества воплотились в положения двух конституционных проектов (альтернативного проекта «Алексеева – Собчака» и президентского проекта «Алексеева – Шахрая»³³) и в глубокую конституционно-правовую теорию,

³² Алексеев С. С. Страницы моей жизни. О пережитом. Фрагменты. Л. 22.

³³ Об этих проектах, в том числе данные об их опубликовании, см. рубрику «Законотворец».

нашедшую отражение в ряде книг³⁴, статей³⁵ и докладов (выступлений)³⁶.

Главный научный результат С. С. Алексеева в области теории конституционного права заключается, на наш взгляд, в разработке концепции Конституции Человека, положенной в основу подготовки альтернативного проекта Конституции. В целом виде эта концепция представлена в книге «У истоков Конституции России». В компактном изложении ее контуры таковы.

Существо концепции Конституции Человека сводится к тому, чтобы создаваемый конституционный документ стал такой Конституцией, в соответствии с которой человек – с его высоким достоинством и неотъемлемыми правами – возвысился над властью и стал центром государственно-правовой жизни страны.

Среди фундаментальных, базисных основ (и соответствующих юридико-конструктивных начал), отвечающих концепции Конституции Человека, выделяются следующие две из них, тесно, органично между собой связанные. Это:

во-первых, принципиальное качественное упорядочение государственной власти. То есть в соответствии с замыслом Конституции должна быть учреждена власть, имеющая строгие правовые очертания, ограничения, при которых она не была бы способной по самой своей природе подавлять человека, – такой, когда бы она находилась под эгидой права в обществе, где доминируют начала самоуправления, «своей» собственности, высоких духовных критериев;

во-вторых, определяющая роль в государственно-правовой жизни института и культуры прав человека. Приоритетное положение прав и свобод человека по своим истокам – фактор духовно-нравственного, гуманистического порядка. Права и свободы человека должны стать первом Конституции, своего рода камертоном всей конституционной инфраструктуры – стержнем, который определяет самую суть государства. Самое существенное заключается здесь в том, что подобное построение не просто обуславливает строго конституционную определенность государственной власти, недопустимость ее произвольных действий, но и решает коренную проблему власти в условиях современной демократии – ставит человека, его достоинство, высокий

³⁴ См., напр.: Алексеев С.С. Уроки. Тяжкий путь России к праву. М., 1997. С. 79–118; *Его же*. У истоков Конституции России. Субъективные заметки. Екатеринбург, 2009.

³⁵ См., напр.: Алексеев С. Неправда. Ответ критикам президентского проекта Конституции // *Известия*. 1993. 15 мая; *Его же*. Право России. Некоторые соображения научного свойства, которые, возможно, окажутся полезными при обсуждении новой Конституции // *Независимая газ.* 1993. 25 мая.

³⁶ См.: Алексеев С. С. [Выступление на пленарном заседании Конституционного совещания о замечаниях и предложениях по проекту Конституции и его концептуальных положениях, 5 июня 1993 г.] // Конституционное совещание. Стенограммы, материалы, документы. 29 апреля – 10 ноября 1993 г. / под общ. ред. С.А. Филатова, В.С. Черномырдина, С.М. Шахрая и др. М., 1995. Т. 2. С. 16–21; *Его же*. [Выступление на заседании рабочей комиссии по доработке проекта Конституции Российской Федерации с оценкой проекта Конституции (по состоянию на 12 июня 1993 г.), 15 октября 1993 г.] // Там же. М., 1996. Т. 18. С. 77–80.

статус и неотъемлемые права над властью. А это и есть то главное, что в конечном счете как раз и придает Конституции качество, соответствующее наиболее высоким современным требованиям конституционной культуры, – фактически делает ее Конституцией Человека³⁷.

Конституционно-правовые теоретические разработки С. С. Алексеева вызваны, обусловлены и продиктованы реальными практическими задачами, прежде всего задачами конституционного правотворчества (и этим отличаются, заметим в скобках, от массы публикаций «чистых» конституционалистов; кстати, еще примечательный факт: все разработчики альтернативного проекта Конституции РФ – С. С. Алексеев, А. А. Собчак, Ю.Х. Калмыков, С.А. Хохлов – цивилисты.).

Для характеристики Алексеева-конституционалиста важно сказать, что его конституционно-правовые идеи реализованы частично, но реализованы в действующей Конституции РФ (через ее президентский проект). Наверное, можно сожалеть, что реализованы только частично. Сожаление, однако, будет не столь острым, если понимать, что Конституция – результат взаимодействия многих факторов и сил. И научно-юридическое влияние на Конституцию является далеко не решающим, особенно на последних этапах создания ее проекта. Но если действующая Конституция и испытала на себе влияние правоведов (конечно, испытала!), то, думается, наибольшее – С. С. Алексеева.

Философ. Большинство теоретических произведений С. С. Алексеева имеет серьезное философское обоснование. Философский фундамент присущ как общей теории права, так и отдельным теоретическим трудам по проблемам общих доводений и общих запретов, вопросам государства и права, основам конституционного строя, работам общемировоззренческого характера.

Философские взгляды С. С. Алексеева претерпели существенную эволюцию с конца 1980-х до конца 1990-х годов. Это была эволюция от классических марксистских философских представлений, согласно которым экономический базис общества определяет надстройку, составными частями которой являются государство и право в их классовом понимании, к более общим и глубинным воззрениям на происхождение и сущность права, базирующимся на наследии немецкой классической философии, прежде всего на трудах Иммануила Канта³⁸. В постсоветский период научного творчества

³⁷ См.: Алексеев С. С. У истоков Конституции России. Субъективные заметки. С. 17–30.

³⁸ К наиболее известным философским работам С. С. Алексеева следует отнести: Алексеев С. С. Самое святое, что есть у Бога на земле. Иммануил Кант и проблемы права в современную эпоху // Алексеев С. С. Собр. соч. Т. 5; Его же. Философия права // Там же. Т. 7. С. 9–320; Его же. Вселенная и человек.

ученый обратился к общим проблемам бытия человека и наличия разума во вселенной.

Само собой разумеется, что философское осмысление действительности у С. С. Алексеева самым тесным образом связано с проблемами права. Преодолевая марксистскую догматическую парадигму «базиса и надстройки», С. С. Алексеев в своем наиболее философском, на наш взгляд, произведении «Самое святое, что есть у Бога на земле. Иммануил Кант и проблемы права в современную эпоху»³⁹ стремится обнаружить основания права в противоречивом человеческом разуме и человеческой свободе. Вслед за И. Кантом он показывает, что человек – единственное разумное существо, способное действовать свободно. Но история свободы как дела рук человеческих начинается со зла из-за злоупотребления собственным разумом. Человеческое своеолие ведет к величайшей свободе, а значит, к постоянному антагонизму между всеми членами общества. Наиболее отвратительными чертами этого антагонизма являются неблагодарность, зависть, злорадство⁴⁰, ведущие к насилию и беззаконности. По существу, С. С. Алексеев солидаризируется здесь с Кантом в том, что величайшая свобода есть атрибут общества и она должна наличествовать в нем. Но с оговоркой – наличествовать при определении и сохранении границ этой свободы, сопряженной со свободой других⁴¹. В таком случае право есть антитеза насилию, антитеза всеразрушающему праву силы. Причем, как это ни парадоксально, право есть безальтернативная антитеза. Образным выражением данного парадокса выступает гипотетическая ситуация, когда весь народ состоял бы из дьяволов: стремление к самосохранению влечет необходимость верховной власти права⁴².

Таким образом, объективная логика развития человеческого общества подводит его к правовому состоянию и неизбежности права, главными функциями и назначением которого в восходящем развитии человеческого рода являются «определение

Попытка понимания (фрагменты) // Там же. Т. 9. С. 260–267; Его же. Отдельные философские заметки // Там же. С. 268–278; Его же. Восхождение к праву. Поиски и решения // Там же. Т. 6. С. 8–553; Его же. Два имени // Там же. Т. 9. С. 8–22.

³⁹ «Самое святое, что есть у Бога на земле» – самое значимое философское произведение С. С. Алексеева. Именно в нем он наиболее ярко проявился как философ. Эта книга вышла в 1998 г. Через 15 лет издана повторно. Вошла в т. 5 Собрания сочинений. Иммануил Кант – любимый философ С. С. Алексеева. И связанную с Кантом книгу он считал своим любимым научным детищем.

⁴⁰ См.: Алексеев С. С. Самое святое, что есть у Бога на земле. Иммануил Кант и проблемы права в современную эпоху. Т. 5. С. 37–44.

⁴¹ См.: там же. С. 44.

⁴² См.: там же. С. 90, 91.

и сохранение границ» свободы⁴³. Назначение права в кантовском его понимании, которое импонирует С.С. Алексееву, состоит в том, чтобы «определить каждому свое и оградить его от посягательств каждого другого, когда центром правового регулирования становится определяемое правом и защищаемое законом свое»⁴⁴. Свобода, основанная на законе – вот в чем смысл и предназначение права. Эти фундаментальные кантовские идеи выражают суть философских исканий и в конечном счете мировоззренческих взглядов самого С.С. Алексеева. И в данном случае необходимо отметить следующие заслуги ученого в области философии.

Во-первых, он первый в отечественной науке глубоко и системно проанализировал взгляды И. Канта по вопросам права и показал, что философия права Канта – один из неотъемлемых и определяющих элементов органической системы философских воззрений немецкого мыслителя, нисколько не уступающий этической проблематике. Одновременно наряду с немногими исследователями в мире С.С. Алексеев выявил и обосновал наличие кантовской правовой доктрины. Ко времени написания книги «Самое святое, что есть у Бога на земле...» созвучные идеи получили обоснование в работах К. Риттера (Ritter, 1971), Г. Штольца (Stoltz, 1972), Ф. Каульбаха (Kaulbach, 1982), В. Буша (Busch, 1979), Б. Людвига (Ludwig, 1988), В. Керстинга (Kersting, 1984)⁴⁵. Но было немало противников данного подхода. Примечательно, что и в наши дни теоретические доводы в пользу наличия рафинированной концепции права И. Канта, лежащей в основе моральных и других законов общества, остаются малоизученными в обширной кантовской литературе. В силу чего новые книги по теме могут восприниматься как первоходочные⁴⁶.

Между тем С.С. Алексеев приводит веские аргументы в пользу наличия кантовской философии права и ее значения для современной эпохи. Кратко охарактеризовав критический метод философа, выработанный в ходе известного «коперниковского переворота» в философии, произошедшего в конце XVIII столетия, С. С. Алексеев

⁴³ См.: Алексеев С.С. Самое святое, что есть у Бога на земле. Иммануил Кант и проблемы права в современную эпоху. Т. 5. С. 46.

⁴⁴ Там же. С. 47.

⁴⁵ См.: Аронсон Д.О. Кант: трансцендентальное обоснование принципов права: дис. ... канд. филос. наук. М., 2015. С. 7.

⁴⁶ Так, в одном из комментариев к книге Э. Уоткинса «Кант о законах» утверждается, что данная книга является первым монографическим исследованием, полностью посвященным кантовской теории права в целом (см.: *Uygar Abaci*. [2020.02.15]. Eric Watkins, Kant on Laws. Cambridge University Press, 2019. URL: <https://ndpr.nd.edu/reviews/kant-on-laws/> (дата обращения: 05.05.2024)).

опровергает тезис об отсутствии, неосновательности или размытости по иным сюжетным линиям фундаментальных философских представлений кенигсбергского мыслителя по правовой проблематике. Вопреки бытующим в философской среде подобного рода оценкам, характеризующим высказывания Канта по правовым вопросам как попутные, С.С. Алексеев обосновывает прямо противоположную посылку, а именно приводит доводы в пользу того, что философия права стала исходной точкой для последующего написания кантовской «Критики чистого разума» и других его ставших классическими произведений⁴⁷. При этом немецкий философ проявляет себя как знаток тонкостей юридической терминологии и римского права. Не воплощенная в специальном обобщающем труде философия права Канта не только латентно присутствует в трех его «Критиках», но, как показывает С.С. Алексеев, представлена в явном виде в целой серии специальных работ. Им основательно охарактеризованы эти труды Канта через три временных и содержательных слоя⁴⁸, что представляет большой интерес для читателя. Как резюмирует С.С. Алексеев, в статьях и трактатах Канта «содержится разработанная цельная философская концепция права, в которой реализовались его представления о мироздании, разуме, истории и перспективах развития человеческого рода, идеалы либеральной цивилизации...»⁴⁹. Недооцененная и не осмысленная в достаточной мере до настоящего времени правовая составляющая кантовской философии приобретает огромное значение для развития современного общества, в котором ценность права является приоритетом.

Во-вторых, в развитие кантовских идей С.С. Алексеев показал и обосновал ценность права в обществе, особенно на современном этапе его развития. Для этого он глубоко переосмыслил и, по существу, вновь ввел в научный оборот категории «чистое право» и «право человека». «Чистое право» С. С. Алексеев рассматривает в качестве содержания права, важнейшего продукта чистого разума и высшего выражения духовной культуры. «В реальной, практической жизни людей, общества существует только один институт, который в сфере регулирования (управления) способен <...> сделать разум соответствующим самым высоким показателям, т.е. чистым. Это – право <...>»⁵⁰. Таким образом, данная категория представляет своего рода священный идеальный образ, который должен

⁴⁷ См.: Алексеев С.С. Самое святое, что есть у Бога на земле. Иммануил Кант и проблемы права в современную эпоху. Т. 5. С. 20, 21.

⁴⁸ См.: там же. С. 28–30.

⁴⁹ Там же. С. 30.

⁵⁰ Там же. С. 177, 178.

стать образцом для практического действия, для воплощения фундаментальных принципов права в развитии общества. «Право человека» («право людей») является, по Алексееву, взаимосвязанной с «чистым правом» категорией, характеризующей право в гражданском обществе наряду с такими институциональными образованиями, как государство, религиозными институтами, объективированными формами духовной жизни, науки, искусства. «Право человека», иными словами, – явление объективного права, связанного с законом и правосознанием, существующее в качестве институционального образования, центрированного на общественной ценности человека и обеспечивающего его свободу⁵¹.

В-третьих, и здесь мы подошли к главному: в философских трудах С.С. Алексеева рефреном звучит основная идея – в праве доминирующее значение имеет феномен свободы⁵². Право – это обитель свободы⁵³, оно – регулятор границ свободы людей, соотнесенной со свободой всех «других»⁵⁴. Последовательно проводя эту философскую идею, С.С. Алексеев признает в Канте мыслителя, давшего наиболее глубокое философское обоснование современному либерализму⁵⁵. С либерализмом и идеей свободы сам Сергей Сергеевич связывает перспективы развития современного общества – демократического и правового. На многих страницах своих произведений он акцентирует внимание на «современных либеральных цивилизациях»⁵⁶, «цивилизационно-либеральном развитии»⁵⁷, а современный исторический этап развития общества характеризует в качестве «либеральной эпохи в жизни людей» или «эпохи либеральной цивилизации»⁵⁸. С.С. Алексеев ярко характеризует современную эпоху как эпоху либеральных цивилизаций в § 2 «Почему Кант?» гл. 1 своего труда «Самое святое, что есть у Бога на земле...». Отвечая на сформулированный им вопрос: «Почему Кант?», – автор произведения очерчивает особенности времени жизни И. Канта и дает характеристику новой эпохи, в которую человечество вступило реально после Французской революции. Тем

⁵¹ См.: Алексеев С.С. Самое святое, что есть у Бога на земле. Иммануил Кант и проблемы права в современную эпоху. Т. 5. С. 82, 211–221.

⁵² См.: там же. С. 218.

⁵³ См.: там же. С. 54.

⁵⁴ Там же. С. 129.

⁵⁵ См.: там же. С. 110.

⁵⁶ Там же. С. 78, 79, 112.

⁵⁷ Там же. С. 178.

⁵⁸ Там же. С. 184, 215–217, 220, 240, 257, 331 и др. Об этом же С.С. Алексеев многократно упоминает в своей фундаментальной работе «Восхождение к праву», в других книгах и статьях.

самым философией права Канта анализируется С.С. Алексеевым не столько в контексте немецкой классической философии, сколько в глобальном эпохальном европейском и мировом ее значении. С.С. Алексеев показывает значимость идей Канта для прошлой и современной либерально ориентированной мысли. В отношении права она проявляется в идее права человека как объективного права, в разрешительном характере самого права, в необходимости развития правового общества.

В этой связи философские интересы ученого концентрируются на проблемах правового состояния общества – он размышляет о грядущем «всемирном правовом обществе» на уровне мирового сообщества⁵⁹. Большое внимание уделяет вопросам культуры свободы, возвышения правового статуса гражданина посредством постепенного перехода от правового обеспечения его субъективных прав к всеобъемлющему объективному праву человека⁶⁰. Выработанная философская методология реализуется им и при разработке сугубо юридической тематики: не случайно он уделяет большое внимание вопросам договорного права, проблематике дозволительного правового регулирования. Примечательно, что дозволительное право С.С. Алексеев считает одним из признаков либеральных цивилизаций и именует его правом современного гражданского общества⁶¹.

В настоящее время либерализм, неолиберализм и последователи либеральной политики в нашей стране часто подвергаются критике. В либерализме усматривают причину неудач в социальной и экономической сферах общества. Представляется все же, что либеральные идеи ничем себя не дискредитировали. Зачастую порочна практика реализации этих идей, фундированная на субъективной их интерпретации, на что, кстати, обращал внимание и сам С.С. Алексеев. Он отмечал, что либеральные ценности, представления о них понесли в нашем Отечестве потери. «Самая существенная и горестная из таких потерь – *утрата в представлениях людей приоритетного значения главной, исходной категории свободы – права и ответственности человека с а м о м у решать свои дела и свою судьбу*»⁶². Более того, свободная активность человека получила уродливое выражение – вылилась в стремление

⁵⁹ См.: там же. 259–263.

⁶⁰ См.: там же. С. 253–258.

⁶¹ См.: там же. С. 240. Созвучные идеи были выражены С.С. Алексеевым и ранее, в 1989 г.: общедозволительный порядок «является прямым и органичным выражением ныне расширяющейся глубокой социальной свободы, воплощающегося в ней на новом уровне общечеловеческого и общедозволительного начала» (см.: Алексеев С.С. Общие дозволения и общие запреты в советском праве. С. 132.).

⁶² Там же. С. 351.

к обогащению любой ценой, а в сфере государственного строительства нашла воплощение в номенклатурно-клановой системе отношений, представляющей собой антипод либеральной модели правления. Подобного рода оценка практики реализации идеи верховенства права, утверждения права как абсолютной социальной ценности, права человека и иных своих философских идей С.С. Алексеев сохранил до конца своей жизни. Об этом он с горечью писал в работе «Крушение права»⁶³. Как и предполагал ученый, судьба либеральных ценностей в России долгое время будет оставаться неопределенной с возможным попытным движением. Однако он был убежден в прочном правовом устройстве страны в будущем⁶⁴.

Поэтому либералистские, по сути, идеи С.С. Алексеева сохраняют свою актуальность и в наши дни. Идеи С.С. Алексеева и других юристов с либеральными взглядами находят воплощение в современных конституциях и, что важно, в теоретических моделях конституционного устройства, закрепляющихся в правосознании и в практике государственного строительства множества стран мира⁶⁵.

Организатор науки. С.С. Алексеев – крупный организатор науки. Созданные при его решающем участии Институт философии и права Уральского отделения РАН и Исследовательский центр частного права при Президенте РФ добились (в первые годы после создания – под руководством С.С. Алексеева) крупных научных результатов. В рамках одобренной Президентом РФ программы «Становление и развитие частного права в России», научным руководителем которой С.С. Алексеев являлся в 1994–2013 гг., успешно действует Российская школа частного права (институт), выпустившая уже не одну тысячу магистров частного права – специалистов высшей квалификации.

Институт философии и права. 23 мая 2014 г. на церемонии открытия мемориальной доски С.С. Алексееву на здании Уральского государственного юридического университета мы подошли к В.Ф. Яковлеву, разговорились. И Вениамин Федорович раскрыл ранее неведомый нам важный эпизод истории создания Института философии и права (в котором на момент разговора один из нас работал директором, а другой – зав.

⁶³ Алексеев С.С. Крушение права. Полемические заметки // Алексеев С.С. Собр. соч. Т. 7. С. 497–514.

⁶⁴ См.: Алексеев С.С. Самое святое, что есть у Бога на земле. Иммануил Кант и проблемы права в современную эпоху. Т. 5. С. 357–361.

⁶⁵ Данная модель в явном виде представлена в фундаментальной работе венгерских исследователей А. Шайо и Р. Уитц (см.: Шайо А., Уитц Р. Конституция свободы. Введение в юридический конституционализм. М., 2021).

отделом права; впрочем, и сейчас тоже, только с некоторыми изменениями в должностях). Оказывается, предложение заняться организацией института и затем возглавить его сначала поступило В.Ф. Яковлеву. С.С. Алексееву примерно в то же время предложили директорский пост давно действовавшего Всесоюзного научно-исследовательского института советского законодательства (ВНИИСЗ) (ныне – Институт законодательства и сравнительного правоведения (ИЗиСП)). Они обсудили ситуацию и решили, что Алексеев, не желая уезжать из любимого Свердловска, мог бы заняться организацией академического института на Урале, а Яковлев не прочь был поехать в Москву и возглавить ВНИИСЗ. С таким обменом согласились, и С.С. Алексеев приступил к организации института.

Как директор-организатор института С.С. Алексеев взял на себя основную тяжесть работы по организации данного института («потратил уйму времени и сил на организацию первого на Востоке академического института философии и права»⁶⁶), прежде всего по формированию его научного коллектива. Он собрал вокруг себя коллектив молодых перспективных юристов (среди них Д.Н. Сафиуллин, Н.А. Шайкенов, А.П. Семитко), философов, социологов.

Коллектив института (точнее, желающие влиться в коллектив института) стали собираться на еженедельные теоретические семинары с осени 1987 г., т.е. задолго до его официального учреждения 1 марта 1988 г. С.С. Алексеев сразу установил продолжительность семинаров – один час и ни минутой больше. Укладывались. Семинары проводились в старом здании Свердловской высшей партийной школы, пока институту не выделили собственное здание, и какое – бывший странноприимный дом Ново-Тихвинского женского монастыря, объект культурного наследия.

Совсем недавно из неопубликованных записок С.С. Алексеева открылись удивительные подробности, связанные с этим зданием. Вот что он пишет:

«После ареста отца – по нужде, лаборантской зарплатки нам с мамой не хватало, вот и делал что-то подсобное в горном академическом институте, потом уже с налетом романтики участие коллектором в двух геологоразведочных экспедициях (в 1941 г. в Вишневые горы, в начале 1942 г. – в Оренбургскую область), наконец, – уже совсем что-то

⁶⁶ Алексеев С.С. Круг замкнулся. Повесть о праве // Алексеев С.С. Собр. соч. Т. 4. С. 163. Об истории создания Института философии и права Сергей Сергеевич рассказывал также в интервью И.Б. Фан (см.: «Восхождение к праву»: интервью с чл.-кор. РАН С.С. Алексеевым. К 15-летию Института философии и права УрО РАН / подгот. и провела И. Фан // Научный ежегодник Института философии и права УрО РАН / отв. ред.: А.В. Гайда, В.Н. Руденко, К.В. Киселев. Екатеринбург, 2004. Вып. 4. С. 5–7).

серьезное, чуть ли ни научное – кружок по геологоразведке Горного (учебного) института.

И вот в памяти запечатлелся аккуратный двухэтажный домик “с башенкой”. На первом этаже в самом углу дома – магазин. А где-то на втором этаже в одной из комнат проходили занятия кружка, который вел преподаватель института (шкала Мооса, “залегание пластов”, какие-то еще премудрости).

Прошли десятки лет. От школьных геологоразведочных увлечений остался лишь “романтический осадок” – самодеятельный туризм во всех его замечательных многоцветиях. А в профессиональных делах главным стало преподавание в Свердловском юридическом институте и книги по праву. В конце 1980-х гг. возобновились ранее предпринимаемые не раз попытки перетащить меня в Академию, на этот раз я сдался, и в 1986–1987 гг. началась хлопотная работа по организации Института философии и права с чудовищным количеством всякого рода трудных или вообще не решаемых организационных проблем.

Одна из таких проблем – здание для Института. Вновь хлопоты, хождения в Обком, Облисполком, письма в разные инстанции.

Проблема решилась – нежданно. После какого-то (кажется, внешне удачного) моего выступления на областной конференции, проводимой в Областной партакадемии с присутствием верхушки местного партийного ареопага, ректор из своего кабинета на верхнем этаже партийной академии, зная о моих хлопотах, подвел к окну и показал на крохотное с высоты рядом стоящее здание:

– Вот только что проектное бюро выехало, в общем, здание-то должно отойти к нам, но пока договаривайтесь с Обкомом, размещайтесь... Присутствующие при том обкомовские начальники закивали головами. Прошла неделя-другая, новые хлопоты и бумаги, и вот мы впрямь владеем небольшим, аккуратным особняком. Перед ремонтом я обошел здание. Предчувствие, которое смутно промелькнуло еще в кабинете ректора, оказалось верным.

Да-да. Это оказался домик “с башенкой”. Тот самый, в котором в далекие-далекие детские годы проходили занятия по минералогии. Как раз в этой самой “башенке” я разместил свой начальствующий кабинет⁶⁷.

Во время ремонта домика «с башенкой» сотрудники института устраивали субботники по уборке помещений от строительного мусора. Сохранилась фотография с одного из таких субботников. На ней среди группы сотрудников запечатлен и Сергей Сергеевич в футболке и спортивных трикотажных штанах. Коллектив заехал в свое здание. Торжественное открытие состоялось летом 1988 г.

Решено было не создавать в институте постоянных подразделений (отделов, секторов). Вместо них были организованы подвижные проблемные группы по направлениям исследований (в числе правоведческих – такие как «Право и личность», «Право и экономика»). Было создано только одно научное юридическое подразделение традиционного типа – лаборатория правовой информации.

Об организации и становлении Института философии и права мы знаем не понаслышке, поскольку

⁶⁷ Алексеев С.С. Страницы моей жизни. О пережитом. Фрагменты. Л. 21 (цитированный фрагмент публикуется впервые).

являемся сотрудниками с его основания (и, к слову, по сей день). Институт в первые годы был подобен здоровому, растущему организму, в котором все прекрасно – острый ум, требовавший выхода и признания и находивший их в многочисленных дискуссиях и публикациях; душа, проникнутая свежестью и теплотой взаимоотношений между коллегами в рабочее и в нерабочее время; юное «тело» (средний возраст сотрудников не превышал тогда 30 лет). Слова С.С. Алексеева о том, что самое ценное в ученом – профессионализм и человеческие качества, причем на первом месте всегда стояли человеческие качества – порядочность, душевная щедрость, умение сопереживать беду и радость. Они воспринимались коллективом как нравственная установка. Институт довольно быстро стал известен в научных и общественных кругах (в немалой степени благодаря своему директору).

По первоначальному замыслу С.С. Алексеева, Институт философии и права должен был стать первым в стране научным учреждением по гражданскому праву, по воссозданию в стране высокой цивилистической культуры⁶⁸. Обстоятельства, однако, не благоприятствовали этому. Через год с небольшим после начала работы Института в связи с избранием народным депутатом СССР от Академии наук СССР, последующим избранием в Верховный Совет СССР и на должность Председателя Комитета по законодательству С.С. Алексеев был вынужден убыть в Москву. Государственные дела почти полностью захватили его. Вследствие этого стала ощущаться нехватка непосредственного (на месте) интеллектуального и организационного воздействия директора на процесс становления молодого института. «К сожалению, – писал позже Сергей Сергеевич, – мое перемещение, пусть и временное, в столицу и связанные с этим кадровые и тематические сложности, когда наиболее видные из моих коллег по разным причинам покинули институт, а другие мои коллеги стали сосредоточиваться на региональной проблематике (кульминация ее – образование “Уральской республики”)⁶⁹, – все это помешало реализации этого замысла»⁷⁰.

⁶⁸ См.: Алексеев С.С. Уроки. Тяжкий путь России к праву // Алексеев С.С. Собр. соч. Т. 4. С. 112.

⁶⁹ В начале 1990-х годов Институт философии и права, откликаясь на запросы времени, занимался, помимо прочего, разработкой научно-правовых основ регионального правотворчества, подготовил ряд проектов законов Свердловской области, других правовых актов, принял участие как основной разработчик в подготовке проекта Конституции Уральской Республики, а позднее проекта Устава Свердловской области. С тех пор правовые проблемы федерализма, регионального правотворчества и законодательства стали одним из основных направлений научных исследований Института философии и права. – Прим. авторов.

⁷⁰ Алексеев С.С. Уроки. Тяжкий путь России к праву. Т. 4. С. 112.

При всем при том Институт философии и права состоялся как научная организация и благодарен своему основателю и первому директору. Институт тоже сыграл свою роль в судьбе С.С. Алексеева. Ведь московский взлет его карьеры как государственного деятеля, выдающаяся роль в создании Конституции и Гражданского кодекса стали возможными после избрания народным депутатом СССР, в которые он был выдвинут от Академии наук СССР как директор Института философии и права его коллективом.

После оставления в 1992 г. должности директора Института философии и права (по своей инициативе в связи с отвлечением на московские дела) С.С. Алексеев занял должность главного научного сотрудника, в которой пребывал (в составе отдела права, по совместительству) до самого конца.

В последние годы мы вдвоем от коллектива Института ходили к Сергею Сергеевичу домой поздравлять с Днем Победы. Он скромно, но рассказывал о фронтовых буднях (запомнился эпизод о том, как солдат Алексеев со своим подразделением на водил переправу, работая по пояс, а то и по грудь в ледяной воде). Надевал свою бережно сохраненную с военной поры пилотку и тут же приободрялся. В последнюю встречу 8 мая 2011 г. Сергей Сергеевич после какой-то паузы в разговоре неожиданно тихим, как всегда, голосом произнес: «Неизбежное воспринимаю спокойно». Мы не нашлись, как отреагировать на эти слова. Впереди у Сергея Сергеевича оставалось два Девятых Мая, уже в Санкт-Петербурге, последний – в больнице.

Исследовательский центр частного права. Идея научного учреждения для обеспечения разработки общих правовых вопросов Советского Союза, правовых основ общесоюзного экономического пространства возникла у С.С. Алексеева еще в бытность его Председателем Комитета конституционного надзора СССР (вскоре после путча в августе 1991 г.). Сначала вынашивался замысел о создании Института правовых проблем при Государственном Совете СССР, причем был уже подготовлен пакет документов, в который вошли Концепция работы Института, проект Постановления Государственного Совета СССР об образовании Института и проект Положения об Институте⁷¹. Из этих документов следовало, что Институт замышлялся как орган авторитетных правоведов-профессионалов, призванный с научной профессионально-юридической стороны обеспечивать выработку единого права Союза, а директором Института планировался сам С.С. Алексеев, причем с оставлением поста Председателя

⁷¹ Эти документы хранятся в архиве Исследовательского центра частного права (далее – Архив ИЦЧП).

Комитета конституционного надзора СССР (известно, что Сергей Сергеевич тяготился властью, хотел расстаться с нею и целиком отдаваться науке).

Ближе к ноябрю произошла коррекция замысла: вместо Института правовых проблем было решено создавать Межреспубликанский исследовательский центр частного права. Президент СССР М.С. Горбачев поддержал инициативу С.С. Алексеева и 27 ноября 1991 г. Государственный Совет СССР принимает постановление № ГС-22 «О Межреспубликанском исследовательском центре частного права»⁷², которым одобряет создание Межреспубликанского центра. Уже 30 ноября 1991 г. Президент СССР своим распоряжением № РП-2934⁷³ создает Межреспубликанский исследовательский центр частного права и утверждает его Совет, в который вошли председатель Совета – С.С. Алексеев, заместитель председателя – Ю.Х. Калмыков, правовые советники – Ю.Г. Басин, В.А. Дозорцев, Л.И. Левитин, А.Л. Маковский, Х.А. Рахманкулов, Д.Н. Сафиуллин, М.К. Сулейменов, Е.А. Суханов, Г.К. Толстой, О. Усманов, С.А. Хохлов, Я.Н. Шевченко. К 20 декабря 1991 г. Межреспубликанский центр выдает свой первый научный продукт – Макет-схему Гражданского кодекса республики⁷⁴. Но для Межреспубликанского исследовательского центра этот продукт оказался и последним, так как с прекращением Советского Союза в декабре 1991 г. центр утратил свою юридическую основу.

В числе других союзных органов власти прекратил свое существование и Комитет конституционного надзора СССР. «Все решилось само собой. И никаких попыток расставания с властью больше и не надо»⁷⁵. Путь к новому делу был полностью открыт. Но сначала надо было решить, как центру вновь обрести прочный юридический фундамент.

В сложившейся ситуации выход был один – Межреспубликанскому исследовательскому центру частного права перейти под юрисдикцию РСФСР. И способ решения был тоже один – тот, который

⁷² См.: Ведомости Верховного Совета СССР. 1991. № 50, ст. 1426.

⁷³ См.: Ведомости Верховного Совета СССР. 1991. № 50, ст. 1430.

⁷⁴ См.: Гражданский кодекс республики. Макет-схема. Рабочий вариант от 20 дек. 1991 г. Подготовлена в нояб. – дек. 1991 г. коллективом Межреспубликанского исследовательского центра частного права в составе: С.С. Алексеев, Ю.Г. Басин, М.И. Брагинский, В.А. Дозорцев, А.Л. Маковский, В.Ф. Прозоров, Х.-А. Рахманкулов, Д.Н. Сафиуллин, Е.А. Суханов, Ю.К. Толстой, С.А. Хохлов, В.Ф. Чигир (см.: Архив ИЦЧП); частично опубл.: Закон. 1992. № 1. С. 69–82). Состав коллектива указан в справке исполнительного директора ИЦЧП С.А. Хохлова, подписанной в 1996 г. без указания точной даты (см.: там же).

⁷⁵ Алексеев С. С. Демон бодрствует. Повесть о власти // Алексеев С.С. Две повести. О праве. О власти. Екатеринбург, 2002. С. III.

и реализовал С.С. Алексеев: 25 декабря 1991 г. он встречается с Президентом РСФСР Б.Н. Ельциным⁷⁶ и убеждает его взять Центр под российское крыло. Распоряжением Президента РСФСР от 27 декабря 1991 г. № 133-рп создается Исследовательский центр частного права. Распоряжением Президента РФ от 14 июля 1992 г. № 360-рп⁷⁷ утверждается новая редакция Устава Исследовательского центра, устанавливается, что он существует при Президенте РФ, выражается согласие на назначение С.С. Алексеева председателем Совета Исследовательского центра, а С.А. Хохлов назначается исполнительным директором Исследовательского центра.

«В Центре и вокруг него сразу же сосредоточил свою работу ряд ведущих правоведов страны, цивилистов. Несмотря на некоторые сбои (связанные с начавшейся было работой над Торговым кодексом, со стремлением ряда правоведов сначала заняться отдельными законами, отложив Кодекс “на потом”, наконец, с утвердившимися личностными традициями и предпочтениями в московской научной среде), в Центре началась реальная, с немалыми результатами работа по цивилистике, душой которой в реальном деле стал мой ближайший друг, сподвижник во всех московских делах, юрист “от Бога” – Слава Хохлов. Тоже цивилист, свердловчанин, рано, увы, ушедший из жизни: организм не выдержал нагрузок (боевая, на мой взгляд, потеря: недаром же я не раз сравнивал то время с фронтовой обстановкой»⁷⁸.

Главным делом Исследовательского центра частного права стала подготовка нового российского Гражданского кодекса.

«Более значительное и крупное дело, – писал позже С.С. Алексеев, – притом такое, когда одна из крупных гуманистических идей воплощается в высокозначимый, пожалуй, даже определяющий, факт действительности, ключевой для формирования современного гражданского общества, мне неведомо. Именно в это время с какой-то остротой открылась незаменимая миссия, которую способно сыграть через гражданское законодательство частное право в демократическом развитии и в судьбе нашей страны»⁷⁹.

И Центр сделал главное свое дело, выполнил «незаменимую миссию». В 1992–2006 гг. Гражданский кодекс РФ (с разделением на четыре части) был создан (о перипетиях создания Гражданского кодекса еще будет сказано).

В 1992 г. был открыт Уральский филиал Исследовательского центра частного права в Екатеринбурге, что было естественно и оправданно – родной город председателя Совета и исполнительного директора Центра по праву

⁷⁶ О чем свидетельствует Журнал учета посетителей приемной Президента РФ (см.: Архив Президентского центра Б.Н. Ельцина. Ф. 6. Оп. 1. Д. 138 (документ № 08398)).

⁷⁷ См.: Собрание актов Президента и Правительства РФ. 1992. № 3, ст. 105.

⁷⁸ Алексеев С.С. Демон бодрствует. Повесть о власти. С. 113.

⁷⁹ Там же. С. 112.

слыл (и слывет) крупнейшим наряду с Москвой и Санкт-Петербургом центром юридической науки в стране.

В 1995 г. при Исследовательском центре частного права открылась Российская школа частного права с отделениями в Москве и Екатеринбурге. Школа частного права – любимое детище С.С. Алексеева и С.А. Хохлова. Они задумали школу и очертарили ее основные параметры при разработке программы «Становление и развитие частного права в России» как высшего учебного заведения для подготовки специалистов с высшим образованием к законопроектной и преподавательской работе по вопросам частного права⁸⁰. Преподаватели Свердловского юридического института – С.С. Алексеев с начала 50-х, С.А. Хохлов с середины 60-х годов – они с воодушевлением занимались организацией школы, а затем Сергей Сергеевич с удовольствием читал в ней лекции (а Станислав Антонович, первый ректор школы, увы, из-за смертельной болезни не успел отдать студентам школы свой преподавательский талант).

С. С. Алексеев возглавлял Исследовательский центр частного права при Президенте РФ в качестве председателя Совета центра в течение четырех с лишним лет – с 3 января 1992 г. (спустя неделю с момента создания Центра) по 9 марта 1996 г. (оставил пост в связи с возвращением в Екатеринбург). Далее эстафету на этом посту принял В.Ф. Яковлев. Ныне Совет возглавляет Л.Ю. Михеева. Центр сохраняет мировой уровень, достигнутый в первые годы деятельности, и уже более семи лет носит имя своего основателя – С.С. Алексеева.

Публицист. Первую публицистическую статью «Идеалы и ценности социализма» С.С. Алексеев опубликовал 3 июня 1988 г. в газете «Наука Урала»⁸¹, уже будучи директором Института философии и права УрО АН СССР, в соавторстве с ученым секретарем Института М. В. Горбуновым. В июле того же года была единоличная статья в «Уральском рабочем»⁸². Следующая – в феврале 1989 г. уже в центральной печати, в «Литературной газете»⁸³. Это, надо думать, была проба пера в новом жанре, к которому побудили обратиться социально-политические процессы в стране, разбуженные перестройкой.

Оказавшись в Москве на государственных должностях, в гуще событий, С.С. Алексеев стал писать

⁸⁰ Утверждена Указом Президента РФ от 07.07.1994 № 1473 (см.: СЗ РФ. 1994. № 11, ст. 1191).

⁸¹ Алексеев С., Горбунов М. Идеалы и ценности социализма // Наука Урала. 1988. 23 июня. С. 1.

⁸² Алексеев С. С. Реформа политической системы // Уральский рабочий. 1988. 19 июля.

⁸³ Алексеев С. Формула перелома // Лит. газ. 1989. 22 февр. С. 10.

регулярно и много, благо поводов было предостаточно. Позднее он так писал о своей публицистике:

«За время моего четырехлетнего бытия в Москве (1989–1994 гг. и отчасти в последующие годы) я написал и опубликовал в центральных изданиях несколько десятков статей. Порой две-три публикации в неделю. Обширные, аналитические и острые, как казалось мне. Причины? Хотелось осмыслить своим умом и сказать что-то стоящее из всего того, что делалось в то время»⁸⁴.

На самом деле Алексеевым-публицистом в «Литературной газете», «Независимой газете», «Российской газете», «Культуре» (до 1992 г. – «Советской культуре»), «Московских новостях», «Правде» и других изданиях было опубликовано более 100 статей, из них по общесоциальным проблемам – 45, по экономическим проблемам – пять, по общеправовым проблемам – 20, по проблемам частного права – пять, по проблемам собственности – 14, по проблемам Гражданского кодекса – пять, по проблемам Конституции – 8⁸⁵.

Алексеевская публицистика особенная – научно-насыщенная, можно сказать, научная публицистика, впрочем, иной ученого до мозга kostей она быть и не могла. Кроме публицистических статей из-под его пера вышло несколько научно-публицистических произведений более крупных форм: «Правовое государство – судьба социализма. Научно-публицистический очерк»⁸⁶, «Демократические реформы и конституция. Научно-публицистические заметки»⁸⁷, «Будущее России. Научно-публицистический очерк»⁸⁸ и др.

Публицистика занимает весомое место в творчестве С.С. Алексеева, она дополняет собственное научное творчество ученого, можно сказать, подсвечивает и расцвечивает его новыми красками. Она дала нам глубокого, яркого, талантливого публициста⁸⁹.

⁸⁴ Алексеев С.С. Не потерять бы... (Размышления о настоящем, к которым подмешаны грусть об утрах прошлого и тревога за наше будущее) // Алексеев С.С. Собр. соч. Т. 9. С. 347 (1-я публикация статьи в: Сов. культура. 1990. 15 дек. С. 15; коммент. к статье добавлен в 2006 г.).

⁸⁵ Библиографический список этих статей см.: Казанцев М.Ф., Руденко В.Н., Сурина Е.М. Алексеев Сергей Сергеевич: Правовед, Мыслитель, Публицист. Библиография. К 85-летию со дня рождения ученого / отв. ред. В.Н. Руденко. Екатеринбург, 2009. С. 312–321.

⁸⁶ Алексеев С.С. Правовое государство – судьба социализма: науч.-публицист. очерк. М., 1988.

⁸⁷ Алексеев С.С. Демократические реформы и конституция: науч.-публицист. заметки. М., 1992.

⁸⁸ Алексеев С.С. Будущее России: науч.-публицист. очерк. М., 1992.

⁸⁹ Ранее талантливым публицистом С.С. Алексеева назвал А.Л. Маковский (см.: Маковский А.Л. Дорогой Сергей Сергеевич! [Поздравление с 85-летним юбилеем] // Закон. 2009. Июль. С. 24).

Писатель. Удивительно, но прежде, чем выбрать юридическую стезю, С.С. Алексеев имел серьезные виды на писательство. В это трудно было бы поверить, если бы не его признание:

«В то время я крепко увлекся литературой, настроился на то, чтобы – чего уж там! – стать писателем. Еще в 1944 году в Заполярье, в бесконечно тянущееся время дня-ночи, при блеклом свете мерцающей коптилки начал, а в Свердловске после демобилизации закончил несколько повествований, отдающих наивным околофрейдистским натурализмом и надрывом»⁹⁰.

В то время Алексеев писателем не стал, но мечта юности не исчезла, а только уснула, надолго. Проснулась более чем через полвека. Почему – объяснил он сам:

«К началу 2002 г. я по многим причинам (возраст, болезни, события в стране и в мире) ощутил какую-то запредельную усталость от своих научных поисков. Тем более что итоги моих пятидесятилетних исследований уже нашли какое-то воплощение в работах итогового порядка – “Восхождение к праву” (вот-вот должно выйти второе издание), в “Повестях о праве, о власти”.

Что дальше? Вопросы, тем более жесткие и даже болезненные для человека, в кровь и плоть которого вошла ежедневная работа, мечты и попытки научного и этического поиска.

И тогда одна из моих дочерей, врач (которая уже раза два вытаскивала меня с того света), сказала: “Папа, а напиши что-нибудь для малышей. Я помню, что ты для внучат писал какие-то сказки о бобрах, о лесных человечках. А теперь у тебя появляются и правнучки. Вот – Алиса”. Поддержали эту идею и другая дочь, моя жена Зоя (дала ценные замечания), внучка Катя – мама Алисы...

И я написал о бобрах, о детищах, прямо адресуя эту писанину своей правнучке Алисе (первой, и пока единственной)»⁹¹.

С 2002 по 2010 г. С.С. Алексеевым были опубликованы четыре повести («С чего начинается любовь», «У тайн Вселенной», «Таежные секреты», «Зина»), шесть рассказов («Мышонок», «Синички», «Белочка», «Друг», «Алиса в краю бобров», «Сорочонок»), три были («Из жизни в школьные годы», «Дальний поход», «Сережа») и одна сказка («Алиса в мире друзей»). Они выходили отдельными изданиями⁹² и в сборниках⁹³. Литературно-художественным произведениям целиком отдан т. 10 Собрания сочинений С.С. Алексеева.

Детские рассказы, сказки и были писались для «внутреннего» семейного чтения, для внуков и правнуков. И дети были рады. Но эти

⁹⁰ Алексеев С.С. Уроки. Тяжкий путь России к праву. Т. 4. С. 13.

⁹¹ Алексеев С. Послесловие // Алексеев С. Детство. Сказки и были. Екатеринбург, 2002. С. 199.

⁹² См., напр.: Алексеев С. Друг. Рассказ о девочке и собачке / рис. Т. Калининой. Екатеринбург, 2005.

⁹³ Всего их пять; самый крупный и самый последний из них: Алексеев С. Восхождение. Повести, рассказы / худ. Т. В. Калинина. Екатеринбург, 2004; Его же. Приключения в тайге. Повести и рассказы для юношества / худ. Т. В. Калинина. Екатеринбург, 2010.

литературные опыты оказали благотворное влияние и на самого автора.

«Самое же неожиданное для меня, – я сам увлекся такого рода писаниной. Более того, глубоко переживал все описываемые перипетии (да так, что чуть ли не реально прожил еще несколько жизней, притом в детскую пору)»⁹⁴.

А может ли быть лучшее средство против усталости (подвигшей, напомним, Сергея Сергеевича к писательству), чем «проживание детства»?

Повести С.С. Алексеева во многом автобиографичны. В главном герое повести «Зина», в последней редакции названной мини-романом на правовую тему⁹⁵, – Алексеев Сергеевич Козловском (который после возвращения с фронта поступил в юридический институт и вскоре стал сталинским стипендиатом) читатель легко узнает автора. Мини-роман «Зина» содержательно пересекается с документальными биографическими включениями написанных ранее произведений «Уроки. Тяжкий путь России к праву», «Круг замкнулся. Повесть о праве», «Демон бодрствует. Повесть о власти» (о них дальше еще пойдет речь). Как это объяснить? Наша версия: Сергею Сергеевичу оказалось недостаточно «документального языка» (им все не скажешь), понадобились художественные средства отображения пережитого и передуманного.

Мемуарист. Для правоведов написание и публикация мемуарных книг – дело редкое. Из таких книг, вышедших за последние несколько десятилетий, на память приходят мемуары Ю.Х. Калмыкова⁹⁶, Ю.К. Толстого⁹⁷, В.Ф. Яковлева⁹⁸.

⁹⁴ Алексеев С. Послесловие // Алексеев С. Детство. Сказки и быть. С. 199.

⁹⁵ См.: Алексеев С.С. Зина (Мини-роман на правовую тему) // Алексеев С.С. Собр. соч. Т. 10. С. 290–367.

⁹⁶ См.: Калмыков Ю.Х. Повороты судьбы (В двух парламентах, одном правительстве. В национальном движении). М., 1996. О работе с С.С. Алексеевым в Комитете по законодательству Верховного Совета СССР (с. 16, 17, 19, 21), о взаимоотношениях С.С. Алексеева с М.С. Горбачевым и Б.Н. Ельциным (с. 31), о человеческих качествах С.С. Алексеева и его огромном научном авторитете (с. 31), об участии с С.С. Алексеевым и В.Н. Кудрявцевым в событиях, связанных с V Съездом народных депутатов СССР (с. 51), о роли С.С. Алексеева в создании новой Конституции РФ (с. 86), об участии вместе с С.С. Алексеевым в рабочей группе по подготовке проекта Гражданского кодекса (с. 159, 160).

⁹⁷ См.: Толстой Ю.К. Из пережитого... СПб., 1999. О С.С. Алексееве как представителе уральской школы цивилистики (с. 154), о совместной работе с С.С. Алексеевым в Комитете конституционного надзора СССР (с. 205, 206), о проекте Конституции Алексеева – Собчака (с. 239). Имеются и другие издания этой книги.

⁹⁸ См.: Яковлев В.Ф. Советник трех президентов. М., 2022. О взаимодействии с С.С. Алексеевым в связи с созданием Института философии и права УрО РАН (с. 41, 42), о дружбе с С.С. Алексеевым и совместных с ним туристических походах (с. 113–120).

С.С. Алексеев впервые обратился к мемуарному жанру после своего «хождения во власть» и возвращения в марте 1996 г. из Москвы в Екатеринбург (уезжал в Москву в мае 1989 г. из Свердловска), – в 1997 г. увидела свет его книга «Уроки. Тяжкий путь России к праву». Впоследствии вышло еще несколько книг полностью или частично мемуарного характера⁹⁹. Последняя, небольшая по объему – «Свобода ценою в жизнь. Мемуары»¹⁰⁰. Кроме того, мемуарные вкрапления рассыпаны по многочисленным статьям, интервью С.С. Алексеева¹⁰¹ (такие вкрапления появлялись и до издания книги «Уроки. Тяжкий путь России к праву»).

Особо следует сказать о записках «Страницы моей жизни. О пережитом. Фрагменты». Записки не опубликованы. Их подлинник на бумажном носителе объемом 35 листов, набранный на компьютере мелким шрифтом, хранится в личном (семейном) архиве дочерей и правопреемниц автора Н.С. Алексеевой и И.С. Алексеевой. С их согласия отдельные фрагменты записок *впервые воспроизведятся в настоящей статье*. Записки создавались С.С. Алексеевым в 1996–2007 гг. В них включено то, что не вошло в ранее опубликованные произведения (за некоторым исключением). Автор предваряет записи, в частности, такими словами:

«То, что описано в этих заметках, – действительно проходило. Было в жизни. Но я попытался отразить факты прошлого не только с колокольни своих реальных жизненных действий и свершений (с конца 1900 – начала 2000-х гг.) и нынешних преклонных лет, и с этих же «высот» высказать какие-то суждения и оценки (далеко не всегда категорические, чаще через ткань общего рассказа), но и с таким расчетом, чтобы все это, и описанные факты и оценки человека XX века и первых лет нового века, оказались полезными, может быть, пригодились как некий материал для размышлений или хотя бы оказались в чем-то интересными»¹⁰².

Почему С.С. Алексеев обратился к мемуарному жанру? На этот вопрос ответил он сам:

«Конечно, я ничего не могу сказать о том, понадобятся ли людям в будущем те мысли, предположения, догадки, о которых я – подчас с немалой претензией – пишу. В них много – от того, что называется эпохой и временем,

⁹⁹ См.: Алексеев С.С. Частное право: науч.-публицист. очерк. М., 1999; Его же. Круг замкнулся. Повесть о праве; Его же. Две повести. О праве. О власти; Его же. У истоков Конституции России. Субъективные заметки.

¹⁰⁰ Алексеев С.С. Свобода ценою в жизнь. Мемуары // Алексеев С.С. Свобода ценою в жизнь. Мемуары; Интервью портала Закон.ру. Екатеринбург, 2012. С. 3–27.

¹⁰¹ См., напр.: Алексеев С. Не потерять бы... Размышления о настоящем, к которым подмешаны грусть об утратах прошлого и тревога за наше будущее // Сов. культура. 1990. 15 дек. С. 15; Его же. Воспоминания о войне // Алексеев С.С. Избранное. Наука права, общесоциальные проблемы, публицистика. М., 2003. С. 459–473.

¹⁰² Алексеев С.С. Страницы моей жизни. О пережитом. Фрагменты.

от узости и стереотипа мышления современного человека. Все это, думаю, понятно. И понятен поэтому мой скептицизм в отношении будущего моих в академической форме сформулированных писаний. Увы, бесплодными оказались мои литературные опусы, при всей заманчивости замыслов. Хотя какая-то надежда на этот счет еще теплится.

Остался еще один жанр – автобиографические заметки.

Я пишу – «остался» – потому, что по моему проверенному временем убеждению главное, что может сделать человек для будущего (а в этом – высший смысл существования человека как существа духовного), это сказать то, что может пригодиться людям, может им помочь. Понять жизнь и сделать ее лучше.

А для того, чтобы понять жизнь, надо понять себя»¹⁰³.

Как видим, процитированные суждения С.С. Алексеева содержат не только ответ на поставленный выше вопрос, а нечто большее.

Обращаясь к читателям книги «Уроки. Тяжкий путь России к праву», автор пояснил, что по начальному замыслу намеревался написать эти заметки в том же стиле и ключе, как и большинство биографически-мемуарных изданий участников событий 1980–1990-х годов, т.е. описать все то, что видел и пережил в связи с крушением гигантской евразийской империи – Советского Союза – и попытками создания в России демократического общества. Но в процессе работы отказался от первоначального замысла отчасти потому, что по содержанию аналогичных изданий увидел, что они во многих случаях имеют преимущественно фактологический характер, а также понял, насколько велики и, пожалуй, неизбежны в такого рода изданиях личностные акценты, порой стремление утвердить свое место и имя в событиях и оценках – дело, которое никакого смысла ни сейчас, ни в перспективе не имеет.

«Но главное – другое. Все же судьба вынесла меня в гущу событий, потрясших мое Отечество, не как некоего избранника или стороннего наблюдателя, а как служителя науки. И потому мой профессиональный и гражданский долг – не просто описать известные мне события (хотя этого не избежать), а попытаться осмыслить эти события, сделать из них выводы, извлечь из них в меру своих сил, понимания и умения уроки»¹⁰⁴.

Того же подхода С.С. Алексеев придерживался и в других мемуарных произведениях.

Сказанное предопределило содержательные, жанровые особенности мемуаров С.С. Алексеева – это, по сути, научные (или научно-публицистические) мемуары. Они чрезвычайно интересны и в фактологической, и в аналитической своих частях.

¹⁰³ Алексеев С.С. Подробности жизни // Архив Н.С. Алексеевой и И.С. Алексеевой. 1 л. Машинопись. Не опубликовано.

¹⁰⁴ Алексеев С. С. Уроки. Тяжкий путь России к праву. Т. 4. М., 1997. С. 5.

Содержанием мемуарных произведений являются не только и не столько сугубо биографические сведения, но главным образом повествование автора о важнейших общественно-политических, государственно-юридических событиях в стране, непосредственным и активнейшим участником которых был С.С. Алексеев, в частности таких как становление новой законодательной деятельности Верховного Совета СССР, зарождение конституционного правосудия в деятельности Комитета конституционного надзора СССР, создание Конституции РФ и Гражданского кодекса РФ. При этом повествование сопровождается изложением фундаментальных научных идей автора, которые он генерировал и которыми он руководствовался как участник описываемых событий. В этом контексте научные мемуары сопоставимы с научными произведениями самого высокого уровня.

Государственный деятель. С.С. Алексеев – видный государственный деятель. На рубеже 80–90-х годов, в переломное для Отечества время, занимая посты Председателя Комитета Верховного Совета СССР по вопросам законодательства, законности и правопорядка и Председателя Комитета конституционного надзора СССР, С.С. Алексеев внедрил в практику основы демократического законодательного процесса и подготовил почву для современного конституционного правосудия.

Действительно, в период деятельности Комитета по законодательству под руководством С.С. Алексеева была сломана многолетняя практика предварительного утверждения законопроектов в партийных инстанциях, после которого законодательный орган только единогласно «штамповал» законопроекты, не имея возможности внести в них существенные изменения. Законодательный орган стал осуществлять реальную законодательную власть по новым демократическим правилам законодательной процедуры.

И действительно, деятельность руководимого С.С. Алексеевым Комитета конституционного надзора СССР стала предтечей конституционного правосудия в России. Вот как о роли Комитета позже писал сам С.С. Алексеев:

«Не хотелось бы преувеличивать значение того, что было сделано ККН еще в непростых условиях советского парлакратического государства (тем более – скажу еще раз – в его работе было и немало ошибок). Но все же именно решения Комитета, вынесенные с опорой не на действующее законодательство, а непосредственно на общепризнанные права и свободы человека, характеризуют своего рода прорыв в существовавших юридических реалиях, прежде всего в том стоячем, затхлом мире юридических догм и стереотипов, который сложился в советском обществе и во многом продолжал господствовать в годы перемен»¹⁰⁵.

¹⁰⁵ Алексеев С. С. Уроки. Тяжкий путь России к праву. Т. 4. С. 73.

Отношение С.С. Алексеева к власти и его отношения с властью складывались во многом нетипично и драматично. Он не стремился во власть, зная ее коварную природу, но все-таки пошел во власть и использовал ее во благо дела (достаточно упомянуть использование С.С. Алексеевым близости к верховной власти для продвижения Гражданского кодекса). Он не поддался соблазнам власти и не дал ей сломить себя. А когда извлекаемая от сотрудничества с властью польза для дела перестала компенсировать нравственные издержки от близости к власти, когда все резервы приемлемого компромисса с властью были исчерпаны, он порвал с нею.

Это случилось в начале 1996 г., когда С.С. Алексеев, выражая протест против политики руководства страны в Чечне, вышел из Президентского совета, из Комиссии по правам человека при Президенте РФ. О многом говорит связанный с этим короткая переписка С.С. Алексеева с Президентом России Б.Н. Ельциным.

С.С. Алексеев – Б.Н. Ельцину, 24 января 1996 г.:
«Уважаемый Борис Николаевич!

В связи с событиями последнего времени и разделяя оценку этих событий с С.А. Ковалевым, считаю невозможным свое дальнейшее пребывание в Президентском совете и Комиссии по правам человека при Президенте Российской Федерации.

Прошу исключить меня из состава этих Совета и Комиссии.

С.С. Алексеев. Екатеринбург»¹⁰⁶.

Б.Н. Ельцин – С.С. Алексееву, 2 февраля 1996 г.:
«Сергей Сергеевич!

Откровенно говоря, принятное Вами решение меня огорчило. Все-таки считаю, что оно продиктовано в большей мере эмоциональными оценками конкретной ситуации, чем моей стратегической линией. Она неизменна. И кому, как не Вам, знать, какую цену порой приходится платить за каждый шаг продвижения вперед. Тем более в нынешних условиях.

Хорошо зная Вас, не сомневаюсь, что Вы мучитель но размышляете о непростых судьбах России. Верю, что в этом году, который во многом и является решающим, Ваша гражданская позиция поможет определиться многим и многим людям.

Благодарен Вам за длительную совместную работу, за помощь и поддержку в исторически важном и предельно трудном деле становления демократической России.

Желаю Вам доброго здоровья и успехов!
Б. Ельцин»¹⁰⁷.

¹⁰⁶ Алексеев С.С. [Письмо Б.Н. Ельцину от 24 января 1996 г. о невозможности дальнейшего пребывания в Президентском совете и Комиссии по правам человека при Президенте Российской Федерации] // Архив Президентского центра Б.Н. Ельцина. Ф. 6. Оп. 1. Д. 175. Л. 42 (документ № 6664).

¹⁰⁷ Ельцин Б.Н. [Письмо С.С. Алексееву от 2 февраля 1996 г. о сожалении в связи с выходом С.С. Алексеева из Президентского совета и Комиссии по правам человека при Президенте Российской Федерации и о благодарности за длительную совместную работу] // Архив Президентского центра Б.Н. Ельцина. Ф. 6. Оп. 1. Д. 175. Л. 43 (документ № 6665).

С.С. Алексеев – Б.Н. Ельцину, 6 февраля 1996 г.:
«Дорогой Борис Николаевич!
Спасибо за добрые слова.

Все крупное сделанное Вами, с Вашей поддержкой, для нас это – Гражданский кодекс, поддержка уникального общества – Центра частного права, признанного теперь во всем мире, – воистину из разряда исторических.

Что касается моего шага, то, испытав трехгодичные нечеловеческие военные ужасы во время Отечественной, я не мог поступить иначе.

С пожеланием всего доброго, С. Алексеев»¹⁰⁸.

Через несколько лет в Екатеринбурге, осмысливая свои взаимоотношения с властью, С.С. Алексеев писал:

«Самое-самое главное, что я обрел, возвратившись домой из обители и тенет, где господствуют демоны и магия власти, – это *о щу ще н и е с в о б о д ы*. А уже – совсем начистоту – *понимание настоящей свободы*, того наименее высокого, что дано человеку как существу разумному. Ощущение и понимание, которых у меня ранее не было никогда.

Не в предошущении ли перспективы такого постижения я, чуть ли ни с первых шагов вовлечения “во власть”, пытался, несмотря на все магии и соблазны, уклониться от подобной участи (то, что писал в “прологе”), а потом вырывался и вырывался из сладкого и манящего плена власти?

Во всяком случае теперь мне ведомо это бесовское наваждение, которое имеет характер чуть ли не всеобщей убежденности, что великая благодать и удача состоят во власти, в обладании ею. Теперь я твердо знаю, что высшее счастье наступает для человека, нашедшего силы уйти от власти. Если удалось, тем более, хотя бы с минимальной пользой для людей отбыть на этой стезе свой срок»¹⁰⁹.

Законотворец. Ипостась законотворца (законописца, законодателя) – одна из самых значимых и ярких в жизни С.С. Алексеева. Можно сказать, законотворческая ипостась стала той необходимой гранью, которая завершила образ Алексеева-юриста – выдающегося ученого-правоведа, выдающегося организатора юридической науки, выдающегося законотворца.

А началась законотворческая деятельность С.С. Алексеева в 1988 г. с подачи директора Института государства и права АН СССР академика В.Н. Кудрявцева, который предложил директору только что созданного Института философии и права УрО отделения АН СССР подготовить проект закона об организации производства («Что-нибудь вроде арендного подряда, его уже на практике используют», – сказал академик¹¹⁰). Работа над законопроектом об арендном подряде была продолжительной (она подробно описана

¹⁰⁸ Алексеев С.С. [Письмо Б.Н. Ельцину от 6 февраля 1996 г. об оценке значения Президента Российской Федерации Б.Н. Ельцина в развитии частного права России] // Там же. Л. 44 (документ № 6666).

¹⁰⁹ Алексеев С.С. Демон бодрствует. С. 128, 129, 137–141, 144, 145.

¹¹⁰ См.: Алексеев С.С. Круг замкнулся. Повесть о праве. Т. 4. С. 163.

С.С. Алексеевым¹¹¹) и в конечном счете воплотилась в законодательные акты¹¹².

Далее С.С. Алексеев занимался законотворчеством уже как народный депутат СССР, Председатель Комитета по законодательству Верховного Совета СССР. В этот период был создан целый ряд законопроектов, которые затем стали законами¹¹³.

После оставления государственных постов (если не считать членства в Президентском совете) законотворческая деятельность С.С. Алексеева продолжилась и ознаменовалась прежде всего его выдающейся ролью в создании двух самых важных законов – Конституции РФ и Гражданского кодекса РФ, о чем надо сказать особо и подробнее.

(Окончание в следующем номере)

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. XXI век. Торжество права. [Предварительная структура книги. Редакция на 17 июля 2012 г.] / С.С. Алексеев. [Санкт-Петербург] // Архив Н.С. Алексеевой и И.С. Алексеевой. Л. 3. Рукопись; не опубликована.
2. Алексеев С.С. Акцептная форма расчетов между социалистическими организациями по советскому гражданскому праву: автореф. дис. ... канд. юрид. наук / науч. рук. Б.Б. Черепахин. Свердловск, 1952.
3. Алексеев С.С. Акцептная форма расчетов между социалистическими организациями по советскому гражданскому праву: дис. ... канд. юрид. наук / науч. рук. Б.Б. Черепахин. Свердловск, 1951.
4. Алексеев С.С. Будущее России: науч.-публицист. очерк. М., 1992.
5. Алексеев С. Воспоминания о войне // Алексеев С.С. Избранное. Наука права, общесоциальные проблемы, публицистика. М., 2003. С. 459–473.
6. Алексеев С. Восхождение. Повести, рассказы / худ. Т.В. Калинина. Екатеринбург, 2004.
7. Алексеев С.С. Восхождение к праву. Поиски и решения. М., 2001.
8. Алексеев С.С. Восхождение к праву: поиски и решения // Алексеев С.С. Собр. соч.: в 10 т. [+ Справоч. том]. М., 2010. Т. 6. С. 8–553.
9. Алексеев С.С. Вселенная и человек. Попытка понимания (фрагменты) // Алексеев С.С. Собр. соч.: в 10 т. [+ Справоч. том]. М., 2010. Т. 9. С. 260–267.
10. Алексеев С.С. [Выступление на заседании рабочей комиссии по доработке проекта Конституции Российской Федерации с оценкой проекта Конституции (по состоянию на 12 июня 1993 г.), 15 октября 1993 г.] // Конституционное совещание. Стенограммы, материалы, документы. 29 апреля – 10 ноября 1993 г. / под общ. ред. С.А. Филатова, В.С. Черномырдина, С.М. Шахрая и др. М., 1996. Т. 18. С. 77–80.
11. Алексеев С.С. [Выступление на пленарном заседании Конституционного совещания о замечаниях и предложениях по проекту Конституции и его концептуальных положениях, 5 июня 1993 г.] // Конституционное совещание. Стенограммы, материалы, документы. 29 апреля – 10 ноября 1993 г. / под общ. ред. С.А. Филатова, В.С. Черномырдина, С.М. Шахрая и др. М., 1995. Т. 2. С. 16–21.
12. Алексеев С.С. Гражданская ответственность за невыполнение плана железнодорожной перевозки грузов. М., 1959.
13. Алексеев С.С. Гражданское право в период развернутого строительства коммунизма. М., 1962.
14. Алексеев С.С. Гражданское право в современную эпоху (Заметки и постановка проблемы). Екатеринбург, 1999.
15. Алексеев С.С. Два имени // Алексеев С.С. Собр. соч.: в 10 т. [+ Справоч. том]. М., 2010. Т. 9. С. 8–22.
16. Алексеев С.С. Демократические реформы и конституция: науч.-публицист. заметки. М., 1992.
17. Алексеев С.С. Демон бодрствует. Повесть о власти // Алексеев С.С. Две повести. О праве. О власти. Екатеринбург, 2002. С. 111–113, 128, 129, 137–141, 144, 145.
18. Алексеев С. Друг. Рассказ о девочке и собачке / рис. Т. Калининой. Екатеринбург, 2005.
19. Алексеев С. Зина (Мини-роман на правовую тему) // Алексеев С.С. Собр. соч.: в 10 т. [+ Справоч. том]. М., 2010. Т. 10. С. 290–367.
20. Алексеев С.С. Интервью порталу Закон.ру // Алексеев С.С. Свобода ценою в жизнь. Мемуары. Екатеринбург, 2012. С. 15.
21. Алексеев С.С. Круг замкнулся: Повесть о праве // Алексеев С.С. Собр. соч.: в 10 т. [+ Справоч. том]. М., 2010. Т. 4. С. 163–169.
22. Алексеев С.С. Крушение права. Полемические заметки // Алексеев С.С. Собр. соч.: в 10 т. [+ Справоч. том]. М., 2010. Т. 7. С. 497–514.
23. Алексеев С.С. Механизм правового регулирования в социалистическом государстве. М., 1966.
24. Алексеев С.С. Не потерять бы... Размышления о настоящем, к которым подмешаны грусть об утратах прошлого и тревога за наше будущее // Сов. культура. 1990. 15 дек. С. 15 (коммент. к статье добавлен в 2006 г.).
25. Алексеев С.С. Не потерять бы... (Размышления о настоящем, к которым подмешаны грусть об утратах прошлого и тревога за наше будущее) // Алексеев С.С. Собр. соч.: в 10 т. [+ Справоч. том]. М., 2010. Т. 9. С. 347.
26. Алексеев С. Неправда. Ответ критикам президентского проекта Конституции // Известия. 1993. 15 мая.

¹¹¹ См.: Алексеев С.С. Круг замкнулся. Повесть о праве. Т. 4. С. 163–169.

¹¹² Сначала – в Указ Президиума Верховного Совета СССР от 07.04.1989 г. «Об аренде и арендных отношениях в СССР» // Ведомости Верховного Совета СССР. 1989. № 15, ст. 105. А затем – в Основы законодательства Союза ССР и союзных республик об аренде, принятые Верховным Советом СССР 23.11.1989 г. // Ведомости Верховного Совета РСФСР. 1989. № 25, ст. 481.

¹¹³ В их числе, в частности: Закон СССР от 06.03.1990 г. «О собственности в СССР» // Ведомости СНД и Верховного Совета СССР. 1990. № 11. ст. 164; Закон СССР от 23.12.1989 г. «О конституционном надзоре в СССР» // Ведомости СНД и Верховного Совета СССР. 1989. № 29. ст. 572.

27. Алексеев С.С. Общая теория социалистического права (Курс лекций): учеб. пособие: в 4 вып. Свердловск, 1963. Вып. 1: Введение. Сущность социалистического права; вып. 2: Нормы права и правоотношения; 1964. Вып. 3: Правовые акты; 1966. Вып. 4. Применение права. Наука права.
28. Алексеев С. С. О феномене советской теории права // Алексеев С.С. Собр. соч.: в 10 т. [+ Справоч. том]. М., 2010. Т. 6. С. 38–42.
29. Алексеев С. С. Общие дозволения и общие запреты в советском праве. М., 1989. С. 132, 351.
30. Алексеев С. С. Общие теоретические проблемы системы советского права. М., 1961.
31. Алексеев С. С. Односторонние сделки в механизме гражданско-правового регулирования // Сборник научных трудов. Вып. 13: Теоретические проблемы гражданского права / науч. ред. С. С. Алексеев, О. А. Красавчиков. Свердловск, 1970. С. 46–63.
32. Алексеев С. С. Отдельные философские заметки // Алексеев С.С. Собр. соч.: в 10 т. [+ Справоч. том]. М., 2010. Т. 9. С. 268–278.
33. Алексеев С. С. Подробности жизни // Архив Н.С. Алексеевой и И. С. Алексеевой. 1 л. Машинопись. Не опубликовано.
34. Алексеев С. Послесловие // Алексеев С. Детство. Сказки и быль. Екатеринбург, 2002. С. 199.
35. Алексеев С. С. Право. Азбука. Теория. Философия. Опыт комплексного исследования. М., 1999.
36. Алексеев С. С. Право на пороге нового тысячелетия. Некоторые тенденции мирового правового развития – надежда и драма современной эпохи. М., 2000.
37. Алексеев С. Право России. Некоторые соображения научного свойства, которые, возможно, окажутся полезными при обсуждении новой Конституции // Независимая газ. 1993. 25 мая.
38. Алексеев С. С. Право собственности. Проблемы теории. Екатеринбург, 2006; 2-е изд., перераб. и доп. М., 2007; 3-е изд., перераб. и доп. М., 2008. С. 5.
39. Алексеев С. С. Право собственности. Проблемы теории // Алексеев С. С. Собр. соч. в 10 т. [+ Справоч. том]. М., 2010. Т. 4. С. 323–514.
40. Алексеев С. С. Правовое государство – судьба социализма: науч.-публицист. очерк. М., 1988.
41. Алексеев С. С. Предмет советского социалистического гражданского права. Свердловск, 1959.
42. Алексеев С. Приключения в тайге. Повести и рассказы для юношества / худ. Т. В. Калинина. Екатеринбург, 2010.
43. Алексеев С. С. Проблемы теории права: курс лекций: в 2 т. Свердловск, 1972. Т. 1: Основные вопросы общей теории социалистического права; 1973. Т. 2: Нормативные юридические акты. Применение права. Юридическая наука (правоведение).
44. Алексеев С. С. Реформа политической системы // Уральский рабочий. 1988. 19 июля.
45. Алексеев С. С. Самое святое, что есть у Бога на земле. Иммануил Кант и проблемы права в современную эпоху. М., 1998.
46. Алексеев С. С. Самое святое, что есть у Бога на земле. Иммануил Кант и проблемы права в современную эпоху // Алексеев С. С. Собр. соч.: в 10 т. [+ Справоч. том]. М., 2010. Т. 5. С. 20, 21, 28–30, 37–44, 46, 47, 54, 78, 79, 82, 90, 91, 110, 112, 129, 177, 178, 184, 211–221, 240, 253–263, 331, 357–361.
47. Алексеев С. С. Свобода ценою в жизнь. Мемуары // Алексеев С. С. Свобода ценою в жизнь. Мемуары; Интервью порталу Закон.ру. Екатеринбург, 2012. С. 3–27.
48. Алексеев С. С. Социальная ценность права в советском обществе. М., 1971.
49. Алексеев С. С. Страницы моей жизни. О пережитом. Фрагменты. Екатеринбург (Свердловск) – СПб., 1996–2007 // Архив Н. С. Алексеевой и И. С. Алексеевой. Л. 3–4, 21, 22. Подлинник на бумажном носителе набран на компьютере; не опубликован.
50. Алексеев С. С. Структура советского права. М., 1975.
51. Алексеев С. С. Теория права. М., 1993.
52. Алексеев С. С. Теория права: поиск новых подходов: учеб. пособие. Екатеринбург, 2000.
53. Алексеев С. С. У истоков Конституции России. Субъективные заметки. Екатеринбург, 2009. С. 17–30.
54. Алексеев С. С. Уроки. Тяжкий путь России к праву. М., 1997. С. 5, 13, 79–118.
55. Алексеев С. С. Уроки. Тяжкий путь России к праву // Алексеев С. С. Собр. соч.: в 10 т. [+ Справоч. том]. М., 2010. Т. 4. С. 73.
56. Алексеев С. С. Философия права // Алексеев С. С. Собр. соч.: в 10 т. [+ Справоч. том]. М., 2010. Т. 7. С. 9–320.
57. Алексеев С. С. Философия права. История и современность. Проблемы. Тенденции. Перспективы. М., 1997.
58. Алексеев С. Формула перелома // Лит. газ. 1989. 22 февр. С. 10.
59. Алексеев С. С. Частное право. Избранное. М., 2024 (Классика российской цивилистики).
60. Алексеев С. С. Частное право: науч.-публицист. очерк. М., 1999.
61. Алексеев С., Горбунов М. Идеалы и ценности социализма // Наука Урала. 1988. 23 июня. С. 1.
62. Аронсон Д. О. Кант: трансцендентальное обоснование принципов права: дис. ... канд. филос. наук. М., 2015. С. 7.
63. «Восхождение к праву»: интервью с чл.-кор. РАН С. С. Алексеевым. К 15-летию Института философии и права УрО РАН / подгот. и провела И. Фан // Научный ежегодник Института философии и права УрО РАН / отв. ред.: А. В. Гайда, В. Н. Руденко, К. В. Киселев. Екатеринбург, 2004. Вып. 4. С. 5–7.
64. Казанцев М. Ф., Руденко В. Н., Сурина Е. М. Алексеев Сергей Сергеевич: Правовед, Мыслитель, Публицист. Биобиблиография. К 85-летию со дня рождения ученого / отв. ред. В. Н. Руденко. Екатеринбург, 2009. С. 312–321.
65. Калмыков Ю.Х. Повороты судьбы (В двух парламентах, одном правительстве. В национальном движении). М., 1996. С. 16, 17, 19, 21, 31, 51, 86, 159, 160.

66. *Кулажников М.Н.* Теория государства и права. Библиография 1917–1968. М., 1969.
67. *Маковский А.Л.* Дорогой Сергей Сергеевич! [Поздравление с 85-летним юбилеем] // Закон. 2009. Июль. С. 24.
68. *Толстой Ю.К.* Из пережитого... СПб., 1999. С. 154, 205, 206, 239.
69. *Шайо А., Уитц Р.* Конституция свободы. Введение в юридический конституционализм. М., 2021.
70. *Яковлев В.Ф.* Советник трех президентов. М., 2022. С. 41, 42, 113–120.
71. *Uygar Abaci.* [2020.02.15]. Eric Watkins, Kant on Laws. Cambridge University Press, 2019. URL: <https://ndpr.nd.edu/reviews/kant-on-laws/> (дата обращения: 05.05.2024).
- of S.A. Filatov, V.S. Chernomyrdin, S.M. Shakhrai and others. M., 1995. Vol. 2. Pp. 16–21 (in Russ.).
12. *Alekseev S.S.* Civil liability for non-fulfillment of the plan for railway transportation of goods. M., 1959 (in Russ.).
13. *Alekseev S.S.* Civil Law in the period of extensive construction of communism. M., 1962 (in Russ.).
14. *Alekseev S.S.* Civil Law in the modern era (Notes and problem statement). Yekaterinburg, 1999 (in Russ.).
15. *Alekseev S.S.* Two names // Alekseev S.S. Collected works: in 10 vols. [+ Reference. volume]. M., 2010. Vol. 9. Pp. 8–22 (in Russ.).
16. *Alekseev S.S.* Democratic reforms and the Constitution: scientific publicist. notes. M., 1992 (in Russ.).
17. *Alekseev S.S.* The demon is awake. The tale of power // Alekseev S.S. Two stories. On the law. On power. Yekaterinburg, 2002. Pp. 111–113, 128, 129, 137–141, 144, 145 (in Russ.).
18. *Alekseev S.* Friend. The story of a girl and a dog / painter T. Kalinina. Yekaterinburg, 2005 (in Russ.).
19. *Alekseev S.* Zina (A mini-novel on a legal topic) // Alekseev S.S. Collected works: in 10 vols. [+ Reference. volume]. M., 2010. Vol. 10. Pp. 290–367 (in Russ.).
20. *Alekseev S.S.* Interview to the Law portal. <url> // Alekseev S.S. Freedom at the price of life: memoirs. Yekaterinburg, 2012. P. 15 (in Russ.).
21. *Alekseev S.S.* The circle has closed: A tale of law // Alekseev S.S. Collected works: in 10 vols. [+ Reference. volume]. M., 2010. Vol. 4. Pp. 163–169 (in Russ.).
22. *Alekseev S.S.* The collapse of law. Polemical notes // Alekseev S.S. Collected works: in 10 vols. [+ Reference. volume]. M., 2010. Vol. 7. Pp. 497–514 (in Russ.).
23. *Alekseev S.S.* The mechanism of legal regulation in a socialist state. M., 1966 (in Russ.).
24. *Alekseev S.S.* Would not lose... Reflections on the present, to which sadness about the losses of the past and anxiety for our future are mixed // Soviet culture. 1990. 15 Dec. P. 15 (comment. added to the article in 2006) (in Russ.).
25. *Alekseev S.S.* Would not lose... (Reflections on the present, which are mixed with sadness about the losses of the past and anxiety for our future) // Alekseev S.S. Collected works: in 10 vols. [+ Reference. volume]. M., 2010. Vol. 9. P. 347 (in Russ.).
26. *Alekseev S.* It's not true. Response to critics of the presidential draft Constitution // Izvestia. 1993. May 15 (in Russ.).
27. *Alekseev S.S.* General theory of Socialist law (Course of lectures): textbook: in 4 issues. Sverdlovsk, 1963. Iss. 1: Introduction. The essence of Socialist law; vol. 2: Norms of law and legal relations; 1964. Iss. 3: Legal acts; 1966. Iss. 4. Application of law. Science is law (in Russ.).
28. *Alekseev S.S.* On the phenomenon of the Soviet theory of law // Alekseev S.S. Collected works: in 10 vols. [+ Reference. volume]. M., 2010. Vol. 6. Pp. 38–42 (in Russ.).
29. *Alekseev S.S.* General permits and general prohibitions in Soviet law. M., 1989. Pp. 132, 351 (in Russ.).
30. *Alekseev S.S.* General theoretical problems of the system of Soviet law. M., 1961 (in Russ.).
31. *Alekseev S.S.* Unilateral transactions in the mechanism of civil law regulation // Collection of scientific works. Iss. 13: The-

REFERENCES

1. The XXI century. The triumph of law. [Preliminary structure of the book. Edited on July 17, 2012] / S.S. Alekseev. [St. Petersburg] // Archive of N.S. Alekseeva and I.S. Alekseeva. P. 3. Manuscript; not published (in Russ.).
2. *Alekseev S.S.* The acceptance form of settlements between socialist organizations under Soviet Civil Law: abstract ... PhD in Law / scientific hands B.B. Cherepakhin. Sverdlovsk, 1952 (in Russ.).
3. *Alekseev S.S.* The acceptance form of settlements between socialist organizations under Soviet Civil Law: dis. ... PhD in Law / scientific hands B.B. Cherepakhin. Sverdlovsk, 1951 (in Russ.).
4. *Alekseev S.S.* The Future of Russia: a scientific publicist. essay. M., 1992 (in Russ.).
5. *Alekseev S.* Memories of the war // Alekseev S.S. Favorites. The science of law, general social problems, journalism. M., 2003. Pp. 459–473 (in Russ.).
6. *Alekseev S.* Ascension. Novellas, short stories / painter T.V. Kalinina. Yekaterinburg, 2004 (in Russ.).
7. *Alekseev S.S.* The ascent to the law. Searches and solutions. M., 2001 (in Russ.).
8. *Alekseev S.S.* Ascent to law: searches and solutions // Alekseev S.S. Collected works: in 10 vols. [+ Reference. volume]. M., 2010. Vol. 6. Pp. 8–553 (in Russ.).
9. *Alekseev S.S.* The universe and man. An attempt at understanding (fragments) // Alekseev S.S. Collected works: in 10 vols. [+ Reference. volume]. M., 2010. Vol. 9. Pp. 260–267 (in Russ.).
10. *Alekseev S.S.* [Speech at a meeting of the working commission on finalizing the draft Constitution of the Russian Federation with an assessment of the draft Constitution (as of June 12, 1993), October 15, 1993] // Constitutional Meeting. Transcripts, materials, documents. April 29 – November 10, 1993 / under the general editorship of S.A. Filatov, V.S. Chernomyrdin, S.M. Shakhrai and others. M., 1996. Vol. 18. Pp. 77–80 (in Russ.).
11. *Alekseev S.S.* [Speech at the plenary session of the Constitutional Meeting on comments and proposals on the draft Constitution and its conceptual provisions, June 5, 1993] // Constitutional Meeting. Transcripts, materials, documents. April 29 – November 10, 1993 / under the general editorship

- retical problems of civil law / scientific ed. S.S. Alekseev, O.A. Krasavchikov. Sverdlovsk, 1970. Pp. 46–63 (in Russ.).
32. *Alekseev S.S.* Separate philosophical notes // Alekseev S.S. Collected works: in 10 vols. [+ Reference. volume]. M., 2010. Vol. 9. Pp. 268–278 (in Russ.).
  33. *Alekseev S.S.* Details of life // Archive of N.S. Alekseeva and I.S. Alekseeva. 11. Typescript. Not published (in Russ.).
  34. *Alekseev S.* Afterword // Alekseev S. Childhood. Fairy tales and the past. Yekaterinburg, 2002. P. 199 (in Russ.).
  35. *Alekseev S.S.* Law. The ABC. Theory. Philosophy. The experience of a comprehensive study. M., 1999 (in Russ.).
  36. *Alekseev S.S.* Law on the threshold of a new millennium. Some trends in the global legal development – hope and drama of the modern era. M., 2000 (in Russ.).
  37. *Alekseev S.* The law of Russia. Some scientific considerations that may be useful in discussing the new Constitution // *Nezavisimaya gaz.* 1993. May 25 (in Russ.).
  38. *Alekseev S.S.* The right of ownership. Problems of theory. Yekaterinburg, 2006; 2nd ed., rev. and add. M., 2007; 3rd ed., reprint and add. M., 2008. P. 5 (in Russ.).
  39. *Alekseev S.S.* The right of ownership. Problems of theory // Alekseev S.S. Collected works: in 10 vols. [+ Reference. volume]. M., 2010. Vol. 4. Pp. 323–514 (in Russ.).
  40. *Alekseev S.S.* The Rule of Law – the fate of socialism: a scientific publicist. essay. M., 1988 (in Russ.).
  41. *Alekseev S.S.* The subject of Soviet Socialist Civil Law. Sverdlovsk, 1959 (in Russ.).
  42. *Alekseev S.* Adventures in the taiga. Novellas and short stories for youth / painter T.V. Kalinina. Yekaterinburg, 2010 (in Russ.).
  43. *Alekseev S.S.* Problems of the theory of law: course of lectures: in 2 vols. Sverdlovsk, 1972. Vol. 1: Basic issues of the general theory of Socialist law; 1973. Vol. 2: Normative legal acts. Application of the law. Legal science (jurisprudence) (in Russ.).
  44. *Alekseev S.S.* Reform of the political system // Ural worker. 1988. July 19 (in Russ.).
  45. *Alekseev S.S.* The holiest thing that God has on earth. Immanuel Kant and the problems of law in the modern era. M., 1998 (in Russ.).
  46. *Alekseev S.S.* The holiest thing that God has on earth. Immanuel Kant and the problems of law in the modern era // Alekseev S.S. Collected works: in 10 vols. [+ Reference. volume]. M., 2010. Vol. 5. Pp. 20, 21, 28–30, 37–44, 46, 47, 54, 78, 79, 82, 90, 91, 110, 112, 129, 177, 178, 184, 211–221, 240, 253–263, 331, 357–361 (in Russ.).
  47. *Alekseev S.S.* Freedom at the cost of life. Memoirs // Alekseev S.S. Freedom at the price of life. Memoirs; Interview to the <url> portal. Yekaterinburg, 2012. Pp. 3–27 (in Russ.).
  48. *Alekseev S.S.* The social value of law in Soviet society. M., 1971 (in Russ.).
  49. *Alekseev S.S.* Pages of my life. About the experience. Fragments. Yekaterinburg (Sverdlovsk) – SPb., 1996–2007 // Archive of N.S. Alekseeva and I.S. Alekseeva. Pp. 3–4, 21, 22. The original on paper is typed on a computer; not published (in Russ.).
  50. *Alekseev S.S.* The structure of Soviet law. M., 1975 (in Russ.).
  51. *Alekseev S.S.* Theory of law. M., 1993 (in Russ.).
  52. *Alekseev S.S.* Theory of law: search for new approaches: textbook. Yekaterinburg, 2000 (in Russ.).
  53. *Alekseev S.S.* At the origins of the Russian Constitution. Subjective notes. Yekaterinburg, 2009. Pp. 17–30 (in Russ.).
  54. *Alekseev S.S.* Lessons. The hard way of Russia to the law. M., 1997. Pp. 5, 13, 79–118 (in Russ.).
  55. *Alekseev S.S.* Lessons. The hard way of Russia to the law // Alekseev S.S. Collected works: in 10 vols. [+ Reference. volume]. M., 2010. Vol. 4. P. 73 (in Russ.).
  56. *Alekseev S.S.* Philosophy of Law // Alekseev S.S. Collected works: in 10 vols. [+ Reference. volume]. M., 2010. Vol. 7. Pp. 9–320 (in Russ.).
  57. *Alekseev S.S.* Philosophy of Law. History and modernity. Problems. Trends. Prospects. M., 1997 (in Russ.).
  58. *Alekseev S.* The fracture formula // *Lit. gaz.* 1989. February 22. P. 10 (in Russ.).
  59. *Alekseev S.S.* Private Law. Favorites. M., 2024 (Classics of Russian civil law) (in Russ.).
  60. *Alekseev S.S.* Private Law: scientific and publicist. essay. M., 1999 (in Russ.).
  61. *Alekseev S., Gorbunov M.* Ideals and values of socialism // *Science of the Urals.* 1988. June 23. P. 1 (in Russ.).
  62. *Aronson D.O.* Kant: the transcendental justification of the principles of law: dis. ... Candidate of Philos. M., 2015. P. 7 (in Russ.).
  63. “Ascent to the law”: an interview with Corresponding Member of the RAS by S.S. Alekseev. On the 15th anniversary of the Institute of Philosophy and Law of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences / prepared and conducted by I. Fan // *Scientific Yearbook of the Institute of Philosophy and Law of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences* / ed.: A.V. Gaida, V.N. Rudenko, K.V. Kiselyov. Yekaterinburg, 2004. Iss. 4. Pp. 5–7 (in Russ.).
  64. *Kazantsev M.F., Rudenko V.N., Surina E.M.* Alekseev Sergey Sergeevich: Jurist, Thinker, Publicist. Bio-bibliography. To the 85th anniversary of the scientist’s birth / ed. by V.N. Rudenko. Yekaterinburg, 2009. Pp. 312–321 (in Russ.).
  65. *Kalmykov Yu. Kh.* Twists of fate (In two parliaments, one government. In the national movement). M., 1996. Pp. 16, 17, 19, 21, 31, 51, 86, 159, 160 (in Russ.).
  66. *Kulazhnikov M.N.* Theory of State and law. Bibliography 1917–1968. M., 1969 (in Russ.).
  67. *Makovskiy A.L.* Dear Sergey Sergeevich! [Congratulations on the 85th anniversary] // *Law.* 2009. July. P. 24 (in Russ.).
  68. *Tolstoy Yu. K.* From the experience... SPb., 1999. Pp. 154, 205, 206, 239 (in Russ.).
  69. *Chaillot A., Witz R.* The Constitution of Freedom. Introduction to Legal constitutionalism. M., 2021 (in Russ.).
  70. *Yakovlev V.F.* Adviser to three presidents. M., 2022. Pp. 41, 42, 113–120 (in Russ.).
  71. *Uygar Abaci.* [2020.02.15]. Eric Watkins, Kant on Laws. Cambridge University Press, 2019. URL: <https://ndpr.nd.edu/reviews/kant-on-laws/> (accessed: 05.05.2024).

Сведения об авторах

КАЗАНЦЕВ Михаил Федорович –
доктор юридических наук,
заведующий отделом права
Института философии и права
Уральского отделения
Российской академии наук;
620108 г. Екатеринбург,
ул. Софьи Ковалевской, д. 16

РУДЕНКО Виктор Николаевич –
академик Российской академии наук,
доктор юридических наук,
кандидат философских наук, профессор,
вице-президент Российской академии наук,
главный научный сотрудник отдела права
Института философии и права
Уральского отделения
Российской академии наук,
председатель Уральского отделения РАН;
620108 г. Екатеринбург,
ул. Софьи Ковалевской, д. 16

Authors' information

KAZANTSEV Mikhail F. –
Doctor of Law,
Head of Law Division Institute
of Philosophy and Law,
Ural Branch of the Russian Academy of Sciences;
16 Sofya Kovalevskaya str.,
620108 Yekaterinburg, Russia

RUDENKO Victor N. –
Academician of the Russian Academy of Sciences,
Doctor of Law, Candidate of Philosophical
Sciences, Professor,
Vice-President of the Russian Academy of Sciences,
Chief Researcher of the Department of Law,
Institute of Philosophy and Law,
Ural Branch of the Russian Academy of Sciences,
Chairman of the Ural Branch
of the Russian Academy of Sciences;
16 Sofya Kovalevskaya str.,
620108 Yekaterinburg, Russia

УДК 34

РОССИЯ В НОВЫХ ГЕОПОЛИТИЧЕСКИХ РЕАЛИЯХ: ПРАВОВОЙ ВЕКТОР ЦИВИЛИЗАЦИОННОГО САМООПРЕДЕЛЕНИЯ

© 2024 г. В. В. Лапаева

Институт государства и права Российской академии наук, г. Москва

E-mail: lapaeva07@mail.ru

Поступила в редакцию 26.02.2024 г.

Аннотация. Современные геополитические реалии определяются двумя ключевыми факторами – геополитическим кризисом и экспоненциальным характером развития технологического прогресса. На данном историческом этапе оба этих фактора в своей совокупности предопределяют разделение глобального мира на техно-экономические блоки. Неизбежность в среднесрочной перспективе той или иной формы блокового противостояния не отменяет возможности будущего правового развития на началах принципа формального равенства между государствами. Теоретическая модель такого развития в российской политологии представлена правовой по своей сути концепцией многосторонности мирового порядка, принципиально отличной от силовой модели многополярности. Возможности правового развития России как суверенного государства зависят пока что от успехов в поиске союзников по блоку и от того, с каким научно-технологическим, экономическим и духовным багажом страна войдет в такой союз государств. Конкурентный потенциал каждого блока будет определяться как его технологическим могуществом, так и сложившимся внутри него особым ценностно-нормативным комплексом, в котором найдет отражение духовное единство народов, объединившихся в подобный союз. При этом цивилизационные ценности, составляющие основу такой «мягкой силы», должны быть не только выражены на уровне теорий, но и представлены в практике построения новых моделей социально-экономического и политico-правового устройства, способных ввести технологическое развитие в правовое русло.

Ключевые слова: Россия, геополитический кризис, научно-технологическая революция, международное право, философия права, мировой порядок, силовая модель многополярности, правовая многосторонность, государственный суверенитет, техно-экономический блок, правовое развитие.

Цитирование: Лапаева В. В. Россия в новых геополитических реалиях: правовой вектор цивилизационного самоопределения // Государство и право. 2024. № 6. С. 33–43.

DOI: 10.31857/S1026945224060023

RUSSIA IN THE NEW GEOPOLITICAL REALITIES: THE LEGAL VECTOR OF CIVILIZATIONAL SELF-DETERMINATION

© 2024 V. V. Lapaeva

Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow

E-mail: lapaeva07@mail.ru

Received 26.02.2024

Abstract. Modern geopolitical realities are determined by two key factors – the geopolitical crisis and the exponential nature of technological progress. At this historical stage, both of these factors together determine the division of the global world into techno-economic blocks. The inevitability of some form of block confrontation in the medium term does not negate the possibility of future legal development based on the principle of formal equality between States. The theoretical model of such development in Russian political science is represented by the essentially legal concept of the multilateralism of the world order, which is fundamentally different from the power model of multipolarity. The possibilities of Russia's legal development as a sovereign state so far depend on success in finding allies in the bloc and on what scientific, technological, economic and spiritual baggage the country will enter into such a union of states. The competitive potential of each block will be determined both by its technological might and by the special value-normative complex that has developed within it, which will reflect the spiritual unity of the peoples united in such a union. At the same time, the civilizational values that form the basis of such a "soft power" should not only be expressed at the level of theories, but also presented in the practice of building new models of socio-economic and political-legal structure capable of introducing technological development into the legal mainstream.

Key words: Russia, geopolitical crisis, scientific and technological revolution, International Law, Philosophy of Law, world order, power model of multipolarity, legal multilateralism, state sovereignty, techno-economic bloc, legal development.

For citation: Lapaeva, V.V. (2024). Russia in the new geopolitical realities: the legal vector of civilizational self-determination // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 6, pp. 33–43.

Правовая концепция эволюции мировой системы: от многополярности к многосторонности. Современный геополитический кризис, подорвавший постбиполярный мировой «полупорядок», основанный на «новых неписанных, но разделявшихся участниками правил поведения на международной арене»¹, вынес в глобальную повестку дня вопрос об основах будущего мироустройства. Среди отечественных и зарубежных политиков и политологов обострились дискуссии между сторонниками многополярности (полицентричности), приверженцами гегемонистской стабильности однополярного мира, а также теми, кто ищет теоретический компромисс на базе концепций плюралистической или асимметричной однополярности, теми, кто в духе *real politic* считает неизбежной новую биполярность с США и Китаем в качестве двух супердержав, и т.д. Особняком по отношению к этим вариантам неправового по своей сути, т.е. силового (основанного на балансе между равновесными полюсами силы и на иерархичном построении внутри самих полюсов) устройства миропорядка

находится идея генерального директора Президиума Российского совета по международным делам А.В. Кортунова о том, что «элементы будущего мирового порядка – если мы говорим именно о порядке, а не об “игре без правил” и не о “войне всех против всех” – следует строить на фундаменте не столько многополярности, сколько многосторонности»². Главное различие между двумя концепциями заключается в том, что «если многополярность ищет пути формального или неформального закрепления системных привилегий лидеров, то многосторонность нацелена на поиск дополнительных возможностей для отстающих»³. Именно с развитием концепции подобной многосторонности, считает автор, могут быть связаны важные интеллектуальные прорывы в области российской теории международных отношений. Такие прорывы сейчас крайне необходимы, поскольку доминирующая установка на многополярность, которая опирается на исторический опыт «Европейского

¹ Никитин А.И. Современный миропорядок: его кризис и перспективы // Полис. 2018. № 6. С. 35.

² Кортунов А.В. Между полицентризмом и биполярностью: о российских нарративах эволюции миропорядка // Рабочая тетрадь РСМД. 2019. № 52. С. 35.

³ Там же. С. 36.

концерта» или Венской системы международных отношений, созданных в Европе в начале XIX в., не учитывает, как убедительно показывает автор, ряд факторов, способных заблокировать такой вариант развития⁴.

Но при этом сам же А. В. Кортунов характеризует подобный многосторонний порядок как не вполне справедливый по отношению к сильным игрокам, поскольку их интересы ограничиваются как в пользу слабых субъектов мировой политики, так и в целях поддержания стабильности всей системы международных отношений⁵. В данной связи напрашивается вопрос: насколько в принципе уместны предложения по выстраиванию мирового порядка на заведомо несправедливых основаниях? Ведь подобные предложения в практическом отношении являются проигрышными, а в теоретическом неверными, поскольку, как хорошо сказал и показал Ю. Хабермас, этика дискурса «не допускает рядом со справедливостью... никаких конкурирующих точек зрения *равного ранга*»⁶. Однако применительно к рассматриваемой идеи многосторонности миропорядка такая критика неуместна, поскольку, вопреки некоторым суждениям ее автора, она как раз находится в русле справедливого и одновременно (что принципиально важно) правового по своей сути решения проблемы будущего мироустройства.

Чтобы пояснить эту мысль, необходимо напомнить, что в философии права выделяется три подхода к проблеме соотношения права и справедливости – позитивистский, естественно-правовой и либертарно-юридический, – в рамках которых по-разному раскрывается не только соотношение права и справедливости, но и само понятие справедливости. Позитивисты трактуют справедливость как моральную категорию, выходящую за рамки позитивного правопорядка, а юснатуралисты рассматривают ее как естественно-правовое и одновременно моральное (иногда – морально-религиозное) требование, обращенное к позитивному правопорядку, что, как верно замечено, предполагает морально-правовой,

⁴ При этом автор указывает на ярко выраженную неравновесность участников потенциальной многополярной системы, на крайнюю неоднородность мировой элиты с ее существенно разнявшимися культурными архетипами и базовыми ценностями, на жесткую зависимость национальных лидеров от подверженного эмоциям общественного мнения, на принципиальную проблематичность совмещения блоковой модели миропорядка и полноценного суверенитета всех входящих в них государств (см.: Кортунов А. В. Указ. соч. С. 15–23).

⁵ См.: там же. С. 35.

⁶ Хабермас Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие. СПб., 2006. С. 275.

т.е. междисциплинарный статус всей юридической науки⁷. Сторонники этих типов правопонимания, кстати, не исключают и могут даже приветствовать уступки со стороны сильных субъектов политико-правовых отношений в пользу слабых, но считают это своего рода благотворительностью, которая относится к сфере морали, с присущей ей (в отличие от права) нормативной неопределенностью, всегда чреватой произволом. В отличие от этих подходов для либертарно-юридической теории, разграничитывающей право и мораль по существенному основанию, право – это выражение существенного принципа формального равенства как единства равной меры, свободы и справедливости⁸. Именно либертарно-юридический подход⁹, которого я и буду далее придерживаться, позволяет ввести идею многосторонности мирового порядка в правовое русло, поскольку, согласно данному типу правопонимания, справедливость как имманентная характеристика права предполагает компенсацию незаслуженной слабости сторон правового взаимодействия¹⁰. Оставляя за рамками данного анализа обоснование теоретических преимуществ такого подхода, отмечу, что его практическое значение применительно к рассматриваемой проблематике определяется тем, что компоненты межгосударственной системы взаимодействуют прежде всего на основе *международного права*. Морально-религиозные регуляторы, разумеется, тоже вос требованы, но, как отмечает А. Н. Вылегжанин, «для целей регламентации связей государств они не столь действенны»¹¹. К этому следует добавить, что мораль и религия как соционормативные системы не столь действенны во взаимоотношениях между государствами именно потому, что по своей природе они партикулярны и не могут, в отличие от права, претендовать на общезначимость.

Суть принципа правовой компенсаторности как одного из проявлений существенного правового принципа формального равенства можно пояснить

⁷ См.: Луковская Д. И. Позитивизм и естественное право: конфликт интерпретаций // Вестник Томского гос. ун-та. 2020. № 456. С. 234.

⁸ Право здесь – это применение равной меры к измерению свободы субъектов права, гарантирующее им формальную справедливость.

⁹ Либертарно-юридическая теория разработана акад. В. С. Нерсесянцем и обоснована им в качестве самостоятельного типа правопонимания (см.: Нерсесянц В. С. Философия права: либертарно-юридическая концепция // Вопросы философии. 2002. № 3. С. 3–15).

¹⁰ Подробнее см.: Лапаева В. В. Типы правопонимания: правовая теория и практика. М., 2012. С. 391–441.

¹¹ Вылегжанин А. Вопросы соотношения и взаимодействия международных отношений и международного права. URL: <https://www.russiancouncil.ru>analytics-and-comments/...> (дата обращения: 12.02.2024).

по аналогии с обоснованием границ правовой природы социального государства. Дело в том, что во взаимоотношениях между государствами как субъектами права действует та же правовая логика, что и в случае проведения государством социальной политики: такая политика сохраняет правовой характер, если она не выходит за границы *правовой компенсации* (т.е. не превращает правовые преференции, компенсирующие людям их незаслуженную социобиологическую слабость, в неправовые привилегии)¹². И хотя ссылка на внутригосударственную социальную политику дана здесь в качестве аналогии, однако в современных условиях принцип правовой компенсаторности вполне может и должен быть применен в том сегменте международных отношений, который связан с выстраиванием экономических механизмов, способствующих международной или глобальной социальной справедливости¹³.

В Конституции РФ принцип формального равенства получил нормативное закрепление в ч. 3 ст. 17, которая гласит, что при осуществлении прав и свобод нельзя нарушать права и свободы других лиц, а также в ч. 3 ст. 55, в соответствии с которой права и свободы человека и гражданина могут быть ограничены в той мере, в какой это необходимо в целях защиты прав других лиц, а также перечисленных здесь конституционных ценностей общего блага. Если применить этот принцип к сфере международно-правовых отношений между государствами, то речь пойдет об основаниях и пределах ограничения *государственного суверенитета*. По этому поводу В.С. Нерсесянц, исходя из разработанного им либертарно-юридического правопонимания, отмечал, что в данном случае надо говорить не об ограничении *прав* суверенитета, т.е. не об отказе от части суверенных прав, а об ограничении *государственного произвола*, о «переходе от прежнего силового, произвольного суверенитета к правовой концепции и конструкции суверенитета. <...> Если старый суверенитет был прежде всего произвольным притязанием на право-вую монополию и абсолютное право по принципу

¹² Правовое регулирование, писал В.С. Нерсесянц, основывается на принципе формального равенства сторон до тех пор, пока оно остается в границах правовой компенсации. А «всякий выход в процессе пропорционально-распределяющего уравнивания за границы правовой компенсации ведет к появлению привилегий, т.е. к нарушению права» (см.: Нерсесянц В.С. Философия права: учеб. для вузов. М., 2006. С. 509, сн. 1).

¹³ См.: Brock G. Global justice: a cosmopolitan account. Oxford, 2009. Анализ западного философского дискурса о социальной справедливости как *международной* (т.е. справедливости в мире государств) и *глобальной* или *космополитической* (справедливости применительно к каждому человеку как «гражданину мира») (см.: Прокофьев А.В. Этика справедливости и ее пределы. URL: <https://www.iphras.ru/upfile/ethics/RC/ed/kaunas/prok.html> (дата обращения: 22.02.2024)).

«права» сильного, то новый суверенитет должен быть прежде всего правовой обязанностью в отношении множества других субъектов права, обязанностью считаться с правами других»¹⁴.

Кстати, вполне вписывается в правовой подход к проблеме мироустройства и приведенный А.В. Кортуновым такой, казалось бы, сугубо прагматический аргумент в пользу идеи многосторонности: нужно, говорит он, искать принципы и механизмы создания дополнительных гарантий ««слабым», потому что возможности для «слабых» выступать в роли «спойлеров» в XXI веке выросли как минимум на порядок по сравнению с предыдущими эпохами»¹⁵. С правовой точки зрения важна не сама мысль о том, что в условиях гибкой блоковой системы у «слабых» государств появляются большие возможности влиять на соотношение сил между конкурирующими блоками (что укрепляет их правовые позиции), а приведенная автором аргументация в обоснование этого тезиса. Опираясь на аналогию с федеративным государством, в котором происходит перераспределение ресурсов от процветающих регионов к депрессивным, А.В. Кортунов отмечает, что «процветающие вынуждены платить больше ради сохранения целостности и стабильности федерации»¹⁶. Эта же логика, считает он, применима и к международным отношениям. И действительно, подобное перераспределение ресурсов между государствами (экономических, политических, культурных и т.д.) способствует сохранению целостности и стабильности системы международных отношений как общего блага. А это значит, что такой подход вписывается в формулу *правового принципа формального равенства*, согласно которой права одних субъектов правового взаимодействия могут быть реализованы в той мере, в какой они не нарушают права других субъектов и те ценности общего блага, которые являются условием реализации прав каждой из сторон.

Доминировавшие ранее в истории правовой мысли представления о том, что термин «международное право» носит весьма условный характер, а обозначаемый им феномен, по сути своей, не является правом, в целом уже ушли в прошлое. В настоящее время специалисты в области международного права уверенно говорят о том, что «международное право *общеприемлемо*»¹⁷. С позиций философии права к этому следует добавить, что оно *общеприемлемо* (т.е. *общезначимо и универсально*) именно потому, что основано на правовом принципе формального равенства, применение

¹⁴ Нерсесянц В.С. Философия права: учеб. для вузов. С. 640.

¹⁵ Кортунов А.В. Указ. соч. С. 35.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Вылегжанин А.Н. Указ. соч.

которого к субъектам международного права гарантирует степень справедливости в их взаимоотношениях, максимально возможную на данном историческом этапе. Отмечая принципиально важную имманентную взаимосвязь права и справедливости, хотелось бы в этом контексте обратить внимание на высказывание о проблеме справедливости международных отношений другого влиятельного эксперта – председателя Президиума Совета по внешней и оборонной политике Ф.А. Лукьянова. Комментируя призывы российской дипломатии к «справедливому мировому устройству» и соглашаясь с ними, далее он пишет, что «справедливость – понятие не универсальное... Особенно на международной арене, где толкование каждым справедливости неразрывно связано с реализацией национальных интересов. Поэтому справедливость как лозунг – хорошо и правильно, как руководство к действиям – едва ли применима на практике»¹⁸. Подобные рассуждения, по-видимому, основаны на представлении о том, что справедливость – это категория, относящаяся к области морали. Но в таком случае призывы к справедливости в области международных отношений – это всего лишь прекраснодушное морализаторство. Только признавая справедливость правовой и, соответственно, общезначимой, универсальной категорией, уместно говорить о необходимости справедливого мироустройства.

Сказанное, разумеется, не означает, что такой международно-правовой порядок достижим в ближайшее время (более того, по мнению А.В. Кортунова, и многополярный мир – это дело не одного десятилетия). Но выдвигая уже сейчас правовое требование справедливости, а не моральный призыв, Россия может в исторически обозримой перспективе рассчитывать на широкую поддержку мирового сообщества. То обстоятельство, что это правовое требование пока нереализуемо, никак не обесценивает его общезначимости и императивности. В отличие от политологии (для которой на первом месте стоит описание, анализ и учет механизмов реальной политики), а также от позитивистской доктрины правопонимания (в центре внимания которой находится описание, анализ и систематизация действующего законодательства) либертарно-юридическая и естественно-правовая доктрины используют в своих построениях такой доктринальный язык, который носит не дескриптивный, а прескриптивный характер: он предписывает «правовой смысл, правовой характер закона... всех способов, форм, процедур и приемов его установления, изменения, действия,

толкования и применения»¹⁹. При этом если юституализм предлагает в качестве критерия правового характера закона и способов его реализации некие моральные максимы, главными носителями которых обычно выступают «равнейшие из равных», то либертарно-юридическая теория опирается на критериальное значение принципа формального равенства сторон правового взаимодействия. Именно этот подход в полной мере отвечает не только интересам России на международной арене, но и задаче построения равносправедливой правовой модели миропорядка.

Геополитические реалии блокового противостояния и проблема государственного суверенитета России. Даже если вслед за И. Кантом (воодушевившись его великой идеей «вечного мира») всерьез рассчитывать на возможность такого мироустройства, в рамках которого гарантируется, что и «самое маленькое государство могло бы ожидать своей безопасности и прав не от своих собственных сил... а исключительно от такого великого союза народов... от объединенной мудрости и от решения в соответствии с законами объединенной воли»²⁰, то при всем оптимизме следует признать, что дорога к этому правовому будущему будет крайне не простой и опасной. В ближайшей исторической перспективе человечеству, судя по всему, придется пройти через «период распада деградирующей старой системы на отдельные фрагменты и самозамыкание “полюсов” в своих региональных или континентальных подсистемах с целью внутренней консолидации каждого из “полюсов”»²¹.

Такое видение ситуации вновь актуализирует концепцию этнокультурного разделения цивилизаций С. Хантингтона²², и прежде всего лежащую в ее основе идею о том, что после окончания «холодной войны» на место идеологической конфронтации приходят конфликты, основанные на религиозных и этнокультурных различиях.

¹⁸ Лукьянов Ф.А. Справедливость – понятие не универсальное // Россия в глобальной политике. URL: <https://globalaffairs.ru/articles/spravedlivost-ne-universalna/> (дата обращения: 22.02.2023).

¹⁹ Кант И. Идея всеобщей истории во всемирно-гражданском плане. URL: <https://www.filosof.historic.ru/books/item/f00/s00/z0000510> (дата обращения: 22.05.2020). В этом контексте нельзя не упомянуть о том, что Г. Гегель, отрицавший идею кантовского «вечного мира», писал по этому поводу так: «Войны возникают там, где они лежат в природе вещей; ... и пустая болтовня умолкает перед серьезными повторениями истории». И если, считал он, «известное число государств и сольется в одну семью, то этот союз... должен будет сотворить противоположность и породить врага» (см.: Гегель Г. Философия права. М., 1990. С. 361).

²⁰ Кортунов А.В. Указ. соч. С. 12.

²¹ Предыдущий всплеск интереса к этой концепции, впервые изложенной автором в статье «Столкновение цивилизаций?» в 1993 г. и развитой затем в одноименной монографии 1996 г., был подогрет событиями 11 сентября 2001 г.

Американский социолог и политтехнолог не был беспристрастным наблюдателем, он ставил своей задачей предупредить западную цивилизацию о возможных ошибках, которые способствовали бы дальнейшему ослаблению лидерских позиций Запада в глобальном мире и помешали бы восстановлению его могущества в будущем. К таким ошибкам С. Хантингтон относил прежде всего вмешательство в дела других цивилизаций, чреватое глобальным конфликтом в полицивилизационном мире. Кроме того, он предостерегал США от попыток сдерживать формирование многополярного мироустройства, а внутри страны призывал сохранить европейскую идентичность и те элементы европейской культуры, которые составляют инструменты «мягкой силы» западной цивилизации. При этом С. Хантингтон считал, что России и Западу необходимо договориться «о принципиальном равенстве и разделении сфер влияния» таким образом, что Россия дает согласие на расширение Европейского Союза и НАТО за счет «западно-христианских стран Центральной и Восточной Европы, а Запад обязуется не расширять НАТО дальше на восток, если только Украина не расколется на два государства»²³.

Признавая значимость целого ряда конкретных оценок, выводов и предложений С. Хантингтона, можно тем не менее констатировать, что его концепция конфликта цивилизаций по большому счету не вписывается в реалии осуществляемого сейчас кризисного перехода к многополярному миру. Показателен в этом плане его прогноз по поводу «большой войны» между разными цивилизациями (а такую возможность С. Хантингтон не исключал, хотя и считал ее маловероятной). Скорее всего, по его мнению, это могла бы быть война между США и Китаем, в ходе которой «США, Европа, Россия и Индия окажутся втянуты в глобальную борьбу против Китая, Японии и большинства исламских стран»²⁴, а Россия не только примкнет к Западу, но и войдет в состав НАТО. Однако, исходя из нынешнего развития событий, такой сценарий трудно назвать даже маловероятным. И дело не только в том, что далеко не все советы этого авторитетного внешнеполитического стратега были учтены американским истеблишментом. С. Хантингтон, по-видимому, недооценил фактор, на котором сделал акцент другой видный американский социолог и футуролог Э. Тоффлер, предложивший иную версию конфликта цивилизаций и иное понятие цивилизации как «интегрированной социальной системы со своими особыми технологиями, со своими собственными социальными институтами и своими собственными информационными

каналами»²⁵. Ключевым фактором цивилизационного развития здесь является технологический (а точнее – научно-технологический) прогресс, который предопределяет эволюционную смену волн цивилизаций от сельскохозяйственной к индустриальной и затем к постиндустриальной, уже начавшей свое шествие по миру в борьбе со старыми формами экономики, политики, социальной структуры, а также с соответствующей им ценностно-регулятивной системой. При этом линия столкновения между «волнами цивилизаций» проходит как в рамках мировой системы, так и внутри отдельных государств.

Тоффлеровская трактовка идеи конфликта цивилизаций полнее отражает тот факт, что на современном этапе развития человечества достижения научно-технологического прогресса «как никогда прежде, начали определять динамику развития стран, их совокупную мощь, глобальную конкурентоспособность, степень обеспечения национальной безопасности и равноправной интеграции в мировую экономику»²⁶ со всеми вытекающими последствиями для благосостояния их граждан. С учетом этого можно согласиться с тем, что многополярный мир, который сформируется по итогам нынешнего геополитического кризиса, разделится не просто на экономические пространства, а на техно-экономические блоки. Государства, входящие в такие блоки, будут, по-видимому, иметь некоторую общую цивилизационную (этнокультурную) специфику, но на первый план выйдут общие интересы по встраиванию в систему глобальной научно-технологической конкуренции.

Под техно-экономическим блоком понимается макроэкономическое пространство, образуемое несколькими государствами, в рамках которого функционирует общий рынок, собственная валюта, своя инфраструктура для создания технологических платформ и критически важных технологий (куда не будут допускаться конкуренты), достаточный комплекс человеческих и природных ресурсов и т.п.²⁷ России еще предстоит найти себе союзников среди технологически развитых стран, с которыми можно было бы сформировать общий рынок, позволяющий окупать инвестиции в высокие технологии XXI в. (во всяком случае до тех пор, пока выход на мировые рынки технологий будет ограничен). От того, сумеет ли Россия стать частью сильного техно-экономического блока и с каким научно-технологическим и экономическим потенциалом

²⁵ Тoffлер Э. Третья волна. М., 2002. С. 78.

²⁶ Добросклонская Т. // Обозреватель. 2023. Т. 399. № 4. С. 114.

²⁷ Дискуссия «Конкуренция технологических платформ в XXI веке» (выступление А.О. Безрукова). URL: <https://bit.ly/3IhdobYt.me/valdaiclub/8840> (дата обращения: 11.05.2023).

²³ Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. М., 2016. С. 423.

²⁴ Там же. С. 567.

она войдет в такой блок, во многом будет зависеть обеспечение ее *государственного суверенитета* в рамках иерархической внутриблоковой структуры.

С учетом экономического потенциала страны, определяемого наличием энергетических и иных природных ресурсов, выгодным экономико-географическим положением, высоким уровнем образования населения и т.д., главная проблема обеспечения государственного суверенитета России формулируется сейчас как необходимость «достижения технологического суверенитета»²⁸. Введение с 2022 г. в политический дискурс и научный оборот термина «*технологический суверенитет*» не ставит под сомнение принятые в юридической науке представления о неделимом характере феномена, обозначаемого понятием «государственный суверенитет», а лишь акцентирует внимание на наиболее слабом звене в системе факторов, из которых складывается государственный суверенитет России на данном этапе ее исторического развития. Острота проблемы обусловлена тем, что страна, вступившая после распада СССР в глобальный рынок, легко согласилась с предложенной ей ролью сырьевого придатка. Таким образом, руководством страны был недооценен научно-технологический фактор общечивилизационного развития, который в современных условиях является определяющим.

Для осмыслиения роли и значения этого факто-ра целесообразно обратиться к предложенной ака-демиком В.С. Степиным типологии цивилизаций, в рамках которой выделяются цивилизации традиционного и техногенного типа²⁹. Культурная ма-трица традиционных цивилизаций представляет собой жесткий каркас из религиозно-нравственных норм и многовековых обычаяев, в который любые новшества (социальные, технологические, духовные и т.д.) вписываются крайне медленно, пре-одолевая большое сопротивление социальной сре-ды. Техногенный тип цивилизации, зародившийся в Западной Европе в XV–XVII вв., напротив, отли-чается большой восприимчивостью к инновациям и ориентацией на раскрепощение творческого по-тенциала людей, в чем огромную роль играет право как система прав человека. В современных ус-ловиях техногенный путь цивилизационного раз-вития становится определяющим: в него с разной

²⁸ В 2022 г. Президент РФ, выступая на Петербургском международном экономическом форуме, назвал достижение технологического суверенитета в числе шести базовых прин-ципов долгосрочного развития России (см.: Полный текст вы-ступления Владимира Путина на ПМЭФ 17 июня 2022. URL: <http://www.kp.ru/daily/27407.5/4603800/> (дата обращения: 07.02.2024)).

²⁹ См.: Степин В.С. Стратегия цивилизационного развития и проблема ценностей // Россия и современный мир. 2003. № 1. С. 5.

степенью успешности встраивается большинство стран и регионов мира. Данный процесс, осущест-вляемый сейчас под девизом «кто не успел, тот опоздал», имеет ярко выраженный конкурентный характер. При этом, как показывает опыт быстро развивающихся стран Азии, осуществивших в по-следние десятилетия модернизационный рывок, важным ресурсом в такой конкуренции является удачное сочетание открытости технологическим инновациям с культурными традициями «Восточного пути». В ценностно-нормативной плоскости это означает нахождение оптимального баланса между правом, моралью и религией как базовыми соционормативными регуляторами.

Ценностно-нормативные основы консолидации го-сударств в рамках формирующихся блоков. Конку-рентный потенциал каждого блока будет опреде-ляться не только его технологическим могуществом, но и сложившимся внутри него особым ценностно-нормативным комплексом, в котором найдет отра-жение определенный уровень духовного единства народов, объединившихся в подобный союз. Поми-мо регулятивной функции соответствующие ценно-сти, нормы и основанные на них модели социально-го развития станут осуществлять функцию «мягкой силы», привлекающую в то или иное макроэконо-мическое пространство новых союзников. Поэтому вопрос о том, какие духовные составляющие куль-туры могут стать «точкой сборки» в рамках такого объединения государств, имеет не только глубо-кий философский смысл, отражающий представле-ния о сущности человека и полноте человеческого бытия, но и важное практическое значение. В ус-ловиях, когда научно-технологический прогресс определяет стратегическое развитие современного мира³⁰, экзистенциальные по своему содержанию культурные коды разных цивилизаций должны быть рассмотрены в фокусе тех социальных вызовов, ко-торые несут в себе технологии XXI в.

Идущая в мире технологическая революция, ос-новной вектор которой задан конвергенцией нано-, био-, инфо- и когнотехнологий, привносит но-вые существенные характеристики в обществен-ное (в том числе и политико-правовое) устройство всех технологически развитых стран. Суть этих глав-ных технологий XXI в. заключается в том, что они направлены не столько на преобразование среды, окружающей человека, сколько на технологические трансформации самого человека (его физиологиче-ских, когнитивных и психических характеристик), а также на технлизацию сферы управления человеческой жизнью со стороны структур, обладающих по-литической или экономической властью. Указан-ные технологии, которые нередко называют экспо-ненциальными в силу соответствующих темпов их

³⁰ Добросклонская Т. Указ. соч. С. 123.

развития, в своей совокупности открывают невиданные прежде возможности в сфере социального управления и контроля за поведением людей. А это значит, что перспективы и направления разработки и применения подобных технологий представляют значительный интерес для анализа в плоскости правового подхода. Чтобы понять масштаб их грядущего воздействия на социальные отношения, следует рассмотреть крайние из возможных его проявлений, которые могут быть реализованы в рамках основных конкурирующих моделей общественного устройства. Речь идет, с одной стороны, о социалистическом Китае (социалистическом – несмотря на значительный рыночный сегмент его экономики), а с другой – о капиталистическом Западе (капиталистическом – несмотря на все разговоры последних десятилетий о кризисе капитализма).

Что касается китайского социализма, то в настоящее время этот общественный строй демонстрирует потенциал для такого соединения управленческих и технологических ресурсов, который способен обеспечить всепроникающую систему учета и контроля поведения граждан, чреватую серьезными нарушениями прав человека. Подобное управление уже реализуется в форме т.н. социальных рейтингов, применяемых пока что собственниками технологических платформ, но при очевидном одобрении со стороны государства. Наряду с этим в Китае активно развиваются биотехнологии, в частности технологии по редактированию генома человека³¹, а также вспомогательные репродуктивные технологии, связанные с селекцией эмбрионов, которые могут быть использованы для целей т.н. позитивной или либеральной евгеники. Качественно новые возможности для контроля за человеком могут предоставить технологии распознавания эмоций, внедрение которых начинается с помощи в работе правоохранительных органов³². В этом же ряду следует отметить и то, что большое и очень неоднозначное впечатление на весь мир произвела эффективность применения китайским государством средств цифрового отслеживания контактов и контроля за здоровьем людей во время пандемии COVID-19. Впереди введение цифрового юаня, эксперименты по внедрению которого (в том числе и для выплаты зарплаты) уже проводятся. Очевидно, что

³¹ Подробнее см.: Лапаева В.В. Право в эпоху генетической революции: прогресс геномики человека с позиций правового подхода. М., 2023. С. 80–82. Не случаен тот факт, что первый (и единственный из известных) эксперимент по рождению детей с отредактированным геномом был реализован в Китае. И хотя власти страны осудили эксперимент, его проведение не было для них тайной (см.: там же. С. 35).

³² Обеспокоенность по поводу китайских разработок в этой области высказывают некоторые правозащитные организации (см.: Emotional Entanglement: China's emotion recognition market and its implications for human rights. Published by ARTICLE19 in January 2021. London, 2021).

результаты этих экспериментов могут быть легко «интегрированы в систему социального рейтингования, разрабатываемую правительством Китая»³³. И все это только первые шаги в создании и применении технологий такого рода.

А между тем Китай до ХХ в. был классической цивилизацией традиционного типа и, казалось бы, должен тяготеть к технологическому консерватизму. Однако, получив по итогам опиумной войны XIX в. и культурной революции XX в. мощную прививку от экономической автаркии и технологического отставания, в XXI в. Китай сумел успешно синтезировать возможности западных технологий и особенности конфуцианской культуры с ее ориентацией на ценности стабильности и гармонии, а также на принцип Небесного мандата правителя, с ее приверженностью идеи иерархии в противовес идеи равенства, с пониманием государственного устройства через призму семейных отношений и т.д.³⁴ Показательно, что и сейчас Китай «уходит от конфронтационной “блоковой” риторики»³⁵, призывая к гармонии цивилизаций³⁶ и провозглашая приверженность идеи совмещения «китайской экоцивилизации и западной индустриальной цивилизации»³⁷. Однако демонстрируемое при этом соединение социалистической модели общественного и государственного устройства с западными технологиями, созданными в условиях иной культуры и системы ценностей, с правовой точки зрения создает весьма опасную «гримучую смесь».

На другом идеологическом полюсе ситуация, на первый взгляд, выглядит иначе. Здесь звучат слова о переходе к так называемому инклузивному капитализму с его идеей заменены акционеров-собственников на простых интересантов в функционировании капитала, с его шеринговой (от англ. *sharing* – участие, дележ) экономикой ответственного потребления, предполагающей снижение употребления мяса, отказ от личного автомобиля, от авиаперелетов и т.п. Здесь уже полным ходом внедряются

³³ Кочергин Д.А. Цифровые валюты центральных банков: опыт внедрения цифрового юаня и развитие концепции цифрового рубля // Russian Journal of Economics and Law. 2022. Т. 16. № 1. С. 64.

³⁴ См.: Асмолов К. Азиатские ценности как дорога к прогрессу. Почему конфуцианский культурный регион совершил рывок из Третьего мира. URL: <https://www.globalaffairs.ru/articles/aziatskie-cennosti-kak...> (дата обращения: 11.05.2023).

³⁵ Дегтерев Д. Многополярность или «новая bipolarность»? URL: <https://russiancouncil.ru>analytics-and-comments/...>

³⁶ См.: Гордон А. В. Китайская цивилизация в глобалистской парадигме // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 9. Востоковедение и африканистика. 2020. С. 21.

³⁷ Сунь Лэй. Китайский путь – модернизационная трансформация китайской цивилизации // Сравнительная политика. 2019. Т. 10. № 2. С. 35.

идеи базового (но не безусловного) дохода, пропагандируются прелести технологического коньюмеризма, виртуальной реальности и т.д. Однако очевидно, что все эти сомнительные прелести «капитализма для всех», гарантирующие массам сытую бедность³⁸, не затронут глобальные элиты. Ведь в рамках предлагаемой этим концептом модели миропорядка национальные государства, которые сейчас хоть как-то сдерживают нарастающие тенденции социальной поляризации на глобальном и внутригосударственном уровнях, должны будут уйти со сцены. Как пишет известный пропагандист инклузивного капитализма и рупор глобализма К. Шваб, в результате расширения глобализации и демократии «для национальных государств не останется места»³⁹. Их управленческие функции перейдут к «социально ответственным» транснациональным корпорациям, которые смогут использовать для этого технологии контроля, успешно апробированные в Китае.

Таким образом, в условиях нынешнего этапа научно-технологической революции перспективы развития как социализма, так и капитализма (если рассматривать их в логике простой экстраполяции) несут примерено одинаковую опасность дегуманизации человека и технозизации создаваемых им общественных отношений в русле построения постчеловеческого будущего. А это означает, что технологический императив⁴⁰, уже практически выходящий из-под социального контроля, может легко подавить кантовский категорический императив, лежащий в основе идеи достоинства и прав человека. В складывающейся ситуации наивно звучат утверждения сторонников движения так называемых демократических трансгуманистов (другие представители этого многочисленного трансгуманистического движения в массе своей не озабочены проблемами демократии) о том, что технологический прогресс не «сделает богатых богаче, а бедных беднее»⁴¹, поскольку такую опасность вполне можно преодолеть путем развития всеобщего здравоохранения, субсидий для широкого доступа к технологиям и т.п. В условиях колосальной социальной поляризации у представителей глобальной элиты, обладающих основными экономическими, политическими и информационными ресурсами, а в перспективе — и самыми мощными

³⁸ См.: Шелест Д. Инклузивный капитализм: завершение эпохи или начало иного порядка? <https://regnum.ru/article/3281007>

³⁹ Schwab K., Mallere T. COVID-19: The Great Reset // WEF FORUM PUBLISHING. 2020. S. 82.

⁴⁰ См.: Ушаков Е.В. Технологический императив и проблема нормативности технологии // Оригинальные исследования. 2020. № 10. С. 36.

⁴¹ Hughes J. On Democratic Transhumanism. URL: <https://archive.ieet.org/articles/hughes20090623.html> (дата обращения: 11.06.2022).

искусственным интеллектом, есть как минимум большой соблазн пренебречь идеями правовой демократии. А если это произойдет, то непонятно, кто и как сможет им помешать направить развитие человечества в русло биосоциального раскола на сверхлюдей и массы, оставшиеся в границах своей биологической природы.

Обнадеживает лишь то, что между двумя описанными выше крайностями капиталистической и социалистической моделей, реализуемых в условиях современной научно-технологической революции, находится обширное пространство, заполненное идеями и социальными практиками, ориентированными на поиск новых правовых путей развития человечества. В этом глобальном дискурсе востребованы и интеллектуальные достижения западной философско-правовой мысли⁴², и нормативные традиции древней китайской цивилизации, и прозрения русской религиозной философии права, и итоги философско-правового осмысливания противоречивого социалистического опыта России⁴³. Значимость этого интеллектуального поиска в контексте проблемы технанизации человеческой жизни как одного из главных вызовов современности хорошо выразил К. Ясперс. «Людей, — писал он, — не покидает ощущение, что они живут в момент, когда в развитии мира достигнут рубеж, который несозимерим с подобными рубежами отдельных исторических эпох прошлых тысячелетий. Мы живем в духовно несравненно более богатой возможностями и опасностями ситуации, однако, если мы с ней не справимся, она неизбежно превратится в наиболее ничтожное время для оказавшегося несостоительным человека»⁴⁴.

⁴² Именно на Западе звучит сейчас особенно резкая критика современного капитализма в таких его вариациях, как «инклузивный капитализм», «стейххолдерский капитализм», «биокапитализм», «надзорный капитализм» и т.д. Показателен и тот факт, что в странах Европейского союза принятые наиболее разработанные в части защиты прав человека межгосударственные стандарты, регламентирующие работу с искусственным интеллектом и с большими данными, а также создание и применение биотехнологий (и прежде всего генной инженерии) и иных высоких технологий XXI в.

⁴³ В рамках такого опыта особый интерес представляет разработанная акад. В.С. Нерсесянцем концепция цивилизма как принципиально нового с правовой точки зрения постсоциалистического общественного строя (см.: Нерсесянц В.С. Национальная идея России во всемирно-историческом прогрессе равенства, свободы и справедливости. Манифест о цивилизме. М., 2000). Анализ концепции цивилизма в фокусе современных политико-правовых реалий см.: Лапаева В.В. Социализм как закономерный этап всемирно-исторического процесса: с позиций концепции цивилизма В.С. Нерсесянца // Вопросы философии. 2017. № 7. С. 44–56.

⁴⁴ Ясперс К. Духовная ситуация времени. URL: <https://www.http://lib.ru/ILOSOF/YASPERS/time.txt> (2. Истоки современного положения) (дата обращения: 12.02.2024).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Асмолов К.* Азиатские ценности как дорога к прогрессу. Почему конфуцианский культурный регион совершил прорыв из Третьего мира. URL: <https://www.globalaffairs.ru/articles/aziatskie-czennosti-kak...> (дата обращения: 11.05.2023).
2. *Вылегжанин А.* Вопросы соотношения и взаимодействия международных отношений и международного права. URL: [https://www.russiancouncil.ru>analytics-and-comments/...](https://www.russiancouncil.ru>analytics-and-comments/) (дата обращения: 12.02.2024).
3. *Гегель Г.* Философия права. М., 1990. С. 361.
4. *Гордон А. В.* Китайская цивилизация в глобалистской парадигме // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 9. Востоковедение и африканистика. 2020. С. 21.
5. *Дегтерев Д.* Многополярность или «новая bipolarность»? URL: [https://russiancouncil.ru>analytics-and-comments/...](https://russiancouncil.ru>analytics-and-comments/)
6. Дискуссия «Конкуренция технологических платформ в XXI веке» (выступление А.О. Безрукова). URL: <https://bit.ly/3lHd0bYt.me/valdaiclub/8840> (дата обращения: 11.05.2023).
7. *Добросклонская Т.* // Обозреватель. 2023. Т. 399. № 4. С. 114, 123.
8. *Кант И.* Идея всеобщей истории во всемирно-гражданском плане. URL: <https://www.filosof.historic.ru>books/item/f00/s00/z0000510> (дата обращения: 22.05.2020).
9. *Кортунов А. В.* Между полиполицентризмом и биполярностью: о российских нарративах эволюции миропорядка // Рабочая тетрадь РСМД. 2019. № 52. С. 12, 15–23, 35, 36.
10. *Кочергин Д. А.* Цифровые валюты центральных банков: опыт внедрения цифрового юаня и развитие концепции цифрового рубля // *Russian Journal of Economics and Law*. 2022. Т. 16. № 1. С. 64.
11. *Лапаева В. В.* Право в эпоху генетической революции: прогресс геномики человека с позиций правового подхода. М., 2023. С. 35, 80–82.
12. *Лапаева В. В.* Социализм как закономерный этап всемирно-исторического процесса: с позиций концепции цивилизизма В.С. Нерсесянца // Вопросы философии. 2017. № 7. С. 44–56.
13. *Лапаева В. В.* Типы правопонимания: правовая теория и практика. М., 2012. С. 391–441.
14. *Луковская Д. И.* Позитивизм и естественное право: конфликт интерпретаций // Вестник Томского гос. ун-та. 2020. № 456. С. 234.
15. *Лукьянов Ф. А.* Справедливость – понятие не универсальное // Россия в глобальной политике. URL: <https://globalaffairs.ru/articles/spravedlivost-ne-universalna/> (дата обращения: 22.02.2023).
16. *Нерсесянц В. С.* Национальная идея России во всемирно-историческом прогрессе равенства, свободы и справедливости. Манифест о цивилизме. М., 2000.
17. *Нерсесянц В. С.* Общая теория права и государства. М., 2004. С. 383.
18. *Нерсесянц В. С.* Философия права: либертарно-юридическая концепция // Вопросы философии. 2002. № 3. С. 3–15.
19. *Нерсесянц В. С.* Философия права: учеб. для вузов. М., 2006. С. 509, сн. 1, 640.
20. *Никитин А. И.* Современный миропорядок: его кризис и перспективы // Полис. 2018. № 6. С. 35.
21. Полный текст выступления Владимира Путина на ПМЭФ 17 июня 2022. URL: <http://www.kp.ru/daily/27407.5/4603800/> (дата обращения: 07.02.2024).
22. *Прокофьев А. В.* Этика справедливости и ее пределы. URL: <https://www.iphras.ru>uplfile/ethics/RC/ed/kaunas/prok.html> (дата обращения: 22.02.2024).
23. *Степин В. С.* Стратегия цивилизационного развития и проблема ценностей // Россия и современный мир. 2003. № 1. С. 5.
24. *Сунь Лэй.* Китайский путь – модернизационная трансформация китайской цивилизации // Сравнительная политика. 2019. Т. 10. № 2. С. 35.
25. *Тоффлер Э.* Третья волна. М., 2002. С. 78.
26. *Ушаков Е. В.* Технологический императив и проблема нормативности технологии // Оригинальные исследования. 2020. № 10. С. 36.
27. *Хабермас Ю.* Моральное сознание и коммуникативное действие. СПб., 2006. С. 275.
28. *Хантингтон С.* Столкновение цивилизаций. М., 2016. С. 423, 567.
29. *Шелест Д.* Инклузивный капитализм: завершение эпохи или начало иного порядка? URL: <https://regnum.ru/article/3281007>
30. *Ясперс К.* Духовная ситуация времени. URL: <https://www.lib.ru>FILOSOF/YASPERS/time.txt> (2. Истоки современного положения) (дата обращения: 12.02.2024).
31. *Brock G.* Global justice: a cosmopolitan account. Oxford, 2009.
32. Emotional Entanglement: China's emotion recognition market and its implications for human rights. Published by ARTICLE19 in January 2021. London, 2021.
33. *Hughes J.* On Democratic Transhumanism. URL: <https://archive.ieet.org/articles/hughes20090623.html> (дата обращения: 11.06.2022).
34. *Schwab K., Mallere T.* COVID-19: The Great Reset // WEF: FORUM PUBLISHING. 2020. S. 82.

REFERENCES

1. *Asmolov K.* Asian values as a road to progress. Why the Confucian cultural region made a breakthrough from the Third World. URL: <https://www.globalaffairs.ru>articles/aziatskie-czennosti-kak...> (accessed: 11.05.2023) (in Russ.).
2. *Vylegzhinan A.* Issues of correlation and interaction of international relations and International Law. URL: [https://www.russiancouncil.ru>analytics-and-comments/...](https://www.russiancouncil.ru>analytics-and-comments/) (accessed: 12.02.2024) (in Russ.).
3. *Hegel G.* Philosophy of Law. M., 1990. P. 361 (in Russ.).

4. *Gordon A.V.* Chinese civilization in the globalist paradigm // Social and humanitarian sciences. Domestic and foreign literature. Series 9. Oriental and African studies. 2020. P. 21 (in Russ.).
5. *Degterev D.* Multipolarity or the “new bipolarity”? URL: <https://russiancouncil.ru>analytics-and-comments/...> (in Russ.).
6. Discussion “Competition of technology platforms in the XXI century” (speech by A.O. Bezrukov). URL: <https://bit.ly/3lHdobYt.me/valdaiclub/8840> (accessed: 11.05.2023) (in Russ.).
7. *Dobrosklonskaya T.* // Observer. 2023. Vol. 399. No. 4. Pp. 114, 123 (in Russ.).
8. *Kant I.* The idea of universal history in the world-civil plan. URL: <https://www.filosof.historic.ru>books/item/f00/s00/z0000510> (accessed: 22.05.2020) (in Russ.).
9. *Kortunov A.V.* Between polycentrism and bipolarity: on Russian narratives of the evolution of the world order // INF Workbook. 2019. No. 52. Pp. 12, 15–23, 35, 36 (in Russ.).
10. *Kochergin D.A.* Digital currencies of central banks: the experience of introducing the digital yuan and the development of the concept of the digital ruble // Russian Journal of Economics and Law. 2022. Vol. 16. No. 1. P. 64 (in Russ.).
11. *Lapaeva V.V.* Law in the era of the genetic revolution: the progress of human genomics from the standpoint of a legal approach. M., 2023. Pp. 35, 80–82 (in Russ.).
12. *Lapaeva V.V.* Socialism as a natural stage of the world historical process: from the standpoint of the concept of civilization by V.S. Nersesyan // Questions of philosophy. 2017. No. 7. Pp. 44–56 (in Russ.).
13. *Lapaeva V.V.* Types of legal understanding: legal theory and practice. M., 2012. Pp. 391–441 (in Russ.).
14. *Lukovskaya D.I.* Positivism and natural law: conflict of interpretations // Herald of the Tomsk State University. 2020. No. 456. P. 234 (in Russ.).
15. *Lukyanov F.A.* Justice is not a universal concept // Russia in global politics. URL: <https://globalaffairs.ru/articles/spravedlivost-ne-universalna/> (accessed: 22.02.2023) (in Russ.).
16. *Nersesyan V.S.* The national idea of Russia in the world-historical progress of equality, freedom and justice. Manifesto of Civilization. M., 2000 (in Russ.).
17. *Nersesyan V.S.* General theory of law and the state. M., 2004. P. 383 (in Russ.).
18. *Nersesyan V.S.* Philosophy of Law: libertarian legal concept // Questions of philosophy. 2002. No. 3. Pp. 3–15 (in Russ.).
19. *Nersesyan V.S.* Philosophy of Law: textbook for universities. M., 2006. Pp. 509, reference 1, 640 (in Russ.).
20. *Nikitin A.I.* The modern world order: its crisis and prospects // Polis. 2018. No. 6. P. 35 (in Russ.).
21. The full text of Vladimir Putin’s speech at the SPIEF on June 17, 2022. URL: <http://www.kp.ru/daily/27407.5/4603800/> (accessed: 07.02.2024) (in Russ.).
22. *Prokofiev A.V.* Ethics of justice and its limits. URL: <https://www.iphras.ru>uplfile/ethics/RC/ed/kaunas/prok.html> (accessed: 22.02.2024) (in Russ.).
23. *Stepin V.S.* Strategy of civilizational development and the problem of values // Russia and the modern world. 2003. No. 1. P. 5 (in Russ.).
24. *Sun Lei.* The Chinese Way – the modernization transformation of Chinese civilization // Comparative Politics. 2019. Vol. 10. No. 2. P. 35 (in Russ.).
25. *Toffler E.* The Third wave. M., 2002. P. 78 (in Russ.).
26. *Ushakov E.V.* Technological imperative and the problem of technology normativity // Original research. 2020. No. 10. P. 36 (in Russ.).
27. *Habermas Yu.* Moral consciousness and communicative action. SPb., 2006. P. 275 (in Russ.).
28. *Huntington S.* Clash of civilizations. M., 2016. Pp. 423, 567 (in Russ.).
29. *Shelest D.* Inclusive capitalism: the end of an era or the beginning of a different order? URL: <https://regnum.ru/article/3281007> (in Russ.).
30. *Yaspers K.* The spiritual situation of the time. URL: <https://www.lib.ru>FILOSOF/YASPERS/time.txt> (2. The origins of the current situation) (accessed: 12.02.2024) (in Russ.).
31. *Brock G.* Global justice: a cosmopolitan account. Oxford, 2009.
32. Emotional Entanglement: China’s emotion recognition market and its implications for human rights. Published by ARTICLE19 in January 2021. London, 2021.
33. *Hughes J.* On Democratic Transhumanism. URL: <https://archive.ieet.org>articles/hughes20090623.html> (accessed: 11.06.2022).
34. *Schwab K., Mallere T.* COVID-19: The Great Reset // WEF: FORUM PUBLISHING. 2020. S. 82.

Сведения об авторе

ЛАПАЕВА Валентина Викторовна –
доктор юридических наук,
главный научный сотрудник
сектора философии
права, истории и теории государства и права
Института государства и права
Российской академии наук; 119019 г. Москва,
ул. Знаменка, д. 10

Authors' information

LAPAEVA Valentina V. –
Doctor of Law,
Chief Researcher
of the Sector of Philosophy of Law,
History and Theory of State and Law,
Institute of State and Law
of the Russian Academy of Sciences;
10 Znamenka str.,
119019 Moscow, Russia

УДК 340

ДИАЛЕКТИКА В ФУНДАМЕНТАЛЬНОЙ ЮРИСПРУДЕНЦИИ: АНТИЧНЫЕ ПОДХОДЫ И ТЕНДЕНЦИИ СОВРЕМЕННОСТИ

© 2024 г. П. Л. Лихтер

Пензенский государственный университет

E-mail: lixter@mail.ru

Поступила в редакцию 07.06.2023 г.

Аннотация. Точная методология исследований имеет определяющее значение для единого терминологического, формального и смыслового понимания базовых феноменов права. Диалектика сохраняет значение при формировании объяснительных стратегий сложных систем, объединяющих противоречивые правовые ценности, принципы, цели. Основной целью работы является поиск актуальных точек применения диалектического метода в фундаментальной юриспруденции. Для этого последовательно рассматриваются сущностные признаки и понятие диалектики; история ее возникновения и развития; возможное использование в современной юридической науке подходов, сформированных в Античности. В работе используются системный, нормативно-ценостный, историко-правовой, сравнительно-правовой, теоретико-прогностический, структурно-функциональный и диалектический методы. Автором исследуется эвристический потенциал диалектических законов, категорий и принципов для уточнения онтологического статуса элементов правовой реальности. Отмечается трансформация подходов к категориальной паре «причина – следствие» в свете достижений аналитической философии, в том числе через установление свойства супервентности. Особое внимание уделяется области пересечения холистической античной методологии и современных подходов в диалектике. Методологическому холизму соответствует принцип материального единства мира, который реализуется в объективном существовании (не обязательно в смысле “*existere*”, но в смысле “*est*”) совокупности элементов юридической действительности. Холизм и диалектика исключают редукцию сложности правовых проблем до уровня анализа конкретного случая без учета взаимосвязи его с другими элементами целого. Соответственно, обе методологии предполагают познавательные стратегии с целостным подходом к проблеме, отказом от ее узкоотраслевого решения.

Ключевые слова: диалектика, методология права, фундаментальная юриспруденция, диалектические законы, категориальные пары, философия права, Сократ, Платон, холизм, супервентность.

Цитирование: Лихтер П.Л. Диалектика в фундаментальной юриспруденции: античные подходы и тенденции современности // Государство и право. 2024. № 6. С. 44–54.

DOI: 10.31857/S1026945224060037

DIALECTICS IN FUNDAMENTAL JURISPRUDENCE: ANCIENT APPROACHES AND MODERN TRENDS

Penza State University

E-mail: lixter@mail.ru

Received 07.06.2023

Abstract. The exact methodology of research is crucial for a unified terminological, formal and semantic understanding of the basic phenomena of law. Dialectics retains importance in the formation of explanatory strategies of complex systems that combine contradictory legal values, principles, and goals. The main purpose of the work is to find relevant points of application of the dialectical method in fundamental jurisprudence. For this purpose, the essential features and the concept of dialectics are consistently considered; the history of its origin and development; possible use in modern legal science of approaches formed in Antiquity. The work uses systematic, normative-value, historical-legal, comparative-legal, theoretical-prognostic structural-functional and dialectical methods. The author explores the heuristic potential of dialectical laws, categories and principles to clarify the ontological status of elements of legal reality. The transformation of approaches to the categorical pair “cause – effect” is noted in the light of the achievements of analytical philosophy, including through the establishment of the property of supervenience. Particular attention is paid to the intersection of holistic ancient methodology and modern approaches in dialectics. Methodological holism corresponds to the principle of the material unity of the world, which is realized in the objective existence (not necessarily in the sense of “existere”, but in the sense of “est”) of a set of elements of legal reality. Holism and dialectics exclude the reduction of the complexity of legal problems to the level of analysis of a particular case without taking into account its relationship with other elements of the whole. Accordingly, both methodologies assume cognitive strategies with a holistic approach to the problem, rejecting its narrowly sectoral solution.

Key words: dialectics, methodology of law, fundamental jurisprudence, dialectical laws, categorical pairs, Philosophy of Law, Socrates, Plato, holism, supervenience.

For citation: Likhter, P.L. (2024). Dialectics in fundamental jurisprudence: ancient approaches and modern trends // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 6, pp. 44–54.

Введение

Кризисные явления в различных сферах общественных отношений актуализировали значимость вопросов методологии в юридической науке. Если в СССР диалектический материализм признавался единственным верным путем познания законов природы и общества, то за последние 30 лет маятник качнулся в другую сторону – и правоведы стали отвергать целесообразность любого использования диалектики в науке¹. Однако даже при критическом отношении к марксистско-ленинской диалектике некорректно обесценивать диалектический метод как таковой, а тем более его влияние на развитие гносеологических основ научного познания.

Во-первых, достижения советской философской мысли не могут быть отменены на основе исключительно политических причин. Для общественных наук сохраняет актуальность применение категориальных пар диалектики; принципы всеобщей взаимосвязи и развития; законы единства и борьбы противоположностей, отрицания отрицания, перехода количественных изменений в качественные. Во-вторых, понятие «диалектика» обладает более широким содержанием, и не подлежит ограничению рамками материалистических концепций.

В советское время оригинальные диалектические концепции (в т.ч. идеалистические) были предложены А.Ф. Лосевым², Г.С. Батищевым,

Э.В. Ильенковым³. В том числе состояние правовых исследований определялось учеными через творческое развитие диалектического метода⁴.

Анализ иностранной юридической литературы позволяет отметить работы Ч. Линкольна⁵ и С. Ньютона⁶, посвященные диалектике в правовых исследованиях. Следует также упомянуть философа права Г. Бермана, который разрабатывает свою концепцию интегрированной юриспруденции на основе диалектического метода⁷.

В постсоветский период значение диалектического метода в юриспруденции отмечали Д.А. Керимов⁸, В.И. Захарцев, В.П. Сальников⁹. Анализу отдельных философских категорий в праве посвящена монография под редакцией Е.А. Куликова¹⁰.

³ См.: Ильенков Э.В. Диалектическая логика. Очерки истории и теории. М., 1974.

⁴ См.: Сырых В.М. Российские правоведы на перепутье: материалистический рационализм или субъективный идеализм? // Журнал росс. права. 2016. № 1. С. 75–89.

⁵ См.: Lincoln C. The Dialectical Path of Law. London, 2021.

⁶ См.: Newton S. The Dialectics of Law and Development. In: Trubek D.M. and Santos Alvaro (eds.). The New Law and Economic Development: a Critical Appraisal. Cambridge, 2006. Pp. 174–202.

⁷ См.: Berman H.J. Faith and order: the reconciliation of law and religion. Atlanta, Ga., 1993.

⁸ См.: Керимов Д.А. Методология права. Предмет, функции, проблемы философии права. М., 2000.

⁹ См.: Захарцев С.И., Сальников В.П. Философия и юридическая наука. М., 2019.

¹⁰ См.: Диалектика общего, особенного и единичного в праве: теоретико-правовые и философско-правовые аспекты / под ред. Е.А. Куликова. Барнаул, 2020.

Однако в целом диалектика остается на периферии научного интереса современных правоведов. В основном термин используется при определении связи противоречивых юридических понятий или при рассуждениях об общих закономерностях права как части окружающей действительности, без уточнения его онтологических особенностей¹¹.

Игнорирование эвристического потенциала диалектики приводит к тому, что современные юридические школы зачастую не воспринимают развитие и цельность правовой реальности, но строят свои концепции на основе ее отдельных статичных элементов. В результате пренебрежение к законам и принципам, которые свойственны праву как единой системе объективной действительности, приводит к тому, что часть заслоняет целое (будь то юридическая антропология, психология или реализм). Диалектика же позволяет осмысливать и преодолевать совокупность внутренних противоречий, которые неизбежны для массива норм, ценностей, институтов.

Преимущество диалектики по сравнению с частными методами заключается в том, что она не связана логикой неподвижных законов и представляет собой основу для понимания эволюционных процессов в обществе. Сама сущность правовой реальности предполагает постоянное изменение, противодействие, развитие составляющих ее элементов. Отрицание того, что развитие правовых институтов играет определяющую роль в формировании правовой доктрины, может привести к разрыву между правовой и «феноменальной» реальностью, а также к отставанию законотворчества от фактически сложившихся социально-экономических и культурных предпосылок.

В фундаментальной юриспруденции понимание диалектических связей категорий раскрывает целостную картину предмета исследования на предельном уровне абстракции. При этом учитывается его развитие, динамика, органическая связь с другими смысловыми единицами. Кроме того, диалектика позволяет выстраивать эвристически плодотворные прогнозы на границе соприкосновения юриспруденции и других научных дисциплин.

Основной целью настоящей работы является поиск актуальных точек применения диалектики в юридической науке. Для этого предлагается разрешение следующих задач:

рассмотрение понятия диалектики, ее сущностных признаков;

анализ возникновения и тенденций развития диалектики;

¹¹ См.: Уткин Г.Н. Безусловное и условное как категории диалектики права // Государство и право. 2021. № 9. С. 58–64.

соотнесение диалектики и методологического холицизма;

исследование правовой реальности как холистического целого взаимосвязанных элементов;

рассмотрение возможности структурирования правовой реальности за счет подходов, сформированных диалектиками Античности;

уяснение с помощью диалектических законов онтологического статуса правовой реальности.

Задачи работы разрешаются с помощью логического, нормативно-ценостного, структурно-функционального и непосредственно диалектического методов. При рассмотрении действующих законов и их применения используются сравнительно-правовой, формально-юридический, историко-правовой, теоретико-прогностический методы познания. Системный подход используется для рассмотрения правовой действительности как отражения сложных социально-экономических, культурных и иных оснований.

Эмпирической базой исследования являются касающиеся вопросов диалектики сочинения мыслителей Древней Греции и более поздних периодов, а также положения действующего законодательства.

Возникновение диалектики как искусства спора и размышления

Диалектика в истории философско-правовой мысли представляет собой сложное «понятие-зонтик», которое покрывает весьма разнородные онтологические и гносеологические аспекты, в том числе при разрешении правовых вопросов.

Лингвистический разбор слова «диалектика» (от греч. *διαλεκτική*, принято переводить как «искусство спора») показывает, что оно включает в себя две части: *διά* (через; раздельно) обозначает перемещение во времени или пространстве до некого предела; *λέγω* (излагаю, говорю). Таким образом, на лингвистическом уровне можно заметить направленность на объединение раздельных элементов (феноменов, явлений, значений) в единое целое. Смысловое наполнение понятия менялось со временем, понималось различными исследователями не только как искусство ведения спора, но как способ философского вопрошания, метод поиска истины, учение о единстве и противоречии бытия.

На начальном этапе настоящего исследования предлагается следующее определение рассматриваемого понятия: диалектика – это методология мышления и познания, отражающая противоречия, общие отношения и закономерности бытия.

Первым древнегреческим философом, который стал применять диалектический метод для

достижения поставленных целей, был Зенон Элейский. Аристотель считал Зенона изобретателем диалектики¹², так как он начал исследовать противоречия, неизбежно возникающие при движении множественных объектов материального мира. Следует отметить специфику целей Зенона: диалектика способствовала в первую очередь обнаруживать логические парадоксы, а не искать истину (αλήθεια).

Можно сказать, что Зенон стал первым использовать метод деконструкции среди философов европейской традиции; большинство его парадоксов не рассчитаны на получение позитивного результата. Для Зенона не так важны основания деконструкции, будь то критика пиетета пифагорейцев перед числами или защита онтологической теории Parmенида о неизменности бытия. Апории Зенона призваны зародить у исследователя желание рационального поиска устранения противоречий.

Если Зенона можно считать родоначальником *формальной* (или процессуальной) диалектики, где главное это алгоритм (процедура) научного рассуждения, то основателем *материальной* диалектики можно считать Гераклита Эфесского. «Темная» манера философствования стала одним из значимых факторов развития герменевтики. Толкование концепций Гераклита действительно требует неординарного навыка вживания в чужой текст.

Попробуем прояснить следующий отрывок для понимания манеры рассуждения Гераклита: «Бессмертные – смертны, смертные – бессмертны; смертью друг друга они живут, жизнью друг друга они умирают»¹³. При переводе на русский язык возникают трудности с передачей транзитивности непереходных глаголов «живь» и «умирай». Но суть этой фразы можно передать следующим образом: бессмертие бессмертных (богов) «питается» смертностью смертных (людей), поэтому бессмертные в принципе сопричастны смерти. А раз они живут смертью других, значит, в целом их жизнь сопричастна смерти. Формулировка «бессмертия смертных» требует более нетривиального толкования, которое предполагает инверсию аргументации. В таком случае бессмертие бессмертных определяется фактом смерти смертных. Соответственно, смертность смертных является условием *sine qua non* бессмертия как такового. В результате толкования фразы мы можем сделать несколько выводов.

1. Гераклит, как и Parmенид, признает единство окружающего мира, но в отличие от него он

¹² См.: Аристотель. Собр. соч.: в 4 т. / пер. с древнегреч.; ред. В.Ф. Асмус, З.Н. Микеладзе, И.Д. Рожанский, А.И. Доватор. М., 1976–1983. Т. 2. С. 5.

¹³ Гераклит. О природе // Материалисты Древней Греции. Собрание текстов Гераклита, Демокрита и Эпикура. М., 1955. С. 39.

не исключает, а предполагает столкновение противоположностей в нем. Собственно единство мира обеспечивается его дифференциацией и постоянным движением¹⁴.

2. В рассматриваемом фрагменте мы можем увидеть обоснование диалектического закона, который позднее Гегель назовет «законом единства и борьбы противоположностей».

3. Здесь же присутствует идея взаимозависимости различных элементов системы: по Гераклиту, очевидна известная связь всех феноменов, идей, объектов и субъектов.

В контексте современной юриспруденции рассмотренный фрагмент Гераклита можно применить к некоторым базовым принципам фундаментальной юриспруденции.

Соблюдая логическую структуру исходного фрагмента о «бессмертности смертных», его можно преобразовать, например, в диалектику равенства–неравенства: «Неравные равны, равные неравны: они взаимно “живут” их равенством и “умирают” их неравенством». Подобная инверсия предполагает различия в интерпретации в зависимости от точки зрения или через призму социологии права, или нормативизма в духе Г. Кельзена¹⁵.

В свою очередь, с точки зрения социологии права вновь возможны два подхода: либо исходной парадигмой будет диада «факт–норма», либо «норма–факт». В первом случае неравные по факту равны по норме права, равные по факту неравны по норме права и т.д. При этом и неравные по факту, и равные по факту как обособленные друг от друга субъекты возникают как следствие применения масштабов нормативного равенства. Во втором случае неравные по норме права равны по факту, равные по норме права неравны по факту и т.п.

Подобная перспектива может быть использована для исследования границ правовой реальности и «феноменального» мира фактов. Так, международный чиновник и международный преступник неравны по нормам уголовно-процессуального права, но при этом вполне могут быть равны по ряду фактов: например, они могут быть владельцами элитной недвижимости в одном небоскребе Манхэттена. С другой стороны, два учителя могут быть равны по формальным нормам трудового права, но неравны по факту, так как один владеет коллекцией иностранных марок, а другой добирается на работу на троллейбусе.

¹⁴ См.: Hammer T. Einheit und Vielheit bei Heraklit von Ephesus. Würzburg, 1991.

¹⁵ См.: Patterson E. D. Hans Kelsen and his Pure Theory of Law // California Law Review. 1952. Vol. 40. Iss. 1.

Нормативистское толкование рассматривающей цитаты Гераклита возможно через *reduction ad absurdum* к следующему монистическому варианту: «Неравные по норме равны по норме, равные по норме неравны по норме». Такая перспектива может обладать значением для теоретических исследований в юридической науке, так как, например, неожиданно порождает формулу, описывающую неправовое государство, устройство которого базируется на внутреннем противоречии. При подобной деформации законотворческая деятельность сама по себе (не менее чем коррупция) иска-жает правовой статус граждан.

Из диалектической концепции Гераклита следует еще один важный вывод о том, что каталог конституционных ценностей или прав человека – это «поле битвы» между необходимыми бытийственными и небытийственными явлениями. То есть некоторые элементы правовой реальности получают трансцендентальное обоснование в самых базовых принципах бытия; другие элементы, напротив, подвержены самораспаду, так как неизбежно вовлечены в логику необходимого небытия. Например, безоговорочное признание права на смену пола или права на однополый брак небытийствен-но в том смысле, что в таких случаях ограничивает-ся собственный ресурс к продолжению рода.

Кроме того, в контексте материальной диалектики Гераклита можно сделать вывод о том, что каждое субъективное право неизбежно приобретает своего «отрицательного двойника». С позиции социологии права это означает, что реализация своего конституционного полномочия, например, на свободную предпринимательскую деятельность одновременно означает ограничение прав других субъектов и в другом отношении (например, на чистую окружающую среду).

Внутренняя диалектика Сократа и гипотетические суждения в праве

Еще одним мастером диалектического метода был Сократ, который особое внимание уделял пониманию самих условий познания. По Сократу всякое познание должно начинаться с установления понятий, то есть выяснения равной себе сущности объекта. Связь между ними определяет критерии самопроверки (и самопознания), т.е. требования в первую очередь исследовать причастность субъективных представлений к идее знания. Это, в свою очередь, открывает путь к истине и правильным поступкам.

Немецкий философ Э. Целлер указывает на то, что диалектика Сократа – это прежде всего разрешение внутреннего конфликта человека: он одновременно желает постигнуть общие понятия и понимает слабость своих рациональных ресурсов (так возникает тезис «я знаю, что ничего не знаю»).

Выходом из подобного тупика становится предложенная Сократом форма познания, а именно «согласного, диалогического исследования»¹⁶, при которой посредством тривиальных вопросов и полученных ответов достигается приближение к пониманию самых общих понятий «красоты», «богатства», «счастья» и т.п.

Изначально форма «взаимной майевтики» содержала исходную ироническую установку недоверия к оппоненту. Впрочем, если сам Сократ не был уверен в собственном знании, то как средний гражданин Афин мог помочь ему в поиске истины? Поэтому часто по итогам сократовского диалога вместо позитивного результата возникала проблема, когда, например, богач признавал отсутствие знания о том, что в принципе такое «быть богатым». Метод спора с таким итогом можно назвать *внешней диалектикой* Сократа. Скорее она представляла собой не разновидность познания, а технику деконструкции самомнения случайного оппонента. Однако внешняя диалектика могла сдерживать и позитивные последствия, но не гносеологического, а этического плана (например, богач задумывался о правильности своего *modus vivendi*).

Одновременно с внешней формой диалектики Сократ практиковал и *внутреннюю* диалектику, но уже для узкого круга своих учеников. Ее главным мотивом была не скрытая ирония или полемика *per se*, а сохранение в совместном поиске истины взаимного уважения и дружбы. Подобный стиль отношений впоследствии был распространен и в платоновской Академии, и в аристотелевском Ликее. До настоящего времени «сократический метод» педагогики означает обучение посредством вопросов и ответов, что отличает его от преподавания в форме лекций. То есть Сократ является основоположником разработки образовательной стратегии, предполагающей взаимные вопросы ученика и учителя¹⁷.

Разработанный диалектический метод Сократа обычно связывают с понятием «эленхос»¹⁸. Глагол ἐλέγχειν первоначально означал «атаковать честь» лица за его слова или поступки. Техническое применение существительного ἐλέγχος (м.р.) в контексте судебного разбирательства означает опровержение притязаний оппонента посредством их испытания и требования доказательств¹⁹.

¹⁶ Zeller E. Grundriß der Geschichte der griechischen Philosophie. 4te Aufl. Leipzig, 1893. S. 91.

¹⁷ См.: Scott G.A. Introduction // Scott G.A. (ed.) Does Socrates Have a Method? Rethinking the Elenchus in Plato's Dialogues and Beyond. The Pennsylvania State University Press, 2002. P. 1.

¹⁸ Vlastos G. The Socratic Elenchus // Oxford Studies in Ancient Philosophy. 1983. No. 1. Pp. 27–58.

¹⁹ См.: Ausland H.W. Forensic Characteristics of Socratic Argumentation // Scott G.A. (ed.) Op. cit. P. 37.

Так, Сократ (в роли «истца») часто предлагает случайному собеседнику («ответчику») поразмышлять над определенной нетривиальной проблемой, имеющей практическое значение. При этом любые попытки скрыть свою позицию за гипотетическими рассуждениями, как правило, решительно пресекаются Сократом. Ведь поиск истины невозможен без искренности оппонента. Как только Сократ достигает такой цели, начинается эленахос в собственном смысле, т.е. испытание характера собеседника. В результате подобного испытания человек, как правило, убеждается в серьезных моральных изъянах своей жизненной стратегии.

Сократовский эленахос в рамках современной юриспруденции предполагает запрет на применение техники гипотетического суждения. Например, формулирование личных прав человека в виде гипотетических суждений «если... то...» содержит риск превращения их в умозрительный шаблон, не имеющий ничего общего с практическими задачами права (а именно внимание к сущностным потребностям людей).

Онтологический характер диалектики Платона

Понятие «диалектика» редко используется ранним Платоном, но привлекает его внимание в средних и поздних диалогах. При этом для среднего периода свойственно совмещение диалектического метода с понятием «гипотезы», а для позднего – с понятием «синтеза и деления»²⁰. Так, в средний период творчества древнегреческий мыслитель фактически реабилитировал зеноновскую технику совмещения парадоксальных гипотез, чего старательно избегал Сократ. Платон, в свою очередь, в процессе обучения учеников допускал возможность гипотетических рассуждений: «Каждый участник является интегративной частью диалектического процесса /.../ Учитель обычно берет на себя роль вопрошающего, приглашая ученика делать заявления, которые затем подвергаются испытанию и вызову»²¹.

Что касается идеи синтеза, свойственной для поздних диалогов Платона, то он одновременно (1) указывает на диалектическое движение «к началу» (ко всеобщему основанию) – восхождение от разрозненных явлений к идеи, и (2) движение «к завершению» – нисхождение идей самих по себе в окружающий человека мир²². Фактически Платон объединил формальную диалектику Зенона,

материальную диалектику движения Гераклита и метафизику неподвижности Парменида.

А.Ф. Лосев дает следующую характеристику диалектике Платона: «Исходный пункт диалектики есть такое отождествление бытия и небытия, при котором инобытие дано не как нечто абсолютно независимое от бытия и в этом смысле насквозь самостоятельное, но при котором бытие само порождает свое инобытие, так что оба они и абсолютно тождественны, и абсолютно различны. Основной вопрос диалектики, отсюда, такой: как бытие порождает свое инобытие, свое небытие?»²³.

С точки зрения юриспруденции платоновская диалектика «бытия и инобытия» содержит как минимум два взаимосвязанных аспекта. Во-первых, на примере принципа равенства можно утверждать, что сама идея равенства предполагает свое инобытие (или небытие) в идее неравенства. В этом смысле масштаб равенства способствует познанию неравенства в конкретном юридическом факте. Во-вторых, равенство-в-становлении неизбежно равно равенству-в-деградации: диалектика требует учитывать динамический аспект любого правового понятия.

Вслед за А.Ф. Лосевым онтологическую функцию диалектики Платона отмечает В.Ф. Асмус: «Для Платона диалектика – это не логика только, хотя в ней есть и логический аспект; это не учение о познании только, хотя в ней есть и гносеологический аспект; это не учение о методе только, хотя в ней есть и аспект метода»²⁴. Таким образом, диалектика Платона (как и его гносеология) прежде всего учение о бытии, т.е. носит явно выраженный онтологический характер.

Формальная диалектика Платона сочетает в себе негативную диалектику Сократа и собственную позитивную диалектику, которая характерна для поздних произведений философа. Одна из целей диалектического метода – искусство такого толкования общепризнанных понятий, которое вскрывает содержащиеся в них противоречия, что в итоге открывает путь к истинному научному познанию: поиску того, что есть вместо того, что кажется.

Установление онтологического статуса правовой реальности с помощью диалектических категорий

Исследование подходов мыслителей Древней Греции позволяет отстаивать тезис, что диалектика лежала в основе развития рациональной методологии всех общественных наук, в том числе юриспруденции. Диалектика как универсальный метод познания реализуется через законы, принципы

²⁰ Robinson R. Plato's Earlier Dialectic. Ithaca, NY, 1941. P. Y.

²¹ Kinney A.M. The Meaning of Dialectic in Plato // Auslegung: a journal of philosophy. Kansas University Press, 1983. Vol. 10. No. 3. P. 231.

²² См.: Платон. Государство (510b) // Платон. Собр. соч.: в 4 т. / общ. ред. А.Ф. Лосева, В.Ф. Асмуса, А.А. Тахо-Годи. М., 1990–1994. Т. 3. С. 292.

²³ Лосев А.Ф. Очерки античного символизма и мифологии. М., 1993. С. 482–484.

²⁴ Асмус В.Ф. Платон. М., 1969. С. 87.

и категории, без которых невозможно представить право как доктрину и как действенный регулятор общественных отношений.

Всеобщие диалектические связи потому и являются всеобщими, что действуют во всех явлениях и процессах объективной реальности, и диалектику конкретного, в частности государства и права, можно познать, лишь раскрыв закономерности функционирования и развития этих явлений. Таким образом, диалектический метод с его вниманием к универсальным законам существования и развития бытия выступает фундаментальным основанием для научных исследований в рамках доктринальной юриспруденции и отраслевой доктрины.

Так, применение диалектики в юриспруденции наглядно в случаях исследования постоянно го развития правовых институтов или феноменов. Изменение внешних факторов обуславливает новые этапы в развитии права, соответственно, постепенные количественные изменения приводят к качественному изменению правовой реальности. С точки зрения принципов диалектики развитие определяется взаимодействием и борьбой внутренних противоположностей, характерных для совокупности любых объектов и субъектов права.

Закон отрицания отрицания применим к изучению смены правовых парадигм. Еще в диалоге Платона «Государство» описывается поэтапная конституционно-правовая деградация, при которой происходит переход от одной политico-правовой формы (аристократия, тимократия, олигархия, демократия, тирания). Каждая форма правления на определенном этапе гибнет от экспансии собственной природы и «пожирается тем, что прежде ее питало», обеспечивая место для новой политico-правовой реальности.

Закон единства и борьбы противоположностей в юриспруденции сохраняет инструментальное значение при рассмотрении любых иерархических систем. Например, пирамида конституционно-правовых ценностей состоит из противоречивых начал, которые, тем не менее, едины по своей природе, целям и методам воздействия.

К диалектическим категориям, формирующими структуру правовой реальности, необходимо отнести: форму и содержание, причину и следствие, теорию и практику, цель и средство, возможное и действительное. Без использования диалектических связок «целое – часть» и «причина – следствие» невозможно разрешение фундаментального вопроса об онтологическом статусе правовых норм, принципов, ценностей. Соответственно, предлагаются действенные инструменты для понимания решающих оснований права (социально-экономические, культурные, иные). Категории диалектики позволяют раскрыть различные процессы

правовой реальности с точки зрения выраженности в них универсальных свойств, определяющих их единство, связь и развитие.

Интерес представляет процесс развития в современной науке подходов к категориям причины и следствия. Вместо простой импликации «если – то» используется понятие «супервентность». В отличие от импликации, признак супервентности определяет отношение детерминированности двух сложных систем, которая используется, как правило, при изучении соотношения базовых предпосылок и основанных на них феноменов.

Термин «супервентность» получил широкое распространение в современной аналитической философии за счет работ, отвергающих методологический редукционизм при установлении онтологической подлинности ментальных феноменов²⁵. Согласно формулировке философа сознания Д. Чалмерса, «Б-свойства супервентны на А-свойствах, если невозможны две ситуации, тождественные в плане А-свойств, но различные в их Б-свойствах»²⁶.

Свойство супервентности пока не рассматривалось в контексте методологии права, однако оно может стать своеобразным мостом между диалектическим и другими методами познания при описании противоречивой совокупности элементов правовой реальности. Представляется перспективным исследование на основе свойств супервентности детерминированности правосознания и правовых феноменов, фундируемых определенными онтологическими основаниями.

Применение свойства супервентности в контексте натуралистического дуализма Д. Чалмерса опровергает редукционизм, склонный признавать самостоятельный онтологический статус только у объектов физической реальности. Риск такого подхода заключается в опасном упрощении конституции до формата книги; суда до здания, где вершится правосудие, и т.п. Соответственно, актуализируются концепции объективного идеализма, которые рассматривают эйдос правового феномена не просто как следствие внешних факторов. Физическими законами невозможно объяснить все феномены, с которыми имеет дело юридическая наука. Такие категории, как справедливость, равенство, честь, достоинство и другие правовые идеалы необъяснимы исключительно через физические показатели. Материалистический подход недостатчен в фундаментальной юриспруденции, потому что без универсалий невозможно определить сущностные категории права.

²⁵ См.: Davidson D. Mental Events. Reprinted in Essays on Actions and Events. Oxford, 1970.

²⁶ Чалмерс Д. Сознающий ум. В поисках фундаментальной теории. М., 2013. С. 55.

Свойство супервентности предопределяет сложную диалектическую связь какого-либо свойства А (либо группы свойств А), обусловленную свойствами Б. Но это не означает, что свойства Б обладают свойствами А; одновременно свойства А не редуцируются к свойствам Б. Например, в свете свойств супервентности правовые институты не обладают экономическими свойствами, в то же время экономический базис (а равно индивидуальная психология или другие основания) не могут быть редуцированы до юридических конструкций.

Супервентность правовых конструкций в свете диалектического закона единства и борьбы противоположностей различных элементов может обрести новую перспективу при использовании методологического холизма. В том числе при разрешении вопроса о самостоятельности онтологического статуса правовой реальности.

Античный холизм и современная диалектика: области пересечения

Категориальные пары диалектики как составляющие логической системы выражают существенные связи окружающей действительности: общее и единичное; сущность и явление; часть и целое; структура и элемент. Каждая категориальная пара, являясь микрокосмом диалектики, в свою очередь, образует ее полноценную методологическую систему²⁷. При этом противоположности обретают самостоятельный онтологический статус лишь во взаимосвязи друг с другом.

Не случайно В.И. Ленин отмечал, что «вкратце диалектику можно определить как учение о единстве противоположностей. Этим будет схвачено ядро диалектики...»²⁸. Так и при исследовании правовой реальности существенное значение имеет диалектическая связка «целое – часть», которая подлежит рассмотрению в контексте принципа всеобщей связи и взаимной обусловленности явлений. Данная связка используется для разработки отраслевых и междисциплинарных подходов с целью построения единых мировоззренческих концепций, генезис которых можно найти в античном холизме (от древнегреч. *ὅλος* – целый, цельный). Диалектический принцип системности, помимо прочего, утверждает онтологическую самостоятельность целого и, соответственно, не позволяет сводить юридический мир к аддитивной сумме его элементов (правовых норм, институций и т.д.).

Методологическому холизму соответствует принцип материального единства мира, утверждающий упорядоченность реального мира, но не хаотичный

²⁷ См.: Категории диалектики (теоретико-методологические проблемы): цикл лекций / под общ. ред. И.Я. Лойфмана. Екатеринбург, 2003.

²⁸ Ленин В.И. Полн. собр. соч. М., 1958–1965. Т. 29. С. 203.

набор случайных элементов. Реализация этого принципа выражается в реальном существовании различных форм материи и форм социального взаимодействия. Так же, как и античный холизм, диалектика опирается на идею всеобщей связи, которая, в свою очередь, подразумевает взаимную обусловленность явлений²⁹. При этом связь (как и любое отношение) основывается на определенного рода взаимодействии. Взаимообусловленность выступает необходимым дополнением к идеи всеобщей связи, которая выражается в факте взаимосвязи элементов окружающего мира, и его неотъемлемой части – правовой реальности.

Общее в подходах холицистической античной методологии и диалектики заключается в том, что при разрешении правовых проблем они исключают редукцию их сложности до уровня изолированного анализа конкретного случая без учета взаимосвязи с другими элементами системы в целом. Например, подобной гносеологической оптике не свойственно приоритетное внимание к правовому статусу отдельного индивида, но учитывается его статус как гражданина государства и члена общества.

В платоновском диалоге «Парменид» мы можем найти важную характеристику того, что позднее назовут «онтологическим холизмом», и что впоследствии было определено диалектическим принципом всеобщей связи и взаимной обусловленности явлений: тезис о том, что часть целого характеризуется через другие части этого целого, а целое характеризуется через все свои части³⁰. Применительно к сложным структурам правовой реальности (государство, общество, каталог ценностей или норм) холизм раскрывается не только во всеобщей взаимосвязи, но и первично-сти целого перед частями.

Интегральный анализ общественных и частных интересов с учетом требований к сложным системам оптимизирует поиск оптимального баланса частного интереса и общего блага. В контексте конституционного моделирования методологический холизм коррелируется с диалектическим методом, требующим от исследователя умения опознавать субординационные и координационные связи юридических норм и фактов в системе действующего, а не только провозглашенного правопорядка (категории возможного и действительного).

Супервентность феноменов правовой реальности предполагает определенный механизм их соотношения между собой (их взаимную связь

²⁹ См.: Захарцев С.И. Возвращаясь к дискуссии о диалектике как методологической основе познания права // Мониторинг правоприменения. 2015. № 1. С. 32–39.

³⁰ См.: Платон. Парменид (145d) // Платон. Собр. соч.: в 4 т. / общ. ред. А.Ф. Лосева, В.Ф. Асмуса, А.А. Тахо-Годи. Т. 2. С. 375.

и обусловленность). Диалектические категории общего, особенного и единичного в этом случае соответственно выступают в качестве характеристик ступеней многоуровневых систем, которые определяют онтологический статус как целого, так и его составляющих. То есть диалектические категории непосредственно участвуют в познании системных свойств правовой реальности.

Таким образом, диалектика способствует онтологической укорененности правовых феноменов, которая является точкой постоянства субъекта в изменчивом мире. В доктринальной юриспруденции сочетание концепций современной диалектики и методологического холизма предполагают такие познавательные стратегии, как целостный подход к проблеме, отказ от ее узкоотраслевого решения, приоритет целого над его составляющими, в том числе когда речь идет об интересах общества или ее отдельных субъектов.

Преимущество диалектики состоит в том, что она предлагает не застывшие догмы, а отправные пункты для дальнейшего научного исследования. Диалектический метод – действенное оружие философской методологии, которое может использоваться против любого догматизма.

Выводы

На основании изложенного представляется возможным сформулировать следующие обобщения и выводы.

1. Диалектика сохраняет свое методологическое значение для формирования объяснительных стратегий базовых понятий фундаментальной юриспруденции. Игнорирование потенциала диалектики содержит риски перехода в слепую зону научного познания онтологических конструкций правовой реальности, развитие которых обусловлено принципами всеобщей связи и взаимной обусловленности явлений.

2. В контексте материальной диалектики Гераклита каждое полномочие субъекта неизбежно приобретает своего «отрицательного двойника». С позиции современной социологии права это означает, что реализация конституционного права, например, на свободную предпринимательскую деятельность одновременно означает ограничение прав других субъектов и в другом отношении (на чистую окружающую среду и т.д.).

3. Сократовский эленхос в рамках юридической науки предполагает запрет на применение техники гипотетического суждения. Например, формулирование личных прав человека в виде гипотетических суждений «если... то...» содержит риск превращения их в умозрительный шаблон, не имеющий ничего общего с практическими задачами права,

а именно с вниманием к сущностным потребностям людей.

4. Платоновская диалектика «бытия и инобытия» в контексте фундаментальной юриспруденции содержит как минимум два взаимосвязанных аспекта. Во-первых, на примере принципа равенства можно утверждать, что сама идея равенства предполагает свое инобытие (или небытие) в идее неравенства. В этом смысле масштаб равенства способствует познанию неравенства в конкретном юридическом факте. Во-вторых, равенство-в-становлении необязательно равно равенству-в-деградации: диалектика требует учитывать динамический аспект любого правового понятия.

5. Диалектика как универсальный метод познания реализуется через законы, принципы и категории, без которых невозможно представить полноценный поиск истины в фундаментальной юриспруденции. Без использования диалектических связок «форма – содержание», «цель – средство», «возможное – действительное», «целое – часть», «причина – следствие» невозможно разрешение фундаментального вопроса об онтологическом статусе правовой реальности и ее элементов.

6. В юридической науке свойство супервентности может стать своеобразным мостом между диалектическим и современными методами познания при описании противоречивой совокупности элементов правовой реальности, а также детерминированности правосознания определенными онтологическими основаниями.

7. Общее в подходах холистической античной методологии и современной диалектики заключается в том, что они при разрешении правовых проблем исключают редукцию до уровня изолированного анализа конкретного случая. Применительно к сложным структурам правовой реальности холизм раскрывается не только во всеобщей взаимосвязанности, но и первичности целого перед частями, целостном подходе к проблеме, отказе от ее узкоотраслевого решения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аристотель. Собр. соч.: в 4 т. / пер. с древнегреч.; ред. В.Ф. Асмус, З.Н. Микеладзе, И.Д. Рожанский, А.И. Доватур. М., 1976–1983. Т. 2. С. 5.
2. Асмус В.Ф. Платон. М., 1969. С. 87.
3. Гераклит. О природе // Материалисты Древней Греции. Собрание текстов Гераклита, Демокрита и Эпикура. М., 1955. С. 39.
4. Диалектика общего, особенного и единичного в праве: теоретико-правовые и философско-правовые аспекты / под ред. Е.А. Куликова. Барнаул, 2020.

5. *Захарцев С.И.* Возвращаясь к дискуссии о диалектике как методологической основе познания права // Мониторинг правоприменения. 2015. № 1. С. 32–39.
6. *Захарцев С.И., Сальников В.П.* Философия и юридическая наука. М., 2019.
7. *Ильинков Э.В.* Диалектическая логика. Очерки истории и теории. М., 1974.
8. Категории диалектики (теоретико-методологические проблемы): цикл лекций / под общ. ред. И.Я. Лойфмана. Екатеринбург, 2003.
9. *Керимов Д.А.* Методология права. Предмет, функции, проблемы философии права. М., 2000.
10. *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. М., 1958–1965. Т. 29. С. 203.
11. *Лосев А.Ф.* Диалектика мифа. Дополнение к «Диалектике мифа»: новое академическое издание, испр. и доп. М., 2021.
12. *Лосев А.Ф.* Очерки античного символизма и мифологии. М., 1993. С. 482–484.
13. *Платон.* Государство (510b) // Платон. Собр. соч.: в 4 т. / общ. ред. А.Ф. Лосева, В.Ф. Асмуса, А.А. Тахо-Годи. М., 1990–1994. Т. 3. С. 292.
14. *Платон.* Парменид (145d) // Платон. Собр. соч.: в 4 т. / общ. ред. А.Ф. Лосева, В.Ф. Асмуса, А.А. Тахо-Годи. М., 1990–1994. Т. 2. С. 375.
15. *Сырых В.М.* Российские правоведы на перепутье: материалистический рационализм или субъективный идеализм? // Журнал росс. права. 2016. № 1. С. 75–89.
16. *Уткин Г.Н.* Безусловное и условное как категории диалектики права // Государство и право. 2021. № 9. С. 58–64.
17. *Чалмерс Д.* Сознающий ум. В поисках фундаментальной теории. М., 2013. С. 55.
18. *Честнов И.Л.* Правопонимание в эпоху постмодерна. СПб., 2002. С. 193.
19. *Ausland H. W.* Forensic Characteristics of Socratic Argumentation // Scott G.A. (ed.) Does Socrates Have a Method? Rethinking the Elenchus in Plato's Dialogues and Beyond. The Pennsylvania State University Press, 2002. P. 37.
20. *Berman H.J.* Faith and order: the reconciliation of law and religion. Atlanta, Ga., 1993.
21. *Davidson D.* Mental Events. Reprinted in Essays on Actions and Events. Oxford, 1970.
22. *Hammer T.* Einheit und Vielheit bei Heraklit von Ephesus. Würzburg, 1991.
23. *Kinney A. M.* The Meaning of Dialectic in Plato // Auslegung: a journal of philosophy. Kansas University Press, 1983. Vol. 10. No. 3. P. 231.
24. *Lincoln C.* The Dialectical Path of Law. London, 2021.
25. *Newton S.* The Dialectics of Law and Development. In: *Trubek D. M. and Santos Alvaro (eds.)*. The New Law and Economic Development: a Critical Appraisal. Cambridge, 2006. Pp. 174–202.
26. *Patterson E. D.* Hans Kelsen and his Pure Theory of Law // California Law Review. 1952. Vol. 40. Iss. 1.
27. *Robinson R.* Plato's Earlier Dialectic. Ithaca, NY, 1941. P. Y.
28. *Scott G.A.* Introduction // Scott G.A. (ed.) Does Socrates Have a Method? Rethinking the Elenchus in Plato's Dialogues and Beyond. The Pennsylvania State University Press, 2002. P. 1.
29. *Vlastos G.* The Socratic Elenchus // Oxford Studies in Ancient Philosophy. 1983. No. 1. Pp. 27–58.
30. *Zeller E.* Grundriß der Geschichte der griechischen Philosophie. 4te Aufl. Leipzig, 1893. S. 91.

REFERENCES

1. *Aristotle.* Collected works: in 4 vols / transl. from ancient Greek; ed. V.F. Asmus, Z.N. Mikeladze, I.D. Rozhansky, A.I. Dovatur. M., 1976–1983. Vol. 2. P. 5 (in Russ.).
2. *Asmus V.F.* Plato. M., 1969. P. 87 (in Russ.).
3. *Heracitus.* About nature // The Materialists of Ancient Greece. The collection of texts of Heraclitus, Democritus and Epicurus. M., 1955. P. 39 (in Russ.).
4. Dialectics of the general, special and singular in law: theoretical-legal and philosophical-legal aspects / ed. by E.A. Kulikov. Barnaul, 2020 (in Russ.).
5. *Zakhartsev S.I.* Returning to the discussion on dialectics as a methodological basis for the knowledge of law // Monitoring of law enforcement. 2015. No. 1. Pp. 32–39 (in Russ.).
6. *Zakhartsev S.I., Salnikov V.P.* Philosophy and legal science. M., 2019 (in Russ.).
7. *Ilyenkov E.V.* Dialectical logic. Essays on history and theory. M., 1974 (in Russ.).
8. Categories of dialectics (theoretical and methodological problems): a series of lectures / under the general editorship of I. Ya. Loifman. Yekaterinburg, 2003 (in Russ.).
9. *Kerimov D.A.* Methodology of law. The subject, functions, problems of Philosophy of Law. M., 2000 (in Russ.).
10. *Lenin V.I.* The complete works. M., 1958–1965. Vol. 29. P. 203 (in Russ.).
11. *Losev A.F.* Dialectics of myth. Supplement to the “Dialectic of myth”: a new academic edition, rev. and add. M., 2021 (in Russ.).
12. *Losev A.F.* Essays on ancient symbolism and mythology. M., 1993. Pp. 482–484 (in Russ.).
13. *Plato.* The State (510b) // Plato. Collected works: in 4 vols / total. ed. A.F. Losev, V.F. Asmus, A.A. Tahoe-Godi. M., 1990–1994. Vol. 3. P. 292 (in Russ.).
14. *Plato.* Parmenides (145d) // Plato. Collected works: in 4 vols / total. ed. A.F. Losev, V.F. Asmus, A.A. Tahoe-Godi. M., 1990–1994. Vol. 2. P. 375 (in Russ.).
15. *Syrykh V.M.* Russian jurists at a crossroads: materialistic rationalism or subjective idealism? // Journal of Russ. law. 2016. No. 1. Pp. 75–89 (in Russ.).
16. *Utkin G. N.* Unconditional and conditional as categories of the dialectic of law // State and Law. 2021. No. 9. Pp. 58–64 (in Russ.).
17. *Chalmers D.* The conscious mind. In search of a fundamental theory. M., 2013. P. 55 (in Russ.).
18. *Chestnov I. L.* Legal understanding in the postmodern era. SPb., 2002. P. 193 (in Russ.).

19. *Ausland H. W.* Forensic Characteristics of Socratic Argumentation // *Scott G.A. (ed.) Does Socrates Have a Method? Rethinking the Elenchus in Plato's Dialogues and Beyond.* The Pennsylvania State University Press, 2002. P. 37.
20. *Berman H.J.* Faith and order: the reconciliation of law and religion. Atlanta, Ga., 1993.
21. *Davidson D.* Mental Events. Reprinted in Essays on Actions and Events. Oxford, 1970.
22. *Hammer T.* Einheit und Vielheit bei Heraklit von Ephesus. Würzburg, 1991.
23. *Kinney A. M.* The Meaning of Dialectic in Plato // *Auslegung: a journal of philosophy.* Kansas University Press, 1983. Vol. 10. No. 3. P. 231.
24. *Lincoln C.* The Dialectical Path of Law. London, 2021.
25. *Newton S.* The Dialectics of Law and Development. In: *Trubek D.M. and Santos Alvaro (eds.) The New Law and Economic Development: a Critical Appraisal.* Cambridge, 2006. Pp. 174–202.
26. *Patterson E. D.* Hans Kelsen and his Pure Theory of Law // *California Law Review.* 1952. Vol. 40. Iss. 1.
27. *Robinson R.* Plato's Earlier Dialectic. Ithaca, NY, 1941. P. Y.
28. *Scott G.A.* Introduction // *Scott G.A. (ed.) Does Socrates Have a Method? Rethinking the Elenchus in Plato's Dialogues and Beyond.* The Pennsylvania State University Press, 2002. P. 1.
29. *Vlastos G.* The Socratic Elenchus // *Oxford Studies in Ancient Philosophy.* 1983. No. 1. Pp. 27–58.
30. *Zeller E.* Grundriß der Geschichte der griechischen Philosophie. 4te Aufl. Leipzig, 1893. S. 91.

Сведения об авторе

ЛИХТЕР Павел Леонидович –
кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры частного и публичного права
Пензенского государственного университета;
440026 г. Пенза, ул. Красная, д. 40
ORCID: 0000-0001-8950-4325

Author's information

LIKHTER Pavel L. –
PhD in Law, Associate Professor,
Associate Professor of the Department
of Private and Public Law,
Penza State University; 40 Krasnaya str.,
440026 Penza, Russia

О СОВРЕМЕННЫХ ПРОБЛЕМАХ МЕХАНИЗМА ОТВЕТСТВЕННОСТИ СУДЕЙ ЗА ДИСЦИПЛИНАРНЫЙ ПРОСТУПОК: ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНАЯ ПРАКТИКА, ОБЩИЕ ПОДХОДЫ

ЧАСТЬ 3. О ДИСЦИПЛИНАРНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ СУДЕЙ, ПРЕБЫВАЮЩИХ В ОТСТАВКЕ

© 2024 г. М. И. Клеандров

Институт государства и права Российской академии наук, г. Москва

E-mail: mklean@bk.ru

Поступила в редакцию 15.04.2024 г.

Аннотация. В настоящей статье, третьей по счету в серии, посвященной проблематике дисциплинарной ответственности судей, рассматриваются особенности механизма дисциплинарной ответственности судей, пребывающих в отставке. Рассматриваются две группы судей, пребывающих в отставке: а) «отдыхающие» как пенсионеры либо работающие в дозволенных законом должностях; б) призванные в соответствии с законодательством к непосредственному осуществлению правосудия на определенный срок. Автор обращает внимание на то, что как дисциплинарный этот вид ответственности судей-отставников условен, в законодательстве его никак не называют, за нарушение установленных запретов и ограничений для судей, пребывающих в отставке, установлен единственный вид ответственности – прекращение отставки, что не дает возможности за совершенный проступок применить адекватное наказание. Ставятся вопросы, не имеющие ответа ни в законодательстве, ни в правоприменительной практике, в частности: почему не распространяются гарантии неприкосновенности на судей-отставников в период осуществления ими деятельности, разрешенной п. 4 ст. 3 Закона РФ «О статусе судей в Российской Федерации»? Автором формулируются выводы, вносятся предложения.

Ключевые слова: судья, отставка судьи, ответственность судьи в отставке, несовершенство механизма.

Цитирование: Клеандров М.И. О современных проблемах механизма ответственности судей за дисциплинарный проступок: правоприменительная практика, общие подходы

Часть 3. О дисциплинарной ответственности судей, пребывающих в отставке // Государство и право. 2024. № 6. С. 55–67.

DOI: 10.31857/S1026945224060043

ON CURRENT PROBLEMS OF THE MECHANISM OF LIABILITY OF JUDGES FOR DISCIPLINARY MISCONDUCT: LAW ENFORCEMENT PRACTICE, GENERAL APPROACHES

PART 3. ON DISCIPLINARY LIABILITY OF RETIRED JUDGES

© 2024 M. I. Kleandrov

Institute of State and Law of the RAN

E-mail: mklean@bk.ru

Received 15.04.2024

Abstract. In the present article, the third in the series devoted to a perspective of disciplinary responsibility of judges features of the mechanism of disciplinary responsibility of the judges staying in resignation are considered. Two groups of the judges staying in resignation are considered: a) "vacationers" as pensioners or working in the positions permitted by the law; b) called according to the legislation for direct implementation of justice for a certain term. The author pays attention that disciplinary this type of responsibility of judges-retirees is conditional, in the law it is not called in any way, for violation set the bans and restrictions for the judges staying in resignation the only type of responsibility – the resignation termination is established that does not give the chance for perfect offense to apply adequate punishment. The author formulates the conclusions, proposals are made.

Key words: judge, resignation of a judge, responsibility of a retired judge, imperfection of the mechanism.

For citation: Kleandrov, M.I. (2024). On modern problems of the mechanism of responsibility of judges for disciplinary misconduct: law enforcement practice, general approaches
Part 3. On the disciplinary responsibility of retired judges // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 6, pp. 55–67.

Как указал Конституционный Суд РФ в Постановлении от 19 февраля 2002 г. № 5-П: конституционный статус судьи включает и предоставление ему в будущем особого статуса судьи в отставке, что также служит гарантией надлежащего осуществления правосудия, дает основание для предъявления к судьям высоких требований и позволяет сохранить доверие к их компетентности, независимости и беспристрастности¹.

На первый взгляд, проблем с ответственностью (дисциплинарной (под вопросом) и (точно) не уголовной, гражданской, административной) судьи, ушедшего в отставку, не может быть. Ведь он уже не осуществляет правосудие.

Сам статус судьи, пребывающего в отставке, в целом определяется п. 1 п. 2 ст. 15 Закона РФ от 26 июня 1992 г. № 3132-1 «О статусе судей в Российской Федерации»² (в ред. от 21.06.1995 № 91-ФЗ, от 15.12.2001 № 169-ФЗ, от 05.04.2005 № 33-ФЗ, от 28.06.2009 № 126-ФЗ),

где провозглашено: «1. Отставкой судьи по смыслу настоящего Закона признается почетный уход или почетное удаление судьи с должности. За лицом, пребывающим в отставке, сохраняются звание судьи, гарантии личной неприкосновенности и принадлежность к судейскому сообществу. 2. Каждый судья имеет право на отставку по собственному желанию независимо от возраста. Судья считается ушедшим или удаленным в отставку, если его полномочия прекращены по основаниям, предусмотренным подпунктами 1, 2, 4, 9 и 11 п. 1 ст. 14 настоящего Закона. Время работы в должности судьи в районах Крайнего Севера и приравненных к ним местностях засчитывается в стаж работы судьи в полуторном размере».

Само количество изменений формулы статуса судьи в отставке свидетельствует о неоднозначности подходов законодателя в определенные временные периоды к этой категории судей.

Но статусная характеристика судьи в отставке будет неполной, если не отметить и финансово составляющую. В частности, п. 5 ст. 15 Закона о статусе судей гласит: «Пребывающему в отставке

¹ См.: СЗ РФ. 2002. № 10, ст. 1015.

² См.: Ведомости СНД и ВС РФ. 1992. № 30, ст. 1792.

судье выплачивается пенсия на общих основаниях. Пребывающему в отставке судье, имеющему стаж работы в должности судьи не менее 20 лет, выплачивается по его выбору пенсия на общих основаниях или не облагаемое налогом ежемесячное пожизненное содержание в размере восьмидесяти процентов ежемесячного денежного вознаграждения работающего по соответствующей должности судьи» (в ред. от 25.12.2012 № 269-ФЗ). А пребывающему в отставке судье, имеющему стаж работы в должности судьи не менее 20 лет и достигшему возраста 55 (для женщин – 50) лет, размер ежемесячного пожизненного содержания исчисляется пропорционально количеству полных лет, отработанных в должности судьи. А пребывающему в отставке судье, имеющему стаж работы в этой должности более 20 лет, ежемесячное пожизненное содержание увеличивается из расчета за каждый год стажа работы свыше 20 лет – один процент указанного содержания, но всего не более 85 процентов ежемесячного денежного вознаграждения занимающего соответствующую должность судьи (в ред. от 25.12.2012 № 269-ФЗ).

Необходимо указать и на такую составляющую статуса судьи в отставке, как закрепленное в п. 1 ст. 9 Закона о статусе судей обеспечение независимости судьи правом судьи на отставку. Сюда же следует отнести и п. 2 ст. 16 («Неприкосновенность судьи»), в соответствии с которым «судья, в том числе после прекращения его полномочий, не может быть привлечен к какой-либо ответственности за выраженное им при осуществлении правосудия мнение и принятное судом решение, если только вступившим в законную силу приговором суда не будет установлена виновность судьи в преступном злоупотреблении либо вынесении заведомо неправосудного приговора, решения или иного судебного акта» (в ред. от 05.04.2005 № 33-ФЗ). Вместе с тем сохраняется неопределенность в вопросе сохранения неприкосновенности судей-отставников – почему в период осуществления ими деятельности, разрешенной п. 4 ст. 3 Закона о статусе судей (в ред. от 04.06.2018 № 133-ФЗ и от 13.06.2023 № 253-ФЗ, и только в отношении судей, имеющих стаж работы в качестве судьи не менее 20 лет либо достигших возраста 55 лет (для женщин – 50 лет), которые вправе работать в органах государственной власти, органах местного самоуправления, государственных и муниципальных учреждениях, профсоюзных и иных общественных объединениях, а также в качестве помощника сенатора Российской Федерации или депутата Государственной Думы либо помощника депутата законодательного (представительного) органа субъекта Российской Федерации, а также могущих быть назначенными на должность уполномоченного по правам потребителей финансовых

услуг, но не вправе занимать должности прокурора, следователя и дознавателя, заниматься адвокатской и нотариальной деятельностью, эта неприкосновенность на них не распространяется?

Статус судьи в отставке будет неполным, если не назвать этический (не правовой) его компонент. В Кодексе судейской этики, утвержденном VIII Всероссийским съездом судей 19 декабря 2012 г. № 2 (с изм., утв. Постановлениями Всероссийских съездов судей от 08.12.2016 № 2 и от 01.12.2022 г. № 4), прямо в п. 1 ст. 2 «Сфера применения» указано: «Действия Кодекса судейской этики распространяются на всех судей Российской Федерации, в том числе на судей, пребывающих в отставке».

Разумеется, львиная доля регуляторики, содержащаяся в этом Кодексе, относится к действующим судьям. Но ст. 13 «Взаимодействие со средствами массовой информации», 14 «Принципы осуществления внесудебной деятельности», 15 «Участие в деятельности, связанной с развитием права и законодательства», 16 «Ограничения, связанные с осуществлением юридической практики», 17 «Участие в общественной деятельности», 18 «Взаимодействие с органами государственной власти», 19 «Ограничения, связанные с участием в предпринимательской деятельности», 20 «Вознаграждение, получаемое в связи с осуществлением внесудебной деятельности», 21 «Ограничения, связанные с участием в политической деятельности», 22 «Свобода выражения мнения», 23 «Участие в профессиональных организациях» (каждая из которых к тому же содержит от двух до шести пунктов), безусловно, распространяются и на судей-отставников.

Другое дело, что какой-либо ответственности за нарушение (несоблюдение) положений данного Кодекса для судей-отставников, как и для действующих судей (и руководителей судебных органов) данным Кодексом не предусмотрено. А ответственность здесь должна быть исключительно этическая, не правовая. Это означает, что разработанные и утвержденные в будущем изменения и дополнения Кодекса судейской этики (либо принятие Кодекса в принципиально новой редакции) должны в числе положений об этической ответственности судей за нарушение (несоблюдение) положений данного Кодекса включать, оптимально – в виде отдельного раздела, и положения, относящиеся к судьям-отставникам.

Но вернемся к правовой составляющей статуса судей-отставников.

С определенной натяжкой и исключительно в целях настоящей работы представляется целесообразным прибегнуть к методу дихотомии и разделить категорию судей в отставке на две группы:

1) как сказано выше – когда пребывающему в отставке судье, имеющему стаж работы в должности судьи не менее 20 лет, выплачивается по его выбору пенсия на общих основаниях или не облагаемое налогом ежемесячное пожизненное содержание; 2) когда судьи, пребывающие в отставке, призваны в соответствии со ст. 7¹ Закона о статусе судей к осуществлению правосудия. Обе группы ниже рассматриваются сквозь призму существующего механизма дисциплинарной ответственности судей-отставников.

Начнем со второй, более узкой группы. Федеральным законом от 21 июня 1995 г. № 91-ФЗ Закон о статусе судей был дополнен ст. 7¹ «Исполнение обязанностей судей». Этим дополнением было установлено: к осуществлению правосудия в качестве судьи, кроме исполнения обязанностей судьи Конституционного Суда РФ, может быть привлечен с его согласия судья, находящийся в отставке, имеющий стаж работы в качестве судьи не менее 10 лет (почетный судья), не состоящий на учете в наркологическом или психоневрологическом диспансере в связи с лечением от алкоголизма, наркомании, токсикомании, хронических и затяжных психических расстройств, не имеющий иных заболеваний, препятствующих осуществлению полномочий судьи, на срок до одного года в случае наличия вакантной должности судьи, либо в случае временного значительного увеличения объема работы в суде, либо в случае отсутствия судьи или приостановления его полномочий (в ред. от 23.12.2010 № 371-ФЗ). Привлечение судьи федерального суда, находящегося в отставке, к исполнению обязанностей судьи федерального суда производится председателем вышестоящего суда при наличии положительного заключения ККС и документа, свидетельствующего об отсутствии у судьи, находящегося в отставке, заболеваний, препятствующих назначению на должность судьи (в ред. от 23.12.2010 № 371-ФЗ, от 04.03.2013 № 20-ФЗ). Привлечение судьи, находящегося в отставке, к исполнению обязанностей мирового судьи производится на основании решения законодательного (представительного) органа государственной власти субъекта Российской Федерации по представлению председателя соответствующего верховного суда республики, краевого, областного суда, суда города федерального значения, суда автономной области, суда автономного округа при наличии положительного заключения ККС и документа, свидетельствующего об отсутствии у судьи, находящегося в отставке, заболеваний, препятствующих назначению на должность судьи (введен Федеральным законом от 04.03.2013 № 20-ФЗ).

При этом относительно мировых судей нужно отметить следующее. Судья, назначенный впервые на должность, приносит в торжественной

обстановке присягу. То есть, и это правильно, – судья приносит присягу один раз. В ст. 8 «Присяга судьи» сказано: «Судьи федеральных судов приносят присягу перед Государственным флагом Российской Федерации»; и далее: «Мировые судьи приносят присягу перед Государственным флагом Российской Федерации и флагом субъекта Российской Федерации».

Но это означает: бывший мировой судья, пребывающий в отставке и призванный к осуществлению правосудия в соответствии со ст. 7¹ Закона о статусе судей в качестве судьи федерального суда (обычно – районного), уже приносил присягу и перед Государственным флагом Российской Федерации. Но не наоборот – судья федерального суда в отставке, призванный к осуществлению правосудия в качестве мирового судьи, присягу перед флагом субъекта Российской Федерации не приносил. Но ведь не принесший полнокровную, охватывающую этот момент, присягу судья не может осуществлять правосудие. Единственным выходом из положения может быть принесение федеральным судьей-отставником при привлечении его к исполнению обязанности мирового судьи к отдельной – дополнительной – присяги исключительно перед флагом субъекта Российской Федерации. И это необходимо узаконить.

Сам статус судей-отставников определяется, как сказано выше, ст. 15 Закона о статусе судей, и в п. 6 этой статьи предусмотрен такой вид дисциплинарной ответственности, как прекращение отставки судьи. Причем – что очень важно – это единственный вид ответственности (ответственность в уголовной, административной, гражданско-правовой формах – это о другом, а проблематика конституционной ответственности судей рассмотрена в части 1 настоящей статьи). Названным пунктом (в ред. от 02.07.2013 № 179-ФЗ) установлено, что отставка судьи прекращается в случае: 1) выявления после ухода судьи в отставку нарушений, допущенных им при исполнении полномочий судьи, являющихся основанием для наложения дисциплинарного взыскания в виде досрочного прекращения полномочий судьи в соответствии с п. 1 и 5 ст. 12¹ настоящего Закона, если не истек срок давности, установленный п. 6 ст. 12¹ настоящего Закона; 2) несоблюдения запретов и ограничений, предусмотренных п. 3 и 4 ст. 3 настоящего Закона; 3) существенного, виновного, несовместимого с высоким званием судьи нарушения положений настоящего Закона и (или) кодекса судейской этики, порочащего честь и достоинство судьи, умаляющего авторитет судебной власти; 4) занятия деятельностью, несовместимой со статусом судьи и др.

Важно при этом учесть, что прекращение отставки судьи – очень серьезная, весьма чувствительная мера наказания, в первую очередь потому,

что влечет за собой прекращение выплаты не облагаемого налогом ежемесячного пожизненного содержания, и немаленького. А пенсия, выплачиваемая гражданам на общих основаниях, будет выплачиваться судье-отставнику в таком случае в значительно урезанном виде, поскольку в период работы судьей отчисления в пенсионный фонд от его ежемесячного денежного содержания не производились. И вообще пенсия – по размеру – несопоставима с выплатами судье-отставнику.

Но главный вопрос: распространяется ли на судей-отставников из названных в ст. 14¹ Закона о статусе судей (введена в этот Закон Федеральным законом от 08.12.2020 № 426 в развитие конституционных нововведений 2020 г.) высших судов Российской Федерации, кассационных и апелляционных судов сказанное выше? Отсюда – их ответственность за содеянное, по сути, дисциплинарная, является ли, по аналогии с действующей быть, ответственностью конституционной (по аналогии со ст. 12¹ Закона о статусе судей)? Соответственно, попадают ли судьи-отставники высших, кассационных и апелляционных судов в случае совершения ими грубого проступка, влекущего за собой ответственность в виде досрочного прекращения судейских полномочий, в юрисдикцию Совета Федерации? Во всяком случае в п. 7 ст. 15 Закона о статусе судей (в действующей редакции), где указано, что решение о прекращении отставки судьи принимается ККС, Совет Федерации ФС РФ не назван.

Отрадно при этом, что действующий (вне Совета Федерации ФС РФ) механизм дисциплинарной ответственности судей в виде органов судейского сообщества гарантировано (в целом) обеспечивает защиту прав судей-отставников в случае совершения ими даже самых грубых, серьезных проступков. Вот пример. Решением одной из региональных ККС от 18 мая 2022 г. была прекращена отставка судьи Д., основанием чему послужили выявленные многочисленные проступки, допущенные ею еще в период ее работы судьей: по ряду дел извещение о времени и месте рассмотрения дел осуществлялось посредством СМИ-сообщения при отсутствии согласия лица на такое извещение; отдельные постановления содержали недостатки юридико-технического характера: орфографические ошибки, неправильное и неполное написание наименований государственных (муниципальных) органов и должностных лиц; отмечены и грубые нарушения мировым судьей сроков направления копий постановлений по делу лицам, в отношении которых они выносились; в отношении мирового судьи Д. было вынесено три частных определения от 17 февраля 2017 г., 30 октября 2020 г. и 8 февраля 2021 г., которыми установлены факты грубого нарушения процессуальных сроков. Нарушения сроков вручения участвующим в делах

лицам копий принятых решений, а также нарушения сроков обращения к исполнению решений и сдачи дел в архив судебного участка являлось следствием несвоевременного изготовления судьей судебных постановлений по делам. К моменту ухода в отставку не было сдано 341 дело законченных производством дел об административных правонарушениях. Участниками процессов была направлена за пять лет 61 жалоба, из которых 26 признаны обоснованными. И т.п. То есть налицо наглые и грубые правонарушения, и их системность, и нарушение этических норм...

Но ВККС РФ своим решением от 21 сентября 2022 г. указанное решение региональной ККС отменила по причине допущенного региональной ККС нарушения процессуально-процедурного характера. ВККС РФ указала: из совокупного толкования соответствующих положений Закона о статусе судей следует, что прекращение отставки судьи за допущенные при осуществлении правосудия нарушения возможно только в отношении судьи, ранее подвергавшегося дисциплинарному взысканию, доказательством чему не представлено³.

В целом статус судьи, пребывающего в отставке и привлекаемого к осуществлению правосудия на определенный срок, далек от совершенства. Этот вопрос регулирует ч. 2 ст. 11 ФКЗ от 31 декабря 1996 г. № 1-ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации»⁴, в соответствии с которой «судья, имеющий стаж работы в качестве судьи не менее десяти лет и находящийся в отставке, считается почетным судьей. Он может быть привлечен к осуществлению правосудия в качестве судьи в порядке, установленном федеральным законом», и ст. 7¹ Закона о статусе судей, сама же эта статья именуется «Исполнение обязанности судьи» (введена она была в Закон о статусе судей Федеральным законом от 21.06.1995 № 91-ФЗ), т.е. при изначальном принятии Закона о статусе судей такая возможность для судей-отставников не предусматривалась. Само же наименование должности судей-отставников, привлекаемых на определенный срок к осуществлению правосудия, – исполняющий обязанности судьи – режет слух, указывает – как бы – на их судейскую неполноценность. И.о. всегда и везде воспринимается в обществе как определенная ущербность, а назначение на должность без этой приставки – как полноценная должность. В механизме правосудия судебный акт, вынесенный судьей, и судебный акт, вынесенный и.о. судьи, хотя и равнозначны, но воспринимаются психологически по-разному. Здесь с очевидностью необходима или иная терминология, или

³ См.: Вестник ВККС РФ. 2022. № 6 (86). С. 39, 40.

⁴ См.: СЗ РФ. 1997. № 1, ст. 1.

прямое – в Законе – указание на то, что судебный акт, вынесенный судьей, пребывающим в отставке и призванным в соответствии со ст. 7¹ Закона о статусе судей к осуществлению правосудия на определенный срок, ничем не отличается от судебного акта, вынесенного действующим, не пребывающим в отставке судьей.

Вместе с тем наличие института привлечения судей-отставников к осуществлению правосудия на определенный срок по правилам ст. 7¹ Закона о статусе судей не исключает, даже – не препятствует праву судьи-отставника быть назначенным на вакантную должность судьи, пройдя заново всю сложную и несколькоэтапную процедуру отбора кандидатов на должность судьи и назначения судьей. Прямого указания на такую возможность в законодательстве нет, но косвенно содержится в п. 3, 5 и 8 ст. 5 Закона о статусе судей.

Важным является и вопрос: приобретают ли судьи-отставники, привлеченные к осуществлению правосудия в соответствии со ст. 7¹ Закона о статусе судей, права на пользование всеми видами материального и социального обеспечения, установленными для действующих судей? Как ни странно, прямого указания на это в Законе нет, хотя правоприменительная практика к этому вопросу относится положительно. Похоже, руководствуются в этом вопросе разъяснением Совета судей РФ по применению Закона о статусе судей, в соответствии с которым «пребывающий в отставке судья, привлекаемый по ст. 7¹ Закона РФ «О статусе судей в Российской Федерации» к исполнению обязанностей в качестве судьи, пользуется всеми видами материального и социального обеспечения, установленными Законом для действующих судей, так как в это время отправляет правосудие»⁵.

Наиболее выпукло несовершенство статуса судьи-отставника проявляется именно в следующем его сегменте. Вот пример нарушения (точнее – несоблюдения) требований к судье-отставнику, привлекаемому к исполнению обязанностей по осуществлению правосудия по правилам ст. 7¹ Закона о статусе судей, повлекшего серьезные последствия, причем практически в рамках действующего законодательства – неустранимые.

В данном случае было не соблюдено установленное ст. 7¹ требование о наличии у судьи-отставника 10-летнего судебного стажа, корреспондирующее к тому же правовой позиции Конституционного Суда РФ от 16 июля 2009 г. № 14-П по делу о проверке конституционности ст. 7¹ Закона о статусе судей.

Суть дела такова. В газете «Московский комсомолец» от 23 июня 2016 г. была опубликована статья

«Служитель Фемиды восстановилась в должности с нарушением закона». Проведенной соответствующими органами судебского сообщества проверкой было установлено, что судья *П.*, о которой шла в названной газетной публикации речь, в 2005 г. была в установленном порядке назначена мировой судьей на трехлетний срок полномочий, а в 2008 г. – на пятилетний срок полномочий в тот же судебный участок. В апреле 2011 г. Указом Президента РФ она была назначена судьей одного из районных (т.е. – федеральных) судов. А решением региональной ККС в октябре 2013 г. ее полномочия были прекращены в соответствии с ее заявлением. Таким образом стаж работы в должности судьи у *П.* составил восемь лет.

Тем не менее на основании заключения региональной ККС приказами председателя городского суда *П.* была в июле 2014 г. привлечена к осуществлению правосудия сроком до 1 года, а в ноябре 2015 г. – на шесть месяцев соответственно.

При этом проверкой было установлено, что и ККС, и председателю городского суда было известно, что у *П.* всего восемь лет судебного стажа вместо необходимых десяти. Поэтому орган судебского сообщества, проводивший проверку, пришел к выводу, что сведения, опубликованные в названной газетной статье, нашли свое подтверждение.

Юридически принципиально значимой в данном вопросе является позиция Конституционного Суда РФ, сформулированная им в названном выше Постановлении. Там указано: Федеральный конституционный закон «О судебной системе Российской Федерации» предусмотрел в ч. 2 ст. 11 возможность привлечения к осуществлению правосудия в качестве судьи в порядке, установленном федеральным законом, лишь тех судей, находящихся в отставке, которые имеют стаж работы в качестве судьи не менее 10 лет и считаются почетными судьями. По смыслу данной статьи, 10-летний стаж как необходимый элемент правового статуса почетного судьи не предполагает включение в него иных, помимо судебной профессиональной деятельности, периодов, как это допускается абз. 2 п. 1 ст. 19 Закона РФ «О статусе судей в Российской Федерации» и ст. 7 Федерального закона «О дополнительных гарантиях социальной защиты судей и работников аппаратов судов Российской Федерации» при исчислении стажа, дающего право на ежемесячное пожизненное содержание и дополнительные льготы, т.е. в стаж работы в качестве судьи, имеющий юридическое значение для привлечения судьи, находящегося в отставке, к осуществлению правосудия, в отличие от стажа, дающего право на отставку и получение всех видов выплат и льгот, не должно включаться время работы в судах и органах юстиции на должностях, указанных в п. 5 ст. 4 Закона о статусе судей.

⁵ Росс. юстиция. 2003. № 8.

Конституционный Суд РФ также отметил, что право каждого на рассмотрение его дела в том суде и тем судьей, к подсудности которых оно отнесено законом, выступая в качестве одной из составляющих права на судебную защиту и гарантируя беспрепятственный доступ к правосудию, указал, что надлежащий суд должен быть сформирован в установленном законом порядке и состоять из судей, обладающих соответствующей компетенцией и наделенных полномочиями с соблюдением установленных законом требований, предъявляемых к кандидатам на должность судьи и к судьям, а также присяжным и арбитражным заседателям, что является гарантией законного состава суда.

Больше того – несоблюдение условий, при которых судья, пребывающий в отставке, может быть привлечен к осуществлению правосудия, нарушает гарантированное Конституцией РФ право каждого на рассмотрение его дела законным судом и тем самым противоречит ч. 1 ст. 46, ч. 1 ст. 47, ст. 119 и ч. 1 ст. 120 Конституции РФ.

Но ведь *П.* за период привлечения ее как судьи-отставника к осуществлению полномочий по осуществлению правосудия в качестве судьи городского суда вынесла более полутора тысяч судебных актов. И можно считать – вынесла в незаконном составе суда, т.е. ситуацию можно рассматривать как вершение *П.* правосудия в отношении названных полутора тысяч дел не в качестве судьи. Правда, и не в качестве самозванца, иначе разговор мог бы быть иным, точнее – в иной плоскости.

Сходные по глубинной сути имели место ситуации с назначением судей – в соответствии с действующим тогда законодательством – на определенный (как бы испытательный, но длительный – трехлетний) срок, по завершении которого некоторые из них продолжали вершить правосудие в прежней должности и в прежнем судебном месте, не будучи назначены судьей на новый срок или бессрочно. Были ли они по завершении первого срока судьями, пребывающими в отставке до нового назначения (избрания – это для мировых) судьями? Официально нет, поэтому ст. 7¹ Закона о статусе судей на них не распространяется, точнее – не должна распространяться.

Были ли они в этот промежуток времени вообще судьями? Категорически – нет. Были ли вынесенные ими в этот промежуток времени судебные акты именно судебными, правосудными актами? Также, с очевидностью, нет, поскольку вынесены были ни недействующими судьями, ни судьями, пребывающими в отставке⁶.

⁶ См.: Клеандров М.И. Судья или не судья: об институте ничтожности судебного акта // Росс. правосудие. 2016. № 12 (128). С. 29–38.

С точки зрения неправосудности эти судебные акты можно, видимо, приравнять по своей юридической силе к поддельным судебным решениям, получившим широкое распространение⁷.

Научные публикации по проблематике дисциплинарной (если таковой ее квалифицировать) ответственности судей, пребывающих в отставке, ни в коей мере не могут считаться обильными.

Так, С.Б. Серенко полагает, что прекращение отставки судьи по основаниям, связанным с его виновным поведением, фактически является мерой юридической ответственности и должно быть имплицитно признано таковой путем закрепления в Законе о статусе судей соответствующих норм, поскольку непризнание этого факта влечет нарушение прав судей в отставке. На его взгляд, представляется избыточным наличие сразу двух оснований прекращения отставки за одно и то же действие – занятие деятельностью, несовместимой со статусом судьи, является также частью несоблюдения запретов и ограничений. Их одновременное закрепление нарушает определенность правового регулирования, позволяя за одинаковые проступки прекращать отставку по различным основаниям⁸.

Г.Т. Ермошин (к сожалению, уже покинувший наш мир) вообще полагал, что правовая природа прекращения отставки судьи не определена, но это явно не дисциплинарное взыскание, не административное взыскание, не уголовное наказание – это что-то новое, к которому, если не задавать себе этих вопросов, быстро привыкаешь⁹. Более широко этот вопрос Г.Т. Ермошин рассмотрел в других своих работах¹⁰.

А в монографии, посвященной статусу российского судьи, Г.Т. Ермошин задается вопросом: какова правовая природа ответственности, которой привлекается судья в отставке, прекративший трудовые отношения с государством в части исполнения судебских полномочий, в тех случаях, когда его отставка прекращается за нарушения положений Закона о статусе судей, запрещающих ему заниматься деятельностью, кроме запрещенной судье в отставке, или за действия родственников

⁷ См.: Егоров И., Козлова Н. Решали без суда и следствия. Поддельные постановления, которые не выносились судьями, передаются в различные государственные органы // Росс. газ. 2015. 13 мая.

⁸ См.: Серенко С.Б. Прекращение отставки судьи как мера юридической ответственности // Росс. судья. 2021. № 11. С. 52–56.

⁹ См.: Ермошин Г.Т. Проблемы совершенствования статуса судьи в отставке в контексте Постановления VIII Всероссийского съезда судей // СПС «КонсультантПлюс», 2013.

¹⁰ См.: Ермошин Г.Т. Судья в отставке: статус, права, обязанности // Право. Журнал ВШЭ. 2012. № 4. С. 87–97; Его же: Судья в отставке: проблемы дефиниции // Росс. судья. 2012. № 2.

судьи в отставке – супруги (супруга) и несовершеннолетних детей судьи в отставке? И ответил на него в существенно более широком плане. Он указал: в соответствии с правовой позицией Верховного Суда РФ, выраженной в решении Верховного Суда РФ от 17 сентября 2010 г. № ГКПИ10-950, прекращение отставки судьи не является мерой дисциплинарной ответственности, поэтому ККС вправе прекратить отставку судьи не только по представлению должностных лиц или обращению органа судейского сообщества, но и при получении сообщения от других органов, должностных лиц и граждан (п. 7 ст. 15 Закона о статусе судей). Тем самым Верховный Суд РФ, по сути, сформулировал отсутствующую в законе правовую норму, признающую законным снижение уровня правовой защищенности судей в отставке, что, как представляется, существенно выходит за рамки компетенции Верховного Суда РФ, как она определена в Федеральном конституционном законе о Верховном Суде РФ. Противоречит эта правовая позиция Верховного Суда РФ и правовой позиции Конституционного Суда РФ, изложенной в Определении Конституционного Суда РФ от 15 февраля 2005 г. № 5-О, в соответствии с которой какое-либо расширительное толкование формулируемых законом оснований для прекращения или приостановления отставки федерального судьи и их распространение на случаи, прямо не названные в законе, находилось бы в противоречии с целями и конституционно-правовым смыслом института отставки судьи. Согласно правовой позиции Конституционного Суда РФ, выраженной в Постановлении от 19 февраля 2002 г. № 5-П, подобное правоприменение нарушает запрет снижения уровня гарантий статуса пребывающих в отставке судей, не соответствовало бы ст. 120 (ч. 1), 121 (ч. 1) и 55 (ч. 2 и 3) Конституции РФ¹¹.

Профессор Л.В. Туманова, многолетний член ВККС РФ, отмечает, что наиболее часто нарушения со стороны судей, пребывающих в отставке, связаны с занятием запрещенной трудовой деятельностью. Специальным случаем этого следует считать принятие полномочий поверенного или представителя даже на безвозмездной основе, кроме случаев осуществления законного представительства. Иногда судьи в отставке пытаются объяснить, что такие нарушения обусловлены либо вынужденным характером отставки, когда, допустим, была угроза жизни судьи, либо отсутствием средств, если отставка не дает права на денежное вознаграждение. Но закон, указывает она,

¹¹ См.: Ермошин Г.Т. Статус судьи в Российской Федерации: научная категория и конкретизация в законодательстве. М., 2015. С. 302.

устанавливает ограничения без каких-либо оговорок, следовательно, при любых обстоятельствах, обусловивших нарушение запрета, отставка должна быть прекращена. У каждого есть право свободного выбора: сохранять принадлежность к судейскому сообществу и соответствующие гарантии неприкосновенности или отказаться от них и заняться любой деятельностью¹².

Однако широта диапазона совершаемых судьями, пребывающими в отставке, нарушений, повлекших для них наказание в виде прекращения отставки, внушительна, что видно из следующих примеров правоприменительной практики. *К.*, судью суда субъекта Российской Федерации в отставке, заподозрили в занятии предпринимательской деятельностью, что прямо запрещено законом при ее статусе. На «отставника» пожаловался бывший муж ее дочери *М.* Оказалось, что *К.* несколько месяцев значилась директором тайской фирмы. На заседании ВККС РФ *К.* и *М.* пояснили, как так вышло. У их семьи в Таиланде был дом, владеть которым по местным законам можно только через юрлицо. Изначально соучредителем и руководителем той компании значилась *М.*, но затем она собралась строить судейскую карьеру, потому переписала долю в тайской организации на мать, а параллельно стала продавать коттедж. Быстро найти покупателя на недвижимость не удалось, на его поиск и оформление сделки ушло больше полугода. За это время экс-супруг *М.* и написал жалобу в местную ККС. Там посчитали нарушением то, что судья в отставке значится директором иностранной фирмы. *К.* настаивала, что такой формальный статус нельзя считать предпринимательской деятельностью, ведь она фактически не занималась никаким бизнесом. Однако этот аргумент не убедил членов ВККС РФ, которые согласились с решением ККС лишить заявителя статуса «отставника»¹³.

Судья в отставке *А.* набрала несколько кредитов в различных банках, в общей сложности в 1 млн руб., и в отношении ее было возбуждено 10 исполнительных производств, но она отказалась выплачивать деньги, ссылаясь на свой судейский статус и судейскую неприкосновенность. Региональная ККС сочла, что этого достаточно, чтобы лишить *А.* статуса судьи-отставника. Ссылки *А.* на тяжелое материальное положение, вызванное медицинскими проблемами и иными обстоятельствами, судебными инстанциями (судебной коллегией по административным делам Верховного Суда РФ¹⁴, оставленным без изменений Апелляционной коллегией

¹² См.: Туманова Л.В. Статус судьи в Российской Федерации: учеб. пособие. М., 2020. С. 52.

¹³ Сайт Право.ру (дата обращения: 09.02.2024).

¹⁴ См.: Дело № АКПИ18-283 за 2019 г.

Верховного Суда РФ) оставлены без их влияния на решение ККС.

Судья *P.* проработал 11 лет, с 1976 по 1987 г., после чего ушел в отставку после истечения очередного срока полномочий. А в начале 2020 г. Решением региональной ККС его лишили статуса судьи-отставника, вменив в вину три нарушения: участие в массовых акциях, адвокатскую деятельность с 1987 по 2008 г. и участие в нескольких судебных заседаниях в качестве представителя. Жалобы *P.* ВККС РФ, судебными инстанциями, включая апелляционную коллегию Верховного Суда РФ (дело № АПЛ20-478), были отклонены. А в Решении региональной ККС от 24 января 2020 г. по этому сюжету, в частности, указано, что к заключению комиссии, проверяющей обращение об *P.*, приложены распечатки выступлений *P.* на митинге, в ходе которого он сообщал, что является судьей, пребывающим в отставке, выражал негативное отношение к установленному в Российской Федерации порядку выборов в государственные органы, к политическому устройству государства и т.д.¹⁵ Здесь обращает на себя внимание деятельность совершаемых *P.* нарушений требований, предъявляемых к судьям, пребывающим в отставке, и то, что механизм привлечения его за эти нарушения к ответственности был «включен» лишь после поступления на него жалобы в конце 2019 г. А это, безусловно, свидетельствует о серьезном несовершенстве названного механизма и необходимости его радикальной модернизации.

Сходной является ситуация и с *H.*, который с 22 мая 1978 г. по 3 июня 1985 г. работал народным судьей районного суда, с 3 июля 1985 г. – членом судебной коллегии областного суда, а 16 февраля 1989 г. ушел в отставку по состоянию здоровья, имея стаж судейской работы 10 лет 8 месяцев. 27 февраля того же года был принят членом областной коллегии адвокатов. 26 марта 2003 г., по достижении предусмотренного Законом о статусе судей возраста 55 лет, он обратился в комиссию при областном суде по вопросу назначения ему необлагаемого налогом ежемесячного пожизненного содержания. После назначения осуществления выплат пропорционально количеству лет, отработанных в должности судьи, региональная ККС решила, что *H.* не соблюдал требования, предусмотренные ст. 3 Закона о статусе судей, поскольку после предложения выбрать между пребыванием в статусе судьи в отставке и занятием адвокатской практикой продолжал осуществлять адвокатскую деятельность. В связи с чем отставка *H.* была прекращена с 22 марта 2008 г. Не согласившись с этим Решением ККС, *H.* обратился в Верховный Суд РФ, который его заявление оставил без удовлетворения.

Прекратив адвокатскую деятельность с 14 февраля 2017 г., *H.* вновь обратился в Комиссию по назначению ежемесячного пожизненного содержания судей при областном суде, однако получил в этом отказ. Судебные инстанции, куда обращался *H.*, также его жалобы оставили без удовлетворения. Конституционный Суд РФ, отказывая в принятии жалобы *H.* к рассмотрению, сослался на свое Определение от 11 мая 2019 г. № 712-О и указал, что возможность прекращения отставки судьи, предусмотренная положениями п. 6 и 7 ст. 15 Закона о статусе судей, обусловлена несоблюдением установленных требований и ограничений (в том числе запрета заниматься адвокатской деятельностью), имеет целью обеспечение независимости, беспристрастности и авторитета судебной власти, в равной степени касается всех судей, пребывающих в отставке, и не может рассматриваться как противоречащая конституционным принципам равенства и независимости судей¹⁶.

В региональную ККС 25 мая 2020 г. поступило заявление судьи районного суда *C.* о прекращении ее полномочий в связи с уходом в отставку с 1 июля 2020 г. А 26 мая 2020 г. в ту же ККС поступило обращение Совета судей того же региона о привлечении судьи *C.* к дисциплинарной ответственности в виде досрочного прекращения полномочий за совершение дисциплинарного проступка.

25 июня 2020 г. ККС своим решением названное обращение Совета судей удовлетворила частично, наложив на судью *C.* дисциплинарное взыскание в виде понижения в квалификационном классе судьи с пятого до шестого, а также удовлетворило заявление *C.* о прекращении ее полномочий судьи в связи с отставкой.

Будучи в статусе судьи в отставке, *C.* обратилась в ВККС РФ с жалобой на решение региональной ККС от 25 июня 2020 г. в части привлечения ее к дисциплинарной ответственности, ссылаясь на то, что наложение дисциплинарного взыскания в виде понижения в квалификационном классе является незаконным и подлежит отмене.

Действительно, согласно п. 4¹ ст. 12¹ Закона о статусе судей обязательным условием для назначения дисциплинарного взыскания в виде понижения в квалификационном классе является уже имеющееся привлечение судьи к дисциплинарной ответственности, чего у судьи *C.* за 14 лет ее работы не было.

ВККС РФ, рассматривая жалобу судьи в отставке *C.*, учла следующее: вывод региональной ККС о наличии в ее действиях дисциплинарного проступка обоснован и ею не обжалован; ранее *C.* к дисциплинарной ответственности не привлекалась, дисциплинарным взысканиям

¹⁵ См.: Вестник ВККС РФ. 2021. № 1 (75). С. 19–22.

¹⁶ См.: Адвокатская газ. 2019. 18 июля.

не подвергалась; согласно п. 4¹ ст. 12¹ Закона о статусе судей дисциплинарное взыскание в виде понижения в квалификационном классе может налагаться на судью за существенное нарушение положений названного закона и (или) Кодекса судейской этики, если судья ранее подвергался дисциплинарному взысканию.

Поэтому ВККС РФ Решением от 29 сентября 2020 г. жалобу С. удовлетворила частично, Решение региональной ККС от 25 июня 2020 г. изменила в части вида дисциплинарного взыскания, наложив на нее взыскание в виде предупреждения, а в связи с изменением вида дисциплинарного взыскания восстановила пятый квалификационный класс судьи С.¹⁷

И все это – в отношении судьи, пребывающего в отставке.

Судья П., будучи в отставке, с 23 мая 2018 г., приказом по одной из областных организаций от 22 марта 2021 г. была назначена на должность начальника юридического отдела. Областной Совет судей сделал вывод о несовместимости осуществляющей П. трудовой деятельности со статусом судьи в отставке. При рассмотрении материалов в областной ККС П. указала, что начальником юридического отдела она работает на безвозмездной основе, а заключенный ею трудовой договор фактически является гражданско-правовым. Однако региональная ККС в ходе рассмотрения материалов дела установила факт наличия между работодателем и П. трудовых отношений и что осуществляемая ею деятельность носит характер оплачиваемой и, не относясь к педагогической, научной и иной творческой, прямо нарушает запрет, предусмотренный п/п. 5 п. 3 ст. 3 Закона о статусе судей. По этому основанию региональная ККС Решением от 4 июня 2021 № 50 прекратила отставку судьи П¹⁸.

ККС субъекта Российской Федерации усмотрела в действиях судьи в отставке Ф. нарушение положений п. 1 ст. 6 Кодекса судейской этики, выразившееся в скрытии информации в Судебном департаменте субъекта Российской Федерации о наличии гражданства Украины и смене фамилии на фамилию гражданина С. По полученному в 2015 г. сроком на 10 лет заграничному паспорту гражданина Украины на имя С. он неоднократно, в том числе в 2020 и 2021 гг., пересекал Государственную границу ККС субъекта Российской Федерации Решением от 17 ноября 2021 г. прекратила отставку судьи Ф. по п/п. 2 п. 6 ст. 15 в связи с несоблюдением запретов и ограничений, предусмотренных п/п. 5² п. 3 ст. 3 Закона о статусе судей¹⁹.

¹⁷ См.: Вестник ВККС РФ. 2021. № 4 (78). С. 42–45.

¹⁸ См.: Вестник ВККС РФ. 2022. № 1 (81). С. 26–29.

¹⁹ См.: Вестник ВККС РФ. 2022. № 4 (84). С. 30, 31.

Ограничено представляется положение подп. 1 п. 6 ст. 15 Закона о статусе судей, в соответствии с которым отставка судьи прекращается в случае выявления после ухода судьи в отставку нарушений, допущенных им при исполнении полномочий судьи, являющихся основанием для наложения дисциплинарного взыскания в виде прекращения полномочий судьи в соответствии с п. 1 и 5 ст. 12¹ данного Закона, если не истек срок давности, установленный п. 1 ст. 12¹.

ККС субъекта Российской Федерации Решением от 25 октября 2019 г. прекратила отставку районного судьи Р. «в связи с существенными, виновными, несовместимыми с высоким званием судьи нарушениями положений данного Закона и Кодекса судейской этики». Однако ВККС РФ, рассматривая жалобу Р. на это Решение региональной ККС, данное Решение отменила «ввиду несоответствия фактическим обстоятельствам дела»²⁰. Помимо несоблюдения ККС норм процессуального характера можно сделать вывод, что если бы законодательством, регулирующим вопросы дисциплинарной ответственности судей, пребывающих в отставке, предусматривалась и более мягкая, чем прекращение отставки судьи, мера ответственности, то ККС прибегла бы к ней, а ВККС РФ ее решение оставила бы без изменений, либо, как вариант: если бы ККС приняла решение о прекращении отставки судьи Р., то ВККС изменила бы это Решение на более мягкую меру ответственности.

Судебная практика преподносит немало иных необычных случаев, связанных с судьями-отставниками.

Так, полномочия мирового судьи Х. региональная ККС прекратила не по ее заявлению об уходе в отставку по п/п. 1 п. 1 ст. 14 Закона о статусе судей, а по п/п. 3 п. 1 ст. 14 этого Закона. Верховный Суд РФ Решением от 25 сентября 2008 г. № ГКПИ08-1676, отметив, что каждый судья имеет право на отставку по собственному желанию независимо от возраста, указал при этом, что по общему правилу ККС не вправе отказать судье в удовлетворении его волеизъявления об отставке, и заявление Х. удовлетворил, а решение ККС отменил.

* * *

В заключение: общая дефектность организационно-правового механизма дисциплинарной ответственности судей, пребывающих в отставке, вытекает из следующего.

1. Сам институт дисциплинарной ответственности судей означает, по большому счету, неисполнение или ненадлежащее исполнение судьей своих обязанностей по осуществлению правосудия.

²⁰ См.: Вестник ВККС РФ. 2021. № 2 (76). С. 31, 32.

Судья-отставник правосудие не осуществляет (за исключением случая привлечения его к исполнению обязанности судьи в соответствии со ст. 7¹ Закона о статусе судей, но в этот промежуток времени его можно рассматривать в качестве действующего судьи, а не судьи-отставника). Следовательно, вряд ли совершаемые им нарушения можно рассматривать как дисциплинарный проступок, а взыскание в виде прекращения отставки судьи за это нарушение как дисциплинарное взыскание.

2. Привлечение судьи, пребывающего в отставке, к осуществлению правосудия на основании ст. 7¹ Закона о статусе судей не означает, что он временно, на период осуществления правосудия, перестает быть судьей в отставке, хотя и, безусловно, становится временно действующим судьей. Его отставка попросту приостанавливается – п. 2 ст. 13 Закона о статусе судей установлено, что приостановление полномочий судьи в отставке (за исключением случая, когда ему в качестве меры пресечения избрано заключение под стражу) не лишает его гарантий неприкосновенности, установленных законом.

В юридической литературе под дисциплинарным проступком понимается «противоправное, виновное неисполнение или ненадлежащее исполнение возложенных на конкретное лицо служебных или иных обязанностей, влекущее в соответствии с законодательным или иным нормативным правовым актом дисциплинарную ответственность. Д.п. выражается в нарушении трудовых обязанностей, предусмотренных трудовым договором (контрактом), правил внутреннего трудового распорядка, должностной или служебной инструкции, невыполнении законных распоряжений вышестоящего органа, должностного лица и т.п.»²¹.

3. Любое по тяжести нарушение, допущенное судьей, пребывающим в отставке, влечет за собой единственную меру наказания – прекращение отставки. Это установлено Федеральным законом от 2 июля 2013 г. № 179-ФЗ «О внесении изменений в Закон Российской Федерации “О статусе судей в Российской Федерации”».

Между тем в п. 8 ст. 28 «Производство по вопросам привлечения судей к дисциплинарной ответственности» Положения о порядке работы квалификационных коллегий судей, утвержденного ВККС РФ 22 марта 2007 г. на основании 114 Федерального закона «Об органах судейского сообщества в Российской Федерации», сказано: определяя вид дисциплинарного взыскания, налагаемого на судью, ККС учитывает характер дисциплинарного проступка, форму вины судьи, совершивший дисциплинарный проступок, степень нарушения

его виновным действием (бездействием) прав, свобод и законных интересов граждан, прав и законных интересов организаций, а также данные, характеризующие личность судьи и его профессиональную деятельность (морально-нравственные качества судьи, обстоятельства, связанные с его семейной жизнью, стаж работы в должности судьи, принятие ранее мер, направленных на предотвращение совершенных им нарушений, и т.п.). При этом ККС не связана с мнением о виде дисциплинарного взыскания, изложенным в обращении (в ред., утв. ВККС РФ от 17.06.2020 г.).

А Федеральным законом от 3 июля 2019 г. № 163-ФЗ «О внесении изменений в статью 16 Закона Российской Федерации “О статусе судей в Российской Федерации”, статьи 17 и 19 Федерального закона “Об органах судейского сообщества в Российской Федерации”» п/п. 10¹ п. 2 ст. 17 Федерального закона «Об органах судейского сообщества Российской Федерации»²² изложен в следующей редакции: ВККС РФ «рассматривает жалобы на решения квалификационных коллегий судей субъектов Российской Федерации. Если по результатам рассмотрения жалобы на решение о привлечении судьи к дисциплинарной ответственности Высшая квалификационная коллегия судей Российской Федерации придет к выводу о том, что дисциплинарное взыскание, наложенное на судью квалификационной коллегией судей субъекта Российской Федерации, несоразмерно тяжести совершенного дисциплинарного проступка, она вправе изменить вид дисциплинарного взыскания».

Но если прекращение отставки судьи за допущенное им нарушение не есть дисциплинарный проступок, то что это тогда? Какой это проступок, влекущий дисциплинарную (ведь не уголовную, не административную, не гражданско-правовую) ответственность? И если прекращение отставки судьи не есть вид дисциплинарной ответственности (самый тяжкий), то что это такое? Но если все-таки это дисциплинарный проступок, влекущий именно дисциплинарную ответственность, то тогда ответственность должна дифференцироваться в зависимости от тяжести дисциплинарного проступка и иных факторов.

И в принципе – наказание: наказание должно быть адекватно совершенному проступку, иначе оно не может считаться справедливым, это – аксиома.

4. Механизма – правового, организационного, любого иного гарантированно обеспечивающего отслеживание совершенного судьей-отставником дисциплинарного проступка, не существует. Нередко судья-отставник вообще теряет связь с судейским коллективом суда, в котором он, иногда

²¹ Юридический энциклопедический словарь / отв. ред. М.Н. Марченко. М., 2008. С. 179.

²² См.: С3 РФ. 2002. № 1, ст. 1022.

долгие годы, осуществлял правосудие. Во всяком случае никакого правового регулирования, обеспечивающего такую связь, нет.

Не вменено это в обязанность (ни законом, ни кодексом судебской этики, ни каким-либо иным регуляторным актом) ни суду, где прежде работал судья-отставник, ни Судебному департаменту и его органам, ни каким либо органам судебского сообщества. Значит, немалое число преступков, совершаемых судьями-отставниками, латентны, а становятся они, с последующим разбором и применением мер ответственности, известны случайно! Но в то же время не должно быть отсутствия нормы, предусматривающей обязанность судьи-отставника, не желающего соблюдать статусные ограничения, обращаться самому с заявлением в ККС о прекращении своей отставки.

5. Судей, пребывающих в отставке, более 15 тыс. (их количество все время меняется по различным причинам), но в любом случае общий потенциал судей-отставников огромен: у них велик опыт, которым можно (и нужно) делиться с молодыми судьями, они могут эффективно функционировать в многообразных органах судебского сообщества (чего, за редчайшим исключением, не происходит), благо свободного времени у подавляющего числа судей-отставников предостаточно. В нашем законодательстве даже намека на возможности у судей-отставников участвовать в деятельности органов судебского сообщества нет. Но вот в Республике Беларусь, к примеру, согласно ст. 110 Кодекса о судоустройстве и статусе судей от 29 июня 2006 г. № 139 «за судьей, вышедшими в отставку, сохраняются право участия в деятельности органов судебского сообщества и иные гарантии», предусмотренные законодательством.

6. Остается открытым вопрос: сохраняются ли в полной мере гарантии неприкосновенности судей-отставников после прекращения их отставки, в том числе судей высших, кассационных и апелляционных судов, о которых сказано в п. «л» ч. 1 ст. 102 Конституции РФ? Пунктом 9 ст. 15 Закона о статусе судей лишь установлено: «Судья, отставка которого прекращена, имеет право на пенсионное обеспечение в соответствии с законодательством Российской Федерации». А в ст. 16 «Неприкосновенность судьи» этого Закона о судьях-отставниках ничего не сказано, кроме содержащегося – косвенно – в п. 2 этой статьи положения: «Судья, в том числе после прекращения его полномочий, не может быть привлечен к какой-либо ответственности за выраженное им при осуществлении правосудия мнение и принятое им решение...». Но о привлечении или о непривлечении к ответственности

судьи-отставника после прекращения его отставки ничего там не сказано. Между тем п. 4 ст. 34¹ Конституционного закона Республики Казахстан от 25 декабря 2000 г. № 132 «О судебной системе и статусе судей Республики Казахстан» однозначно провозгласил: «В случае прекращения отставки судья лишается гарантии личной безопасности и предусмотренных статьями 51, 53 и 55 названного Конституционного закона».

Можно предположить, что привлечение активных судей-отставников в той или иной форме к участию в органах судебского сообщества может привести к сокращению числа совершаемых ими, как действующими судьями, преступков.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Егоров И., Козлова Н. Решали без суда и следствия. Поддельные постановления, которые не выносились судьями, передаются в различные государственные органы // Росс. газ. 2015. 13 мая.
2. Ермошин Г. Т. Проблемы совершенствования статуса судьи в отставке в контексте Постановления VIII Всероссийского съезда судей // СПС «КонсультантПлюс», 2013.
3. Ермошин Г. Т. Статус судьи в Российской Федерации: научная категория и конкретизация в законодательстве. М., 2015. С. 302.
4. Ермошин Г. Т. Судья в отставке: статус, права, обязанности // Право. Журнал ВШЭ. 2012. № 4. С. 87–97.
5. Клеандров М. И. Судья или не судья: об институте неприкосновенности судебного акта // Росс. правосудие. 2016. № 12 (128). С. 29–38
6. Конституционный Суд Российской Федерации. Постановления. Определения. 2002 / отв. ред. В.Г. Стрекозов. М., 2003. С. 67.
7. Серенко С. Б. Прекращение отставки судьи как мера юридической ответственности // Росс. судья. 2021. № 11. С. 52–56.
8. Туманова Л. В. Статус судьи в Российской Федерации: учеб. пособие. М., 2020. С. 52.
9. Юридический энциклопедический словарь / отв. ред. М.Н. Марченко. М., 2008. С. 179.

REFERENCES

1. Egorov I., Kozlova N. Decided without trial. Fake orders that were not issued by judges are transferred to various state bodies // Rossiyskaya gaz. 2015. May 13 (in Russ.).
2. Ermoshin G. T. Problems of improving the status of a retired judge in the context of the Resolution of the VIII All-Russian Congress of Judges // SPS “ConsultantPlus”, 2013 (in Russ.).
3. Yermoshin G. T. Status of a judge in the Russian Federation: scientific category and concretization in legislation. M., 2015. P. 302 (in Russ.).

4. *Ermoshin G. T.* Retired judge: status, rights, duties // Law. Journal of the Higher School of Economics. 2012. No. 4. Pp. 87–97 (in Russ.).
5. *Kleandrov M. I.* Judge or not judge: on the institution of nullity of a judicial act // Russian Justice. 2016. No. 12 (128). Pp. 29–38 (in Russ.).
6. Constitutional Court of the Russian Federation. Ordinances. Definitions. 2002 / rev. ed. V.G. Strekозов. M., 2003. P. 67 (in Russ.).
7. *Serenko S. B.* Termination of the judge's resignation as a measure of legal responsibility // Russian judge. 2021. No. 11. Pp. 52–56 (in Russ.).
8. *Tumanova L. V.* Status of a judge in the Russian Federation: textbook. M., 2020. P. 52 (in Russ.).
9. Legal Encyclopedic Dictionary / rev. ed. M.N. Marchenko. M., 2008. P. 179 (in Russ.).

Сведения об авторе

КЛЕАНДРОВ Михаил Иванович –
член-корреспондент РАН,
доктор юридических наук, профессор,
главный научный сотрудник
Института государства и права
Российской академии наук;
119019 г. Москва, ул. Знаменка, д. 10

Authors' information

KLEANDROV Mikhail I. –
Corresponding Member
of the Russian Academy of Sciences,
Doctor of Law, Professor,
Chief Researcher, Institute of State and Law
of the Russian Academy of Sciences;
10 Znamenka str., 119019 Moscow, Russia

АДМИНИСТРАТИВНОЕ СУДОПРОИЗВОДСТВО КАК ПРОЦЕССУАЛЬНАЯ ФОРМА ЗАЩИТЫ

© 2024 г. Е. В. Михайлова

Институт государства и права Российской академии наук, г. Москва

E-mail: e.v.mihailova@bk.ru

Поступила в редакцию 04.12.2023 г.

Аннотация. В статье рассматривается проблема определения понятия, правовой природы и процессуальных особенностей административной процессуальной формы. Автор рассматривает понятие административного судопроизводства в широком смысле, включая в него как деятельность судов общей юрисдикции, так и арбитражных судов. Показано принципиальное отличие частноправовых и публично-правовых отношений, обоснована идея необходимости трансформации административного судопроизводства с учетом специфики подлежащего защите публичного права и особенностей регулирования публично-правовых отношений. Поставлена проблема независимости и беспристрастности суда, рассматривающего публично-правовой конфликт, предложен путь ее решения. Обоснованы предложения по совершенствованию судебной защиты публичных прав, в основе которых лежат общественные, государственные интересы.

Ключевые слова: административное судопроизводство, гражданское судопроизводство, арбитражное судопроизводство, частное и публичное право, публичное правоотношение, доказывание, независимость суда.

Цитирование: Михайлова Е. В. Административное судопроизводство как процессуальная форма защиты // Государство и право. 2024. № 6. С. 68–75.

DOI: 10.31857/S1026945224060055

ADMINISTRATIVE LEGAL PROCEEDINGS AS A PROCEDURAL FORM OF PROTECTION

© 2024 E. V. Mikhailova

Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow

E-mail: e.v.mikhailova@bk.ru

Received 04.12.2023

Abstract. The article deals with the problem of defining the concept, legal nature and procedural features of the administrative procedural form. The author considers the concept of administrative proceedings in a broad sense, including both the activities of courts of general jurisdiction and arbitration courts. The fundamental difference between private law and public law relations is shown, the idea of the need to transform administrative proceedings is substantiated, taking into account the specifics of the public law to be protected and the peculiarities of regulating public law relations. The problem of independence and impartiality of the court considering the public law conflict is posed, the way of its solution is proposed. Substantiated proposals for improving the judicial protection of public rights, which are based on public, state interests.

Key words: administrative proceedings, civil proceedings, arbitration proceedings, private and public law, public legal relationship, proof, independence of the court.

For citation: Mikhailova, E.V. (2024). Administrative legal proceedings as a procedural form of protection // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 6, pp. 68–75.

Введение

Система защиты гражданских прав, свобод и законных интересов состоит из способов защиты и процессуальных форм, в рамках которых они реализуются.

Способы защиты детерминированы правовым статусом субъектов, их реализующих: например, государственная (судебная) защита характеризуется императивным началом и публично-правовой природой отношений, возникающих в связи с ее реализацией, что определяется статусом суда как органа государственной власти, реализующего свою предметную компетенцию в сфере отправления правосудия по гражданским делам.

Напротив, частноправовой способ защиты (в форме третейского разбирательства) представляет собой деятельность негосударственного органа спорной юрисдикции (третейского суда), а потому все правоотношения, возникающие в ходе третейского разбирательства имеют частноправовой характер, и ряд процессуальных институтов, имплементированных в государственное судопроизводство (обеспечительные меры, например) в третейском процессе не предусмотрены по причине отсутствия публично-правового статуса у третейского суда и, соответственно, властных полномочий.

Однако не только правовой статус субъекта, осуществляющего правовую защиту, оказывает влияние на ее процессуальную форму. Существенное влияние оказывает правовая природа спорного материального правоотношения, являющегося предметом защиты. Так, Е. В. Васьковский, ссылаясь на А. Х. Гольмстена, пишет, что различие между предметами гражданского права и гражданского процесса подобно различию между телом, находящимся в движении, и траекторией этого движения – например, полетом птицы и ее телом. Поскольку состояние тела птицы определяется условиями полета, а сам полет определяется состоянием тела, так и характер нарушенного права прямо отражается в процессе его защиты¹.

Таким образом, процессуальная форма защиты, представляющая собой совокупность действий, совершаемых субъектом, осуществляющим защиту (государственный или третейский суд) и иными субъектами процесса, детерминирована двумя критериями: статусом суда и природой дела.

В свою очередь, природа дела определяется исходя не из отраслевой принадлежности реализуемых норм, а из особенностей субъектного состава участвующих в спорном правоотношении лиц.

¹ См.: Васьковский Е. В. Учебник гражданского права. Вып. 1. Введение и Общая часть. СПб., 1894. С. 153.

В силу этого количество процессуальных форм защиты не может определяться произвольно, по желанию законодателя. Это может повлечь негативные правовые последствия, связанные с отнесением дела к тому или иному виду процесса, как это произошло, например, с арбитражным судопроизводством: как известно, долгое время арбитражное судопроизводство не выделялось в отдельную процессуальную форму защиты в тексте ст. 118 Конституции РФ. Поправками в Конституцию РФ 2020 года арбитражному судопроизводству был придан статус самостоятельной формы защиты прав, однако критерий определения тех дел, которые относятся к компетенции арбитражных судов, до сих пор не легализован. Сделать это весьма затруднительно, поскольку кроме собственно предпринимательских дел арбитражные суды рассматривают также «дела, возникающие из иных экономических отношений», очертить круг которых в данный момент невозможно. Неопределенность в вопросе понятия и критерии определения так называемых арбитражных дел давно служила причиной отказов в принятии исковых заявлений как судами общей юрисдикции, так и арбитражными судами в случаях, когда они считали дело себе неподведомственным. Упразднение Высшего Арбитражного Суда РФ и подчинение обеих систем – судов общей юрисдикции и арбитражных судов – единому высшему органу – Верховному Суду РФ решило проблему в теории, но не на практике. По-прежнему возбуждение производства по делу решается по усмотрению суда, самостоятельно трактуя свою компетенцию, что затрудняет гражданам и организациям реализацию их конституционного права на судебную защиту.

Между тем значение процессуальной формы защиты прав и законных интересов в сфере гражданской юрисдикции невозможно переоценить. Во многом итог рассмотрения дела зависит именно от нее. И ярче всего это проявляется в сравнении двух основных, противоположных процессуальных форм защиты: гражданского судопроизводства и административного судопроизводства.

Сущность и правовая природа административного судопроизводства

Основой разграничения гражданского и административного судопроизводства служит разграничение частного права и публичного. По мнению А.С. Алексеева, различие между гражданским и публичным правом заключается в том, что публичное право регулирует общественные интересы, а гражданское – интересы индивидуальные, частные².

² См.: Алексеев А.С. Русское государственное право. Конспект лекций. 4-е изд. М., 1897. С. 3.

Н.М. Коркунов, исследуя различные воззрения на существование отличий частного права от публичного, приходит к выводу, что в содержании конкретных юридических отношений отыскать их невозможно и предлагает сосредоточиться на формальных признаках, на особенностях формы юридических отношений. Вывод, к которому он приходит: различия частных и публичных прав заключаются в порядке их приобретения, реализации, утраты – основания приобретения частных прав всегда связаны с индивидуальными обстоятельствами и относятся эти права только к самому субъекту. Утрата или приобретение публичных прав осуществляется независимо от воли субъекта³. Как видно, на первый план выходит «субъектный критерий».

Исследователи традиционно считают, что частный интерес «обслуживает» индивидуальные потребности, а публичный – общественные. Соответственно, публичные права всегда воплощают общественные интересы, а частные права – интересы индивидуальные⁴.

В.Ф. Яковлев и Э.В. Талапина, обосновывая теорию так называемых комплексных отраслей права, указывали, что деление права на частное и публичное не должно абсолютизироваться, поскольку «без публичного права частное право бессильно, а без частного права публичное право беспредметно»⁵.

С точки зрения процессуального права разграничение на частное и публичное имеет значение в аспекте реализации сторонами правового конфликта своих процессуальных прав и обязанностей. Правовой статус стороны в деле не тождествен материально-правовому статусу лица, однако произведен от него. Гражданско-правовой статус лица «отображается» в процессуальной сфере как статус стороны искового производства, а диспозитивное начало подлежащего защите гражданского права продуцирует наличие у него распорядительных процессуальных прав.

С другой стороны, публичный, административно-правовой статус лица предопределяет его место в системе субъектов производства по делам, возникающим из административных и иных публичных правоотношений. Присущее публичному правоотношению «вертикальное» положение его субъектов в сфере

³ См.: Коркунов Н.М. Лекции по общей теории права. СПб., 2003. С. 216–225.

⁴ См.: Бакаева О.Ю., Погодина Н.А. О соотношении частных и публичных интересов // Журнал росс. права. 2011. № 4. С. 36–47.

⁵ Яковлев В.Ф., Талапина Э.В. Роль публичного и частного права в регулировании экономики // Журнал росс. права. 2012. № 2. С. 10.

осуществления судебной защиты имеет следствием ограничение свободы распоряжения процессуальными правами, активную роль суда, специфичное распределение обязанностей по доказыванию.

Исторически правила судебного производства по делам публично-правовой природы не сразу, но постепенно были обособлены от общих правил судопроизводства. Как пишут исследователи, согласно законодательству 1857 г. гражданское судопроизводство подразделялось на спорное и бесспорное. Что касается спорного производства, то по его правилам рассматривались в основном дела по ущербу, причиненному имуществу, а также все дела «между казною и частными лицами»⁶.

Е. В. Васьковский в «Учебнике гражданского процесса» пишет, что в соответствии с нормами Устава гражданского судопроизводства 1864 г. из общего, искового порядка рассмотрения и разрешения гражданских дел предусматривались определенные изъятия, к которым прежде всего относились «дела казны». Под ними понимали правовые конфликты с участием органов государственной власти, которые действовали не как органы верховного управления, а как участники гражданского оборота⁷. На этом моменте следует заострить особое внимание.

Речь фактически идет о норме, существующей и в действующем российском законодательстве. Положения ст. 124 ГК РФ закрепляют, что Российская Федерация, ее субъекты и органы, иные публично-правовые образования участвуют в гражданских правоотношениях, выступая «на равных» со всеми прочими субъектами гражданского права. Правовой статус указанных публично-правовых субъектов в сфере гражданской юрисдикции определяется правовыми нормами, регулирующими статус юридических лиц. В случае, когда из гражданского правоотношения, в котором участвует государство в лице его уполномоченных органов, должностных лиц, организаций, наделенных публичными полномочиями, возникает спор, он становится предметом искового производства. Таким образом, реализуемый государством правовой статус – частноправовой или публично-правовой – в рамках спорного материального правоотношения позволяет определить процессуальную форму защиты.

Как известно, стороны искового производства обладают всем комплексом процессуально-распорядительных прав, в том числе и правом на заключение мирового соглашения. Однако

согласно действующему законодательству заключить мировое соглашение вправе и стороны производства по делам, возникающих из административных и иных публичных правоотношений в арбитражном судопроизводстве, что прямо закреплено в ст. 190 АПК РФ. Стороны административного судопроизводства также могут примириться, заключив соответствующее соглашение о примирении (ст. 137 КАС РФ).

Между тем и в советский период примирение сторон публично-правовых конфликтов не допускалось, и сейчас эта возможность представляется не отвечающей природе публично-правовых дел. Например, как указывает Е. В. Васьковский, институт мировой сделки в «делах казны» не применялся⁸.

ГПК РСФСР 1923 г. не содержал самостоятельного раздела о порядке рассмотрения и разрешения административных и иных публично-правовых дел, но особенности производства по ним существовали и регулировались отдельными правовыми актами⁹. В ГПК РСФСР 1964 г. уже предусматривалось обособление процессуальных норм, предусматривающих порядок отправления правосудия по делам публично-правовой природы. В качестве процессуальных особенностей рассмотрения указанных дел следует назвать сокращенные сроки рассмотрения дел, особое распределение обязанностей по доказыванию, специфический субъектный состав, и – опять-таки – невозможность заключения мировых соглашений¹⁰. Эти же особенности были закреплены и в разд. 3 ГПК РФ 2002 г. «Производство по делам, возникающим из публичных правоотношений».

Основным отличием искового производства и производства по делам, возникающим из публичных правоотношений, было особое правило распределения бремени доказывания. Если в исковых делах оно распределялось пропорционально, то в делах публично-правовой природы основная обязанность по доказыванию законности и обоснованности своих актов, решений, действий (бездействия) закон возлагал на орган публичной власти. При этом частноправовой субъект обязан доказать, что оспариваемый акт или действие нарушает конкретное его право или создает препятствия к его осуществлению.

⁸ См.: там же.

⁹ См.: Памятники российского права: в 35 т. Гражданские процессуальные кодексы РСФСР: учеб.-науч. пособие / под общ. ред. Р.Л. Хачатурова, Е.А. Трещевой. М., 2017. С. 149.

¹⁰ См.: Научно-практический комментарий к ГПК РСФСР / под ред. Р.Ф. Каллистратовой, Л.Ф. Лесницкой, В.К. Пучинского. М., 1976. С. 302–305.

В 2015 г., с принятием КАС РФ, производство по делам, возникающим из публично-правовых отношений, приобрело черты отдельной процессуальной формы защиты. При этом раздел, регулирующий порядок рассмотрения и разрешения дел публично-правовой природы арбитражными судами, был сохранен в рамках АПК РФ. Это свидетельствует о том, что понятие административного судопроизводства следует трактовать расширительно, включая в него не только деятельность судов общей юрисдикции, рассматривающих публично-правовые дела по правилам КАС РФ, но и арбитражных судов, рассматривающих и разрешающих дела, возникающие из административных и иных публичных правоотношений по правилам АПК РФ. Кроме этого к административному судопроизводству нужно относить и рассмотрение дел об административных правонарушениях в рамках применения КоАП РФ.

Вне зависимости от того, располагаются ли нормы, регламентирующие административную процессуальную форму, в структуре отраслевых процессуальных кодексов или составляют собственный процессуальный кодекс, природа административного судопроизводства неизменна: это совокупность правил, по которым государственный суд рассматривает и разрешает дела публично-правовой природы. Они, несомненно, должны быть весьма специфичны, однако даже поверхностный взгляд на структуру и основные институты КАС РФ позволяет отметить их тождественность с институтами ГПК РФ.

Признаки тех дел, которые должны рассматриваться по правилам административного судопроизводства, в законе не закреплены, но содержатся в правовой позиции Верховного Суда РФ¹¹. Это дела, характеризующиеся отсутствием равенства участвующих в них субъектов, при котором одна сторона реализует в отношении другой стороны свои властные, публично-правовые полномочия.

Учитывая названную специфику дел публичной правовой природы, нельзя не признать, что административное судопроизводство как процессуальная форма их рассмотрения должна кардинально отличаться от правил искового производства.

Процессуальные особенности административного судопроизводства

Выше были названы основные отличительные черты административного судопроизводства. Однако они не исчерпывают его самобытности. По справедливому мнению В.М. Шерстюка,

¹¹ См.: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.09.2016 № 36 «О некоторых вопросах применения судами Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации» // Росс. газ. 2016. 3 окт.

рассматриваемые судом спорные материальные правоотношения многоаспектно влияют на процедуру судебного разбирательства¹².

Как уже было отмечено, обязательной стороной публично-правового конфликта всегда является государство (в широком смысле). Поэтому в случае возникновения спора оно неизбежно «трансформируется» в сторону судебного процесса.

Сторона – это правовой, в данном случае – процессуальный статус, т.е. совокупность прав и обязанностей. Основанием для его приобретения являются следующие обстоятельства.

Во-первых, предположение о том, что субъект права является участником спорного материального правоотношения. Суд предполагает наличие у него связи со спорным правоотношением потому, что вплоть до момента вынесения решения по делу не может знать истину. Об этом писала еще М.А. Викут¹³.

О связи субъекта со спорным материальным правоотношением говорит наличие у него материальной заинтересованности в деле, которая заключается в том, что итог дела, отраженный в решении, повлияет на его права и обязанности. В этом смысле государство, участвуя в публично-правовом спорном правоотношении, несомненно, обладает материально-правовой заинтересованностью. Причем правовые последствия принятого судом решения по публично-правовому спору неизбежно отразятся на правах и обязанностях неопределенного круга лиц.

Материальная заинтересованность в деле, конституируя процессуально-правовой статус стороны искового производства, определяет наличие у нее специальных, или распорядительных, прав. Если внимательно изучить текст ст. 46 КАС РФ, то станет очевидным тождественность ее положений норме ст. 39 ГПК РФ. То есть у сторон административного судопроизводства имеется тот же комплекс распорядительных прав, что и у сторон искового производства. Это не может быть признано правомерным, поскольку в административном судопроизводстве разрешается публично-правовой конфликт, а в исковом производстве – частноправовой. Соответственно, предмет защиты искового производства – частное право, в то время как предмет защиты в административном судопроизводстве – право публичное. И если частное право, несомненно, допускает свободное распоряжение

¹² См.: Шерстюк В.М. Теоретические проблемы развития гражданского процессуального, арбитражного процессуального права и исполнительного производства в Российской Федерации. М., 2021. С. 336.

¹³ См.: Викут М.А. Стороны – основные лица искового производства. Саратов, 1986.

им со стороны правообладателя, то публичное право в силу общественного, государственного интереса, лежащего в его основании, свободного распоряжения со стороны отдельных лиц не допускает. В частности, право на заключение мирового соглашения должно быть предоставлено исключительно участникам частноправовых конфликтов.

Другое обстоятельство, которое определяет правовой статус стороны в административном судопроизводстве, это факт возбуждения производства по делу в форме обращения к суду с административным исковым заявлением. Речь идет о т.н. процессуальной заинтересованности в деле.

Традиционно в гражданском судопроизводстве только сам обладатель нарушенного или оспоренного гражданского права или законного интереса должен решать вопрос о необходимости обращения за судебной защитой. Это связано с диспозитивным началом гражданского права.

Как известно, в области уголовного процесса диспозитивное начало, напротив, выражено слабо, что связано с большой общественной опасностью деяний, за которые предусмотрено уголовное наказание. Иными словами, в уголовном судопроизводстве защите подлежит общественный, публичный интерес.

Административные и иные публичные правонарушения отличаются от уголовных лишь их сравнительно меньшей общественной опасностью. Выражение «сравнительно меньшая опасность» используется в данном случае потому, что, если разобраться, опасность нарушений в области государственного управления может иметь даже более разрушительные последствия, чем совершение иных уголовно-наказуемых деяний.

Поскольку в административном судопроизводстве предметом защиты выступают публичные права и интересы, а в рамках публично-правовых отношений реализуются властные полномочия, имеющие общий характер (равным образом эти же полномочия реализуются в отношении неопределенного круга лиц), то основанием для возбуждения производства по делу не может служить предположение частноправового субъекта о том, что актами, действиями (бездействием) органов публичной власти или должностных лиц нарушено его личное, конкретное право. Нужно законодательно закрепить требование о том, что в административном искомом заявлении необходимо указать, какое публичное право или интерес, принадлежащие неопределенному кругу лиц, нарушено оспариваемым актом, решением, действием или бездействием органа публичной власти. Это позволит снизить нагрузку на судебную систему и одновременно придать большую устойчивость отношениям в публично-правовой сфере. Предлагается

внести изменения в п. 4 ч. 2 ст. 125 КАС РФ и изложить его в следующей редакции: «сведения о том, какие права, свободы и законные интересы заявителя и неопределенного круга лиц нарушены, или о причинах, которые могут повлечь за собой их нарушение».

Важным представляется и вопрос о правовом статусе прокурора в административном судопроизводстве. Он регулируется нормой ст. 39 КАС РФ. В ней указано, что прокурор может возбуждать производство по делу как в государственных интересах, так и в интересах граждан, которые по уважительным причинам не могут обратиться в суд самостоятельно.

Как видно, процессуальный статус прокурора в административном судопроизводстве трактуется так же, как и в делах искового производства – он выступает в роли «процессуального истца». Однако представляется, что в случае обращения прокурора в суд с административным искомым заявлением в интересах государства он должен, действуя в статусе стороны (как часть государства), обладать комплексом всех процессуальных прав и обязанностей.

Что касается распределения обязанностей по доказыванию в делах публично-правовой природы, то необходимо учитывать, что по ряду дел, рассматриваемых в порядке административного судопроизводства предусмотрено обязательное участие представителя, который должен иметь высшее юридическое образование. В ч. 1 ст. 55 КАС РФ установлено, что представителями могут быть адвокаты и иные лица, имеющие высшее юридическое образование либо ученую степень по юридической специальности. Не касаясь сейчас вопроса о том, насколько оправдан такой подход, нужно отметить следующее.

«Профессионализация» судебного представительства должна иметь определенную цель. Представляется, что такой целью выступает оптимизация судопроизводства, его ускорение и облегчение работы суда. В таком случае логично будет законодательно закрепить обязанность представителя (в тех делах, где оно является обязательным), в административном искомом заявлении указать нормы права, подлежащие при рассмотрении дела, а также требования к административному ответчику со ссылкой на законы и иные нормативные правовые акты, а при предъявлении иска к нескольким административным ответчикам – требования к каждому из них (по аналогии с ч. 2 ст. 125 АПК РФ).

Наконец, серьезной процессуальной проблемой является определение процессуальной роли суда в административном судопроизводстве. Обычно исследования ученых касаются задач суда при рассмотрении дел публично-правовой природы.

Общепризнано, что она заключается в проверке обоснованности и законности оспариваемых публично-правовых актов, решений и действий (бездействия). Но, думается, важнее даже другое: суд, как известно, и сам является органом государственной власти, его неотъемлемой частью. Каким же образом в административном судопроизводстве может быть реализован принцип независимости суда? Как соблюсти правило «никто не может быть судьей в собственном деле»?

Эту проблему поднимали еще дореволюционные процессуалисты. Так, Е.В. Васьковский писал, что суды просто не в состоянии сохранять полную беспристрастность в разбирательстве дел с участием органов государственной власти, поскольку знают, что их решения могут вызвать неудовольствие властей. Выходом из положения он считал передачу споров с участием государства «особой системе органов, совершенно отделенной от государства»¹⁴.

Однако ни одно негосударственное образование не будет обладать необходимыми полномочиями для разрешения публично-правовых споров.

Отдельные авторы к числу т.н. болевых точек правосудия относят коррупцию в судебной системе, а целью законодательной деятельности видят создание «подлинно профессионального и независимого суда в России»¹⁵.

Все же представляется, что необходимые процессуальные гарантии независимости суда при рассмотрении дел публично-правовой природы действующим законодательством предусмотрены. В целях их усиления необходимо ограничить распорядительные права участников административного судопроизводства – прежде всего в вопросах распоряжения спорным правом и заключения мировых соглашений. Законодательная ограниченность прав субъектов публично-правового конфликта, рассматриваемого судом, позволит последнему сохранять максимальную беспристрастность и действовать исключительно формально – по четкому предписанию закона. Иными словами, чем более императивный характер будет иметь административная процессуальная форма, тем выше гарантии независимости и беспристрастности суда.

Выводы

Административное судопроизводство – это самостоятельная процессуальная форма защиты публичных прав, свобод и законных интересов. Оно является «антитиподом» гражданского судопроизводства, в порядке которого происходит рассмотрение

¹⁴ Васьковский Е. В. Учебник гражданского процесса. С. 28.

¹⁵ Нехороших А.М. К постановке проблемы интереса суда (иного юрисдикционного органа) // Ученые записки. Электронный научный журнал Курского гос. ун-та. 2010. № 3 (15). Ч. 2.

и разрешение частноправовых дел. В силу противоположной сущности частных и публичных прав, а также принципиально иного субъектного состава и метода регулирования спорных правоотношений административное судопроизводство должно обладать принципиальными, системными чертами, отличающими его от гражданского судопроизводства и искового производства в арбитражном процессе.

Указанные отличия прежде всего должны найти отражение в объеме и содержании специальных (распорядительных прав) участников административного судопроизводства. Так, в силу публичного, общественного интереса, лежащего в основе подлежащего защите публичного права, стороны публично-правового конфликта не могут распоряжаться им по собственному усмотрению, в частности, заключать мировые соглашения.

Административная процессуальная форма должна иметь значительно более жесткий, императивный характер в сравнении с гражданским судопроизводством. В ней практически не должно быть места судебному усмотрению, что будет выступать наиболее действенной гарантией независимости и беспристрастности суда при рассмотрении публично-правовых дел.

Основанием для возбуждения административного судопроизводства должно являться предполагаемое нарушение общественных, государственных интересов, а не частных прав конкретных субъектов.

Учитывая «профессионализацию» судебных представителей, предлагается по аналогии с арбитражно-процессуальным законодательством обязать административного истца указывать в административном исковом заявлении нормы права, подлежащие применению в деле, а также обосновывать заявленные требования ссылками на нормы действующего законодательства.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алексеев А. С. Русское государственное право. Конспект лекций. 4-е изд. М., 1897. С. 3.
2. Бакаева О.Ю., Погодина Н.А. О соотношении частных и публичных интересов // Журнал росс. права. 2011. № 4. С. 36–47.
3. Васьковский Е. В. Учебник гражданского права. Вып. 1. Введение и Общая часть. СПб., 1894. С. 153.
4. Васьковский Е. В. Учебник гражданского процесса. М., 2003. С. 28, 338, 339.
5. Великая реформа. К 150-летию Судебных Уставов: в 2 т. Т. 1: Устав гражданского судопроизводства / под ред. Е.А. Борисовой. М., 2014. С. 224, 225.
6. Викут М.А. Стороны – основные лица искового производства. Саратов, 1986.

7. *Коркунов Н.М.* Лекции по общей теории права. СПб., 2003. С. 216–225.
8. Научно-практический комментарий к ГПК РСФСР / под ред. Р.Ф. Каллистратовой, Л.Ф. Лесницкой, В.К. Пучинского. М., 1976. С. 302–305.
9. *Некороших А.М.* К постановке проблемы интереса суда (иного юрисдикционного органа) // Ученые записки. Электронный научный журнал Курского гос. ун-та. 2010. № 3 (15). Ч. 2.
10. Памятники российского права: в 35 т. Гражданко-процессуальные кодексы РСФСР: учеб.-науч. пособие / под общ. ред. Р.Л. Хачатурова, Е.А. Трещевой. М., 2017. С. 149.
11. *Шерстюк В.М.* Теоретические проблемы развития гражданского процессуального, арбитражного процессуального права и исполнительного производства в Российской Федерации. М., 2021. С. 336.
12. *Яковлев В.Ф., Талапина Э.В.* Роль публичного и частного права в регулировании экономики // Журнал росс. права. 2012. № 2. С. 10.
3. *Vaskovsky E.V.* Textbook of Civil Law. Issue 1. Introduction and General part. St. Petersburg, 1894. P. 153 (in Russ.).
4. *Vaskovsky E.V.* Textbook of Civil Procedure. M., 2003. Pp. 28, 338, 339 (in Russ.).
5. The Great Reform. To the 150th anniversary of Judicial Charters: in 2 vols. Vol. 1: The Charter of Civil Proceedings / ed. by E.A. Borisova. M., 2014. Pp. 224, 225 (in Russ.).
6. *Vikut M.A.* The parties are the main persons of the claim proceedings. Saratov, 1986 (in Russ.).
7. *Korkunov N.M.* Lectures on the general theory of law. SPb., 2003. Pp. 216–225 (in Russ.).
8. Scientific and practical commentary on the CPC of the RSFSR / ed. by R. F. Kallistratova, L. F. Lesnitskaya, V. K. Puchinsky. M., 1976. Pp. 302–305 (in Russ.).
9. *Nekhoroshikh A.M.* To the formulation of the problem of the interest of the court (other jurisdictional body) // Scientific notes. Electronic scientific journal of the Kursk State University. 2010. No. 3 (15). Part 2 (in Russ.).
10. Monuments of Russian law: in 35 vols. The Civil Procedure Codes of the RSFSR: textbook-scientific. manual / under the general editorship of R. L. Khachaturov, E. A. Treshcheva. M., 2017. P. 149 (in Russ.).
11. *Sherstyuk V.M.* Theoretical problems of the development of Civil Procedure, Arbitration Procedural Law and enforcement proceedings in the Russian Federation. M., 2021. P. 336 (in Russ.).
12. *Yakovlev V.F., Talapina E.V.* The role of public and private law in the regulation of the economy // Journal of Russ. law. 2012. No. 2. P. 10 (in Russ.).

REFERENCES

1. *Alekseev A.S.* Russian State Law. Lecture notes. 4th ed. M., 1897. P. 3 (in Russ.).
2. *Bakaeva O. Yu., Pogodina N.A.* On the correlation of private and public interests // Journal of Russ. law. 2011. No. 4. Pp. 36–47 (in Russ.).

Сведения об авторе

МИХАЙЛОВА Екатерина Владимировна –
доктор юридических наук, доцент,
и.о. заведующей сектором
процессуального права
Института государства и права
Российской академии наук;
119019 г. Москва, ул. Знаменка, д. 10

Authors' information

MIKHAILOVA Ekaterina V. –
Doctor of Law, Associate Professor,
Acting Head of the Sector
of Procedural Law,
Institute of State and Law
of the Russian Academy of Sciences;
10 Znamenka str., 119019 Moscow, Russia

КАТЕХИЗИС НОРМАТИВНОСТИ: СИНКРЕТИЧЕСКИЕ РАЗМЫШЛЕНИЯ О ФИЛОСОФСКИХ ОСНОВАНИЯХ ВОЕННОГО ПРАВА

© 2024 г. И. В. Холиков^{1, *}, А. В. Дахин^{2, **}, А. Д. Куманьков^{3, ***},
П. Ю. Наумов^{4, ****}, Н. С. Новиков^{5, *****}

¹Институт законодательства и сравнительного правоведения
при Правительстве Российской Федерации, г. Москва

²Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации (филиал), г. Нижний Новгород

³Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», г. Москва

⁴Главный военный клинический госпиталь войск национальной гвардии
Российской Федерации, Московская область, г. Балашиха

⁵Новосибирский военный ордена Жукова институт имени генерала армии И. К. Яковлева
войск национальной гвардии Российской Федерации

*E-mail: iv_kholik@mail.ru

**E-mail: dakhin-dv@ranepa.ru

***E-mail: akumankov@hse.ru

****E-mail: petr.naumov.777@mail.ru

*****E-mail: nikolai.novikov.87@mail.ru

Поступила в редакцию 02.04.2024 г.

Аннотация. Общественно-политические и международно-правовые тенденции, нарастание масштаба военных конфликтов в различных регионах планеты обусловливают внимание ученых и практиков к социальной природе и сущности военного права и его институтов. Недавнее появление монографии «Военное право» в трех томах (третий том в двух книгах) служит доказательством этого внимания и в нашей стране. В указанной работе нашли свое отражение ключевые теоретические и правовые конструкции, составляющие фундамент, «ядро» военного права как отрасли права. В ней рассмотрен генезис военного права, раскрыты системные предпосылки военного права, описана военная деятельность России как объект военного права, обоснована военная организация государства как субъекта военного права, выявлена социальная ценность военного права, доказано место военного права в системе правовых норм как отрасли права, верифицирована система военного права, систематизированы основные положения военного права зарубежных государств, раскрыты международно-правовые аспекты и современное состояние военного права. В статье авторы размышляют над продолжением идей монографии «Военное право» для поиска и обоснования философских истоков и оснований его происхождения. Авторы обращают внимание на то, что сегодня военное право и предпосылки его становления следует изучать в рамках научных подходов, характерных для современного этапа бытия постнеклассической науки (системный, историко-правовой, аксиологический, эпистемологический, функциональный). Указывается на то, что научные труды ведущих философов с этапа классической науки и по настоящее время содержат в себе методологические и теоретические основания построения концепции военного права как отрасли права и социального феномена. Итогом обсуждения является обоснование философских оснований военного права, а также концептуализация философских идей как источников теоретической конструкции военного права. Выдвигаются положения о продолжении философских изысканий в области военного права для обоснования его методологической платформы и теоретической основы.

Ключевые слова: военное право, система права, основания, обоснование, постнеклассическая наука, концептуальные положения, отрасль права, война, политика, справедливость.

Цитирование: Холиков И. В., Дахин А. В., Куманьков А. Д., Наумов П. Ю., Новиков Н. С. Катехизис нормативности: синкретические размышления о философских основаниях военного права // Государство и право. 2024. № 6. С. 76–92.

DOI: 10.31857/S1026945224060067

THE CATECHISM OF NORMATIVITY: SYNCRETIC REFLECTIONS ON THE PHILOSOPHICAL FOUNDATIONS OF MILITARY LAW

© 2024 I. V. Kholikov^{1, *}, A. V. Dakhin^{2, **}, A. D. Kumankov^{3, ***},
P. Yu. Naumov^{4, ****}, N. S. Novikov^{5, *****}

¹*Institute of Legislation and Comparative Law*

under the Government of the Russian Federation, Moscow

²*Russian Academy of National Economy and Public Administration,*

under the President of the Russian Federation (Branch), Nizhny Novgorod

³*National Research University Higher School of Economics, Moscow*

⁴*Main Military Clinical Hospital of the National Guard Troops of the Russian Federation, Moscow Region, Balashikha*

⁵*General Army I.K. Yakovlev Novosibirsk Military Order of Zhukov Institute of the Troops
of the National Guard of the Russian Federation*

*E-mail: iv_kholik@mail.ru

**E-mail: dakhin-dv@ranepa.ru

***E-mail: akumankov@hse.ru

****E-mail: petr.naumov.777@mail.ru

*****E-mail: nikolai.novikov.87@mail.ru

Received 02.04.2024

Abstract. Socio-political and international legal trends, the growing scale of military conflicts in various regions of the planet determine the attention of scientists and practitioners to the social nature and essence of military law and its institutions. The recent appearance of the monograph "Military Law" in three volumes (the third volume in two books) serves as proof of this attention in our country. This monograph reflects the key theoretical and legal constructs that form the foundation, the "core" of Military Law as a branch of law. It examines the genesis of Military Law, reveals the systemic prerequisites of Military Law, describes Russia's military activity as an object of Military Law, substantiates the military organization of the state as a subject of Military Law, identifies the social value of Military Law, proves the place of Military Law in the system of legal norms as a branch of law, verifies system of Military Law, the main provisions of the Military Law of foreign countries are systematized, international legal aspects and the current state of Military Law are revealed. In the article, the authors reflect on the continuation of the ideas of the monograph "Military Law", to search and substantiate the philosophical origins and grounds of its origin. The authors would like to draw your attention to the fact that today Military Law and the prerequisites for its formation should be studied within the framework of scientific approaches characteristic of the modern stage of existence of post-non-classical science (systemic, historical-legal, axiological, epistemological, functional). It is pointed out that the scientific works of leading philosophers from the stage of classical science to the present day contain the methodological and theoretical foundations for constructing the concept of Military Law as a branch of law and a social phenomenon. The result of the discussion is the substantiation of the philosophical foundations of Military Law, as well as the conceptualization of philosophical ideas as sources of the theoretical structure of Military Law. Provisions are put forward to continue philosophical research in the field of Military Law to substantiate its methodological platform and theoretical basis.

Key words: Military Law, system of law, grounds, justification, post-non-classical science, conceptual provisions, branch of law, war, policy, justice.

For citation: Kholikov, I.V., Dakhin, A.V., Kumankov, A.D., Naumov, P. Yu., Novikov, N.S. (2024). The catechism of normativity: sincretic reflections on the philosophical foundations of Military Law // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 6, pp. 76–92.

Несколько предварительных соображений

Разворачивание авторских обобщений и раскрытие перспектив развития философских идей, создающих платформу военного права и функционально ассимилированных в военно-правовую науку, следует осуществить с познания характеристики того исследования, которое послужило мотивом и поводом для такового. В этом аспекте научному сообществу интересна монография «Военное право»¹, представление трех томов которой, вышедших в 2021 и 2022 гг. под редакцией члена-корр. РАН А.Н. Савенкова и проф. А.В. Кудашкина, необходимо начать с того, что обоснование актуальности осуществленного авторами исследования, а также «структурный скелет» данной отрасли права, раскрыты в издании, приведены в предисловии к первому тому. Стоит отметить, что в монографии раскрыты такие ключевые положения, как военная безопасность, военная деятельность и военная организация государства, а также их правовые основы. Приведена сущность военного права, раскрывающая предмет и метод его правового регулирования, обоснована система военного права в структурной совокупности его принципов, функций и источников. В работе также раскрыты институты военного права, сущность и смысл права вооруженных конфликтов и подотрасли военного права, освещены основные проблемы и перспективные направления военно-правовых исследований.

Социально-философской характеристикой книги является прежде всего то, что ее методологические и концептуальные положения в своей основе опираются на современные теории войны, происхождения армии, права и государства. Это сделано во взаимосвязи с отраслевыми разработками в области различных ответвлений права, интеграцией в структуре военного права помимо правовых еще и социологических, политологических, психологических, педагогических и иных знаний.

Появление трех томов монографии «Военное право» уже успело стать заметным событием в жизни юридического сообщества и получило соответствующую экспертную оценку и обсуждение² наряду с другими трудами, посвященными

¹ Военное право / под общ. ред. А.Н. Савенкова, А.В. Кудашкина. М.: Центр правовых коммуникаций, 2021. Т. I. История и теория военного права (с предисловием). – 560 с.; т. II. Современное состояние военного права (институты военного права). – 888 с.; т. III. Основные проблемы и перспективные направления военно-правовых исследований. – 712 с.

² См.: Чемезов С.В. Мощный стимул правовых исследований в военной науке. Военное право: в 3 т. / под общ. ред. А.Н. Савенкова и А.В. Кудашкина (М.: Центр правовых коммуникаций, 2021–2022) // Государство и право. 2023. № 3. С. 27–32. DOI: 10.31857/S102694520024771-9; Картаполов А.В. «Забытая» отрасль российской правовой системы

военно-правовым исследованиям и обсуждению новых военных технологий³. Содержание и сущ-

«Право вооруженных конфликтов» возрождается с выходом фундаментального научного труда трехтомной монографии «Военное право» (Некоторые комментарии в связи с выходом в свет трехтомной монографии «Военное право») // Там же. № 8. С. 45–50. DOI: 10.31857/S102694520027225-8; Блажеев В.В. Трехтомная монография «Военное право» под общей редакцией А.Н. Савенкова и А.В. Кудашкина как практический результат деятельности отечественной научной школы военного права // Там же. № 2. С. 40–42. DOI: 10.31857/S102694520024321-4; Бозров В.М., Азаренок Н.В. Монография «Военное право» – концептуальная основа совершенствования современной военной науки // Право в Вооруженных Силах – Военно-правовое обозрение. 2023. № 4 (309). С. 2–6; Глушаченко С.Б., Зелепукин Р.В. Военно-правовые знания для будущих работников сферы транспорта (рецензия на трехтомную монографию «Военное право») // Мир транспорта. 2023. Т. 21. № 1 (104). С. 134–137. DOI: 10.30932/1992-3252-2021-21-1-16; Еришов В.В., Качалов В.И. Военное право России как отрасль права // Росс. правосудие. 2023. № 2. С. 106–110; Землин А.И. Вопросы развития военно-правовой науки в контексте современных проблем обеспечения национальной безопасности России // Военное право. 2022. № 5 (75). С. 8–14; Исаев В.И., Бальчугов С.Г., Марков А.М. Историко-правовой анализ возникновения и развития военного права // Военно-исторический журнал. 2024. № 3 (767). С. 116–119; Корякин В.М. Современное состояние военного права: новое фундаментальное научное исследование // Государство и право. 2022. № 1. С. 207–210. DOI: 10.31857/S102694520018195-5; Мельков С.А. Рецензия на новое исследование военного права: критический взгляд политолога // Russian Studies in Law and Politics. 2022. Т. 6. № 3–4. С. 6–18. DOI: 10.12731/2576-9634-2022-3-4-6-18; Плигин В.Н. Вышел фундаментальный научный труд, которым доказана «правовая теорема Ферма». Военное право: в 3 т. / под общ. ред. А.Н. Савенкова, А.В. Кудашкина // Государство и право. 2023. № 3. С. 33–39. DOI: 10.31857/S102694520024772-0; Сальников В.П., Большакова В.М., Захарцев С.И. Институализация военного права как отрасли права в постнеклассической научной рациональности (рецензия на монографию «Военное право в 3-х томах. М.: Центр правовых коммуникаций, 2022») // Право. Журнал ВШЭ. 2023. № 1. С. 251–261. DOI: 10.17323/2072-8166.2023.1.251.261; Тушков А.А. К вопросу об экспликации парадигмальных основ военного права // Право в Вооруженных Силах – Военно-правовое обозрение. 2023. № 3 (308). С. 2–14; Его же. Теоретико-методологические проблемы и военное право (к выходу в свет монографии «Военное право») // Государство и право. 2023. № 5. С. 63–67. DOI: 10.31857/S102694520025210-2; Холиков И.В. История и теория военного права: первое фундаментальное исследование // Военное право. 2021. № 5 (69). С. 222–228; Хомчик В.В. Монография «Военное право» обеспечила теоретический прорыв в фундаментальных исследованиях современных проблем военной науки // Государство и право. 2022. № 3. С. 199–203. DOI: 10.31857/S102694520019175-3; Яцкин А.В. Поиски «правового Грааля» завершены (Размышления на полях фундаментального исследования «Военное право» в эпоху трансформации действующего мирового порядка) // Государство и право. 2023. № 6. С. 51–55. DOI: 10.31857/S102694520025954-0

³ См.: Землин А.И. Проблемные вопросы правового регулирования отношений, связанных с использованием высокотехнологичных транспортных средств // Журнал российского права. 2022. Т. 26. № 12. С. 58–69. DOI: 10.12737/jrl.2022.128; Его же. Актуальные вопросы военной деятельности государства: правовое измерение // Военное право. 2022. № 6 (76). С. 233–237; Нагорный И.А. Право вооруженных конфликтов

ность представленной авторами концепции военного права явились поводом для проведения научных дискуссий по данной тематике⁴.

Авторские идеи, которые требуют дополнительного внимания и обобщения, связаны, с одной стороны, с тем, что существующая система многополярного мира перешла из состояния мирного сосуществования, в котором она находилась с момента подписания Хельсинкского акта по безопасности и сотрудничеству в Европе (1975) до 2014 г., в состояние конфликтной многополярности, горящим знаком которой стали последние кризисные военно-политические события. С другой стороны, уточнений требуют и глубинные смыслы конституционно-правовых положений военного права, отражающих особенности связи системы права с культурно-цивилизационным телом России, — те смыслы, которые вызревают в телах российской культуры, улавливаются отечественной философией и правом.

В этом аспекте содержание монографии и, собственно, военного права как науки настороживает с точки зрения философских истоков военного права, приближение к которым вскрывает «многополярность», плюрализм концептуального ландшафта и требует выбора «своего» платформенного основания, которое должно точно соответствовать тому положению, которое Россия занимает в структуре гео-

в эпоху глобальных перемен (некоторые аспекты его места и роли в свете выхода монографии «Военное право») // Государство и право. 2023. № 5. С. 58–62. DOI: 10.31857/S102694520025649-4; Наумов П. Социальные функции частных военных компаний в условиях трансформации современного миропорядка // Пути к миру и безопасности. 2023. № 2 (65). С. 207–218. DOI: 10.20542/2307-1494-2023-2-207-218; Холиков И. В., Наумов П. Ю., Большакова В. М. и др. Федеральный государственный контроль (надзор) за соблюдением законодательства области обеспечения безопасности объектов топливно-энергетического комплекса: новый этап регулирования и правоприменения // Уголь. 2022. № 10 (1159). С. 66–71. DOI: 10.18796/004157902022106671

⁴ См.: Гаврилов С. О., Глебов И. Н., Чукин С. Г. и др. Право в точке бифуркации: обсуждение концептуального исследования военных проблем международного права (Дискуссия в формате «круглого стола» по материалам гл. 6 «Военные проблемы международного права» т. III монографии «Военное право») // Государство и право. 2022. № 12. С. 59–67. DOI: 10.31857/S102694520023301-2; Гайдамашко И. В., Наумов П. Ю., Дьячков А. А. Потенциал монографии «Военное право» в обучении будущего военного юриста и развитии его личности // Государство и право. 2023. № 5. С. 68–79. DOI: 10.31857/S102694520025198-8; Куманьков А. Д., Большакова В. М., Наумов П. Ю., Новиков Н. С. Диалог о смыслах военного права и военном праве как ценности (обсуждаем главу 5 «Социальная ценность военного права» тома I монографии «Военное право») // Право в Вооруженных Силах – Военно-правовое обозрение. 2022. № 7 (300). С. 2–12.

политической многополярности⁵. В данном исследовании изучены некоторые философские основания военного права, в том числе учитывающие критическое восприятие концепции постнеклассической научной рациональности⁶. Эти вопросы попробуем далее осветить.

Проблема, которая затрагивается в монографии, остается актуальной на протяжении многих лет, поскольку разного рода конфликты, перерастающие в военные действия, известны человечеству со времен становления цивилизации. Однако уже на уровне существования родовой общины происходит процесс разделения труда, предлагающий выделение кочевых и земледельческих племен. Различия в способе выживания формируют соответствующие обычаи, характер межчеловеческих отношений, выражаящийся в моральных принципах, которые постепенно перерастают в нормы жизнедеятельности, касающиеся всех сторон социального бытия.

Самые ранние конфликты связаны с различием многих аспектов бытия оседлого населения, которое занято обработкой земли, в отличие от пастушьих племен. Для первых необходима та или иная территория. Скотоводы же остаются долгое время кочевыми и вполне готовы попирать территории земледельцев. Даже библейский миф о Каине и Авеле представляет, по сути, конфликт между земледельцем и кочевником. Он создан этносом скотоводов, поэтому симпатии авторов оказываются на стороне Авеля. Каин же несет на себе древнее проклятие за братоубийство.

Уже образная ситуация мифа предполагает осмысление отношения к территориальному принципу бытия оседлого населения. Этот принцип лежит впоследствии в основу возникновения государства, для которого главным признаком является территориальное единство. На определенной территории должно осуществляться управление всеми формами жизнедеятельности, включая хозяйственную, социальную, а также зачатки политической сферы бытия. Это обстоятельство требует создания правовых норм, которые своим источником имеют моральные

⁵ См.: Наумов П. Ю., Новиков Н. С. Система ценностей воинской службы и их носители // В мире научных открытий. 2015. № 9–4 (69). С. 1375–1380; Наумов П. Ю., Захарцев С. И., Холиков И. В., Большакова В. М. Ценность права и правовые ценности в глобализующемся мире (Аксиологический обзор книги «Государство и право: права человека и мировой порядок, основанный на верховенстве права») // Государство и право. 2023. № 9. С. 64–72. DOI: 10.31857/S102694520024304-5; Смирнов Д. В. Проблема социализации курсантов военного вуза внутренних войск МВД России // В мире научных открытий. 2013. № 3–4 (39). С. 92–113.

⁶ См.: Степин В. С. Особенности научного познания и критерии типов научной рациональности // Эпистемология и философия науки. 2013. Т. 36. № 2. С. 78–91.

правила, обычаи, постепенно перерастающие в нормы и зафиксированные в предшественниках права (таких как, например, «Варварские правды»). В такого рода «Правдах» главным образом перечислялись возможные проступки и наказания за них, предлагались действительно варварские способы определения виновности. Так, выяснение состава преступления осуществлялось посредством воды или огня. Предполагаемого виновника бросали в водоем или опускали его руку в огонь (вариант – кипящее масло). Если подозреваемый выплывал или ожоги заживали быстро, вина с него снималась. В противном случае он подвергался либо казни, либо физическому калечению. Можно считать, что «Варварские правды» были первыми попытками создать основы права. Однако «Варварские правды» касались внутриродовых отношений. Складывающиеся отношения межтерриториального характера приобретали либо форму дружеских отношений (различного рода союзов), либо противостояний. Названные обстоятельства постепенно приводили к двум последствиям: с одной стороны, появилась необходимость в тех силах, которые осуществляли защиту территории и населения от внешних угроз; с другой – потребовались нормы и правила для реализации действий этих сил.

На уровне общинной организации этноса такую защиту осуществляло все способное мужское население. Оно могло действовать, опираясь на собственные внутренние правила жизни. Главными характеристиками воинов были личное мужество, владение оружием, патриотизм. И только в поздней Античности, преимущественно римской, начинает выделяться та часть населения, которая делает военную деятельность особой профессией, военные люди составили определенное социальное сословие, находящееся на содержании государства. Социальное бытие подобных сословий требовало морального обоснования их деятельности и правового регулирования осуществляемых ими задач.

Обобщение концептуальных идей и положений

Различными специалистами отмечается кризисность социальных тенденций⁷, эскалируемость имеющихся и вновь складывающихся противоречий, неравновесность развития политических и экономических сфер, противоречивость ценностно-смысовых настроений социальных групп⁸. Это побуждает к поиску уточнений в об-

⁷ См.: Арженовский И. В., Дахин А. В. Когнитивная регионалогия: опыт моделирования региональных социально-экономических процессов // Регионология. 2020. Т. 28. № 3 (112). С. 470–489. DOI: 10.15507/2413-1407.112.028.202003.470-489; Кутырев В. А. Последнее целование. Человек как традиция. СПб., 2015 (Сер. «Тела мысли»).

⁸ См.: Захарцев С. И., Сальников В. П. XXII век: право будущего (идеи и размышления) // Теория государства и права. 2022. № 1 (26). С. 80–92. DOI: 10.47905/MATGIP.2022.125.1.007;

ласти периодизации большой политической истории общества и формирует запрос на более определенное видение альтернатив будущего в горизонте XXII в.⁹ Человечество подходит к эпохальной развилке, с прохождением которой связано становление новой системы глобальных международных отношений, формирование новой парадигмы международного и внутреннего права¹⁰.

Право как динамическая социальная система в этих условиях через совокупность устоявшихся или вновь вводимых норм пытается предложить свои пути разрешения образующихся и множащихся международных и внутренних проблем, преодоления рисков и условий неопределенности, регулирования сложных социальных взаимосвязей¹¹. В ракурсе решения военно-правовых противоречий ставится вопрос о месте и функциях военного права в системе современного права, юридической науки и социальной реальности¹².

Авторами монографии как серьезная теоретическая проблема военно-правовой науки выделяется

Куманьков А. Д., Чаганова Д. Н. Забытые пути миротворчества: рецензия на сборник «Мир и война: исторические, философские и антропологические перспективы» // Вестник РУДН. Сер.: Философия. 2021. Т. 25. № 2. С. 355–363; Куманьков А. Д. Кантинский проект вечного мира в контексте современных этико-политических концепций войны // Философские науки. 2020. Т. 63. № 1. С. 85–100; *Его же*. Моральное обоснование гуманистарной интервенции в современной теории справедливой войны // Там же. № 11. С. 58–73; *Его же*. Философия войны: краткий очерк истории // Логос. 2019. Т. 29. № 3 (130). С. 99–116; *Его же*. Война как наказание: исторические основания и современное состояние // Этическая мысль. 2019. Т. 19. № 2. С. 137–151; Холиков И. В., Большакова В. М., Наумов П. Ю., Зелепукин Р. В. Ценности и смыслы главного судебного акта XX века: аксиологические концепты книги А. Н. Савенкова «Нюренберг: Приговор во имя Мира» (Материалы дискуссии) // Государство и право. 2022. № 10. С. 51–62. DOI: 10.31857/S102694520021788-7

⁹ См.: Дахин А. В. Политические эпохи на шкале исторического времени: переосмысление привычных концепций // Политическая концептология: журнал метадисциплинарных исследований. 2022. № 2. С. 14–31. DOI: 10.18522/2218-5518.2022.2.1431; *Его же*. Публичные организации: не только Запад // Полис. Политические исследования. 2018. № 2. С. 184–191. DOI: 10.17976/jpps/2018.02.14

¹⁰ См.: Холиков И. В., Милованович А., Наумов П. Ю. Динамика функционирования международного права в условиях трансформации современного миропорядка: постнеклассический подход // Журнал росс. права. 2022. Т. 26. № 11. С. 132–148. DOI: 10.12737/jrl.2022.122

¹¹ См.: Большакова В. М., Холиков И. В. Теоретическое исследование системообразующих принципов организации судебной системы // Вестник Пермского ун-та. Юридические науки. 2022. № 58. С. 579–604. DOI: 10.17072/1995-4190-2022-58-579-604

¹² См.: Савенков А. Н., Кудашкин А. В. Военное право: постановка проблемы и пути решения // Государство и право. 2021. № 4. С. 7–34. DOI: 10.31857/S102694520014362-9; Кудашкин А., Холиков И. Опыт концептуализации специальных военных операций в современном праве // Пути к миру и безопасности. 2023. № 1 (64). С. 31–47. DOI: 10.20542/2307-1494-2023-1-31-47

аспект соотношения военного права и военной политики. Это соотношение особенно актуально, когда участники былых международно-правовых договоров переходят в статус недружественных стран, и такие вопросы, как неприменение негуманных видов оружия, переходят в зону действия политической воли суверенных государств. Системность подхода, представленного в трехтомнике, позволяет авторам рассмотреть военное право и военную политику как соотношение части и целого или равных иерархически одногрупповых компонентов, встроенных в социальную метасистему политического и правового устройства общества и их социально-функционального сопряжения (т. I, с. 27).

Авторами монографии активно используется аксиологический подход, так популярный ныне в социально-философских и правовых исследованиях. Это имеет двоякое выражение на страницах издания. С одной стороны, это проявляется в активном неравнодушии и небезразличии авторов к тематике военно-правовых исследований, стремлении к личностно-субъектному осмысливанию явлений военно-правовой реальности. С другой – в книге поднимаются вопросы формирования правосознания военнослужащих как системы ценностей, основанных на признании и уважении идей торжества равенства, добросовестности, справедливости, ответственности, честности, уважения, гуманности, чести. В этом направлении, видимо, перспективно продолжить осмысление вопросов защиты государствообразующих ценностей как элемента суверенитета страны, вопросов гражданской идентичности военнослужащего, а также вопросов правового статуса деятельности по поддержанию мировоззренческой составляющей боеготовности солдат (идейно-просветительская, религиозная деятельность в армии). Истоки этих идей лежат в праве и законе, на которые ориентируется военнослужащий в период личностного становления и в практической деятельности.

Выделив указанные аспекты, стоит надеяться на дальнейшее продолжение дискуссии и обоснование новых когнитивных платформ для познания не только и не столько фрагментарных положений, сколько системы военного права в его взаимосвязи с объективной социальной реальностью.

Интерес к философским и теоретическим, практическим и иным аспектам и основаниям военного права в настоящее время совсем не случаен. С одной стороны, он связан с всегда популярной темой для размышлений отечественной научной интеллигенции о природе и обусловленности войны как определенного (кризисного в противовес мирному) состояния общества. С другой стороны, о предметах размышлений, подобных военному

праву, социальные группы начинают задумываться в кризисные периоды истории, когда вооруженные конфликты становятся допустимыми, реальными, возможными или вовсе привычными. Любая наука, в том числе правовая, и любая отрасль права имеют в своей структуре философские основания. Они выступают теоретической базой и основаниями построения всей конструкции данной сферы знаний.

Современная философия нередко обращается к комплексному познанию природы вооруженных конфликтов, их движущих сил и особенностей правового регулирования вооруженного противостояния между государствами.

В свете выдвинутого тезиса хочется обратиться к основаниям военно-правовой науки, истоки которой выделялись на всем протяжении развития социально-философской мысли. Это прослеживается и на страницах исследуемой монографии. Да, формирование концептуального философского «хребта» военного искусства принято связывать с классическими работами Платона¹³, Сунь-Цзы¹⁴, Гегеля¹⁵, Макиавелли¹⁶, Клаузевица¹⁷ и многих других ученых. Материалистическое и историко-диалектическое представление о войне как способе достижения политических, экономических и империалистических целей представлено в работах ранних и поздних марксистов и их последователей.

Философские аспекты войны, проблемы философского анализа вооруженных конфликтов, их причин, условий и последствий, соблюдение правовых норм в период вооруженных конфликтов, детерминация личностно-смысовых структур в ситуациях необходимости применения оружия или с риском для жизни затрагиваются в трудах популярных зарубежных философов¹⁸, а также из-

¹³ См.: Платон. Собр. соч.: в 4 т. / общ. ред. А.Ф. Лосева и др.; прим. А.А. Тахо-Годи. М., 1990–1994.

¹⁴ См.: Сунь Цзы. Искусство войны: [с комментариями и пояснениями] / пер. с кит. В. В. Башкеева. М., 2019.

¹⁵ См.: Гегель. Философия духа / пер. с нем. Б.Г. Столпнера. М., 2018.

¹⁶ См.: Макиавелли Н. Государь. М., 2017.

¹⁷ См.: Клаузевиц К. фон. О войне: в 2 т. М.; СПб., 2002. Т. 2 (Сер.: Классическая военная мысль).

¹⁸ См.: Гендин А.М. Социальное прогнозирование в интерпретации Карла Поппера // Вопросы философии. 1969. № 4. С. 111–122; Калинина О.И. Феномен безумия, неразумия и власти в философии М. Фуко // Вестник Кузбасского гос. технического ун-та. 2010. С. 156–158; Хинникка Я. Философские исследования: проблемы и перспективы // Вопросы философии. 2011. № 7. С. 3–17; Хабермас Ю. Ах, Европа. Небольшие политические сочинения. М., 2012; и др.

вестных отечественных современных специалистов в области социально-гуманитарного познания¹⁹.

Авторами монографии исторические достижения военно-правовой науки и современные социально-философские концепции учтены и в целом применены при построении оснований данной науки и обосновании ее предмета и метода. В этом аспекте не случайно в литературе неоднократно отмечалось, что становление и формирование фундаментальных знаний о философских и теоретических основах правовых наук есть необходимое условие в достижении профессионализма будущего юриста и обретении им практических навыков²⁰.

Любопытная классификация периодов развития военного права в России дана в обсуждаемой монографии (т. I, с. 59). Традиционно такие периодизации принято критиковать, но предложенная кажется весьма удобной и указывает на действительно важные вехи в развитии российской государственности и, соответственно, права. Сам же обзор, представленный в первой главе монографии, позволяет получить представление о содержании военного права на всех этапах российской

¹⁹ См.: Гусейнов А.А. Мораль и право: линия разграничения // Lex russica (Русский закон). 2018. № 8 (141). С. 7–22; Кокошин А.А. О некоторых методологических вопросах изучения войн // Вопросы философии. 2020. № 1. С. 5–17. DOI: 10.21146/0042-8744-2020-1-5-17; Лекторский В.А. Трансформация индивидуальной и коллективной памяти в контексте глобальной цифровизации // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2020. Т. 11. № 9 (95). С. 17. DOI: 10.18254/S207987840012305-4; Розов Н.С. Возможно ли верховенство права в geopolитике? // Полис. Политические исследования. 2023. № 1. С. 159–172. DOI: 10.17976/jpps/2023.01.12; Фролов И.Т. О жизни, смерти и бессмертии. Этюды нового (реального) гуманизма. Статья первая // Вопросы философии. 1983. № 1. С. 83–97; Чукин С.Г. «Хорошее общество» и его противники: к проблеме концептуализации ценностей в социальной науке // Вопросы философии. 2009. № 5. С. 36–46; Чумаков А.Н., Королев А.Д., Дахин А.В. Философия в современном мире: диалог мировоззрений // Вопросы философии. 2013. № 1. С. 3–16; Чумаков А.Н. Глобализация как катализатор развития и упадка империй // Век глобализации. 2022. № 3 (43). С. 3–17. DOI: 10.30884/vglob/2022.03.01; и др.

²⁰ См.: Наумова Л.Ю. Педагогическое стимулирование формирования готовности будущих юристов к правотворческой деятельности: подходы, этапы, средства // Вестник Мининского ун-та. 2020. Т. 8. № 3 (32). С. 4. DOI: 10.26795/2307-1281-2020-8-3-4; Наумова Л.Ю., Наумов П.Ю., Сорокуомова С.Н. Стимулирование и его структура: проблема педагогического стимулирования формирования готовности будущих юристов к правотворческой деятельности // Профессиональное образование в современном мире. 2020. Т. 10. № 2. С. 3736–3745. DOI: 10.15372/PEMW20200211; Повицкая Ф.В., Наумова Л.Ю. Характеристика педагогических средств стимулирования формирования готовности будущих юристов к правотворческой деятельности // Известия Балтийской гос. академии рыбопромышленного флота: психолого-педагогические науки. 2021. № 4 (58). С. 87–97. DOI: 10.46845/2071-53312021458-87-97

истории. Это, безусловно, полезный и информативный раздел.

Следует отметить, что особое внимание авторы уделяют принципу «монополии государства на военную деятельность» (т. I, с. 415). Это принципиально важный тезис, который подробно разбирается и обосновывается в монографии. Авторы многократно возвращаются к нему, поскольку стремятся подчеркнуть важность контроля над военной сферой. В настоящее время эта задача может быть эффективно решена только государством. Опыт показывает, что размытие монополии государства на военную деятельность, появление альтернативных центров принятия решений о направлениях и принципах ведения боевых действий, возникновение и действие вооруженных подразделений, не предусмотренных системой нормативно-правового регулирования оборонной деятельности, чревато опасностями самого разного уровня. Действия таких автономных подразделений в меньшей степени контролируются системой права, внутри которой для них, как правило, нет места. В результате такие подразделения могут отказаться от следования нормам военного права и морали и не нести ответственности за их нарушения. Но также их деятельность может быть опасной и в долгосрочной перспективе. Они могут инициировать процессы дестабилизации внутреннего политического порядка и распространения насилия.

Рассмотрение генезиса военного права предполагает исследование развития государственности, в системе которой и формируется, а затем и совершенствуется вся правовая система. В свою очередь, развитие государственности (в данном случае термин «развитие» обозначает усложнение системы) включает в себя появление новых орудий труда и, соответственно, использование новых материалов и одновременно появление новых социальных групп. Уже в период существования варварских племен начинает практиковаться использование железа, что привело к увеличению производительности труда земледельцев, а также к возникновению новых видов оружия. Следовательно, военные действия приобретают принципиально иной характер. Для решения целей, стоящих перед армией, необходима подготовка воинов, регулярное их обучение военному делу. В протогосударствах, а позже в системе государственности выделяются минимум два основных способа жизнедеятельности: земледелие и военная служба, при наличии различных ремесел и духовных сфер бытия – таких как управление, наставничество и пр. Население, занятое в каждой из этих сфер, вырабатывало собственные правила, нормы, что впоследствии легло в основание законов, регулирующих отношения между государством и его субъектами. Первоначально

военные состояли из представителей имущих слоев населения, поскольку оружие, доспехи, средства передвижения находились в собственности каждого военного. Провизорий снабжало военную организацию население, на территории которого велись военные действия, в том числе и завоеванные территории. Военные получали за свою службу определенную «оплату» в виде земельных наделов, переходящих в их собственность, а в некоторых случаях в долгосрочную аренду. Таким образом, служба в военных образованиях предполагала наличие определенного дохода. Эта система требовала свободных от собственности территорий, а следовательно, рабочих рук для их обработки. В эпоху Античности государство часто испытывало нехватку рабочих рук в сфере земледелия, а также в военной деятельности. Исследователь культуры К. Куманецкий отмечает, что в социальных процессах решающую роль начинает играть армия. Число свободных крестьян, например, в Италии во II в. до н.э. начинает сокращаться, а увеличение количества городов концентрирует в своей среде все больше неимущих, которые не могли входить в цензовые списки и не служили в армии, испытывавшей необходимость в живой силе. В последние годы II в. до н.э. Гай Марий начал набирать «подкрепление из числа пролетариев, открыв им тем самым доступ в ряды армии. С поступлением добровольцев на воинскую службу Римская армия окончательно перешла от традиционного полисного ополчения... к профессиональному войску»²¹.

Таким образом, армия стала качественно новым образованием, потребовавшим установления норм, правил и законов, касающихся поведения, способов действий, форм поощрения и наказания, установленных системой государственного права.

Поставленные в начале первой главы т. I вопросы о генезисе военного права и его предпосылках, по сути, оказались не рассмотренными. Перечисляются некоторые предпосылки возникновения военного права, но на первое место ставится цель сохранения суверенитета, тогда как эта цель возникает уже после формирования собственно государственности. Первичным моментом оказывается территориальное, социальное и хозяйственное единство, результатом которого и становится возникновение права. В процессе выработки права из морально-нравственных, общекультурных и прочих обычаев, норм и правил формулируются цели и задачи государственных отношений, включающих в себя отношения собственности, отношения между различными социальными слоями и, соответственно, с соседними территориально-политическими образованиями. Система таких

²¹ Куманецкий К. История культуры древней Греции и Рима. М., 1990.

норм и правил, сформулированная как обязательная для выполнения всеми слоями населения, приобретает форму закона. (Если нарушение моральных правил не влечет за собою санкций со стороны общества, то правовые нормы не только обязательны, но и их нарушение наказуемо. Поэтому в праве обозначены не только права и обязанности субъектов государства, но и наказания за любые отступления от принятых норм.) Государство, когда оно возникает, вырабатывает правовые нормы, что зависит не столько от целей, сколько от природы последнего. Цели же, возникая параллельно с правом, все-таки являются вторичным фактором. Государство в качестве обязательного элемента имеет правительство, также участвующее в определении целей и опирающееся на существующие законы. Моральные нормы как один из главных ориентиров социального бытия сами регулировали социальные отношения в родовой общине, а позднее вместе с нормами права – деятельность социальных субъектов в государстве.

Рассмотрение приведенных тезисов позволяет обратить внимание читателей на следующие аспекты. *Во-первых*, это взаимодействие военного права и военной политики. Функциональное значение такого взаимодействия и обусловленности трудно переоценить, поскольку философский дискурс содержит концепты о таковом со временем начала цивилизованного человечества. В монографии данной исследовательской проблеме посвящен § 1 пятой главы т. I. *Во-вторых*, выделение как одного из методологических ориентиров современной теории военного права аксиологического подхода, поскольку он является весьма популярным средством в нынешних междисциплинарных когнитивных практиках. *В-третьих*, абсолютно справедливым можно считать то, что в монографии обращено особое исследовательское внимание на характеристику современных социально-политических, экономических и военных условий бытия человечества, государства и права. Это ключевая исходная точка, на основании которой возможно познать сущность, структуру и функциональную обусловленность как самого военного права, так и его подотраслей.

Критические замечания, предложения и выводы

При рассмотрении военного права авторы монографии, минуя историю его возникновения и развития, приступают вне всяких объяснений к описанию законов Российской Империи. И хотя на страницах книги упоминается, что произошел «отказ от системы буржуазного права», но сама эта система не прописана, авторы ограничились ссылкой на то, что этот материал есть в труде одного из авторов монографии (С.В. Тарадонов) (т. I, с. 156).

Генезис военного права, безусловно, можно связать со стремлением государства сохранить свой суверенитет и решить задачу по защите своих рубежей или захвату других территорий (т. I, с. 48). Военное право становится таким образом в подчинение государству и зависит от него. Это во многом справедливо и точно. По большому счету система права формируется на фоне развития современных (модерных) государств. Своего пика этот процесс достигает в XIX–XX вв. Не последнюю роль в нем играло российское и советское государство. По инициативе Российской Империи созывались обширные конференции в Санкт-Петербурге (1868) и Гааге (1899, 1907), на которых были приняты важнейшие декларации, регулировавшие способы ведения войны и допустимое вооружение. СССР был одним из архитекторов ялтинско-потсдамской системы международных отношений. В частности, во многом благодаря усилиям СССР в международном праве была закреплена вначале как принцип, а потом и как право идея национального сопротивления. Однако если мы остановимся исключительно на такой перспективе обсуждения генезиса военного права, то получим несколько усеченную и неполную картину его развития. Мы упустим всю ту многовековую и даже тысячелетнюю историю развития мысли о необходимости контроля и ограничения войны. Эту интеллектуальную историю необходимо начинать с Античности и проводить через европейское Средневековье к Новому времени. Можно также говорить и о неевропейской традиции осмысления войны. Собственно, авторы это и делают, когда указывают на такие источники, как «Махабхарата», «Палийский Канон» или книгу «Искусство войны» Сунь-Цзы (т. I, с. 52, 53). Но эти источники скорее содержат религиозные и моральные императивы относительно ведения боевых действий. Можно их понимать так же, как и политические пособия, но не как юридические документы.

Совершенно иной статус приобретает военное право в контексте римского закона (т. I, с. 53, 54). Оно становится одним из разделов права в рамках имперского законодательства. Однако современный исследователь сталкивается при этом с вопросом: можно ли трактовать римское военное право как прообраз военного права XX–XXI вв.? Или оно представляет собой уникальное явление, напоминающее военное право государств Нового и Новейшего времени, но не связанное с ним напрямую? Как представляется, точнее было бы указать на уникальность римского военного права, чтобы подчеркнуть специфику современного военного права. Последнее существует в принципиально иной среде, нежели римское. Военное право наших дней с неизбежностью должно соотноситься с международным гуманитарным правом, а также

учитывать особенности устройства системы международных отношений, в которой существует не одна империя-гегемон, как это было во времена Рима (даже восточного, при Юстиниане), но множество государств, а также негосударственные и надгосударственные организации. Иными словами, если мы всю традицию мысли о войне будем идентифицировать как правовую, то потеряем четкость и ясность при определении понятия «военное право». При исследовании генезиса военного права важно было бы продемонстрировать, как из разрозненных религиозных и моральных установок, традиций, обычая и административных решений сложилось такое сложно устроенное явление, как военное право.

В обзоре истории развития отечественного военного права несколько не хватает указания на международный контекст этого процесса. Особенно это важно для советского и постсоветского периодов, когда в полной мере развивалось международное гуманитарное право. Но также с исследовательской точки зрения полезно было бы обозначить, в какой мере отечественное военное право соотносилось с зарубежными подходами к его оформлению. Можно предположить, что в чем-то оно опережало в своем развитии иностранные кодексы, где-то отставало в решении назревших вопросов, а в каких-то случаях шло особым путем. Такое компаративное исследование дало бы более полную и объемную картину развития российского военного права. Подобное исследование было бы полезным и для развития аргументации второй главы, в которой говорится о военной безопасности, о военных опасностях и угрозах военной безопасности, большая часть из которых носит глобальный или по крайней мере внешний характер (т. I, с. 197–199, 201–205). Заметим, что вопрос об имплементации норм международного гуманитарного права в российскую правовую систему поднимается в седьмой главе (т. I, с. 457–459).

При этом удачным оказывается подход, в соответствии с которым авторы помещают военное право в контекст общей системы права как такой. Например, когда авторы разбирают принципы военного права, они отмечают, что такие общие принципы, как общеобязательность, не-противоречивость, соразмерность и др., имеют непосредственное отношение к военному праву (т. I, с. 413, 414). Таким образом, принципы военного права соотносятся со всей системой правового регулирования общественной жизни. Подобное обозначение масштаба военного права полезно, поскольку позволяет подчеркнуть, что военнослужащий, хотя и обладает особым статусом и, соответственно, попадает под действие особой отрасли права, тем не менее сохраняет свои общегражданские и общечеловеческие обязанности и права.

Можно было бы также добавить объяснение, за счет чего, за счет каких институтов предполагалось ранее и предполагается сейчас решать задачи, поставленные военным правом. Это ключевой вопрос, переводящий нас из области теории в сферу практики, – как сделать норму живой, как от идеи и ее формализации перейти к созданию социальных отношений, определяемых и регулируемых этой идеей. Данная проблема отчасти затрагивается в седьмой главе при обсуждении принципа специального регулирования военных отношений (т. I, с. 129–132). Но она упоминается среди прочих проблем, и авторы опять же говорят скорее о современном периоде, нежели об истории процесса институционализации военного права.

Сущность возникшего военного права выявляется не при перечислении статей различных законов, а при анализе их содержательной стороны. В этой связи необходимо, с нашей точки зрения, обратить внимание не столько на структуру, например, Свода законов Российской Империи, не только на перечисление ее частей и тех нарушений и установлений, которым они посвящены, сколько на анализ сущности основных его положений (т. I, с. 129–132). С сожалением отмечаем, что в монографии периодически теряется логика изложения, авторы произвольно переходят от одного времени к другому, не объясняя и не обосновывая необходимость этого (т. I, с. 157). Так же вряд ли справедливо уравнивание военного права и военного законодательства (т. I, с. 112).

Авторское определение понятия армии – «организованное объединение вооруженных людей, создаваемое и содержащееся государством» (т. I, с. 49) – выглядит неполным, не отражающим всех существенных признаков данного явления, поскольку армия не представляет собой механическое соединение людей по указанному принципу, а выступает как субъект социальной и политической деятельности. В монографии не разделяются общие проблемы истории и теории военного права и российский их вариант.

Было бы интересно, если авторы рассмотрят связь военного права с практикой ведения военных действий: как именно влияет действующее военное право на характер проведения боевых операций, как реалии военных действий обнаруживают необходимость оптимизации существующего военного права с учетом нового вооружения, новых умений в повседневных боевых действиях, в системе и характере принятия решений.

Удалось ли в монографии поднять общетеоретические вопросы, характерные для философского понимания права? Ответ на этот вопрос находим в результатах авторского анализа предмета военного права, где указывается на необходимость

разработки и построения теории и истории военного права. Для решения этой задачи необходимо не только гипотетически предложить, но и верифицировать соответствующие методологические ориентиры и теоретическую платформу. Эта задача авторами монографии решена лишь отчасти и остается надеяться, что она будет результативно концептуализирована в дальнейших разработках в области военно-правовой тематики. Необходимые предпосылки в трехтомнике для этого объективированы, и они способны выполнить программно-ориентирующие функции в указанном направлении исследований.

Определение военного права, отмечаемое авторами как общепринятое, формально-логической и структурно-функциональной критики не совсем выдерживает (т. I, с. 31), в книге показано расширение области, на которую распространяется военное право в современных условиях (разнообразие видов военных конфликтов, разнообразие правового статуса участников боевых действий и др.). В дальнейшем определение понятия «военное право»дается с учетом современных теоретико-методологических конструкций (т. I, с. 474), однако считать завершенными исследования в указанной области явно преждевременно. В частности, потребуется более точное определение соотношения международных аспектов военного права с различными аспектами государственного суверенитета.

Актуальным выглядит направление исследований в области военных аспектов медицинского права, что уже отмечалось в научной литературе²², и появление монографии даст этим когнитивным практикам новый широкий виток.

Заслугой коллектива авторов и редакторов издания является теоретическая концептуализация представлений о предмете военного

²² См.: Бухтияров И. В., Холиков И. В., Большакова В. М., Наумов П. Ю. Опыт концептуализации военных аспектов медицинского права (обсуждение главы 14 учебника «Медицинское право России», ответственный редактор А. А. Мохов, изд-во «Проспект», 2022, – материалы дискуссии) // Медицина труда и промышленная экология. 2023. Т. 63. № 1. С. 67–73. DOI: 10.31089/1026-9428-2023-63-1-67-73; Наумов П. Ю., Большакова В. М., Землин А. И., Холиков И. В. Концептуальные аспекты производства медицинских экспертиз при обжаловании в судебном порядке заключений по итогам проведения военно-врачебной экспертизы // Siberian Journal of Life Sciences and Agriculture. 2021. Т. 13. № 6. С. 283–306. DOI: 10.12731/2658-6649-2021-13-6-283-306; Наумов П. Ю., Баранова Н. Н., Холиков И. В., Купцов С. А. Комплексное исследование правовых основ и проблемных вопросов оказания первой помощи военнослужащим (военнослужащими) // Медицина катастроф. 2023. № 3. С. 57–64. DOI: 10.33266/2070-1004-2023-3-57-64; Наумов П. Ю., Холиков И. В. Характеристика правовых основ проведения военно-врачебной экспертизы в войсках национальной гвардии Российской Федерации // Siberian Journal of Life Sciences and Agriculture. 2023. Т. 15. № 1. С. 474–493. DOI: 10.12731/2658-6649-2023-15-1-474-493

права не только с учетом теоретических посылок, но и на основании эмпирических данных, использования правоприменительной практики и анализа международного опыта в области военно-правовых исследований и применения норм военного права в международном праве и вооруженных конфликтах.

В монографии системному исследованию подвергнут метод правового регулирования, характерный для военного права как самостоятельной отрасли права в общей структуре права. Системное исследование осуществлено методологически верно, на основании использования всего потенциала данного исследовательского метода в совокупности его плоскостей – предметной, функциональной и исторической. Закономерным здесь кажется вопрос о том, почему философские теории не признаны авторами монографии как самостоятельные источники военного права. Вопрос формирования теоретических конструкций, составляющих ядро военного права, вырабатывался во многом за счет трансляции философского знания и его интеграции в правовую систему, сменяющую на различных этапах бытия современной цивилизации. Данному обстоятельству авторы монографии должного внимания не уделили, хотя указали на необходимость такового в последующем.

Функциональный анализ военного права, характеристик и особенностей внешнего и внутреннего функционирования военного права осуществлен в монографии авторами весьма убедительно и полно. Однако, что послужило методологической платформой для такового, авторы не уточнили; в данном аспекте логичной представляется опора на труды выдающихся ученых-функционалистов: Л. фон Берталанфи²³, Н. Винера²⁴, П. К. Анохина²⁵, В. Н. Садовского²⁶, Б. Г. Юдина²⁷ и др. При этом структурный анализ военного права, основанный на общефилософских подходах и правовых принципах, вопросов не вызывает: напротив, это – одно из ведущих достижений авторского коллектива монографии. Примечательно, что помимо структуры собственно военного права выделяется типовая структура и любой отрасли права (подотрасли, правовые институты, субинституты

²³ См.: *Лекторский В.А., Садовский В.Н. О принципах исследования систем* // Вопросы философии. 1960. № 8. С. 67–79.

²⁴ См.: *Винер Н. Кибернетика и общество; Творец и робот / пер. с англ.; предисл. и прим. И. Г. Поспелова*. М., 2003.

²⁵ См.: *Анохин П.К. Узловые вопросы теории функциональных систем*. М., 1980.

²⁶ См.: *Блауберг И.В., Садовский В.Н., Юдин Б.Г. Философский принцип системности и системный подход* // Вопросы философии. 1978. № 8. С. 39–52.

²⁷ См.: *Юдин Б.Г. Наука и жизнь в контексте современных технологий* // Человек. 2005. № 6. С. 5–25.

и нормы права; отрасль права делится на общую и особенную части), а также отражение и интеграция этой структуры в военно-правовое знание. Такой методологический прием позволил сформулировать теоретическую конструкцию военного права как науки и как отрасли права.

Представленные выше пожелания и замечания носят рекомендательный характер и нацелены на возможное дальнейшее расширение и развитие исследования истории и теории военного права. Они не отменяют заслуг авторов, но намечают пути дальнейшей работы. В целом же исследование военного права получилось фундаментальным и обладающим значительной ценностью.

Настоящее исследование и подобные размышления в области фундаментальных проблем военного права как отрасли права позволяют «широкими мазками художника на полотне науки» определить сложившиеся теоретические контуры, прикладные правоприменительные аспекты и новые горизонты военно-правовых интеллектуальных изысканий. Ориентирующую функцию в данном направлении играют как раз выявленные недоработки и противоречия, оставшиеся после работы коллектива авторов монографии «Военное право». Но иначе не могло и быть, поскольку коллектив монографии слишком большой, слишком разный, слишком амбициозный, слишком интеллектуальный, чтобы давать на «вечные» философские и правовые вопросы однозначные, односторонние ответы и перекрывать возможности дальнейших дискуссий.

Единственное, в чем этот коллектив был схож в концептуализации военного права как отрасли права, – это ценностно-смысловое отношение к нему, исследовательский интерес и «героический энтузиазм» в отношении военно-правовых исследований. Именно это позволило «склеить» сложную палитру авторских представлений, заблуждений и теорий в единую картину монографической иллюстрации военного права. Отрадно, что монография «Военное право» вызывает искренний когнитивный интерес, эмоциональный отклик среди читателей и позволяет осуществлять подобные дискуссии и обобщать их результаты.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Анохин П.К. Узловые вопросы теории функциональных систем. М., 1980.
2. Арженовский И.В., Дахин А.В. Когнитивная регионалогия: опыт моделирования региональных социально-экономических процессов // Регионология. 2020. Т. 28. № 3 (112). С. 470–489. DOI: 10.15507/2413-1407.112.028.202003.470-489

3. *Блажеев В.В.* Трехтомная монография «Военное право» под общей редакцией А.Н. Савенкова и А.В. Кудашкина как практический результат деятельности отечественной научной школы военного права // Государство и право. 2023. № 2. С. 40–42. DOI: 10.31857/S102694520024321-4
4. *Блауберг И.В., Садовский В.Н., Юдин Б.Г.* Философский принцип системности и системный подход // Вопросы философии. 1978. № 8. С. 39–52.
5. *Бозров В.М., Азаренок Н.В.* Монография «Военное право» – концептуальная основа совершенствования современной военной науки // Право в Вооруженных Силах – Военно-правовое обозрение. 2023. № 4 (309). С. 2–6.
6. *Большакова В.М., Холиков И.В.* Теоретическое исследование системообразующих принципов организации судебной системы // Вестник Пермского ун-та. Юридические науки. 2022. № 58. С. 579–604. DOI: 10.17072/1995-4190-2022-58-579-604
7. *Бухтияров И.В., Холиков И.В., Большакова В.М., Наумов П.Ю.* Опыт концептуализации военных аспектов медицинского права (обсуждение главы 14 учебника «Медицинское право России», ответственный редактор А.А. Мохов, изд-во «Проспект», 2022, – материалы дискуссии) // Медицина труда и промышленная экология. 2023. Т. 63. № 1. С. 67–73. DOI: 10.31089/1026-9428-2023-63-1-67-73
8. *Винер Н.* Кибернетика и общество; Творец и робот / пер. с англ.; предисл. и прим. И.Г. Поспелова. М., 2003.
9. Военное право / под общ. ред. А. Н. Савенкова, А. В. Кудашкина. М., 2021. Т. I. История и теория военного права (с предисловием). С. 27, 31, 48, 49, 52–54, 59, 112, 129–132, 156, 157, 197–199, 201–205, 413–415, 457–459, 474; т. II. Современное состояние военного права (институты военного права); 2022. Т. III. Основные проблемы и перспективные направления военно-правовых исследований.
10. *Гаврилов С.О., Глебов И.Н., Чукин С.Г. и др.* Право в точке бифуркации: обсуждение концептуального исследования военных проблем международного права (Дискуссия в формате «круглого стола» по материалам гл. 6 «Военные проблемы международного права» т. III монографии «Военное право») // Государство и право. 2022. № 12. С. 59–67. DOI: 10.31857/S102694520023301-2
11. *Гайдамашко И.В., Наумов П.Ю., Дьячков А.А.* Потенциал монографии «Военное право» в обучении будущего военного юриста и развитии его личности // Государство и право. 2023. № 5. С. 68–79. DOI: 10.31857/S102694520025198-8
12. Гегель. Философия духа / пер. с нем. Б.Г. Столпнера. М., 2018.
13. *Гендин А.М.* Социальное прогнозирование в интерпретации Карла Поппера // Вопросы философии. 1969. № 4. С. 111–122.
14. *Глушаченко С.Б., Зеленукин Р.В.* Военно-правовые знания для будущих работников сферы транспорта (рецензия на трехтомную монографию «Военное право») // Мир транспорта. 2023. Т. 21. № 1 (104). С. 134–137. DOI: 10.30932/1992-3252-2021-21-1-16
15. *Гусейнов А.А.* Мораль и право: линия разграничения // Lex russica (Русский закон). 2018. № 8 (141). С. 7–22.
16. *Дахин А.В.* Политические эпохи на шкале исторического времени: переосмысление привычных концепций // Политическая концептология: журнал метадисциплинарных исследований. 2022. № 2. С. 14–31. DOI: 10.18522/2218-5518.2022.2.1431
17. *Дахин А.В.* Публичные организации: не только Запад // Полис. Политические исследования. 2018. № 2. С. 184–191. DOI: 10.17976/jpps/2018.02.14
18. *Ериков В.В., Качалов В.И.* Военное право России как отрасль права // Росс. правосудие. 2023. № 2. С. 106–110.
19. *Захарцев С.И., Сальников В.П.* ХХII век: право будущего (идеи и размышления) // Теория государства и права. 2022. № 1 (26). С. 80–92. DOI: 10.47905/MATGIP.2022.125.1.007
20. *Землин А.И.* Актуальные вопросы военной деятельности государства: правовое измерение // Военное право. 2022. № 6 (76). С. 233–237.
21. *Землин А.И.* Вопросы развития военно-правовой науки в контексте современных проблем обеспечения национальной безопасности России // Военное право. 2022. № 5 (75). С. 8–14.
22. *Землин А.И.* Проблемные вопросы правового регулирования отношений, связанных с использованием высокоматематизированных транспортных средств // Журнал росс. права. 2022. Т. 26. № 12. С. 58–69. DOI: 10.12737/jrl.2022.128
23. *Исаев В.И., Бальчугов С.Г., Марков А.М.* Историко-правовой анализ возникновения и развития военного права // Военно-исторический журнал. 2024. № 3 (767). С. 116–119.
24. *Калинина О.И.* Феномен безумия, неразумия и власти в философии М. Фуко // Вестник Кузбасского гос. технического ун-та. 2010. С. 156–158.
25. *Картаполов А.В.* «Забытая» отрасль российской правовой системы «Право вооруженных конфликтов» возрождается с выходом фундаментального научного труда трехтомной монографии «Военное право» (Некоторые комментарии в связи с выходом в свет трехтомной монографии «Военное право») // Государство и право. 2023. № 8. С. 45–50. DOI: 10.31857/S102694520027225-8
26. *Клаузевиц К. фон.* О войне: в 2 т. М.; СПб., 2002. Т. 2 (Сер.: Классическая военная мысль).
27. *Кокошин А.А.* О некоторых методологических вопросах изучения войн // Вопросы философии. 2020. № 1. С. 5–17. DOI: 10.21146/0042-8744-2020-1-5-17
28. *Корякин В.М.* Современное состояние военного права: новое фундаментальное научное исследование // Государство и право. 2022. № 1. С. 207–210. DOI: 10.31857/S102694520018195-5
29. *Кудашкин А., Холиков И.* Опыт концептуализации специальных военных операций в современном праве // Пути к миру и безопасности. 2023. № 1 (64). С. 31–47. DOI: 10.20542/2307-1494-2023-1-31-47
30. *Куманецкий К.* История культуры древней Греции и Рима. М., 1990.

31. Куманьков А.Д. Война как наказание: исторические основания и современное состояние // Этическая мысль. 2019. Т. 19. № 2. С. 137–151.
32. Куманьков А.Д. Кантианский проект вечного мира в контексте современных этико-политических концепций войны // Философские науки. 2020. Т. 63. № 1. С. 85–100.
33. Куманьков А.Д. Моральное обоснование гуманитарной интервенции в современной теории справедливой войны // Философские науки. 2020. Т. 63. № 11. С. 58–73.
34. Куманьков А.Д. Философия войны: краткий очерк истории // Логос. 2019. Т. 29. № 3 (130). С. 99–116.
35. Куманьков А.Д., Большакова В.М., Наумов П.Ю., Новиков Н.С. Диалог о смыслах военного права и военном праве как ценности (обсуждаем главу 5 «Социальная ценность военного права» тома I монографии «Военное право») // Право в Вооруженных Силах – Военно-правовое обозрение. 2022. № 7 (300). С. 2–12.
36. Куманьков А.Д., Чаганова Д.Н. Забытые пути миротворчества: рецензия на сборник «Мир и война: исторические, философские и антропологические перспективы» // Вестник РУДН. Сер.: Философия. 2021. Т. 25. № 2. С. 355–363.
37. Кутырев В.А. Последнее целование. Человек как традиция. СПб., 2015 (Сер. «Тела мысли»).
38. Лекторский В.А. Трансформация индивидуальной и коллективной памяти в контексте глобальной цифровизации // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2020. Т. 11. № 9 (95). С. 17. DOI: 10.18254/S207987840012305-4
39. Лекторский В.А., Садовский В.Н. О принципах исследования систем // Вопросы философии. 1960. № 8. С. 67–79.
40. Макиавелли Н. Государь. М., 2017.
41. Мельков С.А. Рецензия на новое исследование военного права: критический взгляд политолога // *Russian Studies in Law and Politics*. 2022. Т. 6. № 3–4. С. 6–18. DOI: 10.12731/2576-9634-2022-3-4-6-18
42. Нагорный И.А. Право вооруженных конфликтов в эпоху глобальных перемен (некоторые аспекты его места и роли в свете выхода монографии «Военное право») // Государство и право. 2023. № 5. С. 58–62. DOI: 10.31857/S102694520025649-4
43. Наумов П. Социальные функции частных военных компаний в условиях трансформации современного миропорядка // Пути к миру и безопасности. 2023. № 2 (65). С. 207–218. DOI: 10.20542/2307-1494-2023-2-207-218
44. Наумов П.Ю., Баранова Н.Н., Холиков И.В., Купцов С.А. Комплексное исследование правовых основ и проблемных вопросов оказания первой помощи военнослужащим (военнослужащими) // Медицина катастроф. 2023. № 3. С. 57–64. DOI: 10.33266/2070-1004-2023-3-57-64
45. Наумов П.Ю., Большакова В.М., Землин А.И., Холиков И.В. Концептуальные аспекты производства медицинских экспертиз при обжаловании в судебном порядке заключений по итогам проведения военно-врачебной экспертизы // *Siberian Journal of Life Sciences and Agriculture*. 2021. Т. 13. № 6. С. 283–306. DOI: 10.12731/2658-6649-2021-13-6-283-306
46. Наумов П.Ю., Захарцев С.И., Холиков И.В., Большакова В.М. Ценность права и правовые ценности в глобализующемся мире (Аксиологический обзор книги «Государство и право: права человека и мировой порядок, основанный на верховенстве права») // Государство и право. 2023. № 9. С. 64–72. DOI: 10.31857/S102694520024304-5
47. Наумов П.Ю., Новиков Н.С. Система ценностей воинской службы и их носители // В мире научных открытий. 2015. № 9–4 (69). С. 1375–1380.
48. Наумов П.Ю., Холиков И.В. Характеристика правовых основ проведения военно-врачебной экспертизы в войсках национальной гвардии Российской Федерации // *Siberian Journal of Life Sciences and Agriculture*. 2023. Т. 15. № 1. С. 474–493. DOI: 10.12731/2658-6649-2023-15-1-474-493
49. Наумова Л.Ю. Педагогическое стимулирование формирования готовности будущих юристов к правотворческой деятельности: подходы, этапы, средства // Вестник Мининского ун-та. 2020. Т. 8. № 3 (32). С. 4. DOI: 10.26795/2307-1281-2020-8-3-4
50. Наумова Л.Ю., Наумов П.Ю., Сорокоумова С.Н. Стимулирование и его структура: проблема педагогического стимулирования формирования готовности будущих юристов к правотворческой деятельности // Профессиональное образование в современном мире. 2020. Т. 10. № 2. С. 3736–3745. DOI: 10.15372/PEMW20200211
51. Платон. Собр. соч.: в 4 т. / общ. ред. А.Ф. Лосева и др.; примеч. А.А. Тахо-Годи. М., 1990–1994.
52. Плигин В.Н. Вышел фундаментальный научный труд, которым доказана «правовая теорема Ферма». Военное право: в 3 т. / под общ. ред. А.Н. Савенкова, А.В. Кудашкина // Государство и право. 2023. № 3. С. 33–39. DOI: 10.31857/S102694520024772-0
53. Поведеная Ф.В., Наумова Л.Ю. Характеристика педагогических средств стимулирования формирования готовности будущих юристов к правотворческой деятельности // Известия Балтийской гос. академии рыбопромышленного флота: психолого-педагогические науки. 2021. № 4 (58). С. 87–97. DOI: 10.46845/2071-53312021458-87-97
54. Розов Н.С. Возможно ли верховенство права в геополитике? // Полис. Политические исследования. 2023. № 1. С. 159–172. DOI: 10.17976/jpps/2023.01.12
55. Савенков А.Н., Кудашкин А.В. Военное право: постановка проблемы и пути решения // Государство и право. 2021. № 4. С. 7–34. DOI: 10.31857/S102694520014362-9
56. Сальников В.П., Большакова В.М., Захарцев С.И. Институализация военного права как отрасли права в постнеклассической научной рациональности (рецензия на монографию «Военное право в 3-х томах. М.: Центр правовых коммуникаций, 2022») // Право. Журнал ВШЭ. 2023. № 1. С. 251–261. DOI: 10.17323/2072-8166.2023.1.251.261
57. Смирнов Д.В. Проблема социализации курсантов военного вуза внутренних войск МВД России // В мире научных открытий. 2013. № 3–4 (39). С. 92–113.
58. Степин В.С. Особенности научного познания и критерии типов научной рациональности // Эпистемология и философия науки. 2013. Т. 36. № 2. С. 78–91.
59. Сунь Цзы. Искусство войны: [с комментариями и пояснениями] / пер. с кит. В.В. Башкеева. М., 2019.
60. Тушков А.А. К вопросу об экспликации парадигмальных основ военного права // Право в Вооруженных Силах – Военно-правовое обозрение. 2023. № 3 (308). С. 2–14.

61. *Тушков А.А.* Теоретико-методологические проблемы и военное право (к выходу в свет монографии «Военное право») // Государство и право. 2023. № 5. С. 63–67. DOI: 10.31857/S102694520025210-2
62. *Фролов И.Т.* О жизни, смерти и бессмертии. Этюды нового (реального) гуманизма. Статья первая // Вопросы философии. 1983. № 1. С. 83–97.
63. *Хабермас Ю.* Ах, Европа. Небольшие политические сочинения. М., 2012.
64. *Хинникка Я.* Философские исследования: проблемы и перспективы // Вопросы философии. 2011. № 7. С. 3–17.
65. *Холиков И.В.* История и теория военного права: первое фундаментальное исследование // Военное право. 2021. № 5 (69). С. 222–228.
66. *Холиков И.В., Большакова В.М., Наумов П.Ю., Зеленушкин Р.В.* Ценности и смыслы главного судебного акта XX века: аксиологические концепты книги А.Н. Савенкова «Нюрнберг: Приговор во имя Мира» (Материалы дискуссии) // Государство и право. 2022. № 10. С. 51–62. DOI: 10.31857/S102694520021788-7
67. *Холиков И.В., Милованович А., Наумов П.Ю.* Динамика функционирования международного права в условиях трансформации современного миропорядка: постнеклассический подход // Журнал росс. права. 2022. Т. 26. № 11. С. 132–148. DOI: 10.12737/jrl.2022.122
68. *Холиков И.В., Наумов П.Ю., Большакова В.М. и др.* Федеральный государственный контроль (надзор) за соблюдением законодательства в области обеспечения безопасности объектов топливно-энергетического комплекса: новый этап регулирования и правоприменения // Уголь. 2022. № 10 (1159). С. 66–71. DOI: 10.18796/004157902022106671
69. *Хомчик В.В.* Монография «Военное право» обеспечила теоретический прорыв в фундаментальных исследованиях современных проблем военной науки // Государство и право. 2022. № 3. С. 199–203. DOI: 10.31857/S102694520019175-3
70. *Чемезов С.В.* Мощный стимул правовых исследований в военной науке. Военное право: в 3 т. / под общ. ред. А.Н. Савенкова и А.В. Кудашкина (М.: Центр правовых коммуникаций, 2021–2022) // Государство и право. 2023. № 3. С. 27–32. DOI: 10.31857/S102694520024771-9
71. *Чукин С.Г.* «Хорошее общество» и его противники: к проблеме концептуализации ценностей в социальной науке // Вопросы философии. 2009. № 5. С. 36–46.
72. *Чумаков А.Н.* Глобализация как катализатор развития и упадка империй // Век глобализации. 2022. № 3 (43). С. 3–17. DOI: 10.30884/vglob/2022.03.01
73. *Чумаков А.Н., Королев А.Д., Дахин А.В.* Философия в современном мире: диалог мировоззрений // Вопросы философии. 2013. № 1. С. 3–16.
74. *Юдин Б.Г.* Наука и жизнь в контексте современных технологий // Человек. 2005. № 6. С. 5–25.
75. *Яцкин А.В.* Поиски «правового Грааля» завершены (Размышления на полях фундаментального исследования «Военное право» в эпоху трансформации действующего мирового порядка) // Государство и право. 2023. № 6. С. 51–55. DOI: 10.31857/S102694520025954-0

REFERENCES

1. *Anokhin P.K.* Nodal issues of the theory of functional systems. M., 1980 (in Russ.).
2. *Arzhenovsky I.V., Dakhin A.V.* Cognitive regionology: the experience of modeling regional socio-economic processes // Regionology. 2020. Vol. 28. No. 3 (112). Pp. 470–489. DOI: 10.15507/2413-1407.112.028.202003.470-489 (in Russ.).
3. *Blazheev V.V.* Three-volume monograph “Military Law” under the general editorship of A.N. Savenkov and A.V. Kudashkin as a practical result of the activity of the national scientific school of Military Law // State and Law. 2023. No. 2. Pp. 40–42. DOI: 10.31857/S102694520024321-4 (in Russ.).
4. *Blauberg I.V., Sadovsky V.N., Yudin B.G.* The philosophical principle of consistency and a systematic approach // Questions of philosophy. 1978. No. 8. Pp. 39–52 (in Russ.).
5. *Bozrov V.M., Azarenok N.V.* Monograph “Military law” – the conceptual basis for improving modern military science // Law in the Armed Forces – Military Law Review. 2023. No. 4 (309). Pp. 2–6 (in Russ.).
6. *Bolshakova V.M., Kholikov I.V.* Theoretical study of the system-forming principles of the organization of the judicial system // Herald of the Perm University. Legal sciences. 2022. No. 58. Pp. 579–604. DOI: 10.17072/1995-4190-2022-58-579-604 (in Russ.).
7. *Bukhtiyarov I.V., Kholikov I.V., Bolshakova V.M., Naumov P. Yu.* Experience in conceptualizing military aspects of medical law (discussion of chapter 14 of the textbook “Medical Law of Russia”, executive editor A.A. Mokhov, publishing house “Prospect”, 2022, – discussion materials) // Occupational medicine and industrial Ecology. 2023. Vol. 63. No. 1. Pp. 67–73. DOI: 10.31089/1026-9428-2023-63-1-67-73 (in Russ.).
8. *Viner N.* Cybernetics and society; The Creator and the robot / transl. from English; preface and note by I.G. Pospelov. M., 2003 (in Russ.).
9. Military Law / under the general editorship of A.N. Savenkov, A.V. Kudashkin. M., 2021. Vol. I. History and theory of Military Law (with a preface). Pp. 27, 31, 48, 49, 52–54, 59, 112, 129–132, 156, 157, 197–199, 201–205, 413–415, 457–459, 474; vol. II. The current state of Military Law (institutes of Military Law); 2022. Vol. III. The main problems and promising areas of military legal research (in Russ.).
10. *Gavrilov S.O., Glebov I.N., Chukin S.G. et al.* Law at the point of bifurcation: discussion of the conceptual study of military problems of International Law (Discussion in the format of a “Round Table” based on the materials of Chapter 6 “Military problems of International Law” vol. III of the monograph “Military Law”) // State and Law. 2022. No. 12. Pp. 59–67. DOI: 10.31857/S102694520023301-2 (in Russ.).
11. *Gaidamashko I.V., Naumov P. Yu., Dyachkov A.A.* The potential of the monograph “Military Law” in the training of a future military lawyer and the development of his personality // State and Law. 2023. No. 5. Pp. 68–79. DOI: 10.31857/S102694520025198-8 (in Russ.).
12. *Hegel.* Philosophy of the Spirit / transl. from German by B.G. Stolpner. M., 2018 (in Russ.).
13. *Gendin A.M.* Social forecasting in the interpretation of Karl Popper // Questions of philosophy. 1969. No. 4. Pp. 111–122 (in Russ.).

14. *Glushachenko S.B., Zelepukin R.V.* Military legal knowledge for future workers in the field of transport (review of the three-volume monograph "Military Law") // *Mir transporta*. 2023. Vol. 21. No. 1 (104). Pp. 134–137. DOI: 10.30932/1992-3252-2021-21-1-16 (in Russ.).
15. *Guseinov A.A.* Morality and law: the line of demarcation // *Lex russica* (Russian law). 2018. No. 8 (141). Pp. 7–22 (in Russ.).
16. *Dakhin A.V.* Political epochs on the scale of historical time: rethinking familiar concepts // *Political conceptology: journal of meta-disciplinary research*. 2022. No. 2. Pp. 14–31. DOI: 10.18522/2218-5518.2022.2.1431 (in Russ.).
17. *Dakhin A.V.* Public organizations: not only the West // *Polis. Political research*. 2018. No. 2. Pp. 184–191. DOI: 10.17976/jpps/2018.02.14 (in Russ.).
18. *Ershov V.V., Kachalov V.I.* Military Law of Russia as a branch of law // *Russ. Justice*. 2023. No. 2. Pp. 106–110 (in Russ.).
19. *Zakhartsev S.I., Salnikov V.P.* XXII century: the law of the future (ideas and reflections) // *Theory of state and law*. 2022. No. 1 (26). Pp. 80–92. DOI: 10.47905/MATGIP.2022.125.1.007 (in Russ.).
20. *Zemlin A.I.* Actual issues of military activity of the state: a legal dimension // *Military Law*. 2022. No. 6 (76). Pp. 233–237 (in Russ.).
21. *Zemlin A.I.* Issues of development of military legal science in the context of modern problems of ensuring national security of Russia // *Military Law*. 2022. No. 5 (75). Pp. 8–14 (in Russ.).
22. *Zemlin A.I.* Problematic issues of legal regulation of relations related to the use of highly automated vehicles // *Journal of Russ. law*. 2022. Vol. 26. No. 12. Pp. 58–69. DOI: 10.12737/jrl.2022.128 (in Russ.).
23. *Isaev V.I., Balchugov S.G., Markov A.M.* Historical and legal analysis of the emergence and development of military law // *Military Historical Journal*. 2024. No. 3 (767). Pp. 116–119 (in Russ.).
24. *Kalinina O.I.* The phenomenon of madness, unreason and power in the philosophy of M. Foucault // *Herald of the Kuzbass State Technical University*. 2010. Pp. 156–158 (in Russ.).
25. *Kartapolov A.V.* The "Forgotten" branch of the Russian legal system "Law of armed conflicts" is being revived with the release of the fundamental scientific work of the three-volume monograph "Military Law" (Some comments in connection with the publication of the three-volume monograph "Military Law") // *State and Law*. 2023. No. 8. Pp. 45–50. DOI: 10.31857/S102694520027225-8 (in Russ.).
26. *Clauzevits K. von.* About the war: in 2 vols. M.; SPb., 2002. Vol. 2 (Ser.: Classical military thought) (in Russ.).
27. *Kokoshin A.A.* On some methodological issues of the study of wars // *Questions of philosophy*. 2020. No. 1. Pp. 5–17. DOI: 10.21146/0042-8744-2020-1-5-17 (in Russ.).
28. *Koryakin V.M.* The current state of Military Law: a new fundamental scientific study // *State and Law*. 2022. No. 1. Pp. 207–210. DOI: 10.31857/S102694520018195-5 (in Russ.).
29. *Kudashkin A., Kholikov I.* The experience of conceptualizing special military operations in modern law // *Paths to peace and security*. 2023. No. 1 (64). Pp. 31–47. DOI: 10.20542/2307-1494-2023-1-31-47 (in Russ.).
30. *Kumanetsky K.* Cultural history of ancient Greece and Rome. M., 1990 (in Russ.).
31. *Kumankov A.D.* War as punishment: historical foundations and current state // *Ethical thought*. 2019. Vol. 19. No. 2. Pp. 137–151 (in Russ.).
32. *Kumankov A.D.* The Kantian project of eternal peace in the context of modern ethical and political concepts of war // *Philosophical Sciences*. 2020. Vol. 63. No. 1. Pp. 85–100 (in Russ.).
33. *Kumankov A.D.* The moral justification of humanitarian intervention in the modern theory of just war // *Philosophical Sciences*. 2020. Vol. 63. No. 11. Pp. 58–73 (in Russ.).
34. *Kumankov A.D.* Philosophy of war: a brief outline of history // *Logos*. 2019. Vol. 29. No. 3 (130). Pp. 99–116 (in Russ.).
35. *Kumankov A.D., Bolshakova V.M., Naumov P. Yu., Novikov N.S.* Dialogue on the meanings of military law and Military Law as values (discussing chapter 5 "The social value of Military Law" of volume I of the monograph "Military Law") // *Law in the Armed Forces – Military Legal Review*. 2022. No. 7 (300). Pp. 2–12 (in Russ.).
36. *Kumankov A.D., Chaganova D.N.* Forgotten ways of peacemaking: a review of the collection "Peace and War: historical, philosophical and anthropological perspectives" // *Herald of the RUDN. Ser.: Philosophy*. 2021. Vol. 25. No. 2. Pp. 355–363 (in Russ.).
37. *Kuttyrev V.A.* The last kiss. Man as a tradition. SPb., 2015 (Series "Bodies of thought") (in Russ.).
38. *Lectorsky V.A.* Transformation of individual and collective memory in the context of global digitalization // *Electronic scientific and educational journal "History"*. 2020. Vol. 11. No. 9 (95). P. 17. DOI: 10.18254/S207987840012305-4 (in Russ.).
39. *Lektorsky V.A., Sadovsky V.N.* On the principles of systems research // *Questions of philosophy*. 1960. No. 8. Pp. 67–79 (in Russ.).
40. *Machiavelli N.* Sovereign. M., 2017 (in Russ.).
41. *Melkov S.A.* Review of a new study of Military Law: a critical view of a political scientist // *Russian Studies in Law and Politics*. 2022. Vol. 6. No. 3–4. Pp. 6–18. DOI: 10.12731/2576-9634-2022-3-4-6-18 (in Russ.).
42. *Nagorny I.A.* The law of armed conflict in the era of global change (some aspects of its place and roles in the light of the publication of the monograph "Military Law") // *State and Law*. 2023. No. 5. Pp. 58–62. DOI: 10.31857/S102694520025649-4 (in Russ.).
43. *Naumov P.* Social functions of private military companies in the context of the transformation of the modern world order // *Paths to peace and security*. 2023. No. 2 (65). Pp. 207–218. DOI: 10.20542/2307-1494-2023-2-207-218 (in Russ.).
44. *Naumov P. Yu., Baranova N.N., Kholikov I.V., Kuptsov S.A.* A comprehensive study of the legal foundations and problematic issues of first aid to military personnel (military personnel) // *Medicine of catastrophes*. 2023. No. 3. Pp. 57–64. DOI: 10.33266/2070-1004-2023-3-57-64 (in Russ.).
45. *Naumov P. Yu., Bolshakova V.M., Zemlin A.I., Kholikov I.V.* Conceptual aspects of the production of medical examinations during judicial appeal of conclusions based on the results of military medical examination // *Siberian Journal of Life Sciences and Agriculture*. 2021. Vol. 13. No. 6. Pp. 283–306. DOI: 10.12731/2658-6649-2021-13-6-283-306 (in Russ.).
46. *Naumov P. Yu., Zakhartsev S.I., Kholikov I.V., Bolshakova V.M.* The value of law and legal values in a globalizing world

- (Axiological review of the book “State and law: human rights and the world order based on the Rule of Law”) // State and Law. 2023. No. 9. Pp. 64–72. DOI: 10.31857/S102694520024304-5 (in Russ.).
47. *Naumov P. Yu., Novikov N.S.* The value system of military service and their bearers // In the world of scientific discoveries. 2015. No. 9–4 (69). Pp. 1375–1380 (in Russ.).
48. *Naumov P. Yu., Kholikov I. V.* Characteristics of the legal foundations of military medical examination in the troops of the National Guard of the Russian Federation // Siberian Journal of Life Sciences and Agriculture. 2023. Vol. 15. No. 1. Pp. 474–493. DOI: 10.12731/2658-6649-2023-15-1-474-493 (in Russ.).
49. *Naumova L. Yu.* Pedagogical stimulation of the formation of the readiness of future lawyers for law-making activities: approaches, stages, means // Herald of the Mininsky University. 2020. Vol. 8. No. 3 (32). P. 4. DOI: 10.26795/2307-1281-2020-8-3-4 (in Russ.).
50. *Naumova L. Yu., Naumov P. Yu., Sorokoumova S.N.* Stimulation and its structure: the problem of pedagogical stimulation of the formation of readiness of future lawyers for law-making activities // Vocational education in the modern world. 2020. Vol. 10. No. 2. Pp. 3736–3745. DOI: 10.15372/PEMW20200211 (in Russ.).
51. *Plato.* Collected works: in 4 vols / general ed. by A.F. Losev and others; note by A.A. Tahoe-Godi. M., 1990–1994 (in Russ.).
52. *Pligin V.N.* Published a fundamental scientific work, which proved Fermat’s “legal theorem”. Military Law: in 3 vols / under the general editorship of A.N. Savenkov, A.V. Kudashkin // State and Law. 2023. No. 3. Pp. 33–39. DOI: 10.31857/S102694520024772-0 (in Russ.).
53. *Povshendnaya F.V., Naumova L. Yu.* Characteristics of pedagogical means of stimulating the formation of readiness of future lawyers for law-making activities // Proceedings of the Baltic State Academy of the Fishing Fleet: psychological and pedagogical sciences. 2021. No. 4 (58). Pp. 87–97. DOI: 10.46845/2071-53312021458-87-97 (in Russ.).
54. *Rozov N.S.* Is the rule of law possible in geopolitics? // Policy. Political research. 2023. No. 1. Pp. 159–172. DOI: 10.17976/jpps/2023.01.12 (in Russ.).
55. *Savenkov A.N., Kudashkin A.V.* Military Law: problem statement and solutions // State and Law. 2021. No. 4. Pp. 7–34. DOI: 10.31857/S102694520014362-9 (in Russ.).
56. *Salnikov V.P., Bolshakova V.M., Zakhartsev S.I.* Institutionalization of Military Law as a branch of law in post-non-classical scientific rationality (review of the monograph “Military Law in 3 volumes. Moscow: Center for Legal Communications, 2022”) // Law. HSE Journal. 2023. No. 1. Pp. 251–261. DOI: 10.17323/2072-8166.2023.1.251.261 (in Russ.).
57. *Smirnov D.V.* The problem of socialization of cadets of the military university of the internal troops of the Ministry of Internal Affairs of Russia // In the world of scientific discoveries. 2013. No. 3–4 (39). Pp. 92–113 (in Russ.).
58. *Stepin V.S.* Features of scientific cognition and criteria of types of scientific rationality // Epistemology and philosophy of science. 2013. Vol. 36. No. 2. Pp. 78–91 (in Russ.).
59. *Sun Tzu.* The Art of war: [with comments and explanations] / transl. from Chinese by V.V. Bashkeev. M., 2019 (in Russ.).
60. *Tushkov A.A.* On the issue of explication of the paradigmatic foundations of Military Law // Law in the Armed Forces – Military Law Review. 2023. No. 3 (308). Pp. 2–14 (in Russ.).
61. *Tushkov A.A.* Theoretical and methodological problems and Military Law (for the publication of the monograph “Military Law”) // State and Law. 2023. No. 5. Pp. 63–67. DOI: 10.31857/S102694520025210-2 (in Russ.).
62. *Frolov I. T.* On life, death and immortality. Sketches of a new (real) humanism. Article One // Questions of philosophy. 1983. No. 1. Pp. 83–97 (in Russ.).
63. *Habermas Yu. Ah, Europe.* Small political works. M., 2012 (in Russ.).
64. *Khintikka Ya.* Philosophical research: problems and prospects // Questions of philosophy. 2011. No. 7. Pp. 3–17 (in Russ.).
65. *Kholikov I.V.* History and theory of Military Law: the first fundamental research // Military Law. 2021. No. 5 (69). Pp. 222–228 (in Russ.).
66. *Kholikov I. V., Bolshakova V. M., Naumov P. Yu., Zelepukin R. V.* Values and meanings of the main judicial act of the XX century: axiological concepts of the book by A.N. Savenkov “Nuremberg: Verdict for Name of Peace” (Discussion materials) // State and Law. 2022. No. 10. Pp. 51–62. DOI: 10.31857/S102694520021788-7 (in Russ.).
67. *Kholikov I. V., Milovanovich A., Naumov P. Yu.* Dynamics of the functioning of International Law in the context of the transformation of the modern world order: a post-non-classical approach // Journal of Russ. law. 2022. Vol. 26. No. 11. Pp. 132–148. DOI: 10.12737/jrl.2022.122 (in Russ.).
68. *Kholikov I.V., Naumov P. Yu., Bolshakova V.M. et al.* Federal State control (supervision) over compliance with legislation in the field of ensuring the safety of fuel and energy complex facilities: a new stage of regulation and law enforcement // Ugol. 2022. No. 10 (1159). Pp. 66–71. DOI: 10.18796/004157902022106671 (in Russ.).
69. *Khomchik V.V.* Monograph “Military Law” provided a theoretical breakthrough in fundamental research of modern problems of military science // State and Law. 2022. No. 3. Pp. 199–203. DOI: 10.31857/S102694520019175-3 (in Russ.).
70. *Chemezov S.V.* A powerful incentive for legal research in military science. Military Law: in 3 vols / under the general editorship of A.N. Savenkov and A.V. Kudashkin (Moscow: Center for Legal Communications, 2021–2022) // State and Law. 2023. No. 3. Pp. 27–32. DOI: 10.31857/S102694520024771-9 (in Russ.).
71. *Chukin S.G.* “Good society” and its opponents: on the problem of conceptualization of values in social science // Questions of philosophy. 2009. No. 5. Pp. 36–46 (in Russ.).
72. *Chumakov A.N.* Globalization as a catalyst for the development and decline of empires // The age of globalization. 2022. No. 3 (43). Pp. 3–17. DOI: 10.30884/vglob/2022.03.01 (in Russ.).
73. *Chumakov A.N., Korolev A.D., Dakhin A. V.* Philosophy in the modern world: a dialogue of worldviews // Questions of philosophy. 2013. No. 1. Pp. 3–16 (in Russ.).
74. *Yudin B. G.* Science and life in the context of modern technologies // Man. 2005. No. 6. Pp. 5–25 (in Russ.).
75. *Yatskin A. V.* The search for the “legal Grail” has been completed (Reflections on the fields of fundamental research “Military Law” in the era of transformation of the current world order) // State and Law. 2023. No. 6. Pp. 51–55. DOI: 10.31857/S102694520025954-0 (in Russ.).

Сведения об авторах

ХОЛИКОВ Иван Владимирович –
доктор юридических наук, профессор,
главный научный сотрудник центра
международного права
и сравнительно-правовых исследований,
профессор кафедры международного права
Института законодательства
и сравнительного правоведения
при Правительстве Российской Федерации;
117218 г. Москва, ул. Б. Черемушкинская, д. 34
ORCID: 0000-0003-0421-5829

ДАХИН Андрей Васильевич –
доктор философских наук, профессор,
профессор кафедры истории
и теории государства и права
Нижегородского института управления –
филиал Российской академии народного
хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации;
603950 г. Нижний Новгород,
проспект Гагарина, д. 46;
член Российского философского общества
ORCID: 0000-0001-5907-706X

КУМАНЬКОВ Арсений Дмитриевич –
кандидат философских наук, доцент,
заместитель декана по науке, доцент
Школы философии и культурологии
факультета гуманитарных наук
Национального исследовательского
университета «Высшая школа экономики»;
101000 г. Москва, ул. Мясницкая, д. 20
ORCID: 0000-0002-8951-4707

НАУМОВ Петр Юрьевич –
кандидат педагогических наук,
помощник начальника госпиталя
по правовой работе – начальник отделения
правового обеспечения Главного военного
клинического госпиталя войск
национальной гвардии Российской Федерации;
143914 Московская область, г. Балашиха,
микрорайон Никольско-Архангельский,
Вишняковское шоссе, вл. 101
ORCID: 0000-0002-2875-2322

НОВИКОВ Николай Сергеевич –
кандидат философских наук,
профессор кафедры гуманитарных
и социальных наук Новосибирского военного
ордена Жукова института им. генерала армии
И. К. Яковлева войск национальной гвардии
Российской Федерации; 630114 г. Новосибирск,
ул. Ключ-Камышенское плато, д. 6/2

Authors' information

KHOLIKOV Ivan V. –
Doctor of Law, Professor,
Chief Researcher of International Law Section,
Professor of the Chair of International
and European Law,
Institute of Legislation and Comparative Law
under the Government of the Russian Federation;
34 B. Cheremushkinskaya str.,
117218 Moscow, Russia

DAKHIN Andrey V. –
Doctor of Philosophy, Professor,
Professor of the Department of History and Theory
of State and Law, Nizhny Novgorod Institute
of Management – Branch of the Russian Academy
of National Economy and Public Administration
under the President of the Russian Federation;
46 Gagarin Ave., 603950 Nizhny Novgorod, Russia;
member of the Russian philosophical society

KUMANKOV Arseniy D. –
Candidate of Philosophy, Associate Professor,
Deputy Dean for Science, Associate Professor
of the School of Philosophy and Cultural Studies,
Faculty of Humanities,
National Research University
Higher School of Economics; 20 Myasnitskaya str.,
101000 Moscow, Russia

NAUMOV Petr Yu. –
Candidate of Pedagogical Sciences,
Assistant Head of the Hospital for Legal Affairs –
Head of the Department of Legal Support, Main
Military Clinical Hospital of the National Guard
Troops of the Russian Federation;
property 101 Vishnyakovskoye Highway,
Nikolsko-Arkhangelsky Microdistrict,
143914 Balashikha, Moscow Region, Russia

NOVIKOV Nikolay S. –
Candidate of Philosophical Sciences,
Professor of the Department of Humanities
and Social Sciences, General of the Army
I. K. Yakovlev Novosibirsk Military Order
of Zhukov Institute of the National Guard Troops
of the Russian Federation;
6/2 Klyuch-Kamyshenskoe
plateau str., 630114 Novosibirsk, Russia

ОСОБЕННОСТИ ПОСТУПЛЕНИЯ НА ГОСУДАРСТВЕННУЮ ГРАЖДАНСКУЮ СЛУЖБУ В НОВЫХ СУБЪЕКТАХ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

© 2024 г. М. В. Пресняков

Поволжский институт управления им. П.А. Столыпина – филиал РАНХиГС, г. Саратов

E-mail: m.v.presnyakov@yandex.ru

Поступила в редакцию 02.10.2023 г.

Аннотация. В статье сфокусировано внимание на значимом в 2022 г., в том числе для юриспруденции, событии: в состав Российской Федерации вошли четыре новые территории и были образованы четыре новых субъекта Российской Федерации. В настоящее время решаются многие важнейшие задачи, связанные с формированием органов публичной власти в этих субъектах Российской Федерации. В этом смысле значимым является адаптация существовавших на этих территориях служебных отношений к российской правовой системе. Такие задачи не могут быть решены одномоментно, поэтому действующее законодательство предусматривает различные переходные периоды для «отладки» правового регулирования институтов государственной службы на территории новых субъектов Российской Федерации. В данной статье речь идет о реализации на новых территориях права поступления на гражданскую службу, которое является важной составляющей конституционного права на участие в управлении государством. В частности, автор анализирует переходные положения, которые действуют на территории указанных субъектов, отмечает противоречия и нестыковки с действующим федеральным законодательством. В статье прогнозируются проблемы, которые могут иметь место по истечении переходного периода и высказываются предложения по их устранению.

Ключевые слова: гражданская служба, поступление, условия, ограничения, право поступления, новые территории, особый порядок, переходный период, квалификационные требования.

Цитирование: Пресняков М. В. Особенности поступления на государственную гражданскую службу в новых субъектах Российской Федерации // Государство и право. 2024. № 6. С. 93–101.

DOI: 10.31857/S1026945224060077

FEATURES OF ADMISSION TO THE STATE CIVIL SERVICE IN NEW SUBJECTS OF THE RUSSIAN FEDERATION

© 2024 М. В. Presnyakov

Stolypin Volga Region Institute of Management – Branch of the RANEPA, Saratov

E-mail: m.v.presnyakov@yandex.ru

Received 02.10.2023

Abstract. In 2022, a very significant event took place, including for jurisprudence: the Russian Federation included four new territories and four new constituent entities of the Russian Federation were formed. Currently, many of the most important tasks related to the formation of public authorities in these entities are being solved. In this sense, the adaptation of official relations existing in these territories to the Russian legal system is significant. Such tasks cannot be solved simultaneously, therefore, the current legislation provides for different transitional periods for “debugging” the legal regulation of public service institutions on the territory of new constituent entities of the Russian Federation. This article deals with the realization in the new territories of the right to enter the civil service, which is an important component of the constitutional right to participate in the management of the state. In particular, the author analyzes the transitional provisions that operate on the territory of these subjects, notes contradictions and inconsistencies with the current federal legislation. The article predicts problems that may occur after the transition period and makes proposals for their elimination.

Key words: civil service, admission, conditions, restrictions, right of admission, new territories, special order, transition period, qualification requirements.

For citation: Presnyakov, M.V. (2024). Features of admission to the state civil service in new subjects of the Russian Federation // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 6, pp. 93–101.

Введение

В октябре 2022 г. было принято четыре Федеральных конституционных закона о принятии в состав Российской Федерации новых территорий: Донецкой Народной Республики, Луганской Народной Республики, Запорожской области и Херсонской области. Очевидно, что новым субъектам Российской Федерации предстоит длительная адаптация к российской правовой системе и в этой связи указанные законы содержат ряд положений переходного характера, в том числе регламентирующие формирование и деятельность публичных органов власти. В этом ряду находится и правовое регулирование государственной гражданской службы на территориях указанных субъектов Российской Федерации¹. Указанными Законами, а также принятым 6 декабря 2022 г. Указом Президента РФ № 886² предусматривается значительная специфика замещения должностей государственной службы на территориях Донецкой Народной Республики, Луганской Народной Республики, Запорожской области и Херсонской области. В данной статье мы подробно остановимся на реализации права поступления на государственную гражданскую службу на территории указанных субъектов Российской Федерации.

В соответствии со ст. 21 Федерального закона от 27 июля 2004 г. № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации»³

¹ См.: Чаннов С.Е. Государственная и муниципальная служба на новых территориях Российской Федерации // Административное право и процесс. 2023. № 10.

² См.: Указ Президента РФ от 06.12.2022 № 886 «Об особенностях замещения государственных и муниципальных должностей, должностей государственной и муниципальной службы на территориях Донецкой Народной Республики, Луганской Народной Республики, Запорожской области и Херсонской области» // СЗ РФ. 2022. № 50 (ч. III), ст. 8894.

³ См.: СЗ РФ. 2004. № 31, ст. 3215.

правом поступления на гражданскую службу обладает лицо при одновременном наличии следующих условий: а) гражданство Российской Федерации; б) достижение возраста 18 лет; в) соответствие установленным квалификационным требованиям.

Гражданство Российской Федерации

Наличие гражданства Российской Федерации традиционно рассматривается как «гарантия необходимой лояльности знаний и связей с населением, которое требуется для надлежащего выполнения государственных функций и снижения риска вмешательства иностранного государства»⁴. В этой связи право поступления на государственную службу (за исключением военной) предоставляется только гражданам Российской Федерации.

Однако в отношении военной службы действующее законодательство содержит исключение из этого общего правила, поскольку согласно Федеральному закону от 28 марта 1998 г. № 53-ФЗ «О воинской обязанности и военной службе» прохождение военной службы на некоторых должностях (солдаты, матросы, сержанты и старшины) допускается в отношении граждан, имеющих гражданство иностранного государства и даже иностранных граждан, не имеющих российского гражданства. Как отмечается специалистами, данная практика является распространенной и общепризнанной и в зарубежных государствах (Королевстве Саудовская Аравия, Объединенных Арабских Эмиратах, Индии, Франции, Соединенном Королевстве и США)⁵.

⁴ Гренендейк К. Применение права Европейского сообщества в странах ЕС: на примере допуска к государственной службе // Вестник Московского ун-та. Сер. 11: Право. 1996. № 2. С. 65.

⁵ См.: Щукин А. В. Проблемы совершенствования законодательства о военной службе иностранных граждан в Российской Федерации // Право в Вооруженных Силах. 2007. № 8. С. 2.

Между тем названным выше Указом Президента РФ № 886 предусматривается, что должности государственной и муниципальной службы замещаются гражданами Российской Федерации, если иное не предусмотрено законодательством Российской Федерации. Данная норма предполагает, что это требование распространяется на все виды государственной службы на территории субъектов Российской Федерации, т.е. в том числе и на военную. Представляется, что подобное решение данного вопроса является нецелесообразным и неоправданным с позиции социально-территориального равенства.

В соответствии с Федеральными конституционными законами о принятии в состав Российской Федерации Донецкой Народной Республики, Луганской Народной Республики, Запорожской области и Херсонской области № 5-ФКЗ, № 6-ФКЗ, № 7-ФКЗ, № 8-ФКЗ граждане Луганской Народной Республики, граждане Украины и лица без гражданства, постоянно проживавшие на этот день (30 сентября 2022 г.) на указанных территориях или ранее постоянно проживавшие на них и выехавшие в Российскую Федерацию, а также их несовершеннолетние дети приобретают гражданство Российской Федерации в результате признания их гражданами Российской Федерации при условии принесения Присяги гражданина Российской Федерации.

Паспорт гражданина Российской Федерации выдается федеральным органом исполнительной власти в сфере внутренних дел или его территориальными органами со дня принятия в Российскую Федерацию. Порядок подачи заявления о выдаче паспорта, форма заявления, перечень представляемых документов и срок оформления паспорта установлены Указом Президента РФ от 26 декабря 2022 г. № 951 «О некоторых вопросах приобретения гражданства Российской Федерации»⁶.

По законодательству Российской Федерации на государственную гражданскую службу не может поступить лицо, имеющее гражданство иностранного государства либо вид на жительство или иной документ, подтверждающий право на постоянное проживание на территории иностранного государства. «Причиной введения указанных ограничений явилось то, что лицо, у которого помимо российского гражданства есть также гражданство иностранного государства, имеет определенную связь с этим государством, в гражданстве которого оно состоит. У такого лица имеются различные обязательства не только перед Россией, но и перед другим государством»⁷.

⁶ См.: СЗ РФ. 2023. № 1 (ч. I), ст. 189.

⁷ Гасанов Ю.А. Конституционные угрозы двойного гражданства // Конституционное и муниципальное право. 2019. № 4. С. 42–51.

Между тем следует понимать, что в одностороннем порядке, т.е. без подтверждения со стороны иностранного государства, лицо не может отказаться от его гражданства. «Самодействие по письменному уведомлению органов МВД России об отказе от гражданства Украины не может означать реальный выход лица из гражданства Украины, поскольку уведомление сделано в одностороннем порядке, решение государственных органов Украины отсутствует»⁸. Учитывая существующую политическую ситуацию, реально прекратить украинское гражданство для жителей новых субъектов Российской Федерации оказывается невозможным. Поэтому действующим законодательством предусматривается, что в случае наличия гражданства Украины для поступления на государственную гражданскую службу лицо должно подать заявление о нежелании состоять в гражданстве Украины. Порядок подачи и учета заявлений о нежелании состоять в гражданстве Украины утвержден Указом Президента РФ от 26 декабря 2022 г. № 951. МВД России и его территориальные органы выдают справку, подтверждающую принятие заявления. Таким образом, при подаче документов для приема на государственную гражданскую службу гражданин должен представить и соответствующую справку.

И вот здесь уже начинаются определенные проблемы, связанные с неудачными законодательными дефинициями. Данная проблема возникла еще в связи с принятием в состав Российской Федерации Республики Крым. Федеральным конституционным законом от 21 марта 2014 г. № 6-ФКЗ «О принятии в Российскую Федерацию Республики Крым и образовании в составе Российской Федерации новых субъектов – Республики Крым и города федерального значения Севастополя»⁹ было предусмотрено, что граждане Российской Федерации, признанные таковыми в связи с принятием Республики Крым в состав Российской Федерации, могут подать заявление об отказе от гражданства Украины, и в этом случае они признаются гражданами Российской Федерации, не имеющими гражданства Украины, соответственно, имеющими право поступления на государственную службу.

ФИОЗ обратился в суд с иском к Управлению по вопросам миграции МВД по Республике Крым, МВД по Республике Крым о признании ответа от 20 мая 2020 г., предоставленного Управлением по вопросам миграции МВД по Республике Крым, незаконным; признании истца лицом, отказавшимся от гражданства Украины (прошедшим процедуру отказа от гражданства

⁸ Никитина Е.Е. Законодательство о гражданстве и совершенствование миграционной политики Российской Федерации // Журнал росс. права. 2019. № 7. С. 30–42.

⁹ См.: СЗ РФ. 2014. № 12, ст. 1201.

Украины) и не имеющим гражданства иностранного государства.

Истец в связи с желанием поступить на государственную гражданскую службу подал заявление об отказе от украинского гражданства, однако получил отказ в выдаче ему справки или иного документа, посредством которого он мог бы подтвердить факт отказа от гражданства Украины. Все судебные инстанции отказали ему в удовлетворении иска на том основании, что он получил российское гражданство не при присоединении Республики Крым, а еще до этого – в упрощенном порядке согласно Федеральному закону от 31 мая 2002 г. № 62-ФЗ «О гражданстве Российской Федерации». Четвертый кассационный суд общей юрисдикции подтвердил их решения на том основании, в названном выше конституционном законе речь идет именно о гражданах, получивших гражданство в связи с вхождением Крыма в состав Российской Федерации в «автоматическом» порядке¹⁰.

Возникает противоречивая ситуация: если гражданство Российской Федерации появилось автоматически в связи с принятием Крыма в состав Российской Федерации, то справку об отказе выдадут, а если лицо уже имело гражданство России до этого – нет! Это ставит в различное положение граждан, находящихся в сходных условиях из-за некорректных формулировок норм закона. И ситуация не изменилась в связи с принятием Федеральных конституционных законов о включении в состав Российской Федерации новых субъектов в 2022 г. Так, в Указе Президента РФ от 26 декабря 2022 г. № 951 говорится, что заявление об отказе от гражданства Украины подается гражданами, «которые приобрели гражданство Российской Федерации в соответствии со статьей 5 Федерального конституционного закона от 4 октября 2022 г. № 5-ФКЗ “О принятии в Российскую Федерацию Донецкой Народной Республики и образовании в составе Российской Федерации нового субъекта – Донецкой Народной Республики”», и т.п.

Несомненно, указанные формулировки необходимо изменить (достаточно только в Указе Президента РФ), предусмотрев право любого гражданина имеющего и российское и украинское гражданство отказаться от последнего, поскольку ординарная процедура отказа в существующей политической обстановке невозможна.

Возрастные пределы

Действующим законодательством установлен не только минимальный (18 лет), но и максимальный возраст поступления на гражданскую службу.

¹⁰ См.: Определение Четвертого кассационного суда общей юрисдикции от 29.06.2021 г. по делу № 88-16230/2021 // В официальных источниках опубликовано не было.

Так, нельзя заключить служебный контракт с лицом, достигшим предельного возраста пребывания на государственной гражданской службе – 65 лет¹¹. Федеральные конституционные законы о принятии в состав Российской Федерации новых субъектов устанавливают, что в течение переходного периода по достижении гражданином предельного возраста пребывания на государственной гражданской или муниципальной службе по решению представителя нанимателя и с согласия данного гражданина он вправе замещать должность государственной гражданской или муниципальной службы до достижения им возраста 70 лет. Переходный период установлен до 1 января 2026 г.

Указанная норма касается и тех лиц, которые уже замещали должности в органах публичной власти соответствующих территорий на день принятия их в Российскую Федерацию. Однако при этом следует иметь в виду, что данная норма касается только тех лиц, которые уже находятся на государственной гражданской службе, но не поступающих на службу, т.е. гражданин, достигший 65 лет, не вправе претендовать на замещение должности.

Между тем действующим законодательством предусмотрено, что те лица, которые исполняют свои полномочия до завершения формирования органов публичной власти указанных республик и областей имеют преимущественное право на поступление на государственную и муниципальную службу в органы публичной власти соответствующих регионов. С.Е. Чаннов, рассматривая данную норму указывает, что такое преимущественное право носит абсолютный характер, т.е. «если на подобную вакантную должность будут претендовать два кандидата, один из которых замещал должность в органах публичной власти новых территорий на день их принятия в состав Российской Федерации, а второй – не замещал, то решение должно быть вынесено в пользу первого, даже если он обладает более низким уровнем образования, стажа и квалификации, чем второй»¹². Тем не менее указанные лица также должны соответствовать установленным возрастным пределам и не могут поступить на службу по достижении предельного возраста.

Соответствие квалификационным требованиям к должностям государственной службы

Квалификационные требования устанавливаются: а) к уровню профессионального образования; б) стажу гражданской службы или работы по специальности; в) профессиональному уровню.

¹¹ См.: Пресняков М.В. Проблемы прекращения служебных отношений в связи с достижением предельного возраста // Журнал росс. права. 2023. Т. 27. № 9. С. 66–75.

¹² Чаннов С.Е. Указ. соч. С. 13.

Требования к уровню профессионального образования установлены по категориям и группам должностей.

Для замещения должностей гражданской службы категорий «руководители», «помощники (советники)», «специалисты» высшей и главной групп должностей гражданской службы обязательно наличие высшего образования не ниже уровня специалитета, магистратуры.

Для замещения должностей гражданской службы категорий «руководители», «помощники (советники)» ведущей группы должностей гражданской службы, категорий «специалисты» ведущей и старшей групп должностей гражданской службы, а также категорий «обеспечивающие специалисты» главной и ведущей групп должностей гражданской службы обязательно наличие высшего образования, включая бакалавриат.

Для замещения должностей гражданской службы категорий «обеспечивающие специалисты» старшей и младшей групп должностей гражданской службы обязательно наличие профессионального образования, т.е. замещение таких должностей возможно при отсутствии высшего образования.

Федеральные конституционные законы о принятии в состав Российской Федерации новых субъектов Российской Федерации предусматривают, что в России признаются и действуют без ограничения срока действия и какого-либо подтверждения со стороны государственных органов Российской Федерации документы об образовании, выданные уполномоченными органами и организациями Украины или государственными органами соответствующих территорий. При этом Федеральным законом от 17 февраля 2023 г. № 19-ФЗ «Об особенностях правового регулирования отношений в сферах образования и науки в связи с принятием в Российскую Федерацию Донецкой Народной Республики, Луганской Народной Республики, Запорожской области, Херсонской области и образованием в составе Российской Федерации новых субъектов – Донецкой Народной Республики, Луганской Народной Республики, Запорожской области, Херсонской области и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» установлено соответствие образовательных, образовательно-квалификационных уровней, ученых степеней и ученых званий.

Уровни образования в ДНР и ЛНР в целом соответствуют российским: бакалавриат, специалитет, магистратура. На территориях Запорожской и Херсонской области до дня их принятия в Российскую Федерацию существовала трехуровневая система профессионального образования. В этой связи в соответствии с названным выше законом

предусматривается, что начальный уровень (короткий цикл) высшего образования приравнивается к высшему образованию – бакалавриату; первый (бакалаврский) уровень высшего образования – к высшему образованию – специалитету; второй (магистерский) уровень высшего образования – к высшему образованию – магистратуре.

Требования к стажу гражданской службы или работы по специальности, направлению подготовки, который необходим для замещения должностей федеральной гражданской службы, устанавливаются Указом Президента РФ, а для замещения должностей гражданской службы субъектов Российской Федерации – законами субъектов Российской Федерации.

Так, Законом Луганской Народной Республики от 28 апреля 2023 г. № 434-III «О государственной гражданской службе Луганской Народной Республики»¹³ и Законом Донецкой Народной Республики от 17 мая 2023 г. № 446-III «О государственной гражданской службе Донецкой Народной Республики»¹⁴ предусмотрены следующие требования: для высших должностей гражданской службы – не менее четырех лет стажа гражданской службы или работы по специальности, направлению подготовки; главных должностей гражданской службы – не менее двух лет стажа гражданской службы или работы по специальности, направлению подготовки; ведущих, старших и младших должностей гражданской службы – без предъявления требований к стажу.

Данные требования соответствуют квалификационным требованиям к стажу, установленным Указом Президента РФ от 16 января 2017 г. № 16¹⁵ для федеральных гражданских служащих.

При этом открытым остается вопрос о зачете в стаж государственной службы тех периодов, когда соответствующие территории входили в состав Украины. Закон ЛНР «О гражданской службе» об этом умалчивает, а соответствующий Закон ДНР прямо перечисляет периоды замещения должностей, которые включаются в стаж, не называя государственную гражданскую службу до вхождения Донецкой Народной Республики в состав Российской Федерации. Еще более остро данная проблема стоит в Запорожской и Херсонской области, которые

¹³ См.: Официальный сайт Народного совета ЛНР (28.04.2023).

¹⁴ См.: Официальный сайт Народного совета ДНР (17.05.2023).

¹⁵ См.: Указ Президента РФ от 16.01.2017 № 16 «О квалификационных требованиях к стажу государственной гражданской службы или стажу работы по специальности, направлению подготовки, который необходим для замещения должностей федеральной государственной гражданской службы // СЗ РФ. 2017. № 4, ст. 640.

проводили свою независимость только в 2022 г., а до этого юридически входили в состав Украины.

Как представляется, необходимо предусмотреть в действующем законодательстве включение в стаж гражданской службы периодов замещения должностей государственной службы в составе Украины, а также должностей государственной службы ДНР и ЛНР до их принятия в состав Российской Федерации. В практическом плане до внесения в законодательство таких положений можно порекомендовать включать соответствующие периоды в стаж работы по специальности.

Некоторые специалисты полагают, что включение в стаж государственной службы периодов работы по специальности неоправданно, поскольку позволяет назначать на должности лиц, ни одного дня не проработавших в системе государственной службы¹⁶. Другие отмечают, что нормы предусмотрены и в законодательстве ряда зарубежных государств¹⁷ и позволяют привлекать на гражданскую службу высококвалифицированных специалистов, имеющих стаж работы по специальности, направлению подготовки без учета стажа гражданской службы¹⁸.

Так, например, Положением о государственной гражданской службе Херсонской области, утвержденным Указом временно исполняющего обязанности губернатора Херсонской области от 1 июня 2023 г. № 01-у¹⁹, предусмотрено включение в стаж государственной службы периодов работы гражданина (гражданского служащего), при выполнении которой были получены знания и навыки необходимые для исполнения должностных обязанностей для должности гражданской службы. Последнее может иметь место, например, в тех случаях, когда лицо не состояло на государственной службе, но исполняло те же функциональные обязанности.

Квалификационные требования к профессиональному уровню были предусмотрены Федеральным законом от 29 декабря 2022 г. № 645-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон “О государственной гражданской службе Российской Федерации”»²⁰.

Указанным Законом было введено понятие «профессиональный уровень» – уровень знаний и умений гражданина, претендующего на замещение

¹⁶ См.: Матирко В.И. Проблемы кадровой политики в государственном аппарате: учеб. пособие. М., 1996.

¹⁷ См.: Государственная служба: карьера и профессиональный рост. Зарубежный опыт. М., 1996. Вып. 14.

¹⁸ См.: Башуров В.Б., Косицин И.А. Квалификационные требования для замещения должности государственной гражданской службы Российской Федерации // Вестник Омской юридической академии. 2017. № 2. С. 82–86.

¹⁹ См.: Официальный сайт Херсонской области (01.06.2023).

²⁰ См.: СЗ РФ. 2023. № 1 (ч. I), ст. 92.

должности государственной гражданской службы, гражданского служащего, необходимых для исполнения должностных обязанностей. Такие квалификационные требования к знаниям и умениям, которые существовали до принятия данного Закона, вошли в квалификационные требования к профессиональному уровню. Указанные квалификационные требования должны устанавливаться должностным регламентом в зависимости от категории и группы должностей гражданской службы, области и вида профессиональной служебной деятельности гражданского служащего.

Нормативным актом государственного органа могут быть предусмотрены также *квалификационные требования к специальности, направлению подготовки*, которые необходимы для замещения должности гражданской службы. Указанные требования включаются в должностной регламент гражданского служащего.

При этом в течение переходного периода допускается принимать на государственную службу и тех граждан, которые не соответствуют установленным квалификационным требованиям, с тем отличием, что с ними должен заключаться срочный служебный контракт на срок не более года и не более трех раз подряд.

Необходимо обратить внимание, что если в нарушение требований закона на государственную гражданскую службу было принято лицо, не соответствующее установленным квалификационным требованиям, то служебный контракт с ним следует прекращать в соответствии с п. 11 ст. 33 Закона о государственной гражданской службе Российской Федерации в связи с нарушением установленных федеральным законом обязательных правил заключения служебного контракта, если это нарушение исключает возможность замещения должности гражданской службы. Основания и порядок такого увольнения предусматриваются ст. 40 данного Закона.

Очевидно, если с лицом, которое, как выяснилось впоследствии, не соответствует квалификационным требованиям, был заключен служебный контракт на неопределенный срок, то его также можно расторгнуть в связи с нарушением установленных федеральным законом обязательных правил заключения.

Сложности здесь возникают при несоответствии квалификационным требованиям к стажу государственной службы или профессиональному уровню. Указанные квалификационные требования устанавливаются не федеральным законом, а ст. 40 называет в качестве основания прекращения служебного контракта нарушение правил его заключения, установленных именно федеральным законом.

По нашему мнению, следует скорректировать положения ст. 33 и 40 Федерального закона о государственной гражданской службе и предусмотреть, что контракт прекращается в случае нарушения обязательных правил его заключения, предусмотренных нормативно-правовыми актами, как это сделано в отношении требований к образованию.

Ограничения, связанные с прохождением государственной гражданской службы

Такие ограничения выступают «негативным» условием поступления на гражданскую службу, т.е. при их наличии гражданину должно быть отказано в приеме на службу. Общий перечень ограничений, связанных с гражданской службой, содержится в ст. 16 Федерального закона о государственной гражданской службе Российской Федерации.

Однако в данном случае следует иметь в виду, что согласно ст. 6 Федерального конституционного закона от 4 октября 2022 г. № 5-ФКЗ «О принятии в Российскую Федерацию Донецкой Народной Республики и образовании в составе Российской Федерации нового субъекта – Донецкой Народной Республики» (и аналогичных законов в отношении других субъектов, вошедших в состав Российской Федерации) ограничения, запреты и требования, связанные с замещением государственных и муниципальных должностей, должностей государственной и муниципальной службы, предусмотренные законодательством Российской Федерации, не действуют на территории Донецкой Народной Республики в течение переходного периода, т.е. до 1 января 2026 г.

Исключением из этого правила является перечень ограничений, предусмотренный Указом Президента РФ от 6 декабря 2022 г. № 886 «Об особенностях замещения государственных и муниципальных должностей, должностей государственной и муниципальной службы на территориях Донецкой Народной Республики, Луганской Народной Республики, Запорожской области и Херсонской области».

Способ их изложения представляется неудачным: дело в том, что ограничения прав и свобод (в том числе право на доступ к государственной службе) в силу с. 55 Конституции РФ могут устанавливаться исключительно федеральным законом, но не Указом Президента РФ. Однако необходимо отметить, что названный Указ не вводит новые ограничения, а фактически блокирует существующие, поэтому с формально-юридической точки зрения было бы более удачным решение не воспроизводить в тексте Указа существующие ограничения, связанные с государственной гражданской службой, а указать, какие ограничения, предусмотренные федеральным законодательством в течение переходного периода, не распространяются

на служебные отношения на территории новых субъектов Российской Федерации.

Указ Президента РФ от 6 декабря 2022 г. № 886 закрепляет, что гражданин не может поступить на государственную службу, а гражданский служащий находиться на службе при наличии следующих обстоятельств: а) признание его недееспособным или ограниченно дееспособным решением суда Российской Федерации, Донецкой Народной Республики или Луганской Народной Республики, вступившим в законную силу; б) осуждение его к наказанию, исключающему возможность исполнения полномочий (должностных обязанностей), по приговору суда Российской Федерации, Донецкой Народной Республики или Луганской Народной Республики, вступившему в законную силу, а также наличия судимости, не снятой или не погашенной в порядке, установленном федеральным законом, законодательством Донецкой Народной Республики или законодательством Луганской Народной Республики; в) отказ гражданина от прохождения процедуры оформления допуска к государственной тайне, если исполнение полномочий (должностных обязанностей) по должности, на замещение которой претендует гражданин, или по замещаемой должности связано с доступом к сведениям, составляющим государственную тайну; г) представления подложных документов или заведомо ложных сведений при назначении на должность.

Заметим, что указанные положения прямо не называются ограничениями, связанными с государственной гражданской службой, поэтому в случае их несоблюдения служебный контракт не может быть расторгнут по п. 13 части 1 ст. 33 Федерального закона о государственной гражданской службе Российской Федерации, т.е. в связи с несоблюдением ограничений и невыполнением обязательств, установленных федеральными законами. В данном случае необходимо использовать иные основания увольнения, предусмотренные данным законом. Например, в случае предоставления гражданским служащим подложных документов или заведомо ложных сведений служебный контракт может быть с ним расторгнут в соответствии с п. 7 ч. 1 ст. 37 (по инициативе представителя нанимателя).

Кстати, указанная проблема не возникла бы, если бы Указом Президента РФ не вводились ограничения (которые и так уже предусмотрены законодательством), а исключались существующие, применение которых на новых территориях в течение переходного периода не допускается. В этом случае служебный контракт мог быть расторгнут в связи с нарушением обязательных правил его заключения, установленных федеральным законом. А в существующей ситуации мы вновь возвращаемся к необходимости коррекции п. 11 ст. 33

и ст. 40 Федерального закона о государственной гражданской службе, о чем уже говорили выше.

Остальные ограничения, предусмотренные Федеральным законом о государственной гражданской службе, применяться не должны. Однако названным выше Указом Президента РФ исключается возможность замещения должности гражданской службы лицом, имеющим гражданство другого государства (при отсутствии справки, подтверждающей подачу заявления о нежелании состоять в гражданстве Украины). Предусмотрено также, что гражданин не может быть принят на государственную службу, государственный служащий не может находиться на службе в случае наличия заболевания, препятствующего поступлению на государственную или муниципальную службу либо ее прохождению и подтвержденного заключением медицинской организации.

Кроме того, с 1 января 2024 г. на граждан, претендующих на замещение должностей государственной службы, распространяются предусмотренные законодательством о противодействии коррупции требования о представлении сведений о своих доходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера, а также о доходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера своих супруг (супругов) и несовершеннолетних детей. До этого времени требовать от поступающих на гражданскую службу указанных документов нельзя.

Следует иметь в виду, что до 1 января 2026 г. нельзя отказать гражданину в приеме на государственную службу в связи с наличием близкого родства или свойства (родители, супруги, дети, братья, сестры, а также братья, сестры, родители, дети супругов и супруги детей) с гражданским служащим, если замещение должности гражданской службы связано с непосредственной подчиненностью или подконтрольностью одного из них другому.

Кроме того, до этого срока недопустимо требовать от гражданина, поступающего на службу (гражданского служащего), предоставления сведений об адресах сайтов и (или) страниц сайтов в сети Интернет, на которых они размещали общедоступную информацию, а также данные, позволяющие их идентифицировать.

Нельзя отказать в приеме на службу гражданину, который не прошел военную службу по призыву, не имея на то законных оснований.

Наконец, Указ Президента РФ от 6 декабря 2022 г. № 886 в силу даты его издания не учел новое ограничение, которое было установлено Федеральным законом от 5 декабря 2022 г. № 498-ФЗ – признание лица иностранным агентом. Соответственно, доступ к государственной гражданской службе

на территории новых субъектов Российской Федерации иностранным агентам не закрыт. Однако следует учитывать, что этим же Федеральным законом было предусмотрено и дополнительное основание прекращения служебного контракта по п. 6 ч. 2 ст. 39 Закона о государственной гражданской службе – приобретение гражданским служащим статуса иностранного агента. Получается, что отказать в приеме на гражданскую службу данному гражданину нельзя, но сразу после назначения его на должность служебный контракт с ним необходимо прекратить, поскольку упомянутая норма ст. 39 носит императивный характер («служебный контракт прекращается»).

Кроме того, необходимо учитывать, что ограничения, связанные с государственной гражданской службой, установленные федеральным законом, не применяются на территории новых субъектов Российской Федерации временно – до 1 января 2026 г., после чего они полностью вступят в действие. При этом такое основание увольнения как несоблюдение ограничений никуда не денется. Получится, что лица, принятые на службу в период моратория в отношении этих ограничений, должны будут быть уволены по п. 13 ч. 1 ст. 33 Федерального закона о государственной гражданской службе. Например, в связи с наличием близкого родства или свойства на соподчиненных должностях или в связи с непрохождением службы по призыву без достаточных оснований.

* * *

Таким образом, существующие переходные положения в отношении реализации права поступления на государственную службу нуждаются в совершенствовании, в том числе и посредством согласования с федеральным законодательством, действующим на всей территории Российской Федерации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Башуров В.Б., Косицин И.А.* Квалификационные требования для замещения должности государственной гражданской службы Российской Федерации // Вестник Омской юридической академии. 2017. № 2. С. 82–86.
2. *Гасанов Ю.А.* Конституционные угрозы двойного гражданства // Конституционное и муниципальное право. 2019. № 4. С. 42–51.
3. Государственная служба: карьера и профессиональный рост. Зарубежный опыт. М., 1996. Вып. 14.
4. *Гренендейк К.* Применение права Европейского сообщества в странах ЕС: на примере допуска к государственной службе // Вестник Московского ун-та. Сер. 11: Право. 1996. № 2. С. 65.

5. *Матирко В.И.* Проблемы кадровой политики в государственном аппарате: учеб. пособие. М., 1996.
6. *Никитина Е.Е.* Законодательство о гражданстве и совершенствование миграционной политики Российской Федерации // Журнал росс. права. 2019. № 7. С. 30–42.
7. *Пресняков М.В.* Проблемы прекращения служебных отношений в связи с достижением предельного возраста // Журнал росс. права. 2023. Т. 27. № 9. С. 66–75.
8. *Чаннов С.Е.* Государственная и муниципальная служба на новых территориях Российской Федерации // Административное право и процесс. 2023. № 10. С. 13.
9. *Шукин А.В.* Проблемы совершенствования законодательства о военной службе иностранных граждан в Российской Федерации // Право в Вооруженных Силах. 2007. № 8. С. 2.
2. *Gasanov Yu. A.* Constitutional threats of dual citizenship // Constitutional and Municipal Law. 2019. No. 4. Pp. 42–51 (in Russ.).
3. Public service: career and professional growth. Foreign experience. M., 1996. Iss. 14 (in Russ.).
4. *Grenendeik K.* Application of the law of the European Community in the EU countries: on the example of admission to public service // Bulletin of the Moscow University. Ser. 11: Law. 1996. No. 2. P. 65 (in Russ.).
5. *Matirko V.I.* Problems of personnel policy in the state apparatus: textbook. M., 1996 (in Russ.).
6. *Nikitina E.E.* Legislation on citizenship and improvement of migration policy of the Russian Federation // Journal of Russ. law. 2019. No. 7. Pp. 30–42 (in Russ.).
7. *Presnyakov M.V.* Problems of termination of official relations in connection with reaching the age limit // Journal of Russ. law. 2023. Vol. 27. No. 9. Pp. 66–75 (in Russ.).
8. *Channov S.E.* State and municipal service in the new territories of the Russian Federation // Administrative Law and Process. 2023. No. 10. P. 13 (in Russ.).
9. *Shchukin A.V.* Problems of improving legislation on military service of foreign citizens in the Russian Federation // Law in the Armed Forces. 2007. No. 8. P. 2 (in Russ.).

REFERENCES

1. *Bashurov V.B., Kositin I.A.* Qualification requirements for filling the position of the state civil service of the Russian Federation // Herald of the Omsk Law Academy. 2017. No. 2. Pp. 82–86 (in Russ.).

Сведения об авторе

ПРЕСНЯКОВ Михаил Вячеславович –
доктор юридических наук, доцент,
профессор кафедры служебного
и трудового права
Поволжского института управления
им. П.А. Столыпина – филиала РАНХиГС;
410031 г. Саратов, ул. Соборная, д. 23/25

Authors' information

PRESNYAKOV Mikhail V. –
Doctor of Law, Associate Professor,
Professor of the Department
of Service and Labor Law,
Stolypin Volga Region Institute of Management –
Branch of the RANEPA;
23/25 Sobornaya str., 410031 Saratov, Russia

ОБЩЕЕ ИМУЩЕСТВО ПРОСТОГО ТОВАРИЩЕСТВА КАК ОСНОВА КОРПОРАТИВНОГО ХОЗЯЙСТВОВАНИЯ

© 2024 г. В. А. Лаптев

Институт государства и права Российской академии наук, г. Москва

E-mail: laptev.va@gmail.com

Поступила в редакцию 23.01.2024 г.

Аннотация. В результате закрепления в Гражданском кодексе РФ простого товарищества как договорной формы предпринимательского объединения корпоративного типа в отечественном правоведении сложилась потребность в определении его правового положения, включая правосубъектность, а также правового режима принадлежащего ему общего имущества и составляющего основу предпринимательской и иной экономической деятельности. **Цель исследования:** установить сущностные характеристики и особенности правового режима общего имущества простого товарищества. **Задачи исследования:** выделение отдельных видов общего имущества; анализ законодательства и подходов судебной практики по рассматриваемой проблематике; определение роли общего имущества в деятельности простого товарищества. **Методы исследования.** В работе используются теоретические (анализ и синтез, в том числе метод системного анализа) и эмпирические методы научного познания (наблюдение, описание). Используются также отдельные научные методы (формально-логический, историко-правовой, юридической компаративистики, герменевтический и синергетический). **Результаты исследования:** отечественное законодательство содержит отдельную правовую регламентацию режима общего имущества простого товарищества, а субсидиарное применение общих положений гражданского законодательства не должно противоречить сущности и экономическому предназначению данного имущества.

Ключевые слова: имущество простого товарищества, общее имущество, корпоративное имущество, состав общего имущества, гражданско-правовое сообщество, выдел доли в имуществе, управление общим имуществом.

Цитирование: Лаптев В.А. Общее имущество простого товарищества как основа корпоративного хозяйствования // Государство и право. 2024. № 6. С. 102–110.

DOI: 10.31857/S1026945224060088

COMMON PROPERTY OF A SIMPLE PARTNERSHIP AS THE BASIS OF CORPORATE MANAGEMENT

© 2024 V. A. Laptev

Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow

E-mail: laptev.va@gmail.com

Received 23.01.2024

Abstract. As a result of the inclusion in the Civil Code of the Russian Federation of a simple partnership as a contractual form of an entrepreneurial association of an economic type in domestic jurisprudence, the need arose to comply with its legal status, including legal personality, as well as the legal regime during its general development and drawing up the foundations of entrepreneurial and other economic activities. *Purpose of the study:* to establish the essential characteristics and features of the legal regime of general damage to a simple partnership. *Objectives of the study:* identifying certain types of common property; analysis of legislation and approaches to judicial practice on the issue under consideration; determining the role of general damage in the activities of a simple partnership. *Research methods.* The work used theoretical (analysis and synthesis, including methods of system analysis) and empirical methods of scientific knowledge (observation, description). Scientific methods are also used (formal-logical, historical-legal, legal comparative studies, hermen's and synergetic). *Results:* national legislation establishes the legal regulation of the general damage regime of a simple partnership, the subsidiary application of the general provisions of constitutional legislation, which should not contradict the conditions and capital intended for the study of this property.

Key words: property of a simple partnership, common property, corporate property, composition of common property, civil law community, allocation of a share in the property, management of common property.

For citation: Laptev, V.A. (2024). Common property of a simple partnership as the basis of corporate management // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 6, pp. 102–110.

Введение

Развитие с 1990-х годов отечественного законодательства, закрепляющего правовое положение субъектов предпринимательской деятельности, повлекло за собой новый этап фундаментальных исследований. Учеными и специалистами различных отраслей праварабатываются актуальные подходы к определению понятия субъекта соответствующей отрасли права и содержанию его правоспособности.

С переходом к рыночным отношениям российское законодательство в части правового регулирования деятельности простых товариществ содержит любопытную историю становления, описываемую во многих работах учеными-хозяйственниками¹

и представителями цивилистической доктрины². В настоящей работе мы остановимся лишь на некоторых фактах постсоветского нормотворчества, которые, на наш взгляд, играют ключевую роль для понимания сущности данного вида субъекта предпринимательства.

Итак, в годы перестройки в России был принят Закон РСФСР от 25 декабря 1990 г. № 445-1 «О предприятиях и предпринимательской деятельности»³, который стал ярким свидетельством разделения предприятий на коллективные и индивидуальные, а также закрепил возможность объединения капиталов, что было необходимо для развития смешанной экономики страны.

Правовое положение полных товариществ (ст. 9 Закона № 445-1) напоминало современные простые товарищества (ст. 1041 ГК РФ), поскольку они

¹ См.: Лаптев В.В. Субъекты предпринимательского права: учеб. пособие. М., 2003; Современное предпринимательское право / И.В. Ершова, Л.В. Андреева, Н.Г. Апресова [и др.]. М., 2014; Лаптев В.А. Корпоративное право: правовая организация корпоративных систем. М., 2019; Его же. Предпринимательские объединения: холдинги, финансово-промышленные группы, простые товарищества. М., 2008; Андреев В.К. Организационно-правовые формы включения высоких технологий в промышленное производство // Юрист. 2023. № 9. С. 35–40; и др.

² См.: Субъекты гражданского права / отв. ред. Т.Е. Абова. М., 2000; Грешников И.П. Субъекты гражданского права: юридическое лицо в праве собственности и законодательстве. СПб., 2002; Козлова Н.В. Правосубъектность юридического лица. М., 2005; Витоль Э.Ю., Толяев Г.С. Актуальность конструкции консорциумов для российского права // Вестник гражданского права. 2018. № 1. С. 50–85; и др.

³ См.: Ведомости СНД и ВС РСФСР. 1990. № 30, ст. 418 (далее – Закон № 445-1).

не признавались юридическими лицами, основу их деятельности составлял заключенный товарищеский договор, а имущество принадлежало товарищам на праве общей долевой собственности. Смешанные товарищества (ст. 10 Закона № 445-1) – аналоги современных товариществ на вере (ст. 82 ГК РФ), впрочем, как и полные товарищества (ст. 69 ГК РФ), обладают правами юридического лица.

Однако во всех товариществах того времени (полных, смешанных либо с ограниченной ответственностью) имущество принадлежало их участникам на праве общей долевой собственности и не находилось в собственности самого товарищества. Между прочим, в полных и смешанных товариществах была неограниченная солидарная ответственность их участников и действительных членов соответственно, и лишь в товариществах с ограниченной ответственностью – ответственность ограничивалась стоимостью вклада их участников.

Таким образом, образование хозяйствующего субъекта в форме товарищества, представляло собой юридическую конструкцию ведения предпринимательской деятельности, при которой имущество не отделялось от участников товарищества и не выбывало из их собственности, а передавалось в управление органам товарищества. То есть речь шла о централизованной экономической координации действий товарищей.

Многое изменилось с принятием в 1994 г. первой и в 1996 г. – второй части Гражданского кодекса РФ, в которых законодатель разделил товарищества на два вида:

юридические лица: полные товарищества и товарищества на вере (гл. 4);

предпринимательские объединения: простые товарищества (гл. 55).

Правовое положение первого вида хозяйствующих субъектов законодатель разместил в гл. 4 (подразд. 2 о лицах), посвященной юридическим лицам; второго – в разд. IV об отдельных видах обязательств, многие из которых возникают из договора.

Видится любопытным и сразу бросается в глаза, что законодатель указал на возможность образования хозяйствующего субъекта в форме негласного простого товарищества, которое на первый взгляд «не видно» третьим лицам (контрагентам участников данного товарищества, государственным регуляторным и фискальным органам и др.), однако обязательства товарища, связанные с данной совместной деятельностью, являются общими, поскольку он действует в интересах всего простого товарищества (п. 2 и 3 ст. 1054 ГК РФ).

Между прочим, похожий подход о делении товариществ на юридические лица и договорные

предпринимательские объединения корпоративного типа содержит законодательство стран Евразийского союза, в частности Беларуси (§ 2 гл. 4 и гл. 54 ГК РБ⁴), Казахстана (§ 2 гл. 2 и гл. 12 ГК РК⁵), Киргизии (§ 2 гл. 5 и гл. 47 ГК КР⁶) и др.

Простое товарищество как корпоративное объединение отчасти схоже с крестьянскими (фермерскими) хозяйствами без образования юридического лица, учрежденными несколькими гражданами в силу Федерального закона от 11 июня 2003 г. № 74-ФЗ «О крестьянском (фермерском) хозяйстве»⁷ по следующим основаниям. Во-первых, в обоих случаях основой объединения лиц в корпорацию⁸ является договор (соглашение), заключаемый ее участниками. Во-вторых, в процессе деятельности указанных корпораций образуется общее имущество на праве общей собственности, позволяющее вести экономическую деятельность. Различие лишь в составе участников рассматриваемых корпораций. Так, если участниками простого товарищества могут выступать индивидуальные предприниматели и(или) коммерческие организации и их количество не ограничивается законом, то КФХ – только физические лица, да и то с ограничением по численности семей и не состоящих в родстве иных лиц (п. 2 ст. 3 Закона № 74).

В 2011 г. принимаются Федеральные законы от 28 ноября 2011 г. № 335-ФЗ «Об инвестиционном товариществе»⁹ и от 3 декабря 2011 г. № 380-ФЗ «О хозяйственных партнерствах»¹⁰, регулирующие правовое положение двух видов корпораций, в которых образуется общее имущество: предпринимательского объединения – *инвестиционного товарищества* (простого товарищества) и корпоративного юридического лица – *хозяйственного партнерства*. Важно обратить внимание на то, что законодатель расширил круг возможных участников инвестиционного товарищества, включив в него, помимо коммерческих организаций

⁴ См.: Ведамасці Нацыянальнага сходу Рэспублікі Беларусь. 1999. № 7-9, ст. 101.

⁵ См.: Ведомости Верховного совета Республики Казахстан. 1994. № 23–24 (приложение); 1995. № 15–16, ст. 109; № 20, ст. 121.

⁶ См.: Ведомости Жогорку Кенеша Кыргызской Республики. 1996. № 6, ст. 80; 1998. № 6, ст. 226.

⁷ См.: С3 РФ. 2003. № 24, ст. 2249 (далее – Закон № 74).

⁸ Автор придерживается точки зрения, согласно которой корпорацией признаются: организации с правами юридического лица; объединения лиц, не обладающие правами юридического лица; общность лиц, передающих капитал в доверительное управление (см.: Лаптев В.А. Понятие и правосубъектность корпорации в России и за рубежом // Вестник Университета им. О.Е. Кутафина (МГЮА). 2016. № 3 (19). С. 178–191).

⁹ См.: С3 РФ. 2011. № 49 (ч. I), ст. 7013 (далее – Закон № 335).

¹⁰ См.: С3 РФ. 2011. № 49 (ч. V), ст. 7058 (далее – Закон № 74).

(традиционно указанных в ст. 1041 ГК РФ), также некоммерческие организации, иностранные юридические лица и иностранные организации, не являющиеся юридическими лицами по иностранному праву (п. 3, 4 ст. 3 Закона № 335).

Сторонники идей гражданского права, как правило, не признают за простыми товариществами свойство субъекта права, однако делают это не без доли колебаний и с рядом оговорок, в том числе на положения дореволюционной юридической доктрины¹¹. Ученые-хозяйственники, напротив, полагают возможным рассматривать их в качестве разновидности предпринимательских объединений, являющихся субъектами права¹².

Полагаем, что в настоящее время данная дискуссия утратила актуальность, поскольку в законодательстве содержится масса норм, в которых простое товарищество рассматривается в качестве субъекта права корпоративного типа (например, страховые пулы, картели и группы лиц). Кроме того, как и у любого субъекта права, имущество и результаты экономической деятельности простого товарищества обособляются (учитываются) на отдельном балансе, ведение которого поручается одному из товарищей-организаций (ст. 23, 377 и 378.2 НК РФ) и показатели которого в бухгалтерский баланс данного товарища не включаются¹³.

В странах Евразийского союза, к примеру в Казахстане, правовое регулирование деятельности простого товарищества содержится в гражданском законодательстве в части договора простого товарищества (гл. 12 ГК РК) и предпринимательском законодательстве в части форм совместного предпринимательства (ст. 32 Предпринимательского кодекса РК¹⁴). В силу положений Предпринимательского кодекса Казахстана простое товарищество может выступать формой фермерского хозяйства (ст. 41), а также рассматриваться в качестве субъекта инвестиционной деятельности (п. 4 ст. 241-1).

¹¹ См., напр.: Гражданское право: учеб.: в 3 т. 4-е изд., перераб. и доп. / отв. ред. А.П. Сергеев, Ю.К. Толстой. М., 2005. Т. 2. С. 762.

¹² См.: Лаптев В.В. Субъекты предпринимательского права: учеб. пособие. С. 161; Шиткина И.С. Холдинги: правовой и управленческий аспекты. Законодательные и другие нормативные акты. Профессиональный комментарий кандидата юридических наук. М., 2002. С. 107, 110; Ершова И.В. Российское предпринимательское право. М., 2006. С. 319.

¹³ См.: Положения по бухгалтерскому учету «Информация об участии в совместной деятельности» ПБУ 20/03, утв. приказом Минфина РФ от 24.11.2003 № 105н // БНА федеральных органов исполнительной власти. 2004. № 8; письмо Минфина России от 08.12.2014 № 03-02-07/2/62783 // Экономика и жизнь (Бухгалтерское приложение). 2015. № 3.

¹⁴ См.: Казахстанская правда. 2015. 3 нояб.

Модельным законом об инновационной деятельности (2006)¹⁵ простое товарищество определено как возможная форма соглашения о совместных разработках инновационной продукции (ст. 28) – договорная форма кооперации организаций и индивидуальных предпринимателей в области инновационной деятельности, связанной с разработкой и реализацией инновационных проектов.

Общее имущество простого товарищества. В науке гражданского права большая часть внимания сконцентрирована на порядке заключения и содержании договора как взаимосвязи участников простого товарищества, а также правомочиях собственников (товарищей) в отношении общего имущества¹⁶. По нашему мнению, заслуживают особого внимания вопросы формирования и управления общим имуществом простого товарищества.

Законодатель, определяя имущественные вклады товарищей как основу рассматриваемого корпоративного объединения, использует удачный, и в то же время абстрактный, термин «общее дело», обозначая им цель предпринимательского объединения – извлечение прибыли или достижение иной не противоречащей закону цели (п. 1 ст. 1042 ГК РФ).

В инвестиционных товариществах как в специальном типе простого товарищества общим делом обозначается реализация инвестиционных, в том числе инновационных, проектов (ст. 2 Закона № 335). Рассматриваемый договор простого товарищества не регулирует правоотношения должника-кредитора, поскольку в нем нет и не должно быть условий об удовлетворении встречных предоставлений¹⁷, а все обязательства связаны в общее дело – коллективное достижение прибыли или реализация иных целей.

Все имущество простого товарищества можно разделить на два вида:

имущество, внесенное товарищами в качестве вклада в общее дело;

¹⁵ Принят на 27-м пленарном заседании Межпарламентской Ассамблеи государств – участников СНГ (постановление от 16.11.2006 № 27-16) // Информационный бюллетень Межпарламентской Ассамблеи государств – участников СНГ. 2007. № 39. Ч. 2.

¹⁶ См., напр.: Домишенко (Червец) Е.И. Обособление имущества без создания юридического лица. Простое товарищество и инвестиционное товарищество // Вестник гражданского права. 2021. № 6. С. 30–58; Горева А.А. Договор простого товарищества и его виды: российское право в сравнительно-правовом аспекте // Вестник гражданского права. 2020. № 6. С. 30–66; Козырский В.А. Правовое положение простого товарищества в Российской Федерации и товарищества гражданского права в ФРГ // Современное право. 2011. № 8. С. 43–47.

¹⁷ См.: Постановление Президиума ВАС РФ от 25.01.2011 г. № 11774/10 // Вестник ВАС РФ. 2011. № 5.

имущество, представляющее собой *результат деятельности* простого товарищества (плоды, продукция и доходы).

В ст. 1043 ГК РФ законодатель справедливо отразил тот факт, что все указанное имущество является общим имуществом членов товарищества, принадлежащим его участникам на праве общей собственности, вне зависимости от того, находилось ли указанное имущество на праве собственности товарища либо на ином законном основании. Данная норма предполагает, что в состав имущества могут входить любые объекты гражданского оборота (ст. 128 ГК РФ). Соответственно инструментариями вещного права невозможно полноценно описать общее имущество простого товарищества. Между прочим, в данном вопросе прослеживается аналогия с общим имуществом крестьянских (фермерских) хозяйств (ст. 6 Закона № 74).

Таким образом, первую группу имущества (необходимого для ведения деятельности простого товарищества) можно разделить на два подвида: находящееся в собственности и на ином законном основании (в том числе в пользовании). Достоинством законодательства представляется закрепление в ст. 1043 ГК РФ того, что все консолидированные в рамках простого товарищества активы являются общим имуществом товарищей. Такой подход устраняет неопределенность в правоприменительной практике, чего не скажешь о КФХ, в отношении которых законодатель чаще использует термин «имущество», вместо «общего имущества», а по сути, всегда говорит о формировании общего имущества (ст. 6 Закона № 74). Видится, термин «общее имущество» применительно к колективному объединению лиц более подходящий.

Товарищи изначально заключают договор (о совместной деятельности), содержащий условие о распределении долей. В свое время Высшему Арбитражному Суду РФ пришлось дать разъяснения относительно того, что поскольку образуемое для ведение бизнеса в рамках простого товарищества имущество принадлежит участникам на праве общей долевой собственности (включая вносимые земельные участки и иное имущество), следовательно, все произведенное имущество также поступает в общую долевую собственность (п. 7 постановления Пленума ВАС РФ от 11.07.2011 № 54 «О некоторых вопросах разрешения споров, возникающих из договоров по поводу недвижимости, которая будет создана или приобретена в будущем»¹⁸). Указанным приводится общее правило,

поскольку в силу закона, договора и даже существа обязательства могут быть исключения¹⁹.

При заключении договора простого товарищества важно перечислять все имущество, вносимое в качестве вклада в общее имущество во избежание впоследствии возможных разногласий по вопросу разграничения индивидуальной собственности от общего имущества товарищей. В данном случае не будет работать принцип «по умолчанию, предполагается...» и отводится роль договорной конструкции регламентации вопросов общего имущества. Таким образом, непоименованное в договоре недвижимое имущество (например, земельный участок), в отношении которого в Росреестре не зарегистрировано право общей долевой собственности товарищей, автоматически не составляет общее имущество. Следовательно, возводимые объекты недвижимости на земельном участке будут составлять собственность того товарища, который является собственником последнего. Лишь в случае уклонения одного из товарищей от передачи в общую долевую собственность как общее имущество товарищей актива допускается признание в судебном порядке права общей долевой собственности на общее имущество.

Следует отметить, применительно к простому товариществу законодатель небеспочвенно старается чаще использовать термин «имущество в общей (долевой) собственности», а реже – общее имущество. Здесь нет ошибки, за исключением одного важного момента. Распоряжение общим имуществом совершается всеми собственниками – участниками простого товарищества в соответствующем порядке, в то время как долей в праве общей собственности – по своему усмотрению ее правообладателя, соблюдая лишь установленные законом требования.

Конструкция инвестиционного товарищества предполагает, что образуемое в рамках него общее имущество является инструментом инвестирования. Для данных целей в товариществах принимается *инвестиционная декларация*, являющаяся частью договора простого товарищества, в которой перечисляются конкретные объекты предполагаемого инвестирования (п. 1 ст. 2 Закона № 335). По своему содержанию данный документ в какой-то степени напоминает инвестиционную декларацию акционерного либо паевого инвестиционного фонда (ст. 35 Федерального закона от 29.11.2001 № 156-ФЗ «Об инвестиционных фондах»²⁰).

¹⁸ Напр., в силу п. 2 ст. 8 статьей 131 ГК РФ и применительно к ст. 24 Закона «О государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним» право общей долевой собственности товарищей на недвижимое имущество, внесенное ими в качестве вклада, возникает с момента его государственной регистрации.

²⁰ См.: СЗ РФ. 2001. № 49, ст. 4562.

Общее имущество инвестиционного товарищества так же, как и в любых простых товариществах, делится на доли, размер которых соответствует вкладу товарища либо определяется договором (ст. 7 Закона № 335). В 2021 г. в Закон № 335 внесли положения о разновидности инвестиционного товарищества – об *инвестиционном товариществе с обособленным имуществом*²¹. В данном инвестиционном товариществе допускается наряду с образованием совместного имущества (общего имущества товарищей) образование дополнительно одного либо нескольких обособленных имуществ. Используя термины «совместное имущество» и «обособление имущества», законодатель постарался урегулировать рассматриваемые сложноструктурированные предпринимательские объединения, по сути, допуская на базе деятельности одного товарищества несколько направлений (в том числе обособленных) инвестирования.

Управление общим имуществом простого товарищества. Как в законодательстве о простых товариществах, так и в юридической литературе, памятая нормативистский подход, используется термин «управление делами». Однако как для товариществ со статусом юридического лица (полных и на вере), так и для простых товариществ, следует разделять управление и ведение дел. В любых корпоративных хозяйствующих субъектах предлагается выделять:

управление деятельностью,
управление делами (ведение дел).

Первая группа правомочий товарища реализуется во взаимоотношениях с третьими лицами – внешние отношения (осуществление предпринимательской и иной экономической деятельности), вторая – внутренние отношения между членами товарищества (внутрикорпоративные отношения). При этом мы исходим из того, что применительно к простому товариществу как предпринимательскому объединению корпоративного типа, у товарищей существует три группы прав: управленческие, имущественные и информационные. Собственно, указанная триада присутствует в любой корпорации (корпоративной организации, предпринимательском объединении либо корпоративном трасте). По указанной причине, полагаем, не следует отделять право товарища на управление делами от ведения общих дел, поскольку оба случая охватывают управленческие правомочия товарищей рассматриваемого предпринимательского объединения. Вместе с тем законодатель применительно к простым товариществам предполеч

²¹ См.: Федеральный закон от 02.07.2021 № 325-ФЗ «О внесении изменений в статью 51.2 Федерального закона “О рынке ценных бумаг” и отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СЗ РФ. 2021. № 27 (ч. I). ст. 5153.

использовать термин «ведение дел» (гл. 55 ГК РФ), а к полным товариществам и на вере – «управление» (§ 2 гл. 4 ГК РФ), которые тождественны по своему содержанию.

Ведение общих дел может осуществляться как одним либо несколькими, так и всеми товарищами одновременно, в зависимости от условий договора простого товарищества. Наделение уполномоченных лиц правом действовать от имени простого товарищества (т.е. реализовывать его правосубъектность) отчасти напоминает правомочия единоличного исполнительного органа корпоративной организации, который с недавнего времени²² может быть представлен: одним физическим либо юридическим лицом; несколькими физическими лицами, действующими совместно; несколькими единоличными исполнительными органами, действующими независимо друг от друга (п. 1 ст. 53 и п. 3 ст. 65.3 ГК РФ).

В специальной разновидности простого – в инвестиционном товариществе с обособленным имуществом разделяется ведение дел:

по совместному имуществу управленческая компетенция (ведение дел либо деятельностью) реализуется участвующими в формировании данного совместного (общего) имущества товарищей;

по обособленному имуществу – участвующими в формировании данного обособленного имущества товарищей (ст. 3 Закона № 335).

Управляющими данной разновидности товарищества могут выступать только АО «Управляющая компания Российского Фонда Прямых Инвестиций» или его дочернее или зависимое общество либо иное лицо, утвержденное постановлением Правительства РФ (п. 1.4 ст. 3 Закона № 335).

Статья 1044 ГК РФ содержит весьма любопытные положения. Так, если при совместном ведении дел сделка требует одобрения всеми товарищами, а при совершении сделки одним из уполномоченных на ведение дел товарищем, – такое одобрение уже не требуется. Однако для контрагента по сделке не всегда является очевидным: заключается ли сделка в интересах всего товарищества либо в индивидуальном интересе одного из товарищей. Данный вопрос имеет существенное практическое значение. К примеру, если впоследствии в суде будет рассматриваться заявление о признании недействительной сделки и применении последствий ее недействительности в виде возврата полученного, то указанные требования должны заявляться ко всем товарищам (как

²² См.: Федеральный закон от 05.05.2014 № 99-ФЗ // СЗ РФ. 2014. № 19, ст. 2304.

ответчикам по делу²³), поскольку все полученное по сделкам поступает в состав общего имущества товарищества, а следовательно, при рассмотрении вопроса о последствиях недействительности сделки затрагиваются имущественные права всех участников простого товарищества – собственников общего имущества.

Порядок реализации одним из товарищей соответствующего объема правомочий действовать от имени простого товарищества, включая ограничения (п. 3 ст. 1044 ГК РФ), напоминает общее правило о том, что при совершении сделки от имени организации ее контрагент добросовестно исходит из сведений ЕГРЮЛ и полагается на неограниченный объем правомочий исполнительного органа (ст. 51 и 53 ГК РФ), за исключением случаев неправомерного внесения недостоверных сведений в указанный реестр²⁴. Контрагенты товарищества полагаются на полноценную возможность реализации прав действовать в интересах всего товарищества, если не будет доказана осведомленность контрагента о соответствующих ограничениях. Получается, что при совершении товарищем сделки в интересах простого товарищества даже в условиях ограничения его прав, последствия от данной сделки (прирост общего имущества, расходы по содержанию данного имущества и т.д.) возникают у всех товарищей.

Кроме того, положения п. 4 ст. 1044 ГК РФ и вовсе наделяют правом товарища «действовать по обстановке» и совершать любые сделки, которые лишь бы были в интересах всего товарищества и являлись необходимыми. На практике получается, что пределы такой «необходимости» в сделках законом не определены, и суд в каждом конкретном случае при наличии спора определяет их целесообразность для простого товарищества. Вместе с тем, даже если такая целесообразность не будет доказана, последствия сделки не меняются – возникают обязательства, имущественные права и т.д. у всего простого товарищества. Можно лишь говорить об убытках и необоснованных (занесенных) тратах, не соответствующих разумной практике, что является отдельным вопросом исследования (ст. 15 ГК РФ, п. 1–10 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 24.03.2016 № 7 «О применении судами некоторых положений Гражданского кодекса Российской Федерации об ответственноности за нарушение обязательств»²⁵).

²³ См.: пункт 25 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23.12.2021 № 46 «О применении Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации при рассмотрении дел в суде первой инстанции» // Бюллетень ВС РФ. 2022. № 3.

²⁴ См., напр.: пункт 122 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 № 25.

²⁵ См.: Бюллетень ВС РФ. 2016. № 5.

В инвестиционном товариществе выделяется отдельная категория – управляющие товарищи (п. 3 ст. 4 Закона № 335). Их правовой статус как исполнительного органа инвестиционного товарищества подтверждается набором правомочий: осуществление учета доходов и расходов товарищества²⁶, открытие банковских счетов для инвестиционных операций, ведение налогового учета деятельности простого товарищества, ведение реестра участников договора инвестиционного товарищества. По сути, речь идет об осуществлении фидuciарной компетенции управляющими товарищами. Единственное, встает вопрос о формулировке: речь идет о реализации полномочий «от имени» либо «в интересах» инвестиционного товарищества? Фактически, и о том и о другом. Вместе с тем можно сделать оговорку о том, что в ст. 53 ГК РФ непродолжительное время содержалось положение о действиях органов юридического лица «от имени», от которого законодатель отказался, исключив конструкции представительства. То есть орган юридического лица без каких-либо представительских «конструкций» («прослоек») в рамках внутрихозяйственных отношений реализует правоспособность данного лица.

Формулируя положения о простом товариществе, в 1996 г. законодатель впервые предпринял попытки в рамках договорной конструкции закрепить *корпоративные решения* членов гражданско-правового сообщества – товарищей (п. 4 ст. 1044 ГК РФ). То есть уже в то время законодатель разделял сделки и решения, которые заключались и принимались соответственно в рамках деятельности простого товарищества. Лишь в 2013 г. Гражданский кодекс РФ дополнен гл. 9.1, посвященной решениям собраний²⁷. Единственное, необходимо принимать во внимание, что общие положения о решениях гражданско-правовых сообществ должны рассматриваться с учетом специальных норм гл. 55 ГК РФ, а также Закона об инвестиционном товариществе.

Общее правило об ответственности участника товарищества пропорционально его доле (ст. 1047 ГК РФ) корреспондируется с таким же принципом о пропорциональном распределении прибыли от деятельности товарищества (ст. 1048 ГК РФ), а также о том, что все имущество находится на праве общей долевой собственности (ст. 1043 ГК РФ). Иное может быть закреплено в договоре простого товарищества. Таким образом, вновь указываем на то, что простое товарищество – это

²⁶ См.: Постановление Правительства РФ от 26.04.2012 № 397 // СЗ РФ. 2012. № 19, ст. 2422.

²⁷ См.: Федеральный закон от 07.05.2013 № 100-ФЗ «О внесении изменений в подразделы 4 и 5 раздела I части первой и статью 1153 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации» // С РФ. 2013. № 19, ст. 2327.

договорное предпринимательское объединение корпоративного типа, в котором договор определяет как управлческие, так и имущественные права товарищей²⁸.

В отличие от КФХ, в котором установлен запрет на выдел доли при выходе одного из его членов (ст. 9 Закона № 74), законодательство о простых товариществах содержит случай, при котором допускается выдел доли – по требованию кредитора товарища (ст. 1048 ГК РФ). Данный случай является основанием прекращения договора простого товарищества (п. 1 ст. 1050 ГК РФ). Раздел имущества товарищей происходит по нормам ст. 252 ГК РФ, а его участники даже могут претендовать на возврат переданных ими индивидуально определенных вещей, но и это с оговоркой: за исключением тех случаев, когда возврат такой вещи участнику противоречит интересам остальных товарищей и кредиторов. К примеру, при завершении безуспешного и неприбыльного проекта оставшийся в рамках простого товарищества единственный актив (земельный участок либо иное недвижимое имущество: здание, сооружение) должен распределяться среди всех лиц, имеющих материально-правовой интерес в таком распределении.

Кроме того, полагаем не очень удачной отсылку к нормам ст. 252 и 255 ГК РФ применительно к разделу либо обращению взыскания на общее имущество простого товарищества, представляющего собой единый целостный актив – имущественную основу предпринимательского объединения. Применительно к простым товариществам, в том числе и инвестиционным, регламентация которых определяется специальными нормами с учетом принципа *lex specialis derogat generali*, должны быть приняты отдельные нормы, разделяющие общее имущество на праве общей долевой собственности (коллективное имущество, включающее в себя объекты права в собственности и на ином основании) и общую долевую собственность (вещное право нескольких лиц в отношении объекта права). По этим причинам трудно представить, в частности, выдел кредитором товарища прав аренды на земельный участок из общего имущества простого товарищества в порядке ст. 252 и 255 ГК РФ, как это указано в ст. 1049 ГК РФ.

В специальном Законе № 335, посвященном инвестиционным товариществам, вопрос о выделе доли по требованию кредитора урегулирован более детально. В частности, предусмотрено, что остальные товарищи-вкладчики в образуемое общее имущество (на которое обращается требование кредитора) вправе выкупить его у товарища-должника

по рыночной цене (по сути, в порядке преимущественного права), и лишь при отказе от такового – с публичных торгов. Вместе с тем данное правило не исключает при возможности выдела доли товарища-должника передачи указанной доли кредитору, т.е. третьему лицу, не являющемуся товарищем-вкладчиком в общее имущество товарищества (ст. 16 Закона № 335).

Обособление имущества инвестиционного товарищества напоминает порядок формирования имущества корпоративной организации, на что справедливо обращается внимание в юридической литературе²⁹. По нашему мнению, нет принципиального значения, на базе корпорации какой формы образуется общее имущество, но важно понимать его значение для деятельности корпоративного объединения лиц и учитывать особый правовой режим.

Заключение

Представленное исследование свидетельствует об уникальном режиме общего имущества предпринимательского объединения. Обособление имущества в единый актив доказывает наличие у простого товарищества свойства субъекта права. Договорный характер правоотношений между участниками коллективного хозяйствующего субъекта позволяет разделить правосубъектность простого товарищества, реализуемую в общем интересе, а также товарищей, действующих в своем интересе в отношениях, не связанных с деятельностью товарищества.

Нормы права о правовом режиме общего имущества простого товарищества не должны включать в себя общие положения об общей собственности ввиду невозможности инструментарием вещного права раскрыть весь состав и особенности управления рассматриваемым общим имуществом.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Андреев В.К. Организационно-правовые формы включения высоких технологий в промышленное производство // Юрист. 2023. № 9. С. 35–40.
2. Витоль Э.Ю., Тюляев Г.С. Актуальность конструкции консорциумов для российского права // Вестник гражданского права. 2018. № 1. С. 50–85.
3. Горева А.А. Договор простого товарищества и его виды: российское право в сравнительно-правовом аспекте // Вестник гражданского права. 2020. № 6. С. 30–66.
4. Гражданское право: учеб.: в 3 т. 4-е изд., перераб. и доп. / отв. ред. А.П. Сергеев, Ю.К. Толстой. М., 2005. Т. 2. С. 762.

²⁸ Об инвестиционном простом товариществе также см.: Лисица В.Н. Инвестиционное право. Новосибирск, 2015.

²⁹ См., напр.: Домщенко (Червец) Е.И. Указ. соч. С. 30–58.

5. Грешников И.П. Субъекты гражданского права: юридическое лицо в праве собственности и законодательстве. СПб., 2002.
6. Домшенко (Червец) Е.И. Обособление имущества без создания юридического лица. Простое товарищество и инвестиционное товарищество // Вестник гражданского права. 2021. № 6. С. 30–58.
7. Ершова И.В. Российское предпринимательское право. М., 2006. С. 319.
8. Козлова Н.В. Правосубъектность юридического лица. М., 2005.
9. Козярский В.А. Правовое положение простого товарищества в Российской Федерации и товарищества гражданского права в ФРГ // Современное право. 2011. № 8. С. 43–47.
10. Лаптев В.А. Корпоративное право: правовая организация корпоративных систем. М., 2019.
11. Лаптев В.А. Понятие и правосубъектность корпораций в России и за рубежом // Вестник Университета им. О.Е. Кутафина (МГЮА). 2016. № 3 (19). С. 178–191.
12. Лаптев В.А. Предпринимательские объединения: холдинги, финансово-промышленные группы, простые товарищества. М., 2008.
13. Лаптев В.В. Субъекты предпринимательского права: учеб. пособие. М., 2003. С. 161.
14. Лисица В.Н. Инвестиционное право. Новосибирск, 2015.
15. Современное предпринимательское право / И.В. Ершова, Л.В. Андреева, Н.Г. Апресова [и др.]. М., 2014.
16. Субъекты гражданского права / отв. ред. Т.Е. Абова. М., 2000.
17. Шиткина И.С. Холдинги: правовой и управленческий аспекты. Законодательные и другие нормативные акты. Профессиональный комментарий кандидата юридических наук. М., 2002. С. 107, 110.
2. Vitol' E. Yu., Tyulyaev G.S. The relevance of the consortium design for Russian law // Herald of Civil Law. 2018. No. 1. Pp. 50–85 (in Russ.).
3. Goreva A.A. A simple partnership agreement and its types: Russian law in the comparative legal aspect // Herald of Civil Law. 2020. No. 6. Pp. 30–66 (in Russ.).
4. Civil Law: textbook: in 3 vols. Vol. 2. 4th ed., rev. and exp. / ed. by A.P. Sergeev, Yu.K. Tolstoj. M., 2005. Vol. 2 (in Russ.).
5. Greshnikov I.P. Subjects of Civil Law: a legal entity in the right of ownership and legislation. SPb., 2002. P. 762 (in Russ.).
6. Domshenko (Chervets) E.I. Separation of property without creating a legal entity. Simple partnership and investment partnership // Herald of Civil Law. 2021. No. 6. Pp. 30–58 (in Russ.).
7. Ershova I.V. Russian Business Law. M., 2006. P. 319 (in Russ.).
8. Kozlova N.V. Legal personality of a legal entity. M., 2005 (in Russ.).
9. Kozyarsky V.A. The legal status of a simple partnership in the Russian Federation and a civil law partnership in Germany // Modern law. 2011. No. 8. Pp. 43–47 (in Russ.).
10. Laptev V.A. Corporate Law: legal organization of corporate systems: monograph. M., 2019 (in Russ.).
11. Laptev V.A. The concept and legal personality of a corporation in Russia and abroad // Herald of Kutafin University (MSLA). 2016. No. 3 (19). Pp. 178–191 (in Russ.).
12. Laptev V.A. Business associations: holdings, financial and industrial groups, simple partnerships. M., 2008 (in Russ.).
13. Laptev V.V. Subjects of Business Law: textbook. M., 2003. P. 161 (in Russ.).
14. Lisitsa V.N. Investment Law. Novosibirsk, 2015 (in Russ.).
15. Modern Business Law / I.V. Ershova, L.V. Andreeva, N.G. Apresova et al. M., 2014.
16. Subjects of Civil Law / res. ed. T.E. Abova. M., 2000 (in Russ.).
17. Shitkina I.S. Holdings: legal and managerial aspects. Legislative and other regulatory acts. Professional comment of the PhD in Law. M., 2002. Pp. 107, 110 (in Russ.).

REFERENCES

1. Andreev V.K. Organizational and legal forms of the inclusion of high technologies in industrial production // Yurist. 2023. No 9. Pp. 35–40 (in Russ.).

Сведения об авторе

ЛАПТЕВ Василий Андреевич –
доктор юридических наук,
главный научный сотрудник
Института государства и права
Российской академии наук;
119019 г. Москва, ул. Знаменка, д. 10

Authors' information

LAPTEV Vasily A. –
Doctor of Law,
Chief Researcher, Institute of State and Law
of the Russian Academy of Sciences;
10 Znamenka str., 119019 Moscow, Russia

ПРАВОВЫЕ СРЕДСТВА ЗАЩИТЫ СОЗИДАТЕЛЬНОГО ТРУДА КАК ТРАДИЦИОННОЙ РОССИЙСКОЙ ДУХОВНО-НРАВСТВЕННОЙ ЦЕННОСТИ

© 2024 г. С. Ю. Чуча

Институт государства и права Российской академии наук, г. Москва

E-mail: chuchaigpan@gmail.com

Поступила в редакцию 11.12.2023 г.

Аннотация. В статье рассматриваются правовые средства защиты созидательного труда в ряду традиционных духовно-нравственных ценностей. На основании анализа новейшего законодательства обосновывается, что традиционные духовно-нравственные ценности, сохраняемые и укрепляемые государством, не могут противоречить духовным ценностям традиционных для России религий, должны получить отражение в правовых нормах, прежде всего конституционных, для придания им признака всеобщности, а также конкретизироваться в отраслевых принципах и нормах. Для того чтобы получить охрану и укрепление со стороны государства, эти сформированные в том числе и в ходе религиозного развития нравственные ориентиры, нашедшие свое уникальное, самобытное проявление в духовном, историческом и культурном развитии многонационального народа России, должны быть нормативно закреплены в отечественном законодательстве, включая Конституцию РФ. Исходя из этих критериев, в ряду ценностей созидательного труда особо выделяются и исследуются уважение человека труда и социальное партнерство как правовые средства его защиты.

Ключевые слова: традиционные духовно-нравственные ценности, созидательный труд, уважение человека труда, социальное партнерство, трудовое право, защита.

Цитирование: Чуча С.Ю. Правовые средства защиты созидательного труда как традиционной российской духовно-нравственной ценности // Государство и право. 2024. № 6. С. 111–119.

DOI: 10.31857/S1026945224060096

LEGAL MEANS OF PROTECTION OF CREATIVE LABOR AS A TRADITIONAL RUSSIAN SPIRITUAL AND MORAL VALUE

© 2024 S. Yu. Chucha

Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow

E-mail: chuchaigpan@gmail.com

Received 11.12.2023

Abstract. In the article of legal means and instruments for the protection of creative work are considered among the traditional spiritual and moral values. Based on the analysis of the latest legislation, it is substantiated that traditional spiritual and moral values, preserved and strengthened by the state, cannot contradict the spiritual values of religions traditional for Russia, should be reflected in legal norms and, above all, constitutional ones in order to give them a sign of universality, and also be specified in industry principles and norms. In order to be protected and strengthened by the state, these moral guidelines, formed in the course of religious development, which have found their unique, original manifestation in the spiritual, historical and cultural development of the multinational people of Russia, must be normatively enshrined in domestic legislation, including the Constitution of the Russian Federation. Based on these criteria, among the values of creative labor, respect for the worker and social partnership are highlighted and studied.

Key words: traditional spiritual and moral values, creative work, respect for the worker, social partnership, Labor Law, protection.

For citation: Chucha, S. Yu. (2024). Legal means of protecting creative labor as a traditional Russian spiritual and moral value // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 6, pp. 111–119.

Последнее десятилетие проблема поиска инструментов защиты традиционных ценностей вызывает живой интерес исследователей. Попытки разобраться в их содержании предпринимали философы¹, историки², экономисты³, социологи⁴, религиоведы⁵, педагоги⁶, представители других гуманитарных наук⁷. Исключением

¹ См.: Новикова С.В., Постоляко Л.С., Балеевских Ф.В. Традиционные семейные ценности как предмет правового мышления: герменевтический подход // Kant. 2021. № 3 (40). С. 153–158.

² См.: Бачерихина М. В. Защита традиционных российских ценностей и исторической памяти // Modern Science. 2021. № 9–2. С. 81–83.

³ См.: Berk N., Madmarov N. Traditional values and Institutional Quality // Spatial Economics. 2021. Vol. 17. No. 3. Pp. 38–58.

⁴ См.: Щербина А. В. Традиционные ценности в аналитических перспективах социологии // Дискурс. 2022. Т. 8. № 3. С. 56–69.

⁵ См.: Барышникова В. В. Традиционные религиозные ценности в современных мультикультурных обществах // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. 2018. Т. 19. № 4. С. 255–261. DOI: 10.25991/VRHGA.2018.19.3.009

⁶ См.: Чимаров С.Ю., Шеянов К.В. Педагогический аспект воспитания личного состава органов внутренних дел на концептуальных основах традиционных российских духовно-нравственных ценностей // Междунар. журнал гуманитарных и естественных наук. 2022. № 1–3 (64). С. 32–34.

⁷ См.: Ефремова В. Н. Традиционные ценности и современные российские праздники: публичные практики и нарративы // Вестник Пермского ун-та. Политология. 2022. Т. 16. № 3. С. 41–51. DOI: 10.17072/2218-1067-2022-3-41-51

в их ряду не стали и правоведы⁸. Особый интерес последних⁹, в том числе и в контексте обеспечения национальной безопасности¹⁰, традиционные

⁸ См.: Ефремова Н. Н. Суд в современном государстве: традиционные ценности и актуальные проблемы организации правосудия // Труды ИГП РАН. 2016. № 1. С. 81–89; Савенков А. Н. Глобальный кризис современности как предмет философии права // Государство и право. 2019. № 4. С. 5–19. DOI: 10.31857/S013207690004632-7; Якушев П. А. Фактические сожительства мужчин и женщин: проблемы институционализации в контексте традиционных ценностей // Государство и право. 2019. № 12. С. 104–112. DOI: 10.31857/S013207690007823-7

⁹ См.: Варламова Н. В., Васильева Т. А. Права человека: традиционные ценности, универсальные стандарты, новые вызовы // Государство и право. 2023. № 3. С. 165–187. DOI: 10.31857/S102694520024781-0; Виноградова Е. В. Антитеза общепризнанных принципов и норм и государственной конституционной идентичности в современной полицентричной системе международных отношений // Труды ИГП РАН. 2023. Т. 16. № 3. С. 28–40. DOI: 10.35427/2073-4522-2021-16-3-vinogradova; Кроткова Н. В., Орехова Т. Р. Межвузовская научно-практическая конференция «Традиционные духовно-нравственные ценности как основа правового развития в XXI веке» // Государство и право. 2023. № 3. С. 188–200. DOI: 10.31857/S102694520024778-6; Якушев П. The Traditional Values in Judicial Practice // Kazan University Law Review. 2022. No. 3. Vol. 7. Pp. 88–101.

¹⁰ См.: Овчинников А. И. Национальная безопасность и традиционные духовно-нравственные ценности: вопросы законодательного обеспечения // Вестник юридического факультета ЮФУ. 2022. Т. 9. № 1. С. 35–42.

российские духовно-нравственные ценности как предмет исследования вызвали в период, непосредственно предшествующий и последующий их легализации и придания правовой формы Указами Президента РФ от 2 июля 2021 г. № 400 и от 9 ноября 2022 г. № 809, утвердившими соответственно Стратегию национальной безопасности Российской Федерации¹¹ и Основы государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей¹².

Стратегия национальной безопасности Российской Федерации вносит существенные изменения в обеспечение безопасности страны и существенно отличается от предыдущих подобных документов. Он является базовым политико-юридическим документом, который определяет стратегические интересы, приоритеты, цели и задачи государственной политики России по обеспечению национальной безопасности и устойчивого развития. Прежде всего он существенно отличается от Концепции национальной безопасности Российской Федерации (утв. Указом Президента РФ от 17.12.1997 № 1300¹³). Указом Президента РФ от 10 января 2000 г. № 24¹⁴ была утверждена новая редакция данной Концепции. Она больше не является «совокупностью взглядов», а определяется как «система взглядов», направленных на «обеспечение... безопасности личности, общества и государства», а не на конкретные цели государства.

Соответственно изменению содержания документа трансформировалась его составляющая, посвященная защите традиционных духовно-нравственных ценностей. Если в Стратегии 2015 г.¹⁵ им были посвящены отдельные подпункты

¹¹ См.: Указ Президента РФ от 02.07.2021 № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // СЗ РФ. 2021. № 27 (ч. II), ст. 5351.

¹² См.: Указ Президента РФ от 09.11.2022 № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» // СЗ РФ. 2022. № 46, ст. 7977.

Традиционные ценности – нравственные ориентиры, формирующие мировоззрение граждан России, передаваемые от поколения к поколению, лежащие в основе общероссийской гражданской идентичности и единого культурного пространства страны, укрепляющие гражданское единство, нашедшие свое уникальное, самобытное проявление в духовном, историческом и культурном развитии многонационального народа России (п. 4 Указа Президента РФ от 09.11.2022 № 809).

¹³ См.: СЗ РФ. 1997. № 52, ст. 5909.

¹⁴ См.: СЗ РФ. 2000. № 2, ст. 170.

¹⁵ См.: Стратегия национальной безопасности Российской Федерации (утв. Указом Президента РФ от 31.12.2015 № 683) // СЗ РФ. 2016. № 1 (ч. I), ст. 212.

п. 30¹⁶ и 76, относящие сохранение и приумножение традиционных российских духовно-нравственных ценностей как основы российского общества к вопросам культуры, хотя созидательный труд и был отнесен к числу таковых (п. 78), то в действующей Стратегии защите традиционных российских духовно-нравственных ценностей, культуры и исторической памяти как национальному интересу (п/п. 7 п. 25) посвящен отдельный объемный подраздел, которым установлен и незакрытый перечень традиционных российских духовно-нравственных ценностей (п. 91)¹⁷.

В развитие положений Стратегии национальной безопасности Указом Президента РФ от 9 ноября 2022 г. № 809 были утверждены Основы государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей¹⁸ (далее – Основы).

После придания содержанию традиционных ценностей правовой формы к наметившимся ранее направлениям исследований традиционных духовно-нравственных ценностей в воспитании, образовании и семье добавились поиски соответствующего материала применительно к отраслевым юридическим наукам, прежде всего семейному праву¹⁹, конституционному праву²⁰, уголовному праву и криминологии²¹ с попыткой ограничения семейно-правовых, конституционно-правовых и уголовно-правовых

¹⁶ «Национальными интересами на долгосрочную перспективу являются сохранение и развитие культуры, традиционных российских духовно-нравственных ценностей».

¹⁷ «Жизнь, достоинство, права и свободы человека, патриотизм, гражданственность, служение Отечеству и ответственность за его судьбу, высокие нравственные идеалы, крепкая семья, созидательный труд, приоритет духовного над материальным, гуманизм, милосердие, справедливость, коллективизм, взаимопомощь и взаимоуважение, историческая память и преемственность поколений, единство народов России».

¹⁸ Основы являются документом стратегического планирования в сфере обеспечения национальной безопасности Российской Федерации, определяющим систему целей, задач и инструментов реализации стратегического национального приоритета «Защита традиционных российских духовно-нравственных ценностей, культуры и исторической памяти» в части, касающейся защиты традиционных российских духовно-нравственных ценностей (п. 1 Основ).

¹⁹ См.: Тогузаева Е. Н. Нормативное развитие института пропаганды традиционных семейных ценностей // Известия Саратовского ун-та. Сер.: экономика, управление, право. 2022. Т. 22. № 3. С. 310–315.

²⁰ См.: Рудакова О. Н. Правовое обеспечение традиционных ценностей как основы конституционных ценностей // Право и государство: теория и практика. 2023. № 4 (220). С. 97–99.

²¹ См.: Маслов И. С. Укрепление российских традиционных духовно-нравственных ценностей – основа противодействия деструктивному информационно-психологическому воздействию // Право и государство: теория и практика. 2022. № 2. С. 31–36.

традиционных ценностей. Появились и пока еще редкие фундаментальные монографические исследования²².

Трудовые отношения при этом до настоящего дня находятся вне сферы специальных научных разработок в контексте нахождения традиционно-ценостных оснований. Работ в направлении исследования ценности созидательного труда в традиционном духовно-нравственном контексте до сих пор не последовало, хотя эта тема и вызывает живой интерес. Ведь до трети своей сознательной жизни человек посвящает общественно-полезному труду. По степени вовлеченности, ценности созидательного труда уступают, пожалуй, только семейным, в которых каждый человек играет ту или иную роль, как правило, всю свою жизнь. Поэтому не случайно созидательный труд отнесен п. 5 Основ к числу традиционных духовно-нравственных ценностей.

Легализация понятия потребовала определения более четких критериев отнесения ценностей к числу традиционных и наполнения их определенным содержанием, в том числе и правовым. В качестве таковых в исследованиях предлагалось использовать религиозный – закрепление ценностных установок в религиозных доктринах и устоях²³. Прежде всего поиск традиционных ценностей предполагалось осуществлять в традиционных для России религиозных учениях²⁴. В этом вопросе мы солидарны с Н. В. Летовой, полагающей, что традиционные ценности «не могут быть ограничены только религиозными взглядами и убеждениями, хотя, безусловно, они являются одной из составных частей их содержания»²⁵. Учитывая много-конфессиональность и самобытность российской нации, руководствуясь применительно к трудовым отношениям лишь религиозными установками, нам

²² См.: Зорькин В.Д. Право против хаоса. 2-е изд., испр. и доп. М., 2019; Савенков А. Н. Нюрнберг: Приговор во имя Мира. М., 2021.

²³ См.: Мчедлова М. М. Межрелигиозные отношения и социальная консолидация в России // Вестник росс. нации. 2018. № 4 (62). С. 11–27; Исаева А. А. Запрет оскорблений религиозных чувств верующих и реализация прав человека: сравнительно-правовой анализ // Конституционное и муниципальное право. 2013. № 4. С. 37–42; Меньшиков А. С. Свобода совести и защита чувств верующих: права человека в контексте постсекулярной модерности // Известия УрФУ. Сер. 3: Общественные науки. 2017. Т. 12. № 4 (170). С. 27–36; и др.

²⁴ Особая роль традиционных для России религий в формировании и развитии традиционных духовно-нравственных ценностей подчеркивается в Основах.

²⁵ Летова Н. В. Традиционные семейные ценности как объект защиты государством, их значение в формировании духовно-нравственной основы российского общества // Государство и право. 2024. № 4.

сложно было бы определить даже традиционный для всех день отдыха²⁶ или взаимодействия супругов²⁷.

Желательным, но не обязательным, на наш взгляд, представляется и межпоколенческое их признание в качестве таковых. Легализация и ее уровень является необходимым атрибутом всех перечисленных признаков. «Правовая система страны должна опираться на национальные традиции и ценности»²⁸.

Специалисты в области конституционного права предлагают поиск элемента традиционности в ценностях, закрепленных нормами Конституции РФ. «Признавая и защищая права человека, Конституция устанавливает пределы притязаний на защиту таких прав, не признавая правами те, которые явно входят в конфликт с ценностями, традиционными для российского общества»²⁹. Правоведы находят возможным согласовывать традиционные духовные ценности с отраслевыми принципами и нормами³⁰. Во всех этих предложениях очевидно присутствует отраслевая специфика, избежать которой и нам при изучении ценностей труда также едва ли удастся. Да это и будет контрпродуктивным. Исследование столь сложного предмета, хотя и предполагает философские обобщения, все же реально осуществимо «по частям» – по отраслям права, обобщенный результат изучения которых и позволит в итоге представить единую концепцию.

Рассматривать в качестве традиционных ценностей исключительно принципы права также возможно только с рядом оговорок. Система принципов права сложна и многогранна. Так, В. Н. Скobelkin в свое время предлагал все принципы построения права разделить на шесть групп: закрепленные в юридических нормах; отраженные, но не сформулированные в нормах права; закрепленные в имеющем обязательную силу акте органа-правоприменителя при пассивном отношении к этому законодателя; не получившие

²⁶ См.: Михайлова Е. В., Чуча С. Ю., Летова Н. В., Соловяненко Н. И. Судебная и несудебная защита гражданских, семейных и трудовых прав в условиях глобализации и цифровизации государства и общества // Государство и право. 2022. № 9. С. 66–74. DOI: 10.31857/S102694520022201-2

²⁷ См.: Насилие как негативное социальное явление: правовые средства противодействия / отв. ред. Н. В. Летова. М., 2023.

²⁸ Матвиенко В. И. Правовая система страны должна опираться на национальные традиции и ценности // Парламентская газ. 2016. 12 авг.

²⁹ Медведев Д. А. 25 лет Конституции: баланс между свободой и ответственностью // Закон. 2008. № 12. С. 3–7.

³⁰ См.: Иванов А. А., Малахова С. С. Традиционные духовно-нравственные ценности и правовые принципы: сравнительный анализ юридических категорий // Теология. Философия. Право. 2022. № 2 (18). С. 49–56.

официального закрепления законодателем или правоприменителем, но применяемые на практике; закрепленные в праве, но в данное время не работающие; сформулированные наукой, но не закрепленные в правовых нормах и не используемые в правовом регулировании³¹.

Возьмем для примера только один институт – социальное партнерство в сфере труда, которое само по себе рассматривается в качестве принципа трудового права учеными³² и принципа правового регулирования труда законодателем (ст. 2 ТК РФ). Основными принципами правового регулирования трудовых отношений и иных непосредственно связанных с ними отношений признаются (ст. 2 ТК РФ³³), в частности: обеспечение права на объединение для защиты своих прав и интересов; обеспечение права работников на участие в управлении организацией; сочетание государственного и договорного регулирования трудовых отношений; социальное партнерство, включающее право на участие работников, работодателей, их объединений в договорном регулировании трудовых отношений. Это – отраслевые принципы правового регулирования труда, причем имеющие непосредственное отношение к регулированию социального партнерства.

Обеспечение реализации принципов собственно института социального партнерства (ст. 24); принципа института коллективного договора, входящего в институт социального партнерства (ст. 37); той части отраслевых принципов правового регулирования трудовых отношений и иных непосредственно связанных с ними отношений (ст. 2), которые непосредственно пронизывают и институт социального партнерства, возложено Конституцией на Правительство РФ, а их содержание раскрывается в нормах Трудового кодекса РФ³⁴.

Иными словами, принципы представляют собой многоплановое, распространенное на всех уровнях правового регулирования и доктрины явление, в большинстве своем становящееся основой традиционных ценностей лишь в своей совокупности и с опорой на конституционные нормы.

Всегда существовали попытки достижения согласия между работниками и работодателями. Это

³¹ См.: Скobelkin V. N. Юридические гарантии трудовых прав рабочих и служащих. М., 1969.

³² См.: Гонцов Н. И. Социальное партнерство (юридический аспект) // Российское законодательство: теория, практика, проблемы развития. Пермь, 1997. С. 98.

³³ См.: СЗ РФ. 2002. № 1 (ч. I), ст. 3.

³⁴ См.: Чуча С. Ю. Социальное партнерство в сфере регулирования трудовых и иных непосредственно связанных с ними отношений // Государство и право. 2022. № 1. С. 130–142. DOI: 10.31857/S102694520018280-9

необходимо для нормального функционирования промышленного производства, да и любых социальных систем вообще. Основной вопрос заключается в том, насколько эффективно сотрудничают и доверяют друг другу партнеры, а также в принципах, которыми они руководствуются. Правовое регулирование не должно допускать и конфронтации, и объявления общности всех интересов работников и работодателей. Для этого необходима разноуровневая система правовых норм, регулирующих соответствующий круг общественных отношений.

Предпочтение при определении традиционных ценностей нам следует отдавать закрепленным в праве и Конституции РФ прежде всего основным началам. Применительно к трудовым отношениям особо следует выделять принципы социального партнерства и уважения человека труда, закрепленные прямо и косвенно в Конституции РФ³⁵ и Основах³⁶ как непосредственные спутники ценности созидательного труда, учитывающие социальную направленность отрасли и личностные качества работника, его подчиненное положение в отношениях с работодателем и право участия в переговорном процессе с работодателем по всему спектру связанных с трудом проблем в ходе совместной созидательной деятельности.

Стремление выразить уважение к работающим людям исторически присутствовало в России. В разные периоды нашей истории, в зависимости от политической системы, Россия объявлялась государством рабочих и крестьян и даже диктатурой пролетариата. Хотя Конституция в то время не содержала прямого указания об уважении трудящихся, сам по себе смысл ее норм свидетельствовал об этом³⁷. Конституционное закрепление в ст. 75¹

³⁵ «Уважение к человеку труда, социальное партнерство, экономическая солидарность – важнейшие принципы, которые мы заложили в обновленную Конституцию. И нужно, чтобы эти положения Конституции работали на уровне каждого района, региона, отрасли, города, в конкретных трудовых коллективах и предприятиях» (см.: Путин В. В. Выступление Президента РФ на церемонии подписания Генерального соглашения между общероссийскими объединениями профсоюзов, общероссийскими объединениями работодателей и Правительством России на 2021–2023 годы // Сайт Президента РФ // <http://www.kremlin.ru/events/president/news/65257> (дата обращения: 02.04.2023)).

³⁶ «Коллективизм», «взаимопомощь и взаимоуважение», «созидательный труд» (п. 5 Указа Президента РФ от 09.11.2022 № 8090); распространение деструктивной идеологии влечет за собой риски снижения «роли социального партнерства», обесценивания идей «созидательного труда и взаимопомощи» (п/п. «б» п. 17 Основ).

³⁷ Например, ст. 1 Конституции СССР 1977 г. (см.: Правда. 1977. 8 окт.).

соответствующая норма получила только в 2020 г. в результате масштабной реформы Основного Закона³⁸.

Следует различать внешнюю (формальную) и внутреннюю (содержательную) стороны реализации принципа уважение человека труда в отраслевом законодательстве.

Пример формальной стороны обнаруживаем в части первой ст. 57 ТК РФ, посвященной содержанию трудового договора, в котором первой должна указываться информация о работнике, а уже за тем – о работодателе.

Как пример внутренней реализации конституционной гарантии можно привести множество норм, включенных в разделы Трудового кодекса РФ, которые обеспечивают стабильность трудовых отношений, гарантии и компенсации работникам. Среди них выделяется одна, которая является основной, базовой и наиболее характерной для рассматриваемой конституционной гарантии. Трудоправовая суть конституционной гарантии уважения человека труда – стабильность трудовых отношений, обеспечиваемая прежде всего нормой ст. 75 ТК РФ. Она представляет собой своеобразный маркер. Без нее сложно говорить о равенстве сторон трудового договора: ведь работник не будет обладать свободой воли, автоматически следя за судьбой работодателя, определяемой последним самостоятельно.

Особенность трудового договора состоит в том, что он предполагает выполнение трудовых обязанностей непосредственно работником, заключившим договор, личный труд. Такое соглашение является гуманистичным и сосредоточено на человеке. Даже если работодатель осуществляет реорганизацию, меняется собственник предприятия или его представитель, работник остается неизменным и не может быть заменен в договоре. В случае же увольнения работника трудовой договор прекращается. В рамках трудовых отношений юридически важна только личность работника, а не личность работодателя³⁹, эти отношения носят исключительно личный характер⁴⁰. Новые формы

³⁸ См.: Закон РФ о поправке к Конституции Российской Федерации от 14.03.2020 № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти» // Официальное опубликование правовых актов. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202003140001> (дата обращения: 02.08.2023).

³⁹ См.: Фатуев А.А. Трудовое право в жизни человека. М., 1991. С. 113.

⁴⁰ См.: Курс российского трудового права. Т. 3: Трудовой договор / науч. ред. Е.Б. Хохлов. СПб., 2007. С. 501; Лушникова М.В., Лушников А.М. Курс трудового права: в 2 т. Т. 2. Трудовые права в системе прав человека. Индивидуальное трудовое право: учеб. М., 2004. С. 155.

организации труда вполне допустимы, когда они сопутствуют новым способам организации производства, при которых стабильность трудовых отношений может уйти на второй план⁴¹. Подмена же стабильности трудовых отношений различными их «гибкими» способами в классических формах организации труда, правовое регулирование которых пускай и нуждается в совершенствовании⁴², неприемлема.

Для традиционного российского правопонимания, в т.ч. и трудовых отношений, характерна этатистская картина мира⁴³. Именно поэтому в российских условиях крайне важно прямое и недвусмысленное государственное признание социального партнерства, уважения человека труда в качестве конституционной гарантии, а также правовых средств защиты созидающего труда как традиционной духовно-нравственной ценности российского общества.

* * *

Итак, традиционные духовно-нравственные ценности, сохраняемые и укрепляемые государством, не могут противоречить духовным ценностям традиционных для России религий, должны получить отражение в правовых нормах и прежде всего – конституционных для придания им признака всеобщности. Эти не противоречащие религиозным и нравственным⁴⁴ закрепленные в Конституции РФ ценности могут и должны конкретизироваться в отраслевых принципах и нормах. Признак системности совокупность традиционных ценностей приобретает благодаря Указу Президента РФ от 9 ноября 2022 г. № 809. Для того, чтобы получить охрану и укрепление со стороны государства, эти сформированные в том числе и в ходе религиозного развития нравственные ориентиры, нашедшие свое уникальное, самобытное проявление в духовном, историческом и культурном развитии многонационального народа России, должны быть нормативно закреплены в отечественном законодательстве, включая Конституцию РФ.

⁴¹ См.: Чуча С.Ю. Теория трудовых правоотношений в условиях трансформации сферы труда: обозначение проблемы // Государство и право. 2023. № 3. С. 153–157. DOI: 10.31857/S102694520024820-3

⁴² См.: Чуча С.Ю. Приостановление действия трудового договора // Государство и право. 2023. № 6. С. 91–98. DOI: 10.31857/S102694520026146-1

⁴³ См.: Демидов Н.В. Закономерности практической реализации норм трудового права: историко-правовой аспект // Вестник Томского гос. ун-та. Право. 2020. № 35. С. 172, 173. DOI: 10.17223/22253513/35/15; Рузин С.В. Правосознание промышленных рабочих России во второй половине XIX – начале XX в. и его роль в трансформации Российского государства: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Владимир, 2012. С. 11.

⁴⁴ См.: Рассадина Т.А. Трансформации традиционных русских ценностей в нравственных ориентациях россиян. М., 2004.

Не претендуя на полный охват традиционных духовно-нравственных ценностей созидательного труда, исходя из этих критериев, следует особо выделить в их ряду социальное партнерство и уважение человека труда, в том числе и как правовые средства защиты. Могут быть определены и иные традиционные ценности созидательного труда. Нами предложена методология изучения традиционных духовно-нравственных ценностей, сгруппированных по отраслевому признаку.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Барышникова В. В. Традиционные религиозные ценности в современных мультикультурных обществах // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. 2018. Т. 19. № 4. С. 255–261. DOI: 10.25991/VRHGA.2018.19.3.009
2. Бачерихина М. В. Защита традиционных российских ценностей и исторической памяти // Modern Science. 2021. № 9–2. С. 81–83.
3. Варламова Н. В., Васильева Т. А. Права человека: традиционные ценности, универсальные стандарты, новые вызовы // Государство и право. 2023. № 3. С. 165–187. DOI: 10.31857/S102694520024781-0
4. Виноградова Е. В. Антитеза общепризнанных принципов и норм и государственной конституционной идентичности в современной полицентрической системе международных отношений // Труды ИГП РАН. 2023. Т. 16. № 3. С. 28–40. DOI: 10.35427/2073-4522-2021-16-3-vinogradova
5. Гонцов Н. И. Социальное партнерство (юридический аспект) // Российское законодательство: теория, практика, проблемы развития. Пермь, 1997. С. 98.
6. Демидов Н. В. Закономерности практической реализации норм трудового права: историко-правовой аспект // Вестник Томского гос. ун-та. Право. 2020. № 35. С. 172, 173. DOI: 10.17223/22253513/35/15
7. Ефремова В. Н. Традиционные ценности и современные российские праздники: публичные практики и нарративы // Вестник Пермского ун-та. Политология. 2022. Т. 16. № 3. С. 41–51. DOI: 10.17072/2218-1067-2022-3-41-51
8. Ефремова Н. Н. Суд в современном государстве: традиционные ценности и актуальные проблемы организации правосудия // Труды ИГП РАН. 2016. № 1. С. 81–89.
9. Зорькин В. Д. Право против хаоса. 2-е изд., испр. и доп. М., 2019.
10. Иванов А. А., Малахова С. С. Традиционные духовно-нравственные ценности и правовые принципы: сравнительный анализ юридических категорий // Теология. Философия. Право. 2022. № 2 (18). С. 49–56.
11. Исаева А. А. Запрет оскорблений религиозных чувств верующих и реализация прав человека: сравнительно-правовой анализ // Конституционное и муниципальное право. 2013. № 4. С. 37–42.
12. Кроткова Н. В., Орехова Т. Р. Межвузовская научно-практическая конференция «Традиционные духовно-нравственные ценности как основа правового развития в XXI веке» // Государство и право. 2023. № 3. С. 188–200. DOI: 10.31857/S102694520024824-7
13. Курс российского трудового права. Т. 3: Трудовой договор / науч. ред. Е. Б. Хохлов. СПб., 2007. С. 501.
14. Летова Н. В. Материнство и детство как основа семейной политики: современность и историческое наследие // Государство и право. 2023. № 3. С. 120–127. DOI: 10.31857/S102694520024778-6
15. Летова Н. В. Традиционные семейные ценности как объект защиты государством, их значение в формировании духовно-нравственной основы российского общества // Государство и право. 2024. № 4.
16. Лушникова М. В., Лушников А. М. Курс трудового права: в 2 т. Т. 2. Трудовые права в системе прав человека. Индивидуальное трудовое право: учеб. М., 2004. С. 155.
17. Маслов И. С. Укрепление российских традиционных духовно-нравственных ценностей – основа противодействия деструктивному информационно-психологическому воздействию // Право и государство: теория и практика. 2022. № 2. С. 31–36.
18. Матвиенко В. И. Правовая система страны должна опираться на национальные традиции и ценности // Парламентская газ. 2016. 12 авг.
19. Медведев Д. А. 25 лет Конституции: баланс между свободой и ответственностью // Закон. 2008. № 12. С. 3–7.
20. Меньшиков А. С. Свобода совести и защита чувств верующих: права человека в контексте постсекулярной модерности // Известия УрФУ. Сер. 3: Общественные науки. 2017. Т. 12. № 4 (170). С. 27–36.
21. Михайлова Е. В., Чуча С. Ю., Летова Н. В., Соловяненко Н. И. Судебная и несудебная защита гражданских, семейных и трудовых прав в условиях глобализации и цифровизации государства и общества // Государство и право. 2022. № 9. С. 66–74. DOI: 10.31857/S102694520022201-2
22. Мчедлова М. М. Межрелигиозные отношения и социальная консолидация в России // Вестник росс. нации. 2018. № 4 (62). С. 11–27.
23. Насилие как негативное социальное явление: правовые средства противодействия / отв. ред. Н. В. Летова. М., 2023.
24. Новикова С. В., Постоляко Л. С., Балеевских Ф. В. Традиционные семейные ценности как предмет правового мышления: герменевтический подход // Kant. 2021. № 3 (40). С. 153–158.
25. Овчинников А. И. Национальная безопасность и традиционные духовно-нравственные ценности: вопросы законодательного обеспечения // Вестник юридического факультета ЮФУ. 2022. Т. 9. № 1. С. 35–42.
26. Путин В. В. Выступление Президента РФ на церемонии подписания Генерального соглашения между общероссийскими объединениями профсоюзов, общероссийскими объединениями работодателей и Правительством России на 2021–2023 годы // Сайт Президента РФ // <http://www.kremlin.ru/events/president/news/65257> (дата обращения: 02.04.2023).

27. *Рассадина Т.А.* Трансформации традиционных русских ценностей в нравственных ориентациях россиян. М., 2004.
28. *Рудакова О. Н.* Правовое обеспечение традиционных ценностей как основы конституционных ценностей // Право и государство: теория и практика. 2023. № 4 (220). С. 97–99.
29. *Рузин С.В.* Правосознание промышленных рабочих России во второй половине XIX – начале XX в. и его роль в трансформации Российского государства: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Владимир, 2012. С. 11.
30. *Савенков А.Н.* Глобальный кризис современности как предмет философии права // Государство и право. 2019. № 4. С. 5–19. DOI: 10.31857/S013207690004632-7
31. *Савенков А.Н.* Нюорнберг: Приговор во имя Мира. М., 2021.
32. *Скобелкин В.Н.* Юридические гарантии трудовых прав рабочих и служащих. М., 1969.
33. *Тогузаева Е.Н.* Нормативное развитие института пропаганды традиционных семейных ценностей // Известия Саратовского ун-та. Сер.: экономика, управление, право. 2022. Т. 22. № 3. С. 310–315.
34. *Фатуев А.А.* Трудовое право в жизни человека. М., 1991. С. 113.
35. *Чимаров С.Ю., Шеянов К.В.* Педагогический аспект воспитания личного состава органов внутренних дел на концептуальных основах традиционных российских духовно-нравственных ценностей // Междунар. журнал гуманитарных и естественных наук. 2022. № 1–3 (64). С. 32–34.
36. *Чуча С.Ю.* Приостановление действия трудового договора // Государство и право. 2023. № 6. С. 91–98. DOI: 10.31857/S102694520026146-1
37. *Чуча С.Ю.* Социальное партнерство в сфере регулирования трудовых и иных непосредственно связанных с ними отношений // Государство и право. 2022. № 1. С. 130–142. DOI: 10.31857/S102694520018280-9
38. *Чуча С.Ю.* Теория трудовых правоотношений в условиях трансформации сферы труда: обозначение проблемы // Государство и право. 2023. № 3. С. 153–157. DOI: 10.31857/S102694520024820-3
39. *Щербина А.В.* Традиционные ценности в аналитических перспективах социологии // Дискурс. 2022. Т. 8. № 3. С. 56–69.
40. *Якушев П.А.* Фактические сожительства мужчин и женщин: проблемы институционализации в контексте традиционных ценностей // Государство и право. 2019. № 12. С. 104–112. DOI: 10.31857/S013207690007823-7
41. *Berk N., Madmarov N.* Traditional values and Institutional Quality // Spatial Economics. 2021. Vol. 17. No. 3. Pp. 38–58.
42. *Yakushev P.* The Traditional Values in Judicial Practice // Kazan University Law Review. 2022. No. 3. Vol. 7. Pp. 88–101.
2. *Bachernikhina M.V.* Protection of traditional Russian values and historical memory // Modern Science. 2021. No. 9–2. Pp. 81–83 (in Russ.).
3. *Varlamova N.V., Vasilieva T.A.* Human rights: traditional values, universal standards, new challenges // State and Law. 2023. No. 3. Pp. 165–187. DOI: 10.31857/S102694520024781-0 (in Russ.).
4. *Vinogradova E.V.* The antithesis of generally recognized principles and norms and state constitutional identity in the modern polycentric system of international relations // Proceedings of the IGP RAS. 2023. Vol. 16. No. 3. Pp. 28–40. DOI: 10.35427/2073-4522-2021-16-3-vinogradova (in Russ.).
5. *Gontsov N.I.* Social partnership (legal aspect) // Russian legislation: theory, practice, problems of development. Perm, 1997. P. 98 (in Russ.).
6. *Demidov N.V.* Patterns of practical implementation of labor law norms: historical and legal aspect // Herald of the Tomsk State University. Law. 2020. No. 35. Pp. 172, 173. DOI: 10.17223/22253513/35/15 (in Russ.).
7. *Efremova V.N.* Traditional values and modern Russian holidays: public practices and narratives // Herald of the Perm University. Political science. 2022. Vol. 16. No. 3. Pp. 41–51. DOI: 10.17072/2218-1067-2022-3-41-51 (in Russ.).
8. *Efremova N.N.* The court in the modern state: traditional values and current problems of the organization of justice // Proceedings of the IGP RAS. 2016. No. 1. Pp. 81–89 (in Russ.).
9. *Zorkin V.D.* Law against chaos. 2nd ed., rev. and add. М., 2019 (in Russ.).
10. *Ivanov A.A., Malakhova S.S.* Traditional spiritual and moral values and legal principles: a comparative analysis of legal categories // Theology. Philosophy. Law. 2022. No. 2 (18). Pp. 49–56 (in Russ.).
11. *Isaeva A.A.* Prohibition of insulting religious feelings of believers and the realization of human rights: comparative legal analysis // Constitutional and Municipal Law. 2013. No. 4. Pp. 37–42 (in Russ.).
12. *Krotkova N.V., Orehkova T.R.* Interuniversity scientific and practical conference “Traditional spiritual and moral values as the basis of legal development in the XXI century” // State and Law. 2023. No. 3. Pp. 188–200. DOI: 10.31857/S102694520024824-7 (in Russ.).
13. Course of Russian Labor Law. Vol. 3: Labor contract / scientific ed. E.B. Khokhlov. SPb., 2007. P. 501 (in Russ.).
14. *Letova N.V.* Motherhood and childhood as the basis of family policy: modernity and historical heritage // State and Law. 2023. No. 3. Pp. 120–127. DOI: 10.31857/S102694520024778-6 (in Russ.).
15. *Letova N.V.* Traditional family values as an object of protection by the state, their importance in the formation of the spiritual and moral basis of Russian society // State and Law. 2024. No. 4 (in Russ.).
16. *Lushnikova M.V., Lushnikov A.M.* Course of Labor Law: in 2 vols. Vol. 2. Labor rights in the human rights system. Individual labor law: textbook. М., 2004. P. 155 (in Russ.).
17. *Maslov I.S.* Strengthening of Russian traditional spiritual and moral values is the basis for countering destructive informational and psychological effects // Law and the State: Theory and Practice. 2022. No. 2. Pp. 31–36 (in Russ.).

REFERENCES

1. *Baryshnikova V.V.* Traditional religious values in modern multicultural societies // Herald of the Russian Christian Humanitarian Academy. 2018. Vol. 19. No. 4. Pp. 255–261. DOI: 10.25991/VRHGA.2018.19.3.009 (in Russ.).

18. *Matvienko V.I.* The country's legal system should be based on national traditions and values // *Parlamentskaya gaz.* 2016. 12 Aug. (in Russ.).
19. *Medvedev D.A.* 25 years of the Constitution: the balance between freedom and responsibility // *Law.* 2008. No. 12. Pp. 3–7 (in Russ.).
20. *Menshikov A.S.* Freedom of conscience and protection of the feelings of believers: human rights in the context of post-secular modernity // *Izvestiya UrFU. Ser. 3: Social Sciences.* 2017. Vol. 12. No. 4 (170). Pp. 27–36 (in Russ.).
21. *Mikhailova E.V., Chucha S. Yu., Letova N.V., Solovyannenko N.I.* Judicial and non-judicial protection of civil, family and labor rights in the context of globalization and digitalization of the state and society // *State and Law.* 2022. No. 9. Pp. 66–74. DOI: 10.31857/S102694520022201-2 (in Russ.).
22. *Mchedlova M. M.* Interreligious relations and social consolidation in Russia // *Herald of the Russian Nation.* 2018. No. 4 (62). Pp. 11–27 (in Russ.).
23. Violence as a negative social phenomenon: legal means of counteraction / ed. by N. V. Letova. M., 2023 (in Russ.).
24. *Novikova S.V., Postolyako L.S., Baleevskikh F.V.* Traditional family values as a subject of legal thinking: a hermeneutic approach // *Kant.* 2021. No. 3 (40). Pp. 153–158 (in Russ.).
25. *Ovchinnikov A.I.* National security and traditional spiritual and moral values: issues of legislative support // *Herald of the Faculty of Law of the Southern Federal University.* 2022. Vol. 9. No. 1. Pp. 35–42 (in Russ.).
26. *Putin V.V.* Speech by the President of the Russian Federation at the signing ceremony of the General Agreement between All-Russian trade union associations, All-Russian employers' associations and the Government of Russia for 2021–2023 // Website of the President of the Russian Federation // <http://www.kremlin.ru/events/president/news/65257> (accessed: 02.04.2023) (in Russ.).
27. *Rassadina T.A.* Transformations of traditional Russian values in the moral orientations of Russians. M., 2004 (in Russ.).
28. *Rudakova O.N.* Legal support of traditional values as the basis of constitutional values // *Law and the State: Theory and Practice.* 2023. No. 4 (220). Pp. 97–99 (in Russ.).
29. *Ruzin S.V.* The legal consciousness of the industrial workers of Russia in the second half of the nineteenth and early twentieth centuries and its role in the transformation of the Russian state: abstract ... PhD in Law. Vladimir, 2012. P. 11 (in Russ.).
30. *Savenkov A.N.* The global crisis of modernity as a subject of Philosophy of Law // *State and Law.* 2019. No. 4. Pp. 5–19. DOI: 10.31857/S013207690004632-7 (in Russ.).
31. *Savenkov A.N.* Nuremberg: Verdict for name of Peace. M., 2021 (in Russ.).
32. *Skobelkin V.N.* Legal guarantees of labor rights of workers and employees. M., 1969 (in Russ.).
33. *Toguzaeva E.N.* Normative development of the institute of propaganda of traditional family values // *Izvestiya Saratov University. Ser.: economics, management, law.* 2022. Vol. 22. No. 3. Pp. 310–315 (in Russ.).
34. *Fatuev A.A.* Labor Law in human life. M., 1991. P. 113 (in Russ.).
35. *Chimarov S. Yu., Sheyanov K.V.* The pedagogical aspect of the education of the personnel of the internal affairs bodies on the conceptual foundations of traditional Russian spiritual and moral values // *International Journal of Humanities and Natural Sciences.* 2022. No. 1–3 (64). Pp. 32–34 (in Russ.).
36. *Chucha S. Yu.* Suspension of an employment contract // *State and Law.* 2023. No. 6. Pp. 91–98. DOI: 10.31857/S102694520026146-1 (in Russ.).
37. *Chucha S. Yu.* Social partnership in the field of regulation of labor and other directly related relations // *State and Law.* 2022. No. 1. Pp. 130–142. DOI: 10.31857/S102694520018280-9 (in Russ.).
38. *Chucha S. Yu.* Theory of labor relations in the conditions of transformation of the sphere of labor: designation of the problem // *State and Law.* 2023. No. 3. Pp. 153–157. DOI: 10.31857/S102694520024820-3 (in Russ.).
39. *Shcherbina A.V.* Traditional values in analytical perspectives of sociology // *Discourse.* 2022. Vol. 8. No. 3. Pp. 56–69 (in Russ.).
40. *Yakushev P.A.* Actual cohabitation of men and women: problems of institutionalization in the context of traditional values // *State and Law.* 2019. No. 12. Pp. 104–112. DOI: 10.31857/S013207690007823-7 (in Russ.).
41. *Berk N., Madmarov N.* Traditional values and Institutional Quality // *Spatial Economics.* 2021. Vol. 17. No. 3. Pp. 38–58.
42. *Yakushev P.* The Traditional Values in Judicial Practice // *Kazan University Law Review.* 2022. No. 3. Vol. 7. Pp. 88–101.

Сведения об авторе

ЧУЧА Сергей Юрьевич –
доктор юридических наук, профессор,
главный научный сотрудник
сектора процессуального права
Института государства и права
Российской академии наук;
119019 г. Москва, ул. Знаменка, д. 10

Authors' information

CHUCHA Sergey Yu. –
Doctor of Law, Professor,
Chief Researcher, Procedural Law Department,
Institute of State and Law
of the Russian Academy of Sciences;
10 Znamenka str., 119019 Moscow, Russia

СИСТЕМА МЕР УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ПРИНУЖДЕНИЯ: КАКИЕ ПРИЗНАКИ УКАЗЫВАЮТ НА ЕЕ СУЩЕСТВОВАНИЕ?

© 2024 г. С. Б. Россинский

Институт государства и права Российской академии наук, г. Москва

E-mail: s.rossinsky@gmail.com

Поступила в редакцию 16.01.2024 г.

Аннотация. В статье предпринята попытка рассмотрения всего множества существующих в настоящее время мер уголовно-процессуального принуждения с точки зрения теории систем, то есть посредством сопоставления с известными признаками системности: единством, целостностью, взаимосвязью элементов, структурностью и упорядоченностью, иерархичностью построения, множественностью описаний, динамичностью развития. Отмечается, что совокупность предусмотренных для уголовной юстиции мер принуждения отвечает лишь двум из указанных признаков. Одновременно анализируются обстоятельства, препятствующие распознаванию в данной совокупности остальных признаков системности. В результате формулируется вывод, что система мер уголовно-процессуального принуждения – это очередной никак не обоснованный и ничем не подтвержденный доктринальный миф, который обязан своим возникновением неверным юридическо-техническим подходам, предполагающим стремление к группированию положений закона вне зависимости от сущности, содержания и правовой природы соответствующих приемов и процедур.

Ключевые слова: государственное принуждение, денежное взыскание, задержание подозреваемого, иные меры принуждения, меры пресечения, меры уголовно-процессуального принуждения, обязательство о явке, правоограничительные механизмы, система мер принуждения, совокупность мер принуждения.

Цитирование: Россинский С.Б. Система мер уголовно-процессуального принуждения: какие признаки указывают на ее существование? // Государство и право. 2024. № 6. С. 120–127.

DOI: 10.31857/S1026945224060107

SYSTEM OF CRIMINAL MEASURES PROCEDURAL COERCION: WHAT SIGNS INDICATE FOR ITS EXISTENCE?

© 2024 S. B. Rossinskiy

Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow

E-mail: s.rossinskiy@gmail.com

Received 16.01.2024

Abstract. The article attempts to consider the entire set of currently existing measures of criminal procedural coercion from the point of view of systems theory, that is, through comparison with the known signs of systematicity: unity, integrity, interconnection of elements, structure and orderliness, hierarchical structure, multiplicity of descriptions, dynamic development. It is noted that the totality of coercive measures provided for criminal justice meets only two of the specified characteristics. At the same time, circumstances are analyzed that prevent the identification of other signs of systematicity in a given set. As a result, the conclusion is formulated that the system of measures of criminal procedural coercion is another, in no way substantiated and unsubstantiated doctrinal myth, which owes its emergence to incorrect legal and technical approaches that imply a desire to group the provisions of the law, regardless of the essence, content and legal the nature of the relevant techniques and procedures.

Key words: state coercion, monetary recovery, detention of a suspect, other coercive measures, preventive measure, measures of criminal procedural coercion, obligation to appear, law enforcement mechanisms, system of coercive measures, set of coercive measures.

For citation: Rossinskiy, S.B. (2024). System of criminal measures procedural coercion: what signs indicate for its existence? // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 6, pp. 120–127.

Меры уголовно-процессуального принуждения – это особые правоограничительные приемы, пригодные к использованию в следственной (дознавательской) и судебной практике в качестве инструментов внешнего воздействия на поведение подозреваемых, обвиняемых, а также некоторых иных лиц, непредрасположенных к надлежащему исполнению установленных законом предписаний и запретов, то есть препятствующих либо способных воспрепятствовать продуктивному решению задач досудебного или судебного производства по уголовному делу¹. Являясь достаточно жесткими формами реализации дискреционных полномочий органов дознания, предварительного следствия и суда, они подлежат применению лишь в отношении невластных участников уголовно-процессуальных отношений, при наличии строго определенных правовых условий, ввиду соответствующих оснований и посредством издания специальных правоприменительных актов, а наиболее строгие, выраженные в ограничении конституционных прав личности – не иначе как путем вынесения судебных решений. Причем в жесткости мер уголовно-процессуального принуждения, в их явно более обременительном характере

по сравнению с принудительными приемами, применяемыми в иных сферах публично-правового регулирования, нет ничего удивительного – в силу вполне понятных причин именно уголовное судопроизводство сопряжено с самыми высокими рисками неисполнения существующих предписаний и запретов, в том числе с возможностью активного противодействия предварительному расследованию и судебному разбирательству.

По этим же причинам меры принуждения всегда являлись непреложным атрибутом уголовного судопроизводства (любой иной деятельности, направленной на обеспечение возможности уголовной репрессии), были и остаются присущи работе органов уголовной юстиции любых государств, любым существовавшим и существующим правопорядкам. В частности, некоторые из них упоминались еще в архаичных сводах законов и других источниках права Московского государства и Российской Империи, другие обязаны своим возникновением Уставу уголовного судопроизводства Российской Империи 1864 г., третьи стали результатом советского уголовно-процессуального правотворчества и т.д. Однако лишь в действующем процессуальном законе была предпринята первая попытка их «поселения под одной крышей» – все положения о мерах принуждения были собраны вместе, помещены в общий раздел Уголовно-процессуального кодекса РФ.

¹ См., напр.: Корикуков В.М. Меры процессуального принуждения в уголовном судопроизводстве. Саратов, 1978. С. 20; Курс уголовного процесса / под ред. Л.В. Головко. М., 2016. С. 522.

По всей видимости, подобное правотворческое решение стало одним из шагов, направленных на реализацию глобального замысла разработчиков проекта УПК РФ, состоящего в стремлении к некоему упорядочению многих институтов уголовно-процессуального права, а если быть точнее, к объединению ранее разрозненных, но схожих по каким-либо критериям положений в общие главы и разделы УПК РФ. Ведь аналогичные шаги одновременно были предприняты и в отношении принципов уголовного судопроизводства, участников уголовного судопроизводства, правовой основы уголовного преследования и т.д.

Правда, вполне вероятно, что такие решения были вызваны и какими-то другими причинами. Однако, в сущности, по крайней мере в контексте замыслов настоящей статьи, подобные детали не так уж и важны. В любом случае ясно одно: законодатель постарался собрать все положения о мерах принуждения вместе, в разд. IV УПК РФ, состоящий из трех самостоятельных глав, посвященных соответственно задержанию подозреваемого (гл. 12), мерам пресечения (гл. 13) и т.н. иным мерам уголовно-процессуального принуждения (гл. 14).

В этой связи в ряде доктринальных источников высказываются, по крайней мере подразумеваются, идеи о существовании и нормативном закреплении некой системы мер уголовно-процессуального принуждения. Хотя одновременно обращается внимание на ее серьезные недостатки, лакуны, «белые пятна». В частности, говорится об ее неполноте, о невключении в нее ряда оставшихся «за скобками» процессуально-принудительных приемов — т.н. «мер принуждения не в чистом виде», о принципиально разном характере входящих в нее элементов и т.д.² Попутно формулируются различные предложения, направленные на устранение отмеченных недостатков посредством внесения ряда корректировок в нормативную регламентацию системы мер уголовно-процессуального принуждения³.

Возможно, что некоторые из таких позиций и предложений не лишены определенного смысла и при разумном использовании законодателем смогут оказать позитивное влияние на совершенствование уголовно-процессуального закона и оптимизацию правоприменительной практики.

² См., напр.: Копылова О.П. Меры принуждения в уголовном процессе. Тамбов, 2011. С. 13; Исеев Д.Р. Система мер принуждения и порядок их применения в уголовном процессе России: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Уфа, 2009. С. 6; Даровских С.М., Даровских О.И. Система мер принуждения в уголовном судопроизводстве России // Вестник Уфимского юридического ин-та МВД России. 2018. № 1. С. 62, 63.

³ См.: Муравьев К.В. Оптимальна ли регламентация системы мер процессуального принуждения в Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации? // Законы России: опыт, анализ, практика. 2018. № 5. С. 24–29.

Однако прежде чем соглашаться или не соглашаться с очередными (какими по счету?) правотворческими инициативами, необходимо разобраться с самим системным характером вытекающей из смысла УПК РФ совокупности мер принуждения, т.е. с приемлемостью/неприемлемостью ее позиционирования как полноценной системы. Иными словами, вначале требуется ответить на вопрос: действительно ли эта совокупность отвечает всем признакам системности, по крайней мере большинству из них, или является не более чем простым множеством различных правоограничительных механизмов, формально объединенных законодателем в одну большую «семью», говоря образно, «сваленных в одну кучу», называемую некоторыми авторами системой не более чем ради красного словца и (или) ввиду непонимания подлинного смысла данного термина.

В связи с чем такую совокупность требуется оценить с точки зрения общей теории систем и сопоставить с существенными признаками, позволяющими характеризовать некое множество элементов как систему. Решению указанной задачи и посвящена настоящая статья.

Итак, авторы научных публикаций по теории систем и системному анализу под системой обычно понимают целостную совокупность взаимосвязанных, расположенных в строгом порядке и играющих строго определенную роль элементов⁴. А к признакам системы традиционно относят: а) единство; б) целостность; в) взаимосвязь элементов; г) структурность и упорядоченность; г) иерархичность; е) множественность описания; ж) динамичность развития⁵. Но соответствует ли таким подходам вытекающая из смысла разд. IV УПК РФ совокупность мер принуждения? Ответ на этот вопрос представляется далеко не таким однозначным, каковым он должен являться в случае безусловного признания некоего множества элементов полноценной системой.

Думается, что такая совокупность отвечает лишь двум из указанных признаков: 1) структурности и упорядоченности, подразумевающей нахождение всякого элемента на «своем месте», т.е. выполнение

⁴ См., напр.: Гвишиани Д.М. Избранные труды по философии, социологии и системному анализу / под ред. Ю.С. Попкова, В.Н. Садовского, А.А. Сеитова. М., 2007. С. 245; Садовский В.Н. Система // Новая философская энциклопедия: в 4 т. / под ред. М.С. Ковалева, Е.И. Лакирева, Л.В. Литвинова и др. М., 2010. Т. 3. С. 552, 553.

⁵ См., напр.: Месарович М., Такахара Я. Общая теория систем: математические основы / пер. с англ. Э.Л. Наппельбаума; под ред. С.В. Емельяновой. М., 1978. С. 9–11; Блауберг И.В. Проблема целостности и системный подход. М., 1997. С. 249–258; Павлов С.Н. Теория систем и системный анализ. Томск, 2003. С. 7–13; Волкова В.Н., Денисов А.А. Теория систем и системный анализ. М., 2014. С. 43–46.

каждым из них строго отведенной роли – любая из предусмотренных УПК РФ мер принуждения действительно характеризуется собственным предназначением, а возникающие в связи с их правильным выбором трудности обуславливаются сугубо практическими причинами, например недостаточным профессионализмом некоторых правоприменителей, сложностью и неоднозначностью обстоятельств многих уголовных дел и т.п.; 2) *динаминости, способности к развитию* в зависимости от объективно существующих факторов – ввиду постоянных и достаточно частных изменений и дополнений, вносимых в уголовно-процессуальное законодательство, в том числе в разд. IV УПК РФ, в соответствии со-вокупности мер принуждения данному признаку вообще не может быть никаких сомнений.

Вместе с тем сопоставление всей совокупности процессуально-принудительных приемов с другими признаками системности уже не приводит к столь позитивным результатам. При детальном рассмотрении и осмыслении всех нюансов правового регулирования мер уголовно-процессуального принуждения их вроде бы как системная организация начинает представляться далеко не такой однозначной.

Например, такую совокупность вряд ли можно оценить как отвечающую признаку *единства*, подразумевающему унифицированный, в определенном смысле безальтернативный характер соответствующей системы. В противном случае в нее надлежало бы включить все предусмотренные для дознавательской, следственной и судебной практики принудительные приемы, по крайней мере нацеленные именно на подавление намерений участников тех или иных правоотношений при нежелании добровольного исполнения установленных запретов и предписаний. Однако разд. IV УПК РФ охватывает далеко не все подобные правоограничительные механизмы, далеко не все средства принудительного воздействия на поведение невластных субъектов уголовно-процессуальной деятельности: некоторые из них установлены другими положениями уголовно-процессуального права – как уже было отмечено выше, на этот нюанс уже обращалось внимание в целом ряде научных публикаций.

Конечно, можно было бы согласиться с некоторыми авторами, полагающими, что подобным способом законодатель пытается отграничить процессуальные приемы, предназначенные исключительно для принуждения, от механизмов, имеющих иное «титульное» предназначение и сопряженных с возможностью использования средств принудительного воздействия лишь в случаях возникновения соответствующей потребности – тех самых, вышеупомянутых «мер принуждения не в чистом виде», например освидетельствования, обыска, выемки и т.д. В частности, подобную позицию

высказывают авторы Курса уголовного процесса под редакцией Л. В. Головко: говорится о мерах принуждения в широком смысле, охватывающем все существующие принудительные приемы, и узком смысле, ограниченном содержанием разд. IV УПК РФ. При этом правовая регламентация последних увязывается с автономным правовым институтом, сформированным по целевому признаку – входящие в него меры предлагается отграничивать от других форм процессуально-принудительного воздействия, например используемых в ходе обыска в жилище и т.п., на основании изначальной направленности на подавление воли какого-либо невластного субъекта как единственной цели любого подобного приема⁶.

Однако полностью признать справедливость подобных оценок все-таки достаточно сложно. Ведь разд. IV УПК РФ предусматривает далеко не все процессуальные приемы, не имеющие иных целей кроме оказания принудительного воздействия на поведение участников досудебного или судебного производства по уголовному делу⁷. К примеру, «за скобками» этого раздела остаются нормы, позволяющие поместить обвиняемого (подозреваемого) в стационар для проведения экспертного исследования (ст. 203 УПК РФ), удалить нарушителя установленного порядка из зала судебного заседания либо отключить его от видео-конференц-связи (ч. 1, 3 ст. 258 УПК РФ). Причем подобные правотворческие решения вряд ли можно объяснить банальной невнимательностью или забывчивостью законодателя. Скорее разработчики проекта Кодекса, будучи одержимы стремлением к систематизации мер принуждения, просто не решились посягнуть на другие нормативно закрепленные системы – не захотели «потрошить» хорошо разработанные и давно устоявшиеся институты уголовно-процессуального права, в частности институты судебной экспертизы и общих условий судебного разбирательства.

К слову, несоответствие вытекающей из смысла разд. IV УПК РФ совокупности мер принуждения системообразующему признаку единства можно уразуметь при ее сравнении с другими известными системами, входящими в предмет уголовно-процессуального регулирования, например с ранее попадавшей в предмет научных изысканий системой следственных действий. Как отмечалось в прежних публикациях, обеспечению единства системы следственных действий способствуют общие правила их проведения, единообразные требования к фиксации их хода и результатов, идентичные виды формируемых доказательств и другие

⁶ См.: Курс уголовного процесса / под ред. Л. В. Головко. С. 521, 522.

⁷ См.: Муравьев К. В. Указ. соч. С. 26.

обстоятельства⁸. Аналогичные или другие существенные сходства можно обнаружить при анализе прочих процессуально-правовых систем⁹.

Однако выявить какие-либо единые, по крайней мере схожие, атрибуты у предусмотренных разд. IV УПК РФ мер принуждения (разве что за исключением общего принудительного метода правового воздействия на поведение участвующих в уголовном деле лиц) представляется крайне затруднительным. По всей вероятности, подобные сходства можно обнаружить лишь в правовой регламентации мер пресечения как одной из разновидностей процессуально-принудительных приемов, включенных в достаточно «сбитую», имеющую богатую историю автономную подгруппу (гл. 13 УПК РФ) – именно она, а не вся совокупность мер принуждения более всего соответствует сущности системы в целом и признаку системного единства в частности. Тогда как другие меры принуждения представляют собой достаточно разрозненные, направленные на решение совершенно разных задач, предлагающие совершенно разную природу, различные основания, правые условия и механизмы реализации правоограничительные приемы, на что также неоднократно обращалось внимание в научных публикациях¹⁰.

Существующее множество мер принуждения вряд ли можно положительно оценить и на предмет соответствия еще одному признаку системности – целостности, предполагающему принципиальную несводимость свойств системы к совокупности свойств входящих в нее элементов, равно как и наоборот, невыводимость из таких элементов свойств всей системы. Данная совокупность просто не располагает какими-то общими свойствами, превращающими ее в некий самостоятельный правовой феномен. В связи с чем гипотетическое упразднение разд. IV УПК РФ (за исключением гл. 13), сопровождаемое разумным распределением содержащихся в нем положений по другим разделам и главам УПК РФ – наподобие юридико-технической модели, свойственной для советского процессуального законодательства, – не принесет негативных последствий для правоприменительной практики.

⁸ См.: *Россинский С. Б.* Досудебное производство по уголовному делу: сущность и способы собирания доказательств. М., 2021. С. 129.

⁹ См.: *Миличова А. В.* Система уголовно-процессуальных актов органов предварительного следствия // Евразийский юридический журнал. 2019. № 7 (134). С. 302, 303; *Калачеева А. В.* Система органов дознания Российской Федерации // Юридическое образование и наука. 2024. № 1. С. 39–43.

¹⁰ См., напр.: *Булатов Б. Б.* Государственное принуждение в уголовном судопроизводстве. Омск, 2003. С. 42; *Вершинина С. И.* Нормативно-правовая сущность уголовно-процессуального принуждения. М., 2017. С. 127.

Тем более что некоторые признаваемые в настоящее время мерами принуждения механизмы вообще представляются достаточно странными, по крайней мере явно не соответствующими правовым инструментам, подлежащим включению в сферу уголовно-процессуального регулирования. В частности, таких оценок заслуживает задержание подозреваемого – правоограничительная операция, представляющая собой не столько классический процессуальный инструмент работы уголовной юстиции, сколько превентивную полицейскую меру обеспечительного характера, позволяющую безотлагательно ограничить право человека на свободу вплоть до его передачи в ведение судебно-следственных органов. В публикациях автора настоящей статьи уже неоднократно заявлялось о потребности в депроцессуализации института задержания подозреваемого, в его выведении из предмета уголовно-процессуального регулирования, а также о необходимости его регламентации посредством отдельного законодательного акта межотраслевого характера¹¹.

Таковым видится и денежное взыскание, являющееся типичной карательной формой государственного возмездия за неисполнение (ненадлежащее исполнение) участником уголовного судопроизводства адресованных ему процессуальных запретов или предписаний (ст. 117 УПК РФ). Несуразность правотворческого решения об отнесении денежного взыскания к мерам уголовно-процессуального принуждения должна быть очевидна любому специалисту, понимающему различие между материальным (деликтным) и процессуальным правом, – по своей сути оно является не столько процессуально-правоограничительным приемом, сколько «штрафной» формой юридической ответственности, явно напоминающей административные наказания за другие проступки в сфере правосудия, установленные гл. 17 КоАП РФ. И в этой связи в более ранних публикациях автора настоящей статьи уже говорилось о необходимости исключения положений о денежном взыскании из УПК РФ с одновременным введением соответствующих дополнений в КоАП РФ¹².

Не менее странным представляется еще один предусмотренный действующим уголовно-процессуальным законодательством прием – обязательство о явке, состоящее в письменном

¹¹ См.: *Россинский С. Б.* Задержание подозреваемого: конституционно-межотраслевой подход. М., 2019. С. 175; *Его же.* Цели и основания задержания подозреваемого: в чем причины существующих противоречий? // Вестник Сибирского юридического института МВД России. 2023. № 3 (52). С. 15.

¹² См.: *Россинский С. Б.* Денежное взыскание как мера уголовно-процессуального принуждения: «За» и «Против» // Уголовно-процессуальное право: понятие, содержание, источники: материалы науч.-практ. конф., посвященной 100-летию со дня рождения проф. Д.С. Карева. М., 2006. С. 214, 215.

«обещании» человека своевременно являться по вызовам в органы предварительного расследования или суд, а также незамедлительно уведомлять о смене места своего жительства (ст. 112 УПК РФ). Необычность этого якобы правоограничительного механизма видится в том, что, будучи формально включенным в совокупность мер принуждения, на самом деле никакого принудительного воздействия на поведение участников в уголовном деле лиц он не предполагает, а фактически сводится к подтверждению кем-либо из них своих пока еще добровольных намерений по исполнению установленных обязанностей. Тем более что, несмотря на вытекающую из смысла законодательства номинальную угрозу наступления неких неблагоприятных последствий (ч. 2 ст. 112 УПК РФ), какие-либо санкции за нарушение данного обязательства в реальности не предусмотрены, в связи с чем ее «коэффициент полезного действия» фактически стремится к нулю.

Хотя причины, некогда побудившие законодателя к введению данной меры принуждения в сферу уголовно-процессуального регулирования, достаточно очевидны. Во-первых, это позволяет преодолеть известную правотворческую догму, предопределенную стремлениями к абсолютизации прав обвиняемых (подозреваемых) и выраженную в их номинальном освобождении от каких-либо процессуальных обязанностей. Ведь сугубо формально ни одна норма Кодекса не предписывает указанным субъектам являться по вызовам дознавателя, следователя либо суда — такие обязанности надежно спрятаны, замаскированы и усматриваются лишь из смысла других положений закона, в связи с чем могут быть возложены на определенных лиц только посредством специальных распорядительных приемов, в частности получения письменного обязательства о явке.

А во-вторых, потребность в таком механизме возникла в связи с существованием давно подлежащего ликвидации¹³ нормативного анахронизма — требования о приоритетности избрания меры пресечения в отношении обвиняемого и возможности ее применения к подозреваемому только в исключительных случаях, причем на весьма непродолжительный срок. В этой связи обязательство о явке становится хорошим подспорьем в ходе проведения ordinaryных и сокращенных дознаний в порядке гл. 32 и 32¹ УПК РФ, по общему правилу не предполагающих возможности привлечения в качестве обвиняемого и, следовательно, избрания в отношении лица одной из мер уголовно-процессуального пресечения, в первую очередь подписки о невыезде и надлежащем поведении. К слову, о распространенности

¹³ См.: Россинский С.Б. Правовые условия применения мер уголовно-процессуального пресечения приводят к поспешности и необоснованности обвинения // Законы России: опыт, анализ, практика. 2018. № 5. С. 36.

практики использования обязательства о явке именно сотрудниками органов дознания отмечается в целом ряде публикаций, посвященных данной научной проблематике¹⁴.

Предусмотренное разд. IV УПК РФ множество мер принуждения не отвечает еще одному признаку системности — *взаимосвязи элементов*, выражаящемуся в их определенной зависимости друг от друга, в отражении недостатков функционирования одного из них на остальных, в первую очередь расположенных рядом, элементах системы. Многие из существующих в настоящее время процессуально-принудительных приемов (опять-таки же за исключением мер пресечения) являются автономными и вполне самодостаточными правоограничительными механизмами, не имеющими отношения к другим, в том числе соседним по месту «прописки» соответствующих нормативных положений, мерам принуждения. При этом наименее предрасположенными к взаимосвязи видятся положения гл. 14 УПК РФ — они лишены какого-либо объединяющего стержня и представляют собой хаотичный набор никоим образом не связанных друг с другом правовых инструментов, объединенных в одну общность по остаточному принципу¹⁵.

Сугубо отрицательные выводы напрашиваются при сопоставлении совокупности существующих мер принуждения с остальными признаками системности — *иерархичностью*, подразумевающей особый принцип построения любой системы и взаиморасположения входящих в нее элементов, при котором каждый из них тоже обладает свойствами самостоятельной, но более локальной системы (подсистемы), и *множественностью описаний*, предполагающей возможность ее рассмотрения с позиций разных областей научного знания. Как отмечалось выше, среди всех предусмотренных УПК РФ процессуально-принудительных приемов подлинные свойства полноценной системы (подсистемы) можно обнаружить лишь в части нормативной регламентации мер уголовно-процессуального пресечения, тогда как задержание подозреваемого и иные меры принуждения подобными свойствами не обладают. Кроме того, их совокупность вряд ли способна стать предметом исследований, проводимых в рамках близких к уголовному судопроизводству, но все же иных областей научного знания: криминалистики, юридической психологии,

¹⁴ См., напр.: Давлетов А.А., Политыко О.Е. Проблема исключительности применения меры пресечения к подозреваемому // Росс. юстиция. 2018. № 6. С. 52; Гараева Т.Б. Обязательство о явке в уголовном процессе: сущность, основания и особенности применения // Научный вестник Омской академии МВД России. 2021. № 2 (81). С. 106.

¹⁵ См.: Булатов Б.Б. Указ. соч. С. 43.

организации правоохранительной деятельности и т.д. Конечно, отдельные меры принуждения просто не могут не представлять интереса с точки зрения каких-либо из этих наук. Например, задержание подозреваемого неоднократно рассматривалось в публикациях по оперативно-розыскной и административной деятельности органов исполнительной власти, заключение под стражу – в трудах по уголовно-исполнительному праву, временное отстранение от должности – в статьях по трудовому праву и т.п. Однако все эти публикации не касались и в силу понятных причин не могут касаться всей совокупности различных по своей природе и способам воздействия на поведение участвующих в уголовном деле лиц мер принуждения.

* * *

Таким образом, предусмотренную уголовно-процессуальным законодательством совокупность принудительных приемов никоим образом нельзя считать полноценной системой, отвечающей всем или по крайней мере большинству признаков системности. Представляется, что система мер уголовно-процессуального принуждения – это очередной, никак не обоснованный и ничем не подтвержденный доктринальный миф. Причем он обязан своим возникновением лишь стремлению законодателя к использованию особой юридической техники, предполагающей разложение всего нормативного контента «по полочкам» вне зависимости от сущности, содержания и родственности невольно попадающих в одну группу положений уголовно-процессуального права.

Разумны ли подобные подходы к правотворчеству? Способствуют ли они надлежащему развитию уголовно-процессуальной доктрины, законодательства и правоприменительной практики? По всей вероятности, нет, поскольку, как было показано выше, приводят к возникновению очередных надуманных «теорий». Кроме того, такие подходы пагубно сказываются на качестве законодательства и уровне профессионализма осуществляющих его реализацию судей, прокуроров, следователей, дознавателей, адвокатов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Блауберг И.В.* Проблема целостности и системный подход. М., 1997. С. 249–258.
2. *Булатов Б.Б.* Государственное принуждение в уголовном судопроизводстве. Омск, 2003. С. 42, 43.
3. *Вершинина С. И.* Нормативно-правовая сущность уголовно-процессуального принуждения. М., 2017. С. 127.
4. *Волкова В.Н., Денисов А.А.* Теория систем и системный анализ. М., 2014. С. 43–46.
5. *Гараева Т.Б.* Обязательство о явке в уголовном процессе: сущность, основания и особенности применения // Научный вестник Омской академии МВД России. 2021. № 2 (81). С. 106.
6. *Гвишиани Д.М.* Избранные труды по философии, социологии и системному анализу / под ред. Ю.С. Попкова, В.Н. Садовского, А.А. Сеитова. М., 2007. С. 245.
7. *Давлетов А.А., Политыко О.Е.* Проблема исключительности применения меры пресечения к подозреваемому // Росс. юстиция. 2018. № 6. С. 52.
8. *Даровских С.М., Даровских О.И.* Система мер принуждения в уголовном судопроизводстве России // Вестник Уфимского юридического ин-та МВД России. 2018. № 1. С. 62, 63.
9. *Исеев Д. Р.* Система мер принуждения и порядок их применения в уголовном процессе России: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Уфа, 2009. С. 6.
10. *Калачева А. В.* Система органов дознания Российской Федерации // Юридическое образование и наука. 2024. № 1. С. 39–43.
11. *Копылова О.П.* Меры принуждения в уголовном процессе. Тамбов, 2011. С. 13.
12. *Корнуков В. М.* Меры процессуального принуждения в уголовном судопроизводстве. Саратов, 1978. С. 20.
13. Курс уголовного процесса / под ред. Л.В. Головко. М., 2016. С. 521, 522.
14. *Месарович М., Такахара Я.* Общая теория систем: математические основы / пер. с англ. Э.Л. Наппельбаума; под ред. С.В. Емельяновой. М., 1978. С. 9–11.
15. *Миликова А. В.* Система уголовно-процессуальных актов органов предварительного следствия // Евразийский юрид. журнал. 2019. № 7 (134). С. 302, 303.
16. *Муравьев К. В.* Оптимальна ли регламентация системы мер процессуального принуждения в Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации? // Законы России: опыт, анализ, практика. 2018. № 5. С. 24–29.
17. *Павлов С.Н.* Теория систем и системный анализ. Томск, 2003. С. 7–13.
18. *Россинский С. Б.* Денежное взыскание как мера уголовно-процессуального принуждения: «За» и «Против» // Уголовно-процессуальное право: понятие, содержание, источники: материалы науч.-практ. конф., посвященной 100-летию со дня рождения проф. Д.С. Карева. М., 2006. С. 214, 215.
19. *Россинский С. Б.* Досудебное производство по уголовному делу: сущность и способы собирания доказательств. М., 2021. С. 129.
20. *Россинский С. Б.* Задержание подозреваемого: конституционно-межотраслевой подход. М., 2019. С. 175.
21. *Россинский С. Б.* Правовые условия применения мер уголовно-процессуального пресечения приводят к поспешности и необоснованности обвинения // Законы России: опыт, анализ, практика. 2018. № 5. С. 36.
22. *Россинский С. Б.* Цели и основания задержания подозреваемого: в чем причины существующих противоречий? // Вестник Сибирского юридического ин-та МВД России. 2023. № 3 (52). С. 15.

23. Садовский В.Н. Система // Новая философская энциклопедия: в 4 т. / под ред. М.С. Ковалева, Е.И. Лакирева, Л.В. Литвинова и др. М., 2010. Т. 3. С. 552, 553.

REFERENCES

1. Blauberger I.V. The problem of integrity and a systematic approach. M., 1997. Pp. 249–258 (in Russ.).
2. Bulatov B.B. State coercion in criminal proceedings. Omsk, 2003. Pp. 42, 43 (in Russ.).
3. Vershinina S.I. The regulatory and legal essence of criminal procedural coercion. M., 2017. P. 127 (in Russ.).
4. Volkova V.N., Denisov A.A. Systems theory and systems analysis. M., 2014. Pp. 43–46 (in Russ.).
5. Garayeva T.B. Obligation to appear in criminal proceedings: essence, grounds and features of application // Scientific bulletin of the Omsk academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2021. No. 2 (81). P. 106 (in Russ.).
6. Gvishiani D.M. Selected works on philosophy, sociology and system analysis / ed. by Yu.S. Popkov, V.N. Sadovskiy, A.A. Seitov. M., 2007. P. 245 (in Russ.).
7. Davletov A.A., Polityko O.E. The problem of the exclusivity of applying a preventive measure to a suspect // Russian Justice. 2018. No. 6. P. 52 (in Russ.).
8. Darovskikh S.M., Darovskikh O.I. System of coercive measures in criminal proceedings in Russia // Herald of the Ufa legal institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2018. No. 1. Pp. 62, 63 (in Russ.).
9. Iseev D.R. The system of coercive measures and the procedure for their application in criminal proceedings in Russia: abstract ... PhD in Law. Ufa, 2009. P. 6 (in Russ.).
10. Kalacheva A.V. System of investigative bodies of the Russian Federation // Legal education and science. 2024. No. 1. Pp. 39–43 (in Russ.).
11. Kopylova O.P. Coercive measures in criminal proceedings. Tambov, 2011. P. 13 (in Russ.).
12. Kornukov V.M. Measures of procedural coercion in criminal proceedings. Saratov, 1978. P. 20 (in Russ.).
13. Course in criminal procedure / ed. by L.V. Golovko. M., 2016. Pp. 521, 522 (in Russ.).
14. Mesarovich M., Takahara Y. General theory of systems: mathematical foundations / transl. from English E.L. Nappelbaum; ed. by S.V. Emelyanova. M., 1978. Pp. 9–11 (in Russ.).
15. Milikova A.V. System of criminal procedural acts of preliminary investigation bodies // Eurasian legal journal. 2019. No. 7 (134). Pp. 302, 303 (in Russ.).
16. Muravyov K.V. Is the regulation of the system of procedural coercive measures in the Criminal Procedure Code of the Russian Federation optimal? // Laws of Russia: experience, analysis, practice. 2018. No. 5. Pp. 24–29 (in Russ.).
17. Pavlov S.N. Systems theory and system analysis. Tomsk, 2003. Pp. 7–13 (in Russ.).
18. Rossinskiy S.B. Monetary recovery as a measure of criminal procedural coercion: “Pros” and “Cons” // Criminal procedural law: concept, content, sources: materials of the Scientific and Practical Conference dedicated to the 100th anniversary of the birth of Professor D.S. Karev. M., 2006. Pp. 214, 215 (in Russ.).
19. Rossinskiy S.B. Pre-trial proceedings in a criminal case: the essence and methods of collecting evidence. M., 2021. P. 129 (in Russ.).
20. Rossinskiy S.B. Detention of a suspect: a constitutional-intersectoral approach. M., 2019. P. 175 (in Russ.).
21. Rossinskiy S.B. Purposes and grounds for detaining a suspect: what are the reasons for the existing contradictions? // Herald of the Siberian law institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023. No. 3 (52). P. 36 (in Russ.).
22. Rossinskiy S.B. Legal conditions for the application of measures of criminal procedural restraint lead to haste and unfounded accusations // Laws of Russia: experience, analysis, practice. 2018. No. 5. P. 15 (in Russ.).
23. Sadovsky V.N. System // The New Philosophical Encyclopedia: in 4 vols. / ed. by M.S. Kovalev, E.I. Lakirev, L.V. Litvinov et al. M., 2010. Vol. 3. Pp. 552, 553 (in Russ.).

Сведения об авторе

РОССИНСКИЙ Сергей Борисович –
доктор юридических наук, доцент,
главный научный сотрудник сектора
уголовного права, уголовного процесса
и криминологии Института государства
и права Российской академии наук;
119019 г. Москва, ул. Знаменка, д. 10
ORCID: 0000-0002-3862-3188

Authors' information

ROSSINSKIY Sergey B. –
Doctor of Law, Associate Professor,
Chief Researcher of the Sector of Criminal Law,
Criminal Procedure and Criminology,
Institute of State and Law
of the Russian Academy of Sciences;
10 Znamenka str., 119019 Moscow, Russia

УДК 343

КРИМИНОЛОГИЧЕСКАЯ ОЦЕНКА МАСШТАБОВ ПОТРЕБЛЕНИЯ И ОБОРОТА НАРКОТИКОВ

© 2024 г. В. С. Соловьев

Краснодарский университет МВД России

E-mail: vladsolov'yev@mail.ru

Поступила в редакцию 04.09.2023 г.

Аннотация. В статье представлены результаты анонимного интернет-опроса пользователей социальных сетей об актуальности проблемы потребления и оборота наркотиков для современного мира, о возможностях респондентов приобрести наркотические средства, о частоте встреч респондентов с предложениями приобрести наркотики в реальной жизни, в сети Интернет и в сети Даркнет. Участники исследования ответили, есть ли среди их круга общения люди, употребляющие наркотики, выразили свое отношение к ним, высказались относительно возможности легализации «легких» наркотиков (например, марихуаны) и оценили потенциальную динамику количества потребителей этих наркотиков в случае принятия такого решения. Сравнивались ответы, данные респондентами на разных территориях, установлена корреляция между угрозами безопасности и уровнем преступности, связанной с незаконным оборотом наркотиков.

Ключевые слова: Интернет-опрос, социальные сети, оборот наркотиков, Даркнет, реклама наркотиков, потребитель наркотиков, легализация наркотиков.

Цитирование: Соловьев В. С. Криминологическая оценка масштабов потребления и оборота наркотиков // Государство и право. 2024. № 6. С. 128–136.

DOI: 10.31857/S1026945224060117

CRIMINOLOGICAL ASSESSMENT OF THE SCALE OF DRUG CONSUMPTION AND DRUG TRAFFICKING

© 2024 V. S. Solov'yev

Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia

E-mail: vladsolov'yev@mail.ru

Received 04.09.2023

Abstract. The article presents the results of an anonymous Internet survey of users of social networks on the relevance of the problem of drug consumption and trafficking in the modern world, on the ability of respondents to acquire drugs, on the frequency of respondents meeting with offers to purchase drugs in real life, on the Internet and on the Darknet. The study participants answered whether there are people who use drugs among their social circle, expressed their attitude towards them, spoke about the possibility of legalizing “soft” drugs (for example, marijuana) and assessed the potential dynamics of the number of users of these drugs if such a decision is made. The responses given by respondents in different territories were compared, a correlation was established between security threats and the level of crime associated with drug trafficking.

Key words: Internet survey, social networks, drug trafficking, Dark web, drug advertising, drug user, drug legalization.

For citation: Solov'yev, V.S. (2024). Criminological assessment of the scale of drug consumption and drug trafficking // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 6, pp. 128–136.

Проблема противодействия наркотизму на протяжении достаточно длительного времени сохраняет свою актуальность в масштабах как всего государства, так и отдельных субъектов Российской Федерации. Количество принимаемых и изменяемых нормативных актов в указанной сфере, постоянное присутствие проблемы в повестке дня государственных органов и должностных лиц, принятие и реализация федеральных, региональных и муниципальных программ противодействия потреблению и обороту наркотиков является свидетельством, с одной стороны, безусловной важности и опасности проблемы, а с другой – невозможности найти эффективные средства сдерживания наркоэкспансии. Данные официальной статистики, связанные с количеством правонарушений в сфере оборота наркотиков, количеством наркопотребителей, состоящих на специализированных учетах, не в силах сформировать объективную и достоверную картину наркоситуации. Для успешного противодействия незаконному обороту наркотиков субъектам профилактики необходима качественная научно обоснованная криминологическая оценка масштабов этого явления.

В качестве такой оценки предлагается проведенный с марта по май 2023 г. методом анкетирования анонимный интернет-опрос 1500 пользователей социальных сетей. Выборка респондентов осуществлялась по профилям в социальной сети «ВКонтакте» по полу, возрасту и месту проживания. Проанализировав содержание личной страницы потенциального респондента, член исследовательской группы обращался к нему, разъяснял суть исследования, просил перейти по ссылке и заполнить анкету. Сама анкета размещалась на сервере виртуальных исследований simpoll.ru.

Одной из задач членов исследовательской группы был анализ содержания личной страницы потенциального респондента. Необходимо было установить, что страница активна, на ней имеются фотографии и записи на «стене». Лишь в этом случае пользователь приглашался к участию в опросе.

Анкета включала в себя два блока вопросов – о масштабах потребления и оборота наркотиков в реальной и виртуальной среде, отношении респондентов к этой проблеме (11 вопросов) и о некоторых личностных характеристиках опрашиваемых (пол, возраст, образование, количество времени, проводимого в сети Интернет, и место проживания – 6 вопросов).

Анализ личностных характеристик опрошенных позволил получить следующую информацию. В исследовании приняли участие 48% респондентов мужского пола и 52% респондентов женского пола. Были опрошены пользователи из восьми возрастных групп: 14–15 лет (1%), 16–17 лет

(5%), от 18 до 24 лет (57%), от 25 до 30 лет (12%), от 31 года до 35 лет (8%), от 36 до 40 лет (6%), от 41 года до 50 лет (8%), старше 50 лет (3%). Уклон в пользу более молодых респондентов (практически три четверти из них моложе 30 лет) обусловлен как большей вовлеченностью лиц этого возраста в процессы цифровой коммуникации, так и большей уязвимостью молодежи перед наркотиками и наркобизнесом, о чем неоднократно говорилось в научных исследованиях¹.

Среди опрошенных половину составили лица с высшим образованием, по 19% – респонденты со средним общим и средним профессиональным образованием, по 4% – лица с основным общим образованием, а также с ученой степенью. Оставшиеся 4% респондентов в равных долях – это выпускники аспирантуры, не имеющие ученой степени, а также те, кто не имеет основного общего образования.

37% опрошенных проводят в сети Интернет, в социальных сетях свыше четырех часов в день, 33% – от двух до четырех часов в день, 23% – заходят туда ежедневно менее чем на два часа, 4% посещают сеть Интернет и социальные сети несколько раз в неделю, 1% – один раз в неделю, 2% – реже, чем раз в неделю. Количество времени, проводимого опрошенными в сети Интернет и социальных сетях, вселяет уверенность в том, что они с высокой долей вероятности могут столкнуться с рекламой или предложениями приобрести наркотические средства в информационно-телекоммуникационной среде при наличии там такой информации.

Жители городов федерального значения составили 10% опрошенных, лица, проживающие в областных, краевых, республиканских центрах – 39%, в крупных городах (более 100 тысяч жителей), не являющихся региональными центрами и городами федерального значения, – 26%, в небольших городах (менее 100 тысяч жителей) – 14%, в сельской местности – 11%.

Исследованием были охвачены 75 субъектов Российской Федерации, а также Республика Абхазия. Итоги подводились на уровне федеральных округов, что позволило исследовать возможную корреляционную связь между уровнем преступности, связанной с незаконным оборотом наркотиков, и полученными результатами. Удельный вес опрошенных с разных территорий следующий: Центральный федеральный округ – 18.8% (коэффициент преступности, связанной с незаконным оборотом наркотиков (далее – КФ), рассчитанный на 100 тыс. населения по статистическим

¹ См.: Готчина Л. В. Преступность несовершеннолетних и молодежи: состояние и перспективы // Росс. девиантологический журнал. 2021. № 1 (2). С. 307.

данным 2021 г., равен 93.1); Южный федеральный округ – 15.1% (Кф=116.8); Приволжский федеральный округ – 15.1% (Кф=115); Сибирский федеральный округ – 11.2% (Кф=125.3); Северо-Кавказский федеральный округ – 11.1% (Кф=99.3); Дальневосточный федеральный округ – 9.1% (Кф=157.4); Уральский федеральный округ – 8.3% (Кф=124); Северо-Западный федеральный округ – 7.1% (Кф=117.7); Республика Абхазия – 4.2% (Кф=97.2).

Средний коэффициент преступности, связанной с незаконным оборотом наркотиков, на территории Российской Федерации составил 118.6.

В начале опроса респондентам предлагалось выразить свое мнение о том, является ли проблема потребления и оборота наркотиков актуальной для современного мира. В результате установлено, что на территории России 20% респондентов считают эту проблему самой актуальной среди существующих социальных проблем. Половина опрошенных назвала исследуемую проблему одной из наиболее актуальных. 26% ответивших на вопрос посчитали проблему потребления и оборота наркотиков актуальной, однако отметили, что есть и гораздо более актуальные проблемы. Наконец, по 2% респондентов посчитали, что исследуемое явление либо вообще не является социальной проблемой, либо не отличается актуальностью. Наибольшие доли опрошенных, посчитавших потребление и оборот наркотиков самой актуальной социальной проблемой, являются жителями Приволжского (26%), Южного (22%) и Дальневосточного (22%) федеральных округов. Максимальный удельный вес тех, кто не считает потребление и оборот наркотиков социальной проблемой вообще, либо не признает ее актуальности, зафиксирован в Дальневосточном (8%) и Северо-Кавказском (7%) федеральных округах. И если для Северо-Кавказского федерального округа это было вполне ожидаемо (там зарегистрировано наименьшее в 2023 г. количество преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков, а коэффициент наркопреступности составляет 99.3 и ненамного превышает только коэффициент Центрального федерального округа, составляющий 93.1), то в Дальневосточном федеральном округе, где значение уровня преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков, максимальное по России (157.4) и 22% респондентов посчитали исследуемую проблему самой актуальной, такие результаты выглядят не совсем логично. Можно предположить, что максимальную актуальность проблемы потребления и оборота наркотиков отметили респонденты из дальневосточных регионов, лично сталкивавшиеся с ней. В Республике Абхазия исследуемую проблему считают самой актуальной 17% респондентов, одной из наиболее актуальных – 65%. 16% абхазских респондентов отметили, что проблема потребления

и оборота наркотиков является достаточно актуальной, однако есть и гораздо более актуальные проблемы. Не посчитали актуальной изучаемую проблему 2% опрошенных из Республики Абхазия.

В следующем вопросе анкеты участникам опроса предлагалось ответить, смогли бы они приобрести наркотики в случае, если бы такие вещества им вдруг понадобились. В результате установлено, что 57% российских респондентов не смогли бы приобрести наркотики, не знают как и где это можно сделать. 17% опрошенных знают как и где это можно сделать, однако сами приобрести наркотические средства не смогли бы. 16% респондентов утверждают, что смогли бы приобрести наркотики, однако для них это сделать было бы достаточно сложно. Для оставшихся 10% ответивших приобрести наркотические средства достаточно просто. Таким образом, 43% опрошенных из России знают, где можно приобрести наркотические средства. Согласно данным Федеральной службы государственной статистики, в России проживает около 120.5 млн человек в возрасте старше 14 лет (возраст опрошенных в ходе исследования)². Таким образом, проецируя результаты опроса на все население России, можно предположить, что около 51.8 млн человек знают, где можно приобрести наркотические средства, а 31.3 млн человек в случае необходимости смогли бы это сделать. Проще всего приобрести наркотические средства было бы жителям Дальневосточного и Северо-Западного федеральных округов (19% и 15% респондентов с этих территорий отметили, что смогли бы приобрести наркотики достаточно просто). В Дальневосточном федеральном округе суммарный удельный вес опрошенных, которые при желании смогли бы приобрести наркотики (тех, кому это сделать достаточно просто и тех, кому это сделать сложно, но они смогли бы), составил 52%. Это единственная территория, где доля таких лиц превысила половину. В среднем по России этот показатель составил 26%, т.е. показатель Дальнего Востока превышает среднероссийский в два раза. Сложнее всего приобрести наркотики жителям Северо-Кавказского и Сибирского федеральных округов (66% и 64% опрошенных указали, что не знают как и где это можно сделать). Также исследованием установлено, что среди тех, для кого приобрести наркотики достаточно просто, преобладают мужчины (68%) и лица в возрасте от 18 до 30 лет (69%). Среди респондентов из Республики Абхазия 48% ответили, что не смогли бы приобрести наркотические средства и не знают, как и где это можно сделать. 19% опрошенных ответили, что

² См.: Распределение населения по возрастным группам. Статистические сведения Федеральной службы государственной статистики. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/12781> (дата обращения: 25.06.2022).

смогли бы приобрести наркотики, однако для них это сделать было бы достаточно сложно. Такая же доля ответивших утверждает, что смогли бы приобрести наркотические средства, и для них это достаточно просто. 14% респондентов из Республики Абхазия ответили, что знают, как и где можно приобрести наркотики, однако сами это сделать бы не смогли.

Следующие два вопроса анкеты были о том, сталкивались ли респонденты с предложениями приобрести наркотики в реальной жизни (не в информационно-телекоммуникационном пространстве), а также в открытом сегменте сети Интернет (не в сети Даркнет (DarkNet)³). Никогда не сталкивались в реальной жизни с предложениями приобрести наркотики 69% российских опрошенных. Среди тех, кто встречал предложения приобрести наркотические средства в реальной жизни, 9% делали это достаточно часто, еще 22% – в единичных случаях. Обращает на себя внимание разница в доле опрошенных, часто сталкивавшихся с предложениями приобрести наркотики в реальной жизни, из разных федеральных округов России. Меньше всего таких респондентов оказалось в Северо-Кавказском (3%) и Южном (4%) федеральных округах, больше всего – в Сибирском (13%) и Дальневосточном (26%). Удельный вес опрошенных, часто сталкивавшихся в реальной жизни с предложениями приобрести наркотики, в Дальневосточном федеральном округе практически в три раза превышает среднероссийский показатель. Кроме того, это единственная территория, где доля респондентов, сталкивавшихся с предложениями приобрести наркотики в реальной жизни часто или в единичных случаях, превышает долю не сталкивавшихся и составляет 65% при среднероссийском показателе 31%. Наиболее часто с предложениями приобрести наркотики в реальной жизни сталкиваются мужчины (68% при удельном весе мужчин среди всех опрошенных 48%). В Республике Абхазия 5% опрошенных ответили, что достаточно часто сталкивались в реальной жизни с предложениями приобрести наркотики, еще 17% делали это в единичных случаях. Оставшиеся 78% респондентов из Республики Абхазия не встречали в реальной жизни предложений приобрести наркотические средства.

Практически аналогичные среднероссийские показатели зафиксированы при анализе ответов на вопрос о том, сталкивались ли опрошенные с предложениями приобрести наркотики

в открытом сегменте сети Интернет. Респондентам было разъяснено, что в вопросе под такими предложениями понимались объявления, реклама, деятельность интернет-магазинов. 69% опрошенных из России никогда не сталкивались с подобными предложениями, 22% – сталкивались в единичных случаях, 9% – сталкивались достаточно часто. Реже всего с предложениями приобрести наркотики в открытом сегменте сети Интернет сталкивались жители Северо-Кавказского (4%) и Центрального (6%) федеральных округов, чаще всего – респонденты из Уральского (14%), Сибирского (14%) и Дальневосточного (19%) федеральных округов. Наибольший удельный вес опрошенных, сталкивавшихся с предложениями приобрести наркотики в сети Интернет как часто, так и в единичных случаях, отмечается в Уральском (45%) и Дальневосточном (58%) федеральных округах. Чаще других с предложениями приобрести наркотики в открытом сегменте сети Интернет сталкивались мужчины (71%), лица в возрасте от 25 до 35 лет (28% при удельном весе представителей этих возрастных категорий среди всех опрошенных 20%), те, кто проводит в сети Интернет и социальных сетях более четырех часов в день (43% при доле таких лиц среди опрошенных 37%), а также жители крупных городов с населением более 100 тысяч человек, не являющихся региональными центрами и городами федерального значения (35% при удельном весе проживающих в таких населенных пунктах среди всех опрошенных 26%). Среди респондентов из Республики Абхазия 5% сталкивались с предложениями приобрести наркотики в открытом сегменте сети Интернет достаточно часто, 14% – в единичных случаях, 81% опрошенных не сталкивались вообще.

Для оценки масштабов распространения наркотиков в теневом сегменте сети Интернет (Даркнет) участникам исследования было предложено ответить на вопрос о том, знают ли они, что такая сеть Даркнет. В ходе анализа ответов были получены данные, что в России 46% опрошенных не знают об этом, 43% – знают в общих чертах, но сами этой сетью не пользуются, 7% – знают и пользуются достаточно редко, 4% – знают и пользуются достаточно часто. Таким образом, всего 11% российских опрошенных можно отнести к пользователям сети Даркнет. Наибольший удельный вес таких пользователей в Дальневосточном (21%), Сибирском (20%) и Уральском (20%) федеральных округах, наименьший удельный вес – в Северо-Кавказском (3%) и Южном (3%) федеральных округах. В Республике Абхазия 62% опрошенных не знают о том, что представляет собой сеть Даркнет, 34% – знают в общих чертах, но сами не пользуются, 2% респондентов знают и пользуются достаточно редко, 2% – знают и пользуются достаточно часто. На вопрос о том,

³ Термином «Даркнет» (DarkNet) обозначается сформировавшаяся в сети Интернет подсистема, которая объединяет технологии и коммуникации, призванные обеспечить анонимность их пользователей (в первую очередь – невозможность определения их реального IP-адреса, сведений об их личности и содержания передаваемых пакетов данных).

сталкивались ли респонденты с предложениями приобрести наркотики в сети Даркнет, отвечали только те из них, кто пользуется сетью Даркнет. Перед ответом на вопрос участникам исследования было разъяснено, что в вопросе под такими предложениями понимаются объявления, реклама, деятельность магазинов, торговых площадок в сети Даркнет. Анализ ответов на вопрос показал, что подавляющее большинство тех, кто пользуется сетью Даркнет, сталкивались там с предложениями приобрести наркотические средства. Среди российских опрошенных 53% делали это часто, еще 31% – в единичных случаях. Лишь 16% респондентов ответили, что не встречались с предложениями приобрести наркотики в сети Даркнет. Чаще всего с предложениями приобрести наркотики сталкивались пользователи сети Даркнет из Южного федерального округа. Удельный вес тех, кто встречался с подобными предложениями часто, составил 83%, а тех, кто встречался в единичных случаях – 17%. Таким образом, все респонденты из Южного федерального округа, пользующиеся сетью Даркнет, встречались там с предложениями приобрести наркотики. Кроме того, близкие к этому показатели зафиксированы в Приволжском федеральном округе (97% респондентов, пользующихся сетью Даркнет, сталкивались там с предложениями приобрести наркотики, их них 28% делали это часто, 69% – в единичных случаях). Единственный федеральный округ, в котором доля пользователей сети Даркнет, не сталкивавшихся там с предложениями приобрести наркотические средства, превышает половину (75%) – Северо-Кавказский. Оставшаяся четверть респондентов оттуда сталкивалась с предложениями приобрести наркотики в сети Даркнет в единичных случаях. Как и в случае с оценкой предложений приобрести наркотики в открытом сегменте сети Интернет, наиболее часто с такими предложениями, но уже в сети Даркнет, сталкиваются мужчины (74% опрошенных). Существенное превышениедельного веса респондентов, сталкивавшихся с предложениями приобрести наркотики в сети Даркнет, наддельным весом опрошенных в среднем в своих возрастных группах, наблюдается среди лиц в возрасте от 25 до 40 лет. Так, если среди всех опрошенных эти респонденты составляют 26%, то среди тех, кто сталкивался с предложениями приобрести наркотические средства в ходе пользования сетью Даркнет, они составили 41%. Половина респондентов из Республики Абхазия, пользующихся сетью Даркнет, встречала там предложения приобрести наркотики в единичных случаях, другая половина – не встречала вообще.

Респондентам, пользующимся сетью Даркнет, было предложено предположить, смогут ли они при необходимости купить наркотики в сети Даркнет. Им было разъяснено, что под покупкой

имеется в виду поиск продавца, расчеты с использованием электронных платежей или криптовалюты, возможность забрать наркотики (закладку) в условном месте. 75% российских опрошенных считают, что смогли бы сделать это. Максимальный удельный вес таких пользователей Даркнет зафиксирован в Южном федеральном округе (100%), также выше среднероссийских показатели Дальневосточного (86%) и Центрального (83%) федеральных округов. Меньше всего тех пользователей Даркнет, кто считает, что смог бы приобрести там наркотики, проживает в Сибирском федеральном округе (53%). 75% пользователей, выразивших уверенность в том, что они смогли бы приобрести наркотики в сети Даркнет, – это мужчины. Среди лиц в возрасте от 25 до 35 лет 32% полагают, что смогли бы приобрести наркотические средства в сети Даркнет, при том, что в среднем среди опрошенных на лиц этого возраста приходится 20% респондентов. Среди участников исследования из Республики Абхазия удельный вес тех, кто смог бы приобрести наркотики в Даркнет, и тех, кто не смог бы, разделился пополам.

Следующий вопрос анкеты был посвящен выяснению того, есть ли среди круга общения респондентов люди, употребляющие или ранее употреблявшие наркотики. В результате получены данные о том, что 61% российских респондентов не знакомы с людьми, употребляющими наркотические средства. 23% опрошенных имеют в своем круге общения людей, употребляющих или ранее употреблявших наркотики в единичных случаях. С лицами, постоянно или систематически потребляющими наркотики, однако не состоящими на соответствующем учете, знакомы 11% респондентов. Наконец, в круге общения 5% опрошенных имеются люди, страдающие наркоманией и состоящие на соответствующем учете у врача. Наибольшая доля респондентов, имеющих среди своих знакомых лиц, страдающих наркоманией, проживает на территории Дальневосточного (15%) и Сибирского (10%) федеральных округов, наименьшая – на территории Северо-Кавказского федерального округа (1%). Наиболее значительный удельный вес опрошенных, в круге общения которых присутствуют лица, постоянно или систематически потребляющие наркотики, однако не состоящие на соответствующем учете, зафиксирован в Сибирском (19%) и в Уральском (14%) федеральных округах. Меньше всего таких опрошенных также в Северо-Кавказском федеральном округе (5%). С людьми, употребляющими или ранее употреблявшими наркотики в единичных случаях, знакомы в основном жители Северо-Западного (40%) и Дальневосточного (33%) федеральных округов. Таким образом, большинство респондентов, указавших на то, что в их круге общения присутствуют

лица, употребляющие или ранее употреблявшие наркотики (в том числе систематически, постоянно или же страдающие наркоманией и состоящие в связи с этим на медицинском учете), проживает в Дальневосточном (60%) и Северо-Западном (56%) федеральных округах. Личностные характеристики российских респондентов, имеющих в своем круге общения лиц, употребляющих или ранее употреблявших наркотики, соответствуют аналогичным личностным характеристикам опрошенных в целом. Исключение составляет разве что более низкий удельный вес жителей сельской местности, знакомых с потребителями наркотиков (6% при доле сельских жителей среди всех опрошенных 11%). Среди респондентов из Республики Абхазия 44% не знакомы с лицами, употребляющими или ранее употреблявшими наркотические средства. 10% опрошенных знают людей, страдающих наркоманией и состоящих на соответствующем учете у врача. С лицами, постоянно или систематически употребляющими наркотики, однако не состоящими на соответствующем учете, знакомы 14% абхазских респондентов. Людей, употребляющих или ранее употреблявших наркотики в единичных случаях, знают 56% опрошенных из Республики Абхазия.

Респондентам было предложено ответить на вопрос о том, какова будет их реакция если они узнают, что кто-то из круга их общения начал употреблять наркотики. Наибольшая доля российских опрошенных (67%) постараётся убедить человека отказаться от употребления наркотиков. Перестанут общаться или минимизируют общение с такими людьми 18% респондентов. 12% опрошенных считают, что употребление наркотиков – это личный выбор каждого, поэтому их отношение к таким людям не изменится. 1% опрошенных отнесутся к потреблению наркотиков человеком из своего круга общения с одобрением и поддержкой. У респондентов была возможность дать свой вариант ответа на этот вопрос, чем воспользовались 2% из них. В ответах опрошенные указывали, что постараются отговорить, поддержать, выяснить причину, способствовать лечению (фактически давали более расширенный вариант ответа № 1), указывали на зависимость их решения от степени близости с человеком (близким они готовы оказать помощь, с не близкими – минимизировать общение) и вида потребляемых наркотиков (если человек употребляет «легкие» наркотики – отношение не изменится, если «тяжелые» – постараются переубедить и помочь). Встречались также ответы с сочетанием вариантов № 1 и № 2: респонденты указывали, что постараются переубедить и помочь, а если человек не прислушается – минимизируют с ним общение). Наиболее лояльно к потребителям наркотиков в своем окружении относятся жители

Северо-Западного федерального округа (23% опрошенных считают, что потребление наркотиков – это личный выбор каждого). Обращают на себя внимание 6% респондентов из Дальневосточного федерального округа, ответивших, что отнесутся с одобрением и поддержкой к потреблению наркотиков человеком из своего круга общения. Это шестикратное (!) превышение среднероссийского показателя. Среди респондентов из Республики Абхазия 70% постараются убедить человека из своего круга общения отказаться от употребления наркотиков, 14% считают, что потребление наркотиков – это личный выбор каждого, поэтому их отношение к таким людям не изменится. 11% опрошенных из Республики Абхазия перестанут общаться или минимизируют общение со своими знакомыми, начавшими употреблять наркотики, а 2% – отнесутся с одобрением и поддержкой.

Участникам исследования предлагалось высказать свое отношение к возможности легализации «легких» наркотиков (например, марихуаны) в странах, где они проживают. Большинство российских респондентов (57%) высказалось отрицательную оценку такой инициативы. Эти опрошенные видят минусы от этого и для общества в целом, и для себя лично. 20% респондентов из России к возможности легализации «легких» наркотиков относятся нейтрально, безразлично. 10% опрошенных заявили, что в целом относятся к легализации «легких» наркотиков отрицательно, хотя для себя лично минусов от этого не видят. В целом относятся к предложенной инициативе положительно, хотя для себя лично плюсов от этого не видят 9% опрошенных. Наконец, 4% респондентов заявили, что относятся к возможности легализации «легких» наркотиков положительно, видят плюсы от этого и для общества в целом, и для себя лично. Больше всего опрошенных, положительно оценивающих возможность легализации «легких» наркотиков, проживает на территории Северо-Западного федерального округа (в сумме 24% выбрали два последних варианта ответа при среднероссийском показателе 13%). Такой же удельный вес опрошенных из Северо-Западного федерального округа составляют лица, относящиеся к легализации «легких» наркотиков нейтрально. Таким образом, жители этой территории демонстрируют наиболее толерантное отношение к возможности легализации «легких» наркотиков в России, 48% из них относятся к подобной инициативе нейтрально либо положительно. В среднем же по России этот показатель составил 33%. Наименьшая доля сторонников легализации «легких» наркотиков (6%) – это жители Приволжского федерального округа. Положительное отношение к возможности легализации «легких» наркотиков в основном выражали мужчины (63% выбравших один из двух последних

вариантов ответа при доле участников исследования мужского пола 48%). Среди опрошенных из Республики Абхазия 62% относятся к возможности легализации «легких» наркотиков отрицательно, видят минусы от этого и для общества в целом, и для себя лично. 14% абхазских респондентов относятся к такой инициативе нейтрально, безразлично. В целом относятся к легализации «легких» наркотиков положительно, хотя для себя лично плюсов от этого не видят 13% опрошенных из Республики Абхазия. 6% респондентов отметили, что в целом к предложенной инициативе относятся отрицательно, однако для себя лично минусов от этого не видят. Относятся к возможности легализации «легких» наркотиков положительно, видят плюсы от этого и для общества в целом, и для себя лично 5% опрошенных из Республики Абхазия.

В заключительном вопросе анкеты участникам исследования предлагалось оценить, как изменилось бы количество наркотиков в случае, если бы в стране, где они проживают, было бы принято решение о легализации «легких» наркотиков. 45% российских опрошенных ответили, что в случае такого решения количество потребителей наркотических средств увеличилось бы, поскольку некоторые люди сейчас хотят приобрести наркотики, но боятся ответственности за это. Каждый пятый респондент считает, что количество наркотиков увеличилось бы по причине того, что некоторые люди хотят приобрести наркотики, но не знают, как это сделать. 18% опрошенных из России выразили мнение, что количество лиц, потребляющих запрещенные вещества, не увеличилось бы, поскольку все, кому нужны наркотики, и сейчас имеют возможность их приобрести и употребить. 14% российских респондентов посчитали, что в случае легализации «легких» наркотиков они стали бы дешевле, а значит, количество их потребителей увеличилось бы за счет тех, кто не имеет финансовых возможностей для приобретения и потребления наркотических средств. Таким образом, главным сдерживающим фактором на пути к потреблению наркотиков российские участники исследования считают наличие юридической ответственности за это, при этом удельный вес опрошенных, разделяющих указанную точку зрения, примерно одинаков во всех федеральных округах. Наименьшая доля респондентов, считающих, что в случае легализации «легких» наркотиков количество потребителей наркотических средств увеличилось бы, поскольку некоторые люди хотят приобрести наркотики, но боятся ответственности за это, зафиксирована в Северо-Кавказском федеральном округе и составляет 38%. На этой же территории максимальным является удельный вес опрошенных, считающих, что легализация «легких» наркотиков не повлияла бы на количество

наркотиков, поскольку все, кому нужны запрещенные психоактивные вещества, и сейчас имеют возможность их приобрести и употребить (31%). Среди респондентов из Республики Абхазия 42% посчитали, что в случае легализации «легких» наркотиков в их стране количество наркотиков увеличилось бы, поскольку некоторые люди сейчас хотят приобрести наркотики, но боятся ответственности за это. 24% участников исследования из Республики Абхазия придерживаются мнения, что в случае такого решения количество лиц, потребляющих запрещенные вещества, не увеличилось бы, поскольку все, кому нужны наркотики, и сейчас имеют возможность их приобрести и употребить. 17% абхазских респондентов посчитали, что количество наркотиков увеличилось бы, поскольку некоторые люди хотят приобрести наркотики, но не знают, как это сделать. Еще 14% опрошенных из Республики Абхазия выразили точку зрения, согласно которой в случае легализации «легких» наркотиков количество их потребителей увеличилось бы, поскольку они стали бы дешевле.

В результате исследования прослеживается зависимость между уровнем преступности, связанной с незаконным оборотом наркотиков, и результатами ответов на вопросы анкеты. Так, в Дальневосточном федеральном округе, где по итогам 2023 г. зарегистрирован самый высокий коэффициент наркотической преступности в России, по результатам анкетирования установлена наибольшая доля лиц, которые в случае необходимости смогли бы приобрести наркотические средства, максимальный удельный вес тех, кто сталкивался с рекламой и предложениями приобрести наркотические средства как в реальной жизни, так и в сети Интернет, а также самая высокая доля тех респондентов, кто имеет в своем круге общения лиц, употребляющих или ранее употреблявших наркотики. Уральский федеральный округ, фактически делящий второе место по уровню накопреступности с Сибирским федеральным округом (коэффициенты 124 и 125.3 соответственно), занимает второе место по всем перечисленным показателям, выявленным в ходе исследования, после Дальневосточного федерального округа. В то же самое время обращает на себя внимание высокий удельный вес респондентов из Северо-Западного федерального округа, имеющих в своем окружении лиц, употребляющих или ранее употреблявших наркотики (56%), а также тех, кто положительно относится к легализации «легких» наркотиков в России. Такие показатели отчасти можно объяснить влиянием на результат мнений респондентов из г. Санкт-Петербурга с присущими ему «нарколиберальными» традициями. Так, по данным проводимых исследований, доля опрошенных, с тревожной частотой сталкивающихся

с потребителями наркотиков и со следами их потребления, в г. Санкт-Петербурге в 2020 г. составила 36.9%⁴. Кроме того, повторимся: исследованием было установлено, что практически четверть (23%) опрошенных из Северо-Западного федерального округа считают потребление наркотиков личным выбором каждого.

Следует акцентировать внимание еще на нескольких результатах исследования, достаточно ярко характеризующих криминологическую наркоситуацию.

1. По результатам опроса установлено, что 43% респондентов из России знают, где можно приобрести наркотические средства. С учетом количества лиц, проживающих на территории России, можно предположить, что около 51.8 млн человек знают, где можно приобрести наркотики, а 31.3 млн человек в случае необходимости смогли бы это сделать.

2. Увеличиваются масштабы использования сети Даркнет для незаконных операций с наркотиками. 84% пользователей этой сети сталкивались с предложениями приобрести наркотические средства, из которых 53% делали это часто. 75% российских опрошенных считают, что смогли бы приобрести наркотики в сети Даркнет, т.е. смогли бы найти продавца, осуществить расчеты с использованием электронных платежей или криптовалюты, забрать наркотики в условном месте. Серьезность проблемы подтверждается и результатами других научных исследований. Отмечается, что «продажа наркотиков в Даркнете уже набрала внушительные обороты, так как это безопасно, это дешевле, чем работать в онлайн, и, конечно же, очень прибыльно. Такой метод торговли упрощает логистику и позволяет охватывать всю территорию страны»⁵.

3. По результатам исследования 39% опрошенных имеют в своем круге общения людей, употребляющих или ранее употреблявших наркотики. Проецируя результаты на генеральную совокупность, можно констатировать, что примерно 43.4 млн граждан России уверены в том, что лично знакомы с наркопотребителями.

4. Установлено, что 13% респондентов относятся к легализации так называемых «легких» наркотиков положительно, а еще 20% – нейтрально, безразлично. Это свидетельствует о безусловной актуальности противодействия «нарколиберализму»,

⁴ См.: *Захаров Ю.Н., Малофеев А.А. и др.* Оценка населением криминологических факторов наркоситуации на территории Санкт-Петербурга: науч.-практ. пособие. СПб., 2020. С. 14.

⁵ *Поликарпов Е.С., Цимбал В.Н., Толстых А.А.* Обобщенный анализ сайтов сбыта наркотических средств анонимного сегмента сети Интернет // Вестник Московского ун-та МВД России. 2021. № 4. С. 175.

под которым ученые предлагают понимать полную отмену или сокращение установленных государством и действующих нормативно-правовых ограничений в сфере оборота наркотических средств, психотропных веществ, их прекурсоров или аналогов. Отмечается, что опасность нарколиберальных идей заключается в том, что аргументы в пользу данного направления весьма логичны, а сама идея – достаточно привлекательна⁶.

5. Подтверждается описанная в научных исследованиях тенденция вовлеченности в наркопотребление людей с достаточно высоким уровнем образования и социальным статусом, что говорит о возможностях так называемого контролируемого потребления и об отложенных сроках формирования наркозависимости⁷. Среди тех, кто при необходимости смог бы приобрести наркотики, имеет в своем круге общения лиц, употреблявших или употребляющих наркотические средства, относится к потреблению наркотиков своими знакомыми с одобрением или безразлично, положительно отзываются о возможности легализации «легких» наркотиков, наблюдается примерно одинаковое соотношение удельного веса респондентов с высоким уровнем образования (высшее образование, аспирантура), респондентов со средним образованием и респондентов, не имеющих даже основного образования, в сравнении с аналогичным соотношением среди всех опрошенных.

Результаты проведенного исследования могут послужить дополнительным средством мониторинга наркоситуации, а также использоваться в качестве методологической базы и источника эмпирической информации для криминологических исследований, коррекции профилактической деятельности в сфере противодействия потреблению и обороту наркотиков.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Готчина Л.В. Преступность несовершеннолетних и молодежи: состояние и перспективы // Росс. девиантологический журнал. 2021. № 1 (2). С. 307.
2. Дудина Н.А. Нарколиберализм как опасная тенденция в сфере контроля за оборотом наркотиков // Вестник Сибирского юридического ин-та МВД России. 2021. № 4 (45). С. 80.
3. Захаров Ю.Н., Малофеев А.А. и др. Оценка населением криминологических факторов наркоситуации на тер-

⁶ См.: Дудина Н.А. Нарколиберализм как опасная тенденция в сфере контроля за оборотом наркотиков // Вестник Сибирского юридического ин-та МВД России. 2021. № 4 (45). С. 80.

⁷ См.: Позднякова М. Е. Новая наркоситуация в России // Вестник РФФИ. Гуманитарные и общественные науки. 2019. № 2 (95). С. 85.

- ритории Санкт-Петербурга: науч.-практ. пособие. СПб., 2020. С. 14.
4. *Позднякова М. Е.* Новая наркоситуация в России // Вестник РФФИ. Гуманитарные и общественные науки. 2019. № 2 (95). С. 85.
  5. *Поликарпов Е. С., Цимбал В. Н., Толстых А. А.* Обобщенный анализ сайтов сбыта наркотических средств анонимного сегмента сети Интернет // Вестник Московского ун-та МВД России. 2021. № 4. С. 175.

REFERENCES

1. *Gotchina L. V.* Juvenile and youth crime: state and prospects // Russ. deviantological journal. 2021. No. 1 (2). P. 307 (in Russ.).

Сведения об авторе

СОЛОВЬЕВ Владислав Сергеевич –
кандидат юридических наук, доцент,
начальник кафедры уголовного права
и криминологии Краснодарского
университета МВД России;
350005 Краснодарский край, г. Краснодар,
Ярославская ул., д. 128

Authors' information

SOLOV'YEV Vladislav S. –
PhD in Law, Assistant Professor,
Chair of Criminal Law and Criminology,
Krasnodar University of the Ministry
of Internal Affairs of Russia;
128 Yaroslavskaya str., 350005 Krasnodar Region,
Krasnodar, Russia

РЕФОРМА ВЕРХНЕЙ ПАЛАТЫ ПАРЛАМЕНТА
РЕСПУБЛИКИ УЗБЕКИСТАН В СОВРЕМЕННЫХ
КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВЫХ УСЛОВИЯХ:
КОМПАРАТИВНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ ОСНОВНЫХ ТЕНДЕНЦИЙ

© 2024 г. Дж. И. Сафаров

Администрация Президента Республики Узбекистан, г. Ташкент

E-mail: si_jaxongir@mail.ru

Поступила в редакцию 30.11.2023 г.

Аннотация. В статье анализируются тенденции, связанные с совершенствованием места и роли верхней палаты парламента в условиях конституционно-правовых реформ, проведенных в Узбекистане и государствах Центральной Азии. Изучается опыт реформирования парламентов в Центрально-Азиатском регионе. Рассматриваются вопросы о предстоящих задачах по совершенствованию законодательства о Сенате Олий Мажлиса с учетом норм и положений обновленной Конституции Республики Узбекистан. Выдвинуты конкретные предложения и рекомендации о существующих проблемах в этой сфере и путях их решения.

Ключевые слова: конституционно-правовые реформы, Конституция Республики Узбекистан, парламент, верхняя палата, Сенат, полномочия, парламентский контроль, законотворчества, статус члена парламента, территориальная представительства.

Цитирование: Сафаров Дж. И. Реформа верхней палаты парламента Республики Узбекистан в современных конституционно-правовых условиях: компаративно-правовой анализ основных тенденций // Государство и право. 2024. № 6. С. 137–144.

DOI: 10.31857/S1026945224060125

REFORM OF THE UPPER HOUSE OF THE PARLIAMENT
OF THE REPUBLIC OF UZBEKISTAN IN MODERN CONSTITUTIONAL
AND LEGAL CONDITIONS: COMPARATIVE LEGAL ANALYSIS
OF THE MAIN TRENDS

© 2024 J. I. Safarov

Administration of the President of the Republic of Uzbekistan, Tashkent

E-mail: si_jaxongir@mail.ru

Received 30.11.2023

Abstract. The article analyzes trends related to the improvement of the place and role of the upper house of parliament in the context of constitutional and legal reforms carried out in Uzbekistan and the Central Asian States. The experience of reforming parliaments in Central Asia and the Asian region is being studied. The issues of the upcoming tasks to improve the legislation on the Senate of the Oliy Majlis, taking into account the norms and provisions of the updated Constitution of the Republic of Uzbekistan, are being considered. Specific proposals and recommendations have been put forward on existing problems in this area and ways to solve them.

Key words: constitutional and legal reforms, Constitution of the Republic of Uzbekistan, parliament, upper house, Senate, powers, parliamentary control, lawmaking, status of a member of parliament, territorial representation.

For citation: Safarov, J.I. (2024). Reform of the Upper house of the Parliament of the Republic of Uzbekistan in modern constitutional and legal conditions: comparative legal analysis of the main trends // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 6, pp. 137–144.

Конституционные реформы, завершившиеся принятием в 2023 г. новой редакции Конституции Республики Узбекистан, занимают важное место в прогрессе Республики Узбекистан. Значимость и необходимость конституционных реформ широко освещались учеными-правоведами, при этом полагаем верным объяснение в них данных реформ основными тезисами о необходимости «гармонизации Конституции исходя из современных тенденций развития государственности и политической ситуации в мире»¹, «укрепления конституционно-правового статуса новых общественных отношений, возникших в результате реформ, осуществленных в последние годы развития нашей страны»².

Вместе с тем конституционные реформы – это важный процесс в развитии каждого государства, который происходит вместе с глубоким реформированием общественных отношений. Как отмечают ученые в сфере конституционного права, «даже частичное изменение конституционного текста может стать причиной серьезного пересмотра конституционно-правовых институтов, перехода страны на новый путь конституционного развития»³.

Действительно, в результате принятия в Республике Узбекистан на референдуме 30 апреля 2023 г. Конституции в новой редакции политическая и управляемая система государства обновилась. Масштаб данных конституционных реформ свидетельствует о том, что обновленная Конституция дала начало нового этапа конституционного развития государственности.

Конституционные реформы кардинальным образом реформировали фундаментальные, базовые институты государственного и общественного строительства – конституционный строй, основы народовластия, основные права и свободы человека и гражданина, общество и личность, организация государственной власти, в том числе статус парламента, президента, правительства, систему управления государственной властью на местах.

В результате конституционных реформ создана базирующаяся на принципе «личность – общество – государство» и создающая платформу для ее дальнейшего развития обновленная конституционная

¹ Сайдов А.Х. Янги Ўзбекистон ҳамда конституциявий ислохотлар // The Constitution of the Republic of Uzbekistan is the Glorification of Human Dignity, the Guarantee of Our Free and Prosperous Life: Republican Scientific and Practical Conference. Тошкент, 2022. Б. 6.

² Мамажонова Д. Конституциявий ислохотлар – ҳалқ манфаатининг асосий мезони // Oriental Renaissance: Innovative, educational, natural and social sciences. 2022. Vol. 2 (10). Б. 690.

³ Хабриева Т.Я., Андриченко Л.В. Конституционная реформа в Республике Казахстан: тенденции и перспективы развития // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2017. № 3. С. 143, 144.

основа. Такие конституционные изменения, в свою очередь, станут толчком для возникновения новых государственно-правовых и политico-правовых ценностей.

В системе конституционных реформ важное значение имеет демократизация государственной власти и управления, в том числе совершенствования деятельности верхней палаты парламента.

Большинство осуществляемых в мире конституционных реформ характеризуются такими изменениями, как повышение роли парламента в жизни общества и государства, передача части полномочий главы государства парламенту, повышение ответственности правительства перед парламентом⁴. Конституционные изменения, произошедшие в Республике Узбекистан, не являются исключением, в ходе данных реформ было пересмотрено место основных институтов государственности – парламента, президента, правительства в общественно-политической жизни, модернизирована политическая система, существенно укрепились стабильность конституционно-правовых институтов, гарантии парламентаризма, расширены контрольные полномочия парламента, обеспечены поэтапность, непрерывность конституционных процессов.

Обновленной Конституцией были пересмотрены полномочия палат Олий Мажлиса, в том числе Сената. В качестве основных направлений этих изменений можно указать следующие:

во-первых, в целях устранения дублирования и параллелизма в деятельности двух палат, в том числе при выполнении ими контрольных функций, **уточнена сфера ответственности каждой палаты**. Закреплено, что к компетенции Законодательной палаты (ст. 94) относятся вопросы формирования Правительства и контроля его деятельности, исполнения Государственного бюджета, а вопросы об интересах регионов и их развитии, утверждения указов о создании новых министерств находятся в компетенции Сената (ст. 95). Следует отметить, что ранее указанные вопросы были отнесены к совместным полномочиям палат Олий Мажлиса, и соответственно осуществлялось обеими палатами, что создавало излишнюю нагрузку на исполнительную власть.

Также усилены совместные полномочия палат Олий Мажлиса, так институт парламентской проверки, являющийся значимой формой *парламентского контроля*, специально закреплен в Конституции в качестве совместной компетенции палат Олий Мажлиса (ст. 93);

во-вторых, полномочия Сената были значительно расширены. В частности, если в прежней редакции Конституции были предусмотрены лишь

⁴ См.: там же.

14 полномочий Сената, то в обновленной Конституции определены **18** полномочий Сената (ст. 95). К полномочиям Сената дополнительно отнесены заслушивание отчетов руководителей дипломатических и иных представительств государства, содействие представительным органам государственной власти на местах, отмена их решений в случае несоответствия их нормам законодательства и др.;

в-третьих, исходя из новых задач, поставленных перед Сенатом, были внедрены рекомендации по его **превращению в компактное, служащее народу ведомство, представляющее интересы регионов**. В частности, число сенаторов сокращено со 100 до 65, при этом от каждого региона поровну избираются четыре сенатора (ранее по шесть сенаторов), число сенаторов, назначаемых президентом, сократили с 16 до 9 лиц⁵ (ст. 92);

в-четвертых, были пересмотрены механизмы **участия Сената в законотворческой деятельности**.

В частности, были установлены **временные рамки** этого процесса, согласно которым законы, направленные Законодательной палатой, должны быть рассмотрены Сенатом в течение 60 дней (ранее такая процедура не предусматривалась). В случае, если Сенат в этот срок не примет решения об одобрении или отклонении закона, закон направляется Законодательной палатой Президенту Республики Узбекистан для подписания и обнародования (ст. 99).

Еще одна важная новация, Сенату также предоставлено **полномочие вносить законодательные предложения** в Законодательную палату в порядке законодательной инициативы (ст. 98). Полагаем, что законодательная инициатива является новым конституционно-правовым институтом, и нуждаются в уточнении с точки зрения детального законодательного закрепления требований к порядку оформления законодательных предложений.

В п. 17 ст. 95 обновленной Конституции также определяется, что при роспуске Законодательной палаты Сенат **выполняет полномочия Олий Мажлиса Республики Узбекистан по принятию законов** (за исключением Конституции и конституционных законов). Данное полномочие также является новым для правовой системы Узбекистана, считаем, что в законодательстве следует подробно уточнить процедуры его реализации;

в-пятых, были дополнительно усилены **контрольные функции Сената за деятельность правоохранительных органов, а также специальных служб**, в том числе за счет расширения полномочий Сената в процессе избрания должностных лиц и передачи Сенату некоторых полномочий президента.

⁵ См.: Норбобоев Б. Ж. Конституцияйий ислохотларнинг мазмун-моҳияти // Oriental Renaissance: Innovative, educational, natural and social sciences. 2023. Vol. 3 (4). Б. 862, 863.

В частности, в обновленной Конституции введена практика, согласно которой кандидатуры на пост Генерального прокурора Республики Узбекистан, председателя Счетной палаты Республики Узбекистан прежде рассматриваются в Сенате, а после одобрения назначаются Президентом РУз (ч. 2 ст. 95). Если прежде назначение на должность и увольнение Генерального прокурора, председателя Счетной палаты осуществлялось на основании Указа Президента РУз, отныне они избираются Сенатом по представлению президента.

В целях укрепления парламентского контроля за деятельностью специальных служб определяется порядок назначения кандидатуры на должность председателя Службы государственной безопасности Президентом РУз после проведения консультаций с Сенатом (ч. 3 ст. 95). По прежнему порядку Сенат ограничивался лишь утверждением указов о назначении на должность и освобождении от должности председателя Службы государственной безопасности, т.е. не имел возможности реального влияния на выбор кандидатуры. Напротив, он работал постфактум, отныне он будет иметь возможность оказывать раннее воздействие.

В целях обеспечения подлинной независимости судебной власти была внедрена (ч. 1 ст. 95) система избрания Сенатом всех членов Высшего судейского совета (ранее Сенатом избирался лишь председатель Высшего судейского совета).

Кроме того, в компетенцию Сената также передан вопрос утверждения Указа Президента РУз о назначении главы Агентства по противодействию коррупции, которое ранее утверждалось непосредственно главой государства (ч. 1 ст. 95).

Эти процессы, конечно, помимо расширения полномочий Сената в управлении государством являются доказательством того, что парламент состоит из народных представителей, в процессе формирования органа государственного управления расширяется участие граждан не напрямую, а косвенно, через своих представителей⁶;

в-шестых, уточнены и усилены **контрольные полномочия Сената в сфере внешней политики**. В частности, ранее Сенат был полномочен по представлению Президента РУз назначать и освобождать от должности «дипломатических и иных представителей Республики Узбекистан в зарубежных странах». Однако в данном случае понятие «иные представители» было неясным, поскольку в консульских учреждениях имеется много должностей, не все из которых требуют участия президента и Сената при их назначении на должность (или освобождении от должности).

⁶ См.: Полвонов Ш. Конституцияйий ислохотлар: Сенат ваколатлари кенгаяди // “Adolat” ijtimoiy-siyosiy gazetasi – <https://adolat24.uz/?p=24843>

Исходя из этого, в новой редакции Конституции устранена эта неопределенность, в частности, определено, что Сенат по представлению Президента РУз назначает и освобождает от должности «руководителей дипломатических и иных представительств Республики Узбекистан в иностранных государствах и при международных организациях» (п. 4 ст. 95).

Вместе с тем на уровне Конституции было закреплено полномочие Сената **заслушивать отчеты** руководителей дипломатических и иных представительств Республики Узбекистан в иностранных государствах и при международных организациях по вопросам их деятельности (ч. 9 ст. 95), предусмотренные Законом «О парламентском контроле» (ст. 10³);

в-седьмых, Сенат как палата регионального представительства получила широкие конституционные полномочия в отношении представительных органов государственной власти на местах. В частности, Сенат вправе **оказывать содействие** представительным органам государственной власти на местах в осуществлении ими своей деятельности, а также **отменять решения** представительных органов государственной власти на местах в случае несоответствия их нормам законодательства (ч. 11, 12 ст. 95).

В целях эффективной организации исполнения этих полномочий после конституционных реформ в аппарате Сената был создан Центр изучения деятельности местных представительных органов;

в-восьмых, определены некоторые организационно-правовые процедуры, связанные с Сенатом и его председателем. Так, в отношении Председателя Сената введено ограничение на избрание (назначение) более двух сроков подряд (ст. 101), аналогичное для некоторых высших должностных лиц (спикера Законодательной палаты, председателей Верховного суда и Высшего судейского совета, их заместителей, Генерального прокурора, председателя Центральной избирательной комиссии, хокимов).

Кроме того, Сенату предоставляется полномочие самороспуска, для осуществления этой процедуры необходимо принять решение большинством не менее двух третей голосов от общего числа сенаторов (ч. 2 ст. 95).

В государствах Центральной Азии действуют однопалатные (Кыргызстан, Туркменистан) и двухпалатные (бикамеральные) (Узбекистан, Казахстан, Таджикистан) парламенты. При этом, нижние палаты в качестве палаты народного представительства формируются, как правило, путем прямых выборов, а верхняя палата, как палата регионального представительства, формируется путем косвенных выборов⁷.

⁷ См.: Чиркин В. Е. Верхняя палата современного парламента: сравнительно-правовое исследование. М., 2015.

В этой связи следует отметить, что последние пять лет в государствах Центральной Азии прошли вместе с широкомасштабными конституционно-правовыми реформами. Реализуемые в государствах Центральной Азии конституционно-правовые реформы также в той или иной степени были связаны с деятельностью верхней палаты законодательной власти.

В государствах Центральной Азии двухпалатные парламенты действуют с 1995 г. в *Казахстане* (Сенат и Меджлис), с 1999 г. в *Таджикистане* (Палата представителей и Национальный Совет), а также с 2005 г. в *Узбекистане* (Законодательная палата и Сенат). В Туркменистане созданная в 2021 г. верхняя палата парламента (Народный совет) по итогам конституционных реформ 2023 г. была отделена от парламента и объявлена (независимым) высшим органом народной власти.

Проведем сравнительно-правовой анализ деятельности верхних палат парламентов Узбекистана, Казахстана и Таджикистана по некоторым критериям.

Во-первых, количество членов верхней палаты и срок полномочий. Верхняя палата парламента состоит из 33 (Таджикистан), 50 (Казахстан) и 65 (Узбекистан) депутатов.

В частности, в *Казахстане* Сенат состоит из 50 депутатов, по два человека от каждой области, города республиканского значения и столицы избираются путем косвенных выборов (через маслихаты). 10 членов Сената назначаются президентом. Срок полномочий депутатов Сената – шесть лет (нижняя палата избирается на пять лет), половина из них переизбирается каждые три года. Следует отметить, что хотя число депутатов Сената в Казахстане невелико, **все они осуществляют деятельность профессионально (на постоянной основе)**.

В *Таджикистане* верхняя палата парламента – Милли Меджлис состоит из 33 сенаторов, 25 из которых избираются поровну от всех административно-территориальных единиц путем косвенных выборов (на совместных заседаниях местных депутатов). восемь членов Милли Меджлиса назначаются президентом. Срок полномочий Милли Меджлиса аналогичен нижней палате, т.е. пять лет. В Таджикистане верхняя палата парламента, как и в Узбекистане, действует по принципу созыва.

Во-вторых, требования, предъявляемые к членам верхней палаты. В *Казахстане*, чтобы стать депутатом Сената, требуется достижение лицом возраста 30 лет, наличие высшего образования и стажа работы не менее пяти лет, постоянное проживание на соответствующей территории не менее трех лет. В *Таджикистане* депутатом Милли Меджлиса может быть любой гражданин, достигший 25 лет и имеющий высшее образование. В *Узбекистане* членом Сената

может стать гражданин, достигший 25 лет и постоянно проживающий на территории Узбекистана не менее пяти лет.

В-третьих, количество комитетов верхней палаты. В верхней палате Казахстана и Таджикистана действуют шесть комитетов, а в Узбекистане – 10 комитетов.

В частности, в Сенате Казахстана действуют Комитет по конституционному законодательству, судебной системе и правоохранительным органам, Комитет по финансам и бюджету, Комитет по международным отношениям, обороне и безопасности, Комитет по экономической политике, инновационному развитию и предпринимательству, Комитет по социальному-культурному развитию и науке, Комитет по аграрным вопросам, природопользованию и развитию сельских территорий. В Сенате Казахстана также имеются Совет сенаторов, Совет по взаимодействию с местными представительными органами (маслихатами) и Совет по инклюзии.

Следует отметить, что еще одной особенностью Сената Казахстана, не встречающейся в парламентаризме Узбекистана и Таджикистана, является то, что не менее 15 депутатов Сената вправе объединиться в **депутатскую группу** (за исключением объединения по партийному принципу). В верхней палате депутатская группа регистрируется в бюро Сената и извещает о своем решении Председателя Сената. Внутренняя деятельность депутатской группы организуется ею самостоятельно. Депутатская группа в Сенате имеет право распространять подготовленные ею материалы среди депутатов через бюро Сената, получать гарантированное слово на переговорах. В настоящее время в Сенате Казахстана действуют две депутатские группы.

В Милли Меджлисе Таджикистана созданы Комитет по обеспечению прав и свобод человека и гражданина, конституционных основ и законности, Комитет по аграрным вопросам, занятости населения и экологии, Комитет по социальным вопросам, здравоохранению, науке и духовности, культуре и политике в отношении женщин в обществе, Комитет по сотрудничеству между Милли Меджлисом и Палатой представителей, органами исполнительной власти, политическими и общественными объединениями, средствами массовой информации, а также межпарламентским связям, Комитет по экономике и коммуникациям, Комитет по надзору над государственными программами.

В Сенате Узбекистана созданы Комитет по вопросам международных отношений, внешнеэкономических связей, иностранных инвестиций и туризма, Комитет по вопросам бюджета и экономических реформам, Комитет по судебно-правовым вопросам и противодействию коррупции, Комитет по вопросам обороны и безопасности, Комитет по вопросам

науки, образования и здравоохранения, Комитет по аграрным и водохозяйственным вопросам, Комитет по вопросам молодежи, культуры и спорта, Комитет по вопросам женщин и гендерного равенства, Комитет по вопросам развития региона Приаралья и экологии, и Комитет по вопросам информационной политики и обеспечения открытости в государственных органах.

В-четвертых, полномочия верхней палаты. В Казахстане к абсолютным полномочиям Сената относятся избрание и освобождение от должности председателя и судей Верховного суда (по представлению Президента РК), принятие их присяги, избрание и освобождение от должности Уполномоченного по правам человека (по представлению Президента РК). Президент дает согласие на назначение на должность председателя Национального банка, Генерального прокурора, председателя Комитета национальной безопасности, Председателя Конституционного суда, Председателя Высшего совета судей, лишения не-прикосновенности Генерального прокурора, Председателя Верховного суда и судей, Уполномоченного по правам человека. Кроме того, в период досрочного прекращения полномочий нижней палаты и временной неспособности к функционированию он выполняет функции парламента по принятию конституционных законов и законов. В Казахстане депутаты Сената имеют право законодательной инициативы. Сенат Казахстана обладает полномочием по проведению «Правительственного часа»⁸. В Республике Узбекистан проведение «правительственного часа» входит в исключительную компетенцию Законодательной палаты.

Еще одно изменение, внесенное в 2019 г. в законодательство о деятельности Сената Казахстана, которое связано с участием должностных лиц в заседаниях Сената. Согласно нему, на заседаниях рабочих групп Сената принимают участие директора департаментов или председатели комитетов; на заседаниях комитетов – заместители руководителей; на заседаниях Сената – участают первые заместители руководителя или по решению руководства Сената руководители государственных органов.

В Таджикистане полномочия между палатами парламента разделены. В частности, создание, изменение или ликвидация административно-территориальных единиц, избрание и отзыв (по представлению президента) судей и руководителей высших органов судебной власти, решение вопроса о лишении их права не-прикосновенности, а также дача согласия на назначение и освобождение

⁸ Абайдельдинов Е.М. Конституционная реформа и вопросы совершенствования парламентского мониторинга в Республике Казахстан // Вестник Института законодательства РК. 2017. № 1 (46). С. 66.

от должности Генерального прокурора и его заместителей, входит в компетенцию Милли Меджлиса.

В Узбекистане определены 18 исключительных конституционных полномочий Сената, семь из которых реализуются во взаимодействии с Президентом РУз, т.е. являются полномочиями в форме реагирования (избрание, утверждение, проведение консультаций, назначение) на представление, предложение или акт Президента РУз.

Следует отметить, что в обновленной Конституции впервые был введен институт консультаций, в соответствии с которым, Сенат проводит консультации по кандидатуре на должность председателя Службы государственной безопасности, предложенной Президентом РУз. Вместе с тем, полагаем, что вопрос формы и порядка проведения консультаций в действующем законодательстве должен быть точно определен.

В обновленной Конституции предусматриваются полномочия Сената по участию в назначении (выборах) должностных лиц в отношении **10** государственных органов (Конституционный суд, Верховный суд, Высший судейский совет, Антикоррупционный орган, Антимонопольный орган, Генеральный прокурор, Счетная палата, Служба государственной безопасности, Центральный банк, дипломатические и иные представительства в зарубежных государствах и международных организациях).

В обновленной Конституции также предусматривается заслушивание отчетов должностных лиц трех государственных органов (Генерального прокурора, председателя Центрального банка, глав дипломатических и иных представительств в зарубежных государствах и международных организациях).

В-пятых, участие верхней палаты в законотворческом процессе также имеет свои особенности.

В частности, в *Казахстане* участие Сената в законотворческом процессе имеет определенные временные пределы. Так, закон, принятый нижней палатой, должен быть рассмотрен Сенатом в течение 60 дней. Законы, не рассмотренные в этот срок, считаются принятыми парламентом и вносятся президенту напрямую.

Кроме того, принятый нижней палатой закон рассматривается в Сенате в двух чтениях, по его итогам закон может быть одобрен или отклонен в целом или по отдельным статьям и возвращен в нижнюю палату. В подобном случае Сенат может предложить нижней палате свою редакцию по отдельным статьям закона.

Сенат Казахстана имеет право вносить изменения и дополнения в законы, принятые нижней палатой, при этом требуется повторное голосование нижней палаты по этим изменениям. В законодательстве

Узбекистана также отсутствует право субъекта законодательной инициативы на отзыв внесенного закона из Сената.

Еще одним положительным опытом в деятельности Сената Казахстана является то, что в законодательстве этого государства уточнен порядок осуществления *предварительного конституционного контроля*. То есть по инициативе председателя Сената или депутатов Сената, составляющих не менее одной пятой части от общего числа депутатов парламента, вправе обратиться в Конституционный суд для рассмотрения вопроса о конституционности закона, принятого нижней палатой (до его подписания Президентом РК). В этом случае сроки принятия законов приостанавливаются.

В законодательстве о деятельности Сената Казахстана отдельно регулируется вопрос временного выполнения Сенатом функций парламента по принятию конституционных законов и законов в случаях, когда полномочия нижней палаты прекращаются досрочно. В частности, Сенат Казахстана в этот период имеет право рассмотреть закон и принять одно из следующих решений: 1) одобрить закон, принятый Меджлисом, в первом чтении; 2) одобрить закон, принятый Меджлисом; 3) одобрить принятый Меджлисом закон в редакции, представленной Сенатом или согласительной комиссией; 4) не одобрить закон, принятый Меджлисом; 5) одобрить проект закона в первом чтении; 6) принять закон; 7) принять закон с изменениями и дополнениями, внесенными Сенатом; 8) отклонить проект закона⁹.

Учитывая, что в Конституцию Узбекистана также внесена аналогичная норма, считаем целесообразным детально урегулировать этот вопрос в национальном законодательстве.

Хотя в *Таджикистане* Милли Меджлис является важным участником законотворческого процесса, он не участвует в рассмотрении проектов законов о бюджете и амнистии. В Таджикистане так же, как и в Казахстане, члены Милли Меджлиса имеют право законодательной инициативы.

В-шестых, формирование руководящих органов верхних палат решается в единоличном и коллегиальном порядке. В Казахстане и Узбекистане кандидатуры на должность председателя Сената представляются президентом, в Таджикистане этот вопрос решается самостоятельно членами палаты¹⁰.

⁹ См.: Жанузакова Л. Т. Конституционная реформа в Казахстане: некоторые вопросы совершенствования статуса и полномочий Президента и Парламента // Актуальные проблемы росс. права. 2018. № 5 (90). С. 186, 187.

¹⁰ См.: Нечкин А. В. Парламенты стран СНГ: структура, порядок формирования и досрочного прекращения полномочий // Сравнительное правоведение. 2017. № 4. С. 73.

Исходя из вышесказанного, можно сформулировать несколько выводов по совершенствованию деятельности Сената Олий Мажлиса.

Первое. Необходимо определить в законодательных актах порядок реализации института **законодательного предложения**, вновь внесенного в Конституцию, в том числе порядок оформления законодательного предложения, порядок рассмотрения и защиты законодательного предложения в Законодательной палате, разработки проекта закона на основе законодательного предложения.

Второе. Определение порядка **выполнения Сенатом полномочий Олий Мажлиса по принятию законов** (за исключением Конституции и конституционных законов) в период роспуска Законодательной палаты. В частности, необходимо определить порядок принятия и одобрения проекта закона Сенатом, в том числе рассмотрения проекта в нескольких чтениях, внесения в него изменений и дополнений.

Третье. В Конституцию введен новый институт – **институт консультаций с Сенатом**. Этот институт применяется при назначении кандидатуры на пост руководителя Службы государственной безопасности. Однако целесообразно регламентировать порядок проведения консультаций, внесения для этого письменного представления и его рассмотрения на заседании Сената или определить иной альтернативный вариант.

Четвертое. Содействие Сената представительным органам государственной власти на местах **в осуществлении их деятельности** определено в качестве нового конституционно-правового полномочия. Необходимо проработать механизмы реализации этого конституционного полномочия, урегулировать, каким образом Сенат будет содействовать (формы, механизмы, правовая природа принимаемых решений) осуществлению деятельности представительных органов государственной власти на местах.

Пятое. Исходя из опыта Казахстана, целесообразно ввести требование к кандидатам в члены Сената по наличию **не менее чем пятилетнего опыта работы**, поскольку для эффективной реализации конституционных полномочий, возложенных на Сенат, необходимо, чтобы его члены были опытными, имели большой жизненный и практический опыт.

Шестое. Исходя из опыта Казахстана и Таджикистана, а также с учетом сокращения количества сенаторов, в целях эффективной организации деятельности комитетов Сената следует **оптимизировать число комитетов** Сената. В то же время полагаем, что не следует сокращать количество членов Сената, работающих на постоянной основе. Для этого следует конкретно определить в Конституционном законе «О Сенате Олий Мажлиса Республики Узбекистан» норму о том, что количество членов Сената,

работающих на постоянной основе, определяется в количестве **не менее 25** сенаторов (действующей редакцией ст. 6 данного Конституционного закона установлено, что число сенаторов, работающих в Сенате на постоянной основе, определяется в количестве до одной четвертой от общего количества сенаторов).

Седьмое. Исходя из опыта Казахстана предлагаются в законодательстве регламентировать **участие должностных лиц** в заседаниях Сената: на заседаниях рабочих групп в Сенате – руководители департаментов, главных управлений министерств и ведомств; на заседаниях комитетов Сената – заместители руководителей министерств и ведомств; на заседаниях Сената – первые заместители руководителя, а при решении кадровых вопросов, а также в особых случаях по приглашению председателя Сената – первый руководитель государственного органа.

Восьмое. Целесообразно усовершенствовать роль Сената **в процессе законотворчества**, в том числе определить полномочия по внесению редакционных изменений, не затрагивающих содержание закона, а также в случае отклонения закона представить Законодательной палате собственную редакцию по конкретным статьям закона, которые стали причиной отклонения закона Сената.

Девятое. Исходя из опыта Казахстана необходимо уточнить порядок осуществления **предварительного конституционного контроля**. В ст. 133 обновленной Конституции предусматривается, что Конституционный суд определяет соответствие Конституции РУз конституционных законов Республики Узбекистан, законов Республики Узбекистан о ратификации – до их подписания Президентом РУз. Однако остается открытым вопрос, будет ли Конституционный суд осуществлять это право на основании обращения в случае спора или сомнения относительно законов, или же он будет осуществлять предварительный конституционный контроль по всем таким законам.

По нашему мнению, данный вопрос должен рассматриваться на основании обращения заинтересованных сторон (Законодательной палаты, Сената, Президента РУз) при возникновении спора или сомнения в отношении законов. При этом данный вопрос должен быть определен в законодательстве. При этом, если во время рассмотрения закона Сенатом будет принято решение об обращении в Конституционный суд, следует определить приостановление 60-дневного срока рассмотрения закона Сенатом.

Целесообразно в законодательных актах определить порядок решения вопроса об обращении в Конституционный суд по данной категории законов, в том числе, кому принадлежит право иницирования, в каком порядке будет рассматриваться этот вопрос (полномочия Кенгаша или палаты).

* * *

В заключение отметим, что верхние палаты парламента имеют важное значение в обеспечении принципа сдержек и противовесов как в целом в системе государственной власти, так и внутри парламента. Кроме того, как палата регионального представительства верхние палаты выполняют важную задачу по обеспечению баланса региональных и общенациональных интересов.

Конституционные реформы 2023 года, по сути, ознаменовали собой начало нового этапа в истории национальной государственности. При этом процессы модернизации политической системы, формирования государственного и общественного устройства не завершены. Реформы, направленные на усиление роли и места парламента в жизни и роли общества, дальнейшее укрепление основ парламентаризма, а также работа по дальнейшему уточнению и развитию конституционно-правовых институтов, введенных обновленной Конституцией, будут продолжены.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абайдельдинов Е.М. Конституционная реформа и вопросы совершенствования парламентского мониторинга в Республике Казахстан // Вестник Института законодательства РК. 2017. № 1 (46). С. 66.
2. Жанузакова Л.Т. Конституционная реформа в Казахстане: некоторые вопросы совершенствования статуса и полномочий Президента и Парламента // Актуальные проблемы росс. права. 2018. № 5 (90). С. 186, 187.
3. Нечкин А.В. Парламенты стран СНГ: структура, порядок формирования и досрочного прекращения полномочий // Сравнительное правоведение. 2017. № 4. С. 73.
4. Хабриева Т.Я., Андриченко Л.В. Конституционная реформа в Республике Казахстан: тенденции и перспективы развития // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2017. № 3. С. 143, 144.
5. Чиркин В.Е. Верхняя палата современного парламента: сравнительно-правовое исследование. М., 2015.
6. Мамажонова Д. Конституцияйи ишохотлар – халқ манбаатининг асосий мезони // Oriental Renaissance: Innovative, educational, natural and social sciences. 2022. Vol. 2 (10). Б. 690.
7. Норбобоев Б.Ж. Конституцияйи ишохотларнинг мазмун-моҳияти // Oriental Renaissance: Innovative, educational, natural and social sciences. 2023. Vol. 3 (4). Б. 862, 863.

Сведения об авторе

САФАРОВ Джонгир Исломович –
доктор юридических наук, доцент,
сотрудник Администрации Президента
Республики Узбекистан

8. Полвонов Ш. Конституцияйи ишохотлар: Сенат ваколатлари кенгаяди // “Adolat” ijtimoiy-siyosiy gazetasi – <https://adolat24.uz/?p=24843>
9. Saidov A.X. Янги Ўзбекистон хамда конституцияйи ишохотлар // The Constitution of the Republic of Uzbekistan is the Glorification of Human Dignity, the Guarantee of Our Free and Prosperous Life: Republican Scientific and Practical Conference. Тошкент, 2022. Б. 6.

REFERENCES

1. Abaydeldinov E.M. Constitutional reform and issues of improving parliamentary monitoring in the Republic of Kazakhstan // Herald of the Institute of Legislation of the Republic of Kazakhstan. 2017. No. 1 (46). P. 66 (in Russ.).
2. Zhanuzakova L.T. Constitutional reform in Kazakhstan: some issues of improving the status and powers of the President and Parliament // Actual problems of Russ. law. 2018. No. 5 (90). Pp. 186, 187 (in Russ.).
3. Nechkin A.V. Parliaments of the CIS countries: structure, procedure for formation and early termination of powers // Comparative Jurisprudence. 2017. No. 4. P. 73 (in Russ.).
4. Khabrieva T.Ya., Andrichenko L.V. Constitutional reform in the Republic of Kazakhstan: trends and prospects of development // Journal of Foreign Legislation and Comparative Jurisprudence. 2017. No. 3. Pp. 143, 144 (in Russ.).
5. Chirkin V.E. The Upper House of the modern Parliament: a comparative legal study. M., 2015 (in Russ.).
6. Mamazhonova D. Конституцияйи ишохотлар – халқ манбаатининг асосий мезони // Oriental Renaissance: Innovative, educational, natural and social sciences. 2022. Vol. 2 (10). Б. 690.
7. Norboboев B.Zh. Конституцияйи ишохотларнинг мазмун-моҳияти // Oriental Renaissance: Innovative, educational, natural and social sciences. 2023. Vol. 3 (4). Б. 862, 863.
8. Polvonov Sh. Конституцияйи ишохотлар: Сенат ваколатлари кенгаяди // “Adolat” ijtimoiy-siyosiy gazetasi – <https://adolat24.uz/?p=24843>
9. Saidov A.Kh. Янги Ўзбекистон хамда конституцияйи ишохотлар // The Constitution of the Republic of Uzbekistan is the Glorification of Human Dignity, the Guarantee of Our Free and Prosperous Life: Republican Scientific and Practical Conference. Тошкент, 2022. Б. 6.

Authors' information

SAFAROV Jahongir I. –
Doctor of Law, Associate Professor,
Employee of the Presidential Administration
of the Republic of Uzbekistan

УДК 341

ВЕРХОВНЫЙ СУД США И ДОКТРИНА «ИСКЛЮЧЕНИЕ ДЛЯ СЛУЖИТЕЛЕЙ»

© 2024 г. И. А. Пибаев

Волго-Вятский институт (филиал) Университета им. О. Е. Кутафина (МГЮА), г. Киров

E-mail: igor-pibayev@mail.ru

Поступила в редакцию 06.09.2023 г.

Аннотация. В статье рассмотрены подходы законодательных органов и судов США в разрешении противоречий между Первой поправкой и антидискриминационными законами. Первая поправка к Конституции Соединенных Штатов Америки гарантирует религиозным организациям, реализуя свое конституционное право на исповедание религии, свободно выбирать своих служителей без каких-либо препятствий или надзора со стороны государства. В то же время американское законодательство устанавливает, что работодатели по общему правилу не могут при принятии решения о приеме на работу руководствоваться такими критериями, как религия. Отмечается, что выработано два основных способа решения противоречия. Во-первых, формулирование законодательного исключения в подразделе 702 «Закона о гражданских правах» 1964 г. Во-вторых, судебное применение доктрины «исключение для служителей» (англ. *ministerial exception*), которую иногда называют «церковным исключением», предполагающей невозможность применения антидискриминационного законодательства США в сфере трудовых отношений религиозных учреждений со своими служителями. В статье определяется генезис доктрины «исключения для служителей» – осуществлен обзор ключевых решений апелляционных судов и Верховного суда США, начиная с решения Верховного суда США 1871 г. по делу «Уотсон против Джонса» до двух ключевых дел, рассмотренных в XXI в., «Евангелическо-лютеранская церковь и школа Осанна-Табор против Комиссии по равным возможностям труда и устройства» (2012) и «Моррисси-Берр против школы Богоматери Гваделупской» (2020). Рассматриваются четыре критерия, использованные Верховным судом США для применения «исключения для служителей». В итоге автор приходит к выводу, что в соответствии с подходом, принятым судами США, как только будет доказано, что иск подпадает под действие «исключения для служителей», то дальнейшее судебное рассмотрение исключается и религиозная организация выигрывает. Нынешняя судебная практика Верховного суда США по «исключению для служителей», по-видимому, рассматривает религиозную автономию в качестве основной ценности, подлежащей защите.

Ключевые слова: религиозные служители, духовенство, исключение для служителей, дискриминация, право, Верховный суд США.

Цитирование: Пибаев И.А. Верховный суд США и доктрина «исключение для служителей» // Государство и право. 2024. № 6. С. 145–153.

DOI: [10.31857/S1026945224060139](https://doi.org/10.31857/S1026945224060139)

THE U.S. SUPREME COURT AND THE MINISTERIAL EXCEPTION DOCTRINE

© 2024 I. A. Pibaev

Volga-Vyatka Institute (Branch) of Kutafin Moscow State University of Law, Kirov

E-mail: igor-pibayev@mail.ru

Received 06.09.2023

Abstract. In the article the author aims to consider the approach of US legislatures and courts in resolving the contradictions between the First Amendment and anti-discrimination laws. The First Amendment to the Constitution of the United States guarantees religious organizations, exercising their constitutional right to profess religion, to freely choose their ministers without any obstacles or supervision from the State. At the same time, American legislation establishes that employers, as a general rule, cannot be guided by such criteria as religion when making a decision on hiring. It is noted that two main ways of solving the contradiction have been developed. First, the formulation of a legislative exception in subsection 702 of the Civil Rights Act of 1964. Secondly, the judicial application of the doctrine of “ministerial exception” which is sometimes called a “church exception” suggesting the impossibility of applying the anti-discrimination legislation of the United States in the field of labor relations of religious institutions with their “ministers”. The article defines the genesis of the doctrine of “exceptions for ministers” and reviews the key decisions of the appellate courts and the Supreme Court of the United States, starting with the decision of the Supreme Court of the United States in 1871 in the case “Watson v. Jones” to two key cases considered in the XXI century, “Evangelical Lutheran Church and School Hosanna-Tabor v. Equal Rights Commission employment Opportunities” (2012) and “Morrissey-Burrough v. Our Lady of Guadalupe School” (2020). Four criteria used by the Supreme Court to apply the “exception for ministers” are considered. As a result the author comes to the conclusion that in accordance with the approach adopted by the US courts, as soon as it is proved that the claim falls under the “exception for ministers”, further judicial review is excluded and the religious organization wins. The current judicial practice of the US Supreme Court on the “exception for ministers” seems to consider religious autonomy as the main value to be protected.

Key words: religious ministers, clergy, ministerial exception, discrimination, law, US Supreme Court.

For citation: Pibaev, I.A. (2024). The U.S. Supreme Court and the “ministerial exception” doctrine // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 6, pp. 145–153.

Введение

Первая поправка к Конституции Соединенных Штатов Америки гарантирует людям право на свободное исповедание религии и запрещает установление религии федеральным правительством. Среди прочего она предполагает, что религиозные организации, реализуя свое конституционное право, свободно выбирают своих служителей без каких-либо препятствий или надзора со стороны государства. Такие гарантии свободы вероисповедания во многом возникли из-за споров между существовавшими в колониях церквями и пietистскими евангелистами-диссидентами, таких как баптисты или конгрегационалисты¹ «Нового света». С 1740 по 1754 г. «Новый свет» отделился от конгрегационалистского руководства в Европе, ссылаясь на их «формализм и духовную тупость». По их мнению, «ученое духовенство утратило связь с духовными потребностями простого человека и больше не служило ему служителями Божиими». Колониальные законодательные органы Новой Англии, отражавшие взгляды «Старого света», в ответ предприняли шаги по ограничению деятельности религиозных служителей, не получивших соответствующего образования. Так, в 1742 г. в Коннектикуте был принят закон, запрещающий «странникам» проповедовать без одобрения установленного прихода. В том же году был принят закон, запрещающий какой-либо церкви или приходу выбирать служителя, который «не получил образования в каком-либо университете, колледже

или государственной академии» или который не имел «степени какого-либо университета, колледжа или другой государственной академии»². Схожие меры предприняли власти Массачусетса, Вирджинии. В итоге к моменту принятия Конституции США голоса баптистов, недовольных ограничением религиозной свободы, были услышаны, и первая поправка к Конституции США обрела свой нынешний вид.

Законы XVIII в. следовали узкой трактовке понятия «религиозный служитель» (англ. *ministers*) для того, чтобы религиозная община не могла свободно выбрать для себя проповедника или учителя либо чтобы лишить служителей государственных средств, на которые могли рассчитывать лица, имеющие достаточное религиозное образование. В США вновь актуален вопрос о способности религиозных общин самим выбирать тех, кто будет их учить вере, из-за судебных исков со стороны бывших религиозных служителей и работников.

В настоящей статье будем придерживаться следующих хронологических рамок, рассматривая развитие в США подхода к спорам между религиозными организациями и их служителями: с 1871 по 1964 г. – от формирования позиции Верховного суда США по содержанию понятия «церковная автономия» до подготовки прецедентной основы для формирования доктрины «исключения для служителей»; с 1964 по 2012 г. – от принятия Закона о гражданских правах 1964 г., способствовавшему развитию судами

¹ Конгрегационализм – радикальная ветвь английского кальвинизма, утверждавшая автономию каждой поместной общины (конгрегации).

² McLoughlin W.G. New England Dissent 1630–1833: The Baptists and the Separation of Church and State 351. Harvard University Press, 1971. P. 363.

конституционной доктрины «исключение для служителей», до решения Верховного суда США по делу Осанна-Табор; с 2012 г. по настоящее время – от решения Верховного суда США по делу Осанна-Табор до утверждения функционально-ориентированной оценки деятельности служителей при рассмотрении дел об увольнении.

Исключение в законодательстве

За последние 50 лет свобода религиозных организаций назначать религиозных служителей и принимать решения об управлении без вмешательства государства была поставлена под сомнение в связи с появлением множества законодательных актов о гражданских правах. Федеральное законодательство (Закон о гражданских правах 1964 г.³, Закон о дискриминации по возрасту при найме на работу 1967 г.⁴ и Закон об американцах с ограниченными возможностями 1990 г.⁵) было направлено на то, чтобы помешать работодателям, в том числе религиозным организациям, дискриминировать меньшинства. Эти акты устанавливают, что работодатели не могут при принятии решения о приеме на работу руководствоваться такими критериями как раса, пол, возраст или религия. Так, в соответствии с разд. VII Закона о гражданских правах, работодатель не может нанять или отказать в приеме на работу или уволить какое-либо лицо или иным образом дискриминировать любое лицо в отношении положенных компенсаций, условий или привилегий при приеме на работу из-за расы, цвета кожи, религии, пола или национального происхождения такого человека⁶. Причем это не зависит от того, является ли работодатель государственной структурой или частной организацией.

Запрет религиозной организации, выступающей работодателем, выбирать своих сотрудников без вмешательства государства создает возможность нарушения Первой поправки к Конституции США. Чтобы предотвратить это, Конгресс США сделал исключение из разд. VII в подразд. 702. Подраздел 702 позволяет религиозной корпорации, ассоциации, образовательному учреждению или обществу нанимать «лиц, исповедующих определенную религию, для выполнения работы, связанной с продолжением... своей деятельности». Однако разд. VII не предоставляет религиозным организациям иммунитета от заявлений о компенсации вреда в связи с дискриминацией по признаку расы, пола или национального происхождения. И ни один из принятых впоследствии

³ См.: Civil Rights Act of 1964 42 USC (1964).

⁴ См.: Age Discrimination in Employment Act of 1967 29 USC (1967).

⁵ См.: Americans with Disabilities Act of 1990 42 USC (1990).

⁶ См.: Civil Rights Act s 703(a)(1) // <https://www.eeoc.gov/statutes/title-vii-civil-rights-act-1964>

антидискриминационных законов также не устанавливает исключений для религиозных организаций.

Таким образом, законодательные органы США разрешают противоречие между Первой поправкой и антидискриминационными законами следующим образом: как на федеральном уровне, так и на уровне штатов приняты ограниченные законодательные исключения из антидискриминационного законодательства для религиозных организаций в контексте занятости.

Вместе с тем окружными судами США на протяжении XIX–XX вв. создан второй способ – ограниченное судебное исключение из антидискриминационных законов для религиозных организаций, чтобы гарантировать соответствие законов Первой поправке Конституции США⁷.

Исключение, созданное в судебном порядке

1. Хотя предусмотренное законом исключение из разд. VII Закона о гражданских правах в определенной степени смягчает конфликт между Первой поправкой и законом, оно не позволяет религиозным организациям принимать решения о приеме на работу полностью без вмешательства государства. Религиозным организациям по-прежнему запрещается дискриминация при принятии решений о приеме на работу на нерелигиозных основаниях. Такое положение дел вызывало обеспокоенность в окружных судах.

В результате сформировалась правовая доктрина «исключение для служителей» (англ. *ministerial exception*), которую иногда называют «церковным исключением», предполагающая невозможность применения антидискриминационного законодательства США в сфере трудовых отношений религиозных учреждений со своими служителями⁸ (признание за религиозными организациями права увольнять своих служителей, которые перестали соответствовать предъявляемым к ним требованиям и, как следствие,

⁷ См.: Evans C. M., Hood A. Religious Autonomy and Labour Law: A Comparison of Jurisprudence of the United States and the European Court of Human Rights // Oxford Journal of Law and Religion. 2012. Vol. 1. Iss. 1. P. 4.

⁸ Не совсем корректно называть многих людей, которые явно подпадают под «исключение для служителей», таких как протестантские священники, католические священники и еврейские раввины, «служащими», но этот термин использует, например, судья Верховного суда США Сэмюэль Алito в смысле, в котором он используется в законах о борьбе с дискриминацией, которые часто причастны к делам, связанным с исключением (см., напр.: 42 U. S. C. § 2000e (f) (Раздел VII); § 12111 (4) (ADA); 29 США, § 630 (f) (ADEA); § 206 (e) (Закон о равной оплате труда и Закон о справедливых трудовых стандартах); Оксфордский словарь английского языка 818 (2-е изд., 1989) (определение 4 (b)) (отмечая, что термин «служитель», используемый в различных фразах, «применяется как общее обозначение лица, официально наделенного духовными функциями в христианской церкви»); Энциклопедия религии 6044–6045 (2-е изд., 2005); Новая католическая энциклопедия 870 (1967)).

невозможности рассмотрения дела о незаконном увольнении, компенсации причиненного вреда и восстановлении на работе»).

Исследователь Кристофер Люнд разделяет «исключение для служителей» на три составные части – реляционный компонент, компонент совести и компонент автономности⁹.

Во-первых, реляционный компонент предполагает, что законы, запрещающие религиозные дискrimинации имеют большое значение, но они не имеют смысла применительно к религиозным организациям. В контексте занятости церкви должны иметь возможность использовать религию как критерий. Лютеранские церкви должны иметь возможность предпочесть лютеран пресвитерианам и протестантам католикам.

Во-вторых, компонент совести. Компонент совести позволяет религиозным организациям проводить дискrimинацию, когда они утверждают, что это основано на их религиозной доктрине. Вопрос пересечения пола и религии – самый известный пример. Ортодоксальный иудаизм, православные церкви, католическая церковь и ряд протестантских церквей рассматривают только мужчин в качестве духовных лиц как божественное предписание. Компонент совести защищает их от необходимости нарушить свои религиозные обязательства, чтобы выполнить требование правительства.

В-третьих, компонент автономии. Это самая важная часть «исключения для служителей». Суды первой и апелляционной инстанций постановили, что религиозные организации защищены от исков, связанных с трудоустройством, поданных их служителями или другими лицами с более существенными религиозными обязанностями (например, священниками или епископами в католической церкви), но не от претензий со стороны других сотрудников.

Таким образом, отмечает Кристофер Люнд, нет единой причины существования «исключения для служителей». Вместо этого есть много причин, которые накладываются друг на друга.

Для понимания формирования доктрины «исключения для служителей» необходимо сделать небольшой исторический обзор ключевых решений апелляционных судов и Верховного суда США.

Первые два дела сформировали позицию высшей судебной инстанции по содержанию понятия «церковная автономия». Решение Верховного суда США 1871 г. по делу «Уотсон против Джонса»¹⁰ было основано на споре относительно Пресвитерианской церкви в Луисвилле штат Кентукки. Члены церкви

⁹ См.: *Lund C. C. In Defense of the Ministerial Exemption* // North Carolina Law Review. 2011. Vol. 90. P. 5.

¹⁰ Watson v. Jones, 80 U.S. 679 (1871). URL: <https://supreme.justia.com/cases/federal/us/80/679/> (дата обращения: 16.09.2023).

разделились по вопросу отношения к рабству на две фракции. Сторона, выступающая против рабства, составляла большинство общин и поддерживалась национальной церковью (Генеральная Ассамблея). Сторонники рабства были в меньшинстве, но они составляли большинство среди членов правления (кто имел законное право собственности) и старейшин, которые управляли церковью. Обе стороны обратились в суд, утверждая, что они представляют истинную церковь, имеющей право на полное и исключительное использование здания. В этом деле Верховный суд США впервые сформулировал понятие «церковной автономии». Суд разъяснил, что федеральные суды должны были изо всех сил держаться подальше от внутренних церковных споров, поскольку религиозные организации наделены правом самостоятельного управления и разрешения собственных споров, поскольку пресвитерианская церковь на Уолнат-стрит имела четкую внутреннюю структуру власти, суд предоставил контроль над собственностью этой группе, хотя ее поддерживало лишь меньшинство прихожан.

Дело «Уотсон против Джонса» изначально не было конституционным решением: было принято просто на основе принципов федерального общего права. Но в последующих делах Суд придерживался концепции Уотсона, и принципы, изложенные в деле, стали конституционными. Это произошло в 1952 г. в деле «Кедрофф против Свято-Николаевского собора Русской Православной Церкви Северной Америки», где суд постановил, что закон Нью-Йорка, разрешающий местным общинам отделяться от Русской Православной Церкви и сохранять свою собственность, нарушает Первую поправку¹¹. По мнению Верховного суда США Русская Православная Церковь имеет конституционное право «без вмешательства государства самостоятельно решать вопросы церковного управления, а также вопросы веры и религиозного учения»¹². Начиная с Кедроффа, Суд рассматривал «церковную автономию» как конституционный принцип, хотя каждый раз анализируя, что оно означает в том или ином контексте¹³.

Два других дела напрямую затрагивают вопросы назначения религиозных служителей.

Дело «Гонсалес против Римско-Католического Архиепископа»¹⁴ рассмотрено в 1929 г. Четырнадцатилет-

¹¹ См.: *Kedroff v. Saint Nicholas Cathedral*, 344 U.S. 94 (1952). URL: <https://supreme.justia.com/cases/federal/us/344/94/> (дата обращения: 16.09.2023).

¹² Доля Е. В. Судебный процесс за право владения Свято-Николаевским кафедральным собором в Нью-Йорке в отражении документов ГАРФ (1947–1950 гг.) // История и архивы. 2019. № 4.

¹³ См.: *Lund C. C. Op. cit. P. 15.*

¹⁴ *Gonzalez v. Roman Catholic Archbishop of Manila*, 280 U.S. 1 (1929). URL: <https://supreme.justia.com/cases/federal/us/280/1/> (дата обращения: 16.09.2023).

ний мальчик Рауль Гонсалес заявил о праве быть католическим капелланом на Филиппинах¹⁵ вопреки возражениям архиепископа Манилы. Его заявление было не таким легкомысленным, как кажется. В 1820 г. родственница Гонсалеса составила завещание, в котором предусматривалось учреждение должности капеллана с выплатой ежегодного содержания для «проведения шестидесяти месс в год» об упокоении душ своих родителей, братьев, сестер и себя самой. Она указала, что священниками должны становиться ее потомки¹⁶. Совсем недавно этот пост занял отец Гонсалеса. «Однако архиепископ отказался позволить Раулю стать капелланом, указав на требования нового Кодекса канонического права 1917 года (каноны 1442, параграф 1 канона 108; параграф 1 канона 976), согласно которым капелланы должны быть священниками и посещать семинарию (требования, которые Рауль явно не удовлетворял)».

Истец указал, что таких требований не существовало столетие назад, когда капелланство было учреждено, но Верховный суд США все же единогласно вынес решение в пользу архиепископа, подчеркнув, что римско-католическая церковь имеет право устанавливать, кто может быть католическим капелланом: функция церковных властей заключается в определении основных качеств капеллана и установлении факта обладания ими кандидатом. В отсутствие обмана или сговора решения соответствующих церковных судов по вопросам чисто церковного характера, хотя и затрагивают гражданские права, принимаются в судебном разбирательстве в светских судах как окончательные. Верховный суд США решил дело, подразумевая условие в завещании, которое позволяет католической церкви изменить требования для рукоположения.

Второе дело 1976 г. «Сербская Восточно-Православная Епархия против Миливоевича» касалось раскола среди православных сербов в Америке¹⁷.

Епископ Дионисий Миливоевич руководил Сербской Восточно-Православной епархией в Соединенных Штатах Америки и Канаде до тех пор, пока Церковь-Мать, расположенная в Югославии, не лишила его сана и не отстранила от руководства, разделив епархию на три части. Епископ Дионисий не согласился с решением Священного синода Сербской Православной Церкви, объявив себя каноническим епархиальным архиереем. Он подал иск в суды Иллинойса, пытаясь запретить назначенному из Сербии новому епархиальному руководству вмешиваться в епархиальные активы некоммерческих корпораций Иллинойса. После долгого судебного разбирательства

суд первой инстанции разрешил большинство спорных вопросов в пользу заявителей. Верховный суд штата Иллинойс частично подтвердил и частично отменил решение, постановив, что смещение и лишение сана Дионисия должно быть отменено как «произвольное», поскольку судебное разбирательство против него, по его мнению, не проводилось в соответствии с Уставом Церкви и уголовным правом, а также что реорганизация епархии была недействительной, поскольку она превышала полномочия Матери-Церкви по осуществлению таких изменений без согласия епархии.

Верховный суд США счел такой подход ошибочным. Поскольку Сербская Православная Церковь имеет иерархическую структуру, светские суды должны были согласиться с решением Сербской Православной Церкви в Югославии. Суд указал, что тот же принцип для иерархических церквей, установленный в деле «Уотсон против Джонса» о церковной собственности, «применяется с равной силой к церковным спорам по поводу церковного устройства и церковного управления».

Таким образом, дела Кедроффа, Гонсалеса и Миливоевича образуют прецедентную основу «исключение для служителей»: кейс Кедроффа закрепляет право церкви выбирать свое духовенство, в деле Гонсалеса закреплено право Римско-Католической Церкви выбирать своих капелланов независимо от положений закона о трастах, в случай Миливоевича подтвердил, что Сербская православные имеет право выбирать своих епископов независимо от законов о контрактах и собственности.

2. Принятие Закона о гражданских правах 1964 г. способствовало развитию судами конституционной доктрины «исключение для служителей». В 1972 г. Апелляционный суд США пятого округа рассматривал дело Билли МакКлюр. Пройдя двухлетний период подготовки в Школе подготовки офицеров, госпожа МакКлюр была рукоположена как служитель и посвящена в звание офицера¹⁸. Затем Билли была уволена из Армии Спасения за то, что она жаловалась (по ее словам) на факт получения офицерами-мужчинами более высоких зарплат и льгот, чем женщинами, после чего подала в суд на церковь за дискриминацию. В решении Суда отмечено, что разд. VII Закона

¹⁵ До 1946 г. Филиппины были зависимой территорией США.

¹⁶ См.: *Lund C. C. Op. cit. P. 18.*

¹⁷ См.: Serbian Orthodox Diocese v. Milivojevich: 426 US696 (1976). URL: <https://supreme.justia.com/cases/federal/us/426/696/> (дата обращения: 16.09.2023).

¹⁸ Каждые два года кадеты, успешно завершившие обучение, рукополагаются как служители и посвящаются в звание офицера Армии Спасения. Церемония рукоположения и посвящения проводится на общем собрании в присутствии семьи и друзей. Работа офицеров всегда ведет их к самым бедным и нуждающимся в нашем обществе. Они могут послужить по-разному: являясь корпусными офицерами (пасторами и руководителями корпусных социальных центров) или проводя программы Армии Спасения для помощи наркоманам и алкоголикам. Они также могут протянуть руку помощи детям, восполнив их острые и общие нужды (см.: URL: <https://армияспасения.рф/church/membership> (дата обращения: 02.01.2023)).

о гражданских правах 1964 г. сам по себе не освобождает религиозные организации от исков о гендерной дискриминации, но этого требует Первая поправка к Конституции США. Суд объяснил свою аргументацию следующим образом: «Отношения между организованной церковью и ее служителями являются источником жизненной силы. Служитель – главный инструмент, с помощью которого Церковь стремится выполнить свое предназначение. Вопросы, касающиеся этих взаимоотношений, обязательно должны быть признаны первоочередной церковной заботой»¹⁹.

Начиная с данного дела, все Апелляционные окружные суды США²⁰, а также многие суды штатов²¹ приняли доктрину «исключения для служителей». К примеру, в деле «Минкер против Балтиморской ежегодной конференции Объединенной методистской церкви»²² Апелляционный суд по округу Колумбия в 1990 г. подтвердил отклонение требований священника о дискриминации по возрасту и нарушении контракта за отказ церкви в служении, а в деле «Хатчисон против Томаса» в 1986 г. 6-й Апелляционный окружной суд отклонил иск методистского священника о нарушении контракта и диффамации в связи с вынужденным уходом церкви на пенсию служителя²³.

Вместе с тем окружные суды использовали разные подходы к некоторым элементам «исключения для служителей», а также расходились во мнениях по многим концептуальным вопросам: должно ли исключение этого правила защищать религиозные организации при отсутствии какой-либо религиозной доктрины, предусматривающей ограничения в допуске²⁴,

¹⁹ McClure v. Salvation Army, 460 F.2d 553, 555 (5th Cir. 1972)

²⁰ See, e.g., Rweyemamu v. Cote, 520 F.3d 198, 209 (2d Cir. 2008); Hollins v. Methodist Healthcare, Inc., 474 F.3d 223, 227 (6th Cir. 2007); Petruska v. Gannon Univ., 462 F.3d 294, 307-08 (3d Cir. 2006); Tomic v. Catholic Diocese of Peoria, 442 F.3d 1036, 1039 (7th Cir. 2006); Elvig v. Calvin Presbyterian Church, 375 F.3d 951, 955 (9th Cir. 2004); Bryce v. Episcopal Church in the Diocese of Colo., 289 F.3d 648, 656-57 (10th Cir. 2002); EEOC v. Roman Catholic Diocese of Raleigh, N.C., 213 F.3d 795, 800 (4th Cir. 2000); Gellington v. Christian Methodist Episcopal Church, Inc., 203 F.3d 1299, 1303 (11th Cir. 2000); Combs v. Cent. Tex. Annual Conference of United Methodist Church, 173 F.3d 343, 349 (5th Cir. 1999); EEOC v. Catholic Univ. of Am., 83 F.3d 455, 465 (D.C. Cir. 1996); Scharon v. St. Luke's Episcopal Presbyterian Hosp., 929 F.2d 360, 362-63 (8th Cir. 1991); Natal v. Christian & Missionary Alliance, 878 F.2d 1575, 1578 (1st Cir. 1989).

²¹ See, e.g., Gunn v. Mariners Church, Inc., 84 Cal. Rptr. 3d 1, 6-8 (Ct. App. 2008); Rweyemamu v. Comm'n on Human Rights & Opportunities, 911 A.2d 319, 331 (Conn. App. Ct. 2006); Pardue v. Ctr. City Consortium Sch. of Archdiocese of Wash., Inc., 875 A.2d 669, 675 (D.C. 2005); Coulee Catholic Sch. v. Labor & Indus. Review Comm'n, 768 N.W.2d 868, 892 (Wis. 2009).

²² Minker v. Baltimore Annual Conference of United Methodist Church, 894 F.2d 1354, 1359 (D.C. Cir. 1990).

²³ См.: Hutchison v. Thomas, 789 F.2d 392 (6th Cir. 1986).

²⁴ Ср.: Petruska v. Gannon Univ., 448 F.3d 615 (3d Cir. 2006) – отозвано (утверждалось, что исключение на уровне

и должно ли оно применяться в случаях, когда служитель продолжает осуществлять свою деятельность в церкви.

В деле МакКлюр суд ограничил сферу действия служителям церкви. За четыре десятилетия с момента основания окружные суды расширили сферу действия «исключения для служителей», включив более широкий круг лиц²⁵. Так, в деле «Алькасар против Корпорации католического архиепископа Сиэтла» Апелляционный суд девятого округа в 2010 г. подчеркнул, что «исключение» обязательно относится не только к тем лицам, которые уже рукоположены в священный сан, но также и к тем лицам, которые готовятся стать священнослужителями, распространив его тем самым на семинаристов, которые «заняты обслуживанием церкви и помогают при совершении мессы»²⁶. В деле «Шмоль против Университета Чапмена» суд Четвертого округа решил вопрос о применимости «исключения» к пастору церкви «Ученики Христа» Шони Эмингеру Шмолью, назначенного на должность капеллана в университете, аффилированному с церковью. Исключение для служителей не ограничивается церквями и распространяется на «церковные учреждения, имеющие религиозный характер»²⁷. Окружной суд Арканзаса в деле «Эль-Фарра против Сайеда»²⁸ в 2006 г. отказал в удовлетворении требований имама о признании неправомерным решения об увольнении. В данном деле один из исламских центров принял решение об увольнении имама в связи с нарушением им законов ислама, а также по причине его вмешательства в управление центром²⁹.

3. Однако к консенсусу в механизме определения подпадающих под действие исключения сотрудников религиозных организаций апелляционные суды не пришли. Неопределенность сохранялась до тех пор, пока Верховный суд США не истребовал решение Шестого округа для пересмотра. В деле «Евангелическо-лютеранская церковь и школа Осанна-Табор против Комиссии по равным возможностям трудоустройства» в 2012 г. суд рассмотрел иск учительницы Шерил

служителей, как правило, защищает церкви только тогда, когда они утверждают, что дискриминация требовалась их религиозными догматами), с Petruska v. Gannon Univ., 462 F.3d 294, 312 (3d Cir. 2006) (повторное рассмотрение дела после первого решения, суд утверждал, что «исключение для служителей» обеспечивает полную защиту церквей в отношении заявлений служителей о дискриминации в сфере занятости).

²⁵ Evans C.M., Hood A. Op. cit. P. 10.

²⁶ Alcazar v. Corp. of the Catholic Archbishop, 627 F.3d 1288 (9th Cir. 2010).

²⁷ Schmoll v. Chapman University (1999) 70 Cal.App.4th 1434, 1439.

²⁸ Monir Y. El-Farra, Appellant, v. Khaleem Sayyed (2006) 226 S.W.3d 792.

²⁹ См.: Ирхин И.В. Оговорка о публичном порядке как инструмент разрешения коллизий между светским и религиозным правом в США // Конституционное и муниципальное право. 2021. № 7. С. 72.

Перич³⁰. Госпожа Перич была «призванной» учительницей 4-го класса лютеранской школы. Синод Миссии, в который входит церковь Осанна-Табор, классифицирует учителей на две категории: «призванные» (*called*) и «мирские» (*lay*). «Призванные» учителя рассматриваются, как призванные на свою должность Богом через общину церкви. Для этого необходимо пройти серьезную подготовку³¹. Учитель, который отвечает данным требованиям, может быть «призван» общиной. Будучи призванным, учитель получает формальный титул «Полномочный религиозный служащий» (*Minister of Religion, Commissioned*). Полномочный служащий служит на бессрочной основе; его призыв может быть отменен только по уважительной причине, и также квалифицированным большинством голосов общины. После того, как Перич взяла отпуск по болезни из-за нарколепсии, она попыталась вернуться к работе, но школа наняла другого учителя. Когда Перич пригрозила подать в суд, прихожане отозвали свой «призыв» за несоблюдение церковных процедур примирения. Комиссия по равным возможностям труда и устройства подала в суд от ее имени за дискриминацию по инвалидности.

В данном деле Верховный суд США должен был определить применимость доктрины «исключения для служащих». Суд выработал четыре критерия. Во-первых, суд обратил внимание на должность Перич – «Полномочный религиозный служащий». Во-вторых, по мнению суда ее титул «отражает значительную степень религиозного обучения, за которым следует формальный процесс назначение на должность»³². В-третьих, Перич «признавала» себя в качестве служащего, приняв формальный призыв к религиозной службе, воспользовалась возможность исключить «пастырское пособие» на аренду дома из налогооблагаемой базы в целых уплаты подоходного налога³³, и назвав себя служащим в общении с Синодом. В-четвертых, на работе она выполняла значительные религиозные обязанности³⁴.

³⁰ См.: Hosanna-Tabor Evangelical Lutheran Church & Sch. v. EEOC – 565 U.S. 171, 132 S. Ct. 694 (2012).

³¹ Чтобы иметь право быть призванным через общину церкви, учитель должен отвечать определенному академическому цензу. Один из способов – закончить программу «коллектиум» в Лютеранском колледже или университете. Эта программа требует, чтобы кандидаты прошли восемь теологических предметов, получили благословение местного районного синода и сдали устный экзамен на кафедре факультета.

³² Чтобы стать призванным учителем, Перич закончила восемь курсов теологии в колледже, получила одобрение местного синода и сдала устный экзамен в Лютеранском колледже.

³³ См.: 26 U.S. Code § 107 – Rental value of parsonages. URL: <https://dahlelaw.com/minnesota-church-law/parsonage-allowance/> (дата обращения: 18.12.2021).

³⁴ См.: Berg T.C., Fouch N.M., Money E. Credentials Not Required: Why an Employee's Significant Religious Functions Should Suffice to Trigger the Ministerial Exception. 2020 // Federalist Society Review. 2019. Vol. 20 (182). P. 183.

Таким образом, Верховный суд США заключил, что Перич была служащим, на которого распространяется «исключение для служащих». С учетом данного вывода Суд прекратил дело о трудовой дискриминации. Несмотря на то, что решение было вынесено единогласно, трое из судей изложили особые мнения. В частности, судьи С. Алито и Е. Каган отметили, что полагаться исключительно на религиозный титул, звание или сан неверно, иначе это будет дискриминировать религиозные меньшинства: «Термин «служащий»³⁵ широко используется многими протестантскими деноминациями, для описания членов их духовенства, но этот термин редко, или вовсе не используется католиками, иудеями, мусульманами, индусами или буддистами». В качестве главного критерия они рассматривают «важные религиозные функции», выполняемые религиозным служащим. Судья Дж. Томас подчеркнул, что суды должны полагаться на добросовестное понимание религиозными организациями того, кто подпадает под понятие религиозного служащего. По его мнению, это позволит избежать как неравенства между конфессиями, так и судебного пересмотра решений религиозных организаций.

Вместе с тем решение Верховного суда по делу Осанна-Табор не поставило точку в этом вопросе.

Суд Девятого округа, а также суды Калифорнии после 2012 г. отошли от функционального подхода, требуя, чтобы служащий обладал значительными служебными полномочиями – должностью, уровнем пройденного религиозной подготовки или быть руководленным – в дополнение к важным религиозным функциям, чтобы иметь квалификацию «служащего». Наиболее значимым является дело «Моррисси-Берру против школы Богоматери Гваделупской», где Девятый округ постановил, что учительница католической школы не подпадала под категорию «служащего», хотя у нее были «значительные религиозные обязанности». Верховный суд США в 2020 г. пересмотрел дело, отметив, что Девятый суд неверно трактовал необходимость соблюдения всех четырех условий, определенных в деле Осанна-Табор, для применения «исключения для служащих». Вместо этого необходимо в первую очередь обращать внимание на религиозную функцию, которую выполняет человек в религиозной организации³⁶.

После дела Осанны-Табор суды также столкнулись с несколькими вариациями по вопросу о том, может ли церковь или религиозное

³⁵ Здесь следует пояснить, что автор переводит термин «minister» как «служащий», полагая, что термин «священник» («священнослужитель») не отражает смысл слова. Использования слова «пастор» также не будет верным из-за применения его не всеми протестантскими организациями.

³⁶ См.: Our Lady of Guadalupe School v. Morrissey-Berru, 591 U.S. (2020). URL: https://www.supremecourt.gov/opinions/19pdf/19-267_1an2.pdf (дата обращения: 16.09.2023).

учреждение отказалось от действия «исключения для служителей»³⁷.

Первым делом, в котором суд столкнулся с этим вопросом после Осанна-Табор, было решение Шестого округа по делу «Конлон против Христианского братства Intervarsity»³⁸ (далее – IVCF). Истица Элис Конлон работала в должности «духовного наставника» с 2004 по 2011 г. в данной организации. IVCF прекратили трудовые отношения с истицей 20 декабря 2011 г. за «неспособность примирить свой брак». Она обратилась в суд, утверждая, что ответчик IVCF отказался от «исключения для служителей», опубликовав политику равных возможностей в сфере занятости, прямо заявив, что не будет проводить дискриминацию по каким-либо основаниям, кроме религии. Таким образом, по ее мнению, IVCF отказалось применения «исключения» в отношении ее исков о дискриминации по признаку пола и семейного положения. Шестой судебный округ признал, что в 2007 г. в деле «Холлинз против Methodist Healthcare Inc.»³⁹ отказ от действия исключения возможен, если он был достаточно «четким и недвусмысленным». Но сейчас суд отмечает, что решение «Осанна-Табор» аннулировала прецедент Холлинза: «решение по делу Осанна-Табор не допускает ситуации, в которой церковь могла бы прямо отказать от этой защиты», потому что «защита является не только личной; это структурный подход, который категорически запрещает федеральному правительству и правительству штатов участвовать в спорах о религиозных лидерах». В деле Конлон указано, что Седьмой округ пришел к такому же выводу в деле «Томич против Католической епархии Пеории», постановив, что даже если сторонам следует привлечь правительство к участию в делах, «федеральный суд [не должен] позволять себе втягиваться в религиозный спор»⁴⁰.

Отдельно отметим, что влияние прецедентной практики Верховного суда США распространяется и за пределами североамериканского континента. Так, Верховный суд Филиппин 17 февраля 2020 г. вынес решение по делу об отстранении от должности миссионера баптистской церкви Абико Рикардо Р. Вильяфлора-младшего, отмене его рекомендации Американской баптистской ассоциации (ABA)

³⁷ Grisham J.G., Blomberg D. The Ministerial Exception After Hosanna-Tabor: Firmly Founded, Increasingly Refined. *Federalist Society Review*. Vol. 20. 10 April 2019. URL: <https://fedsoc.org/commentary/publications/the-ministerial-exception-after-hosanna-tabor-firmly-founded-increasingly-refined> (дата обращения: 16.09.2023).

³⁸ Conlon v. Intervarsity Christian Fellowship, 777 F.3d at 836. URL: <https://casetext.com/case/conlon-v-intervarsity-christian-fellowship> (дата обращения: 16.09.2023).

³⁹ Hollins v. Methodist Healthcare, Inc., 474 F.3d 223, 225 (6th Cir. 2007). URL: <https://caselaw.findlaw.com/us-6th-circuit/1201508.html> (дата обращения: 16.09.2023).

⁴⁰ Tomic v. Catholic Diocese of Peoria. 442 F.3d 1036 (7th Cir. 2006), 04–4219.

в качестве национального миссионера и исключения его из членства в церкви⁴¹. Нижестоящие суды использовали четыре критерия, чтобы установить факт трудовых отношений: а) наличие процедуры отбора и найма работника; б) выплата заработной платы; в) право увольнения; и г) право контролировать поведение работника. Кроме документа о назначении (в качестве инструктора) бывший миссионер не представил никаких других доказательств, свидетельствующих об отношениях между работодателем и работником, поэтому суд отменил предыдущие решения, в которых был установлен факт наличия трудовых отношений и незаконного увольнения. Следовательно, Суд Филиппин не стал следовать позиции Верховного суда США к доктрине «исключения для служителей»: можно предположить, что при наличии достаточных доказательств суд мог принять решение о незаконном отстранении от должности. Вместе с тем в совпадающем особом мнении судья Дж. Леонен отметил, что «отстранение от должности миссионера также носило церковный характер, поскольку оно было сделано в порядке осуществления права баптистской церкви Абико выбирать и контролировать, кто будет служить ее верным». Обосновывая свою позицию, судья опирался на решение Верховного суда США по делу Осанна-Табор.

Заключение

Анализ изложенных судебных решений позволяет сделать следующие выводы. Во-первых, в соответствии с подходом, принятым судами США, как только будет доказано, что иск подпадает под действие «исключения для служителей», то дальнейшее судебное рассмотрение исключается, и религиозная организация выигрывает, уволенный религиозный служитель не может быть восстановлен на работе и не может рассчитывать на компенсацию. Нынешняя судебная практика Верховного суда США по «исключению для служителей», по-видимому, рассматривает религиозную автономию в качестве основной ценности, подлежащей защите⁴².

Во-вторых, в соответствии с функциональным подходом к статусу религиозного служителя, предложенным судьями Алито и Каганом, религиозные функции должны быть «существенными», «важными» или «значительными». Сотрудники религиозных организаций, выполняющие такие функции, должны будут считаться религиозными служителями независимо

⁴¹ См.: Decision [G.R. No. 224521, February 17, 2020] Bishop Shinji Amari of Abiko baptist church, represented by Shinji Amari and missionary baptist institute and seminary, represented by its director Joel P. Nepomuceno, petitioners, v. Ricardo R. Villaflor, jr., respondent. URL: https://lawphil.net/judjuris/juri2020/feb2020/gr_224521_2020.html (дата обращения: 16.09.2023).

⁴² См.: Slotte P., Årsheim H. The Ministerial Exception – Comparative Perspectives // Oxford Journal of Law and Religion. Vol. 4. Iss. 2. 2015. P. 43.

от того, имеют ли они также такие полномочия, как титул, прохождение обучения, есть у них образование или были ли они рукоположены в священный сан. С учетом исследованного референтного массива дел к лицам, исполняющим религиозные функции, суды США относят: католических и православных священнослужителей, учащихся католических семинарий, протестантских пасторов, офицеров Армии Спасения, имамов мечетей, учителей религиозных предметов и др.

В-третьих, необходимо установить факт рассмотрения лица как служащего с его стороны и со стороны религиозной организации. Однако ориентация на функции не означает, что все сотрудники религиозных организаций будут квалифицироваться как служители. Исключение должно иметь границы. Прежде всего, не все учителя религиозных школ могут быть квалифицированы как служители согласно функциональному определению. Однако на статус религиозного служителя указывают: факт ведения учителем урока религии с обучением следования религиозным принципам; перед учителем стоит задача интегрировать религию в другие преподаваемые предметы; учитель привлекает или контролирует учащихся в религиозных обрядах, таких как посещение часовни, молитвы, чтения Библии или специальные религиозные программы⁴³. Причем в суде должно быть доказано, что на учителя не только возложены такие обязанности (например, должностной инструкцией), но и они фактически выполняются.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Доля Е. В.* Судебный процесс за право владения Свято-Николаевским кафедральным собором в Нью-Йорке в отражении документов ГАРФ (1947–1950 гг.) // История и архивы. 2019. № 4.
2. *Ирхин И. В.* Оговорка о публичном порядке как инструмент разрешения коллизий между светским и религиозным правом в США // Конституционное и муниципальное право. 2021. № 7. С. 72.
3. *Berg T.C., Fouch N.M., Money E.* Credentials Not Required: Why an Employee's Significant Religious Functions Should Suf-

Сведения об авторе

ПИБАЕВ Игорь Александрович –
кандидат юридических наук,
доцент кафедры государственно-
правовых дисциплин
Волго-Вятского института (филиал)
Университета им. О. Е. Кутафина (МГЮА);
610002 Кировская область, г. Киров,
ул. Ленина, д. 99

⁴³ См.: *Berg T.C., Fouch N.M., Money E.* Op. cit. P. 191.

fice to Trigger the Ministerial Exception. 2020 // Federalist Society Review. 2019. Vol. 20 (182). Pp. 183, 191.

4. *Evans C.M., Hood A.* Religious Autonomy and Labour Law: A Comparison of Jurisprudence of the United States and the European Court of Human Rights // Oxford Journal of Law and Religion. 2012. Vol. 1. Iss. 1. Pp. 4, 10.
5. *Lund C.C.* In Defense of the Ministerial Exception // North Carolina Law Review. 2011. Vol. 90. Pp. 5, 15, 18.
6. *McLoughlin W.G.* New England Dissent 1630–1833: The Baptists and the Separation of Church and State 351. Harvard University Press, 1971. P. 363.
7. *Slotte P., Årsheim H.* The Ministerial Exception – Comparative Perspectives // Oxford Journal of Law and Religion. Vol. 4. Iss. 2. 2015. P. 43.

REFERENCES

1. *Dolya E.V.* The trial for the right of ownership of St. Nicholas Cathedral in New York in the reflection of the documents of the GARF (1947–1950) // History and Archives. 2019. No. 4 (in Russ.).
2. *Irkhin I.V.* Reservation on public order as a tool for resolving conflicts between secular and religious law in the USA // Constitutional and Municipal Law. 2021. No. 7. P. 72 (in Russ.).
3. *Berg T.C., Fouch N.M., Money E.* Credentials Not Required: Why an Employee's Significant Religious Functions Should Suffice to Trigger the Ministerial Exception. 2020 // Federalist Society Review. 2019. Vol. 20 (182). Pp. 183, 191.
4. *Evans C.M., Hood A.* Religious Autonomy and Labour Law: A Comparison of Jurisprudence of the United States and the European Court of Human Rights // Oxford Journal of Law and Religion. 2012. Vol. 1. Iss. 1. Pp. 4, 10.
5. *Lund C.C.* In Defense of the Ministerial Exception // North Carolina Law Review. 2011. Vol. 90. Pp. 5, 15, 18.
6. *McLoughlin W.G.* New England Dissent 1630–1833: The Baptists and the Separation of Church and State 351. Harvard University Press, 1971. P. 363.
7. *Slotte P., Årsheim H.* The Ministerial Exception – Comparative Perspectives // Oxford Journal of Law and Religion. Vol. 4. Iss. 2. 2015. P. 43.

Authors' information

PIBAEV Igor A. –
PhD in Law,
Associate Professor
of the Department of State Legal
Disciplines, Volga-Vyatka Institute (Branch)
of Kutafin Moscow State University of Law;
99 Lenina str., 610002 Kirov Region, Kirov, Russia

ГОСУДАРСТВЕННОЕ УПРАВЛЕНИЕ В РОССИИ: «ЦИФРОВАЯ» ТРАНСФОРМАЦИЯ ЭКОНОМИКИ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX в.

© 2024 г. А. П. Вершинин

Санкт-Петербургский государственный университет

E-mail: verschinin@mail.ru

Поступила в редакцию 12.04.2024 г.

Аннотация. В статье обсуждаются вопросы государственного управления (прежде всего экономической) в России конца XIX – начала XX в. В век цифровых технологий необходимо вспомнить, что С.Ю. Витте, будучи, как и И.А. Вышнеградский, математиком по образованию, в своих мемуарах называл себя, и своего предшественника на посту министра финансов, «цифровиками». Это позволяет рассмотреть некоторые особенности модернизации государственного управления прошлого в новом свете. В научный оборот вошло понятие «система Витте». Комплекс мероприятий по реформированию экономики можно изучать с разных сторон и со стороны разных наук, анализируя и обобщая как идеи по модернизации государственного управления «на общую пользу», так и цели, и средства деятельности конкретных государственных и общественных деятелей. «Цифровизация» благодаря логико-математическим методам и автоматизации придает теории и практике государственного управления дополнительный импульс, одновременно обнаруживая свои пределы.

Ключевые слова: государственное управление, нормотворчество, государственное регулирование, экономика, торговля и промышленность, Витте, Вышнеградский, цифровики, «система Витте», математика, цифровые технологии, модернизация, реформы.

Цитирование: Вершинин А.П. Государственное управление в России: «цифровая» трансформация экономики в конце XIX – начале XX в. // Государство и право. 2024. № 6. С. 154–164.

DOI: 10.31857/S1026945224060142

PUBLIC ADMINISTRATION IN RUSSIA: THE “DIGITAL” TRANSFORMATION OF THE ECONOMY IN THE LATE XIX – EARLY XX CENTURY

© 2024 А. П. Вершинин

St. Petersburg State University

E-mail: verschinin@mail.ru

Received 12.04.2024

Abstract. The article discusses the issues of public administration (primarily economics) in Russia of the late XIX – early XX century. In the age of digital technologies, it is necessary to recall that S.Y. Witte, being, like I.A. Vyshnegradsky, a mathematician by education, in his memoirs called both himself and his predecessor as Minister of Finance, “digitalists”. This allows us to consider some of the features of the modernization of public administration of the past in a new light. The concept of the “Witte System” has entered scientific circulation. A set of measures to reform the economy can be studied from different sides and from different sciences, analyzing and generalizing both ideas for modernizing public administration “for the common benefit” and the goals and means of the activities of specific government and public figures. “Digitalization”, thanks to logical and mathematical methods and automation, gives the theory and practice of public administration an additional impetus, while simultaneously revealing its limits.

Key words: public administration, rulemaking, government regulation, economics, trade and industry, Witte, Vyshnegradsky, digitalists, “Witte System”, mathematics, digital technologies, modernization, reforms.

For citation: Vershinin, A.P. (2024). Public administration in Russia: the “digital” transformation of the economy in the late XIX – early XX century // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 6, pp. 154–164.

«Нечто новое. Впервые в России», — писали о деятельности двух последних российских министрах финансов XIX в., И.А. Вышнеградском¹ и С.Ю. Витте². К власти пришли «не люди, известные своей знатностью», а «какие-то бухгалтеры, чтобы подводить итоги старому», «люди со счетами, вместо геральдических щитов»³. В этих словах известного публициста начала прошлого века о появлении «тандема» Вышнеградского и Витте можно было увидеть «тенденцию назначения на высшие государственные посты лиц, обладавших специальными познаниями в различных отраслях экономики (финансы, железные дороги, промышленность и др.)»⁴. А в век цифровых технологий надо еще и вспомнить, что сам Витте, будучи, как и Вышнеградский, математиком по образованию, в своих мемуарах назвал и его, и себя «цифровиками»⁵. Это позволяет рассмотреть некоторые особенности модернизации государственного управления (прежде всего экономикой) прошлого в новом свете.

И.А. Вышнеградский был известным ученым, профессором и инженером-механиком⁶. При нем в министерстве⁷ впервые статистикой торговли и промышленности стал заниматься целый отдел⁸. Заработал «механизм» количественного учета и вычисления изменений в экономике. Были обобщены данные о российской внешней торговле за границей, о ввозе иностранных товаров, о положении промышленности

¹ Вышнеградский Иван Алексеевич (1831–1895) — министр финансов Российской Империи в 1887–1892 гг.

² Витте Сергей Юльевич (1849–1915) — министр финансов Российской Империи в 1892–1903 гг., Председатель Совета министров в 1905–1906 гг.

³ Дорошевич В.М. Воспоминания. М., 2008; *Его же. Торгово-промышленники*. URL: http://az.lib.ru/d/doroshevich_w_m/text_1912_torgovo_promyshlenniki.shtml (дата обращения: 22.03.2024).

⁴ Степанов В. И.А. Вышнеградский и С.Ю. Витте: партнеры и конкуренты // Росс. история. 2014. № 6. С. 39, 60.

⁵ Витте С.Ю. Избр. воспоминания. 1849–1911 гг.: в 2 т. М., 1997. Т. 1. С. 190, 191.

⁶ См.: Кирпичев В.Л. Иван Алексеевич Вышнеградский, как профессор и учений. СПб., 1895.

⁷ О деятельности И.А. Вышнеградского на посту министра финансов также см.: Судейкин В.Т. Замечательная эпоха в истории русских финансов (Очерк экон. и фин. политики Н.Х. Бунге и И.А. Вышнеградского). СПб., 1895. С. 1–4, 55–106.

⁸ См.: Абезгауз С.А. Торговая политика России и ее европейские партнеры конца XIX – начала XX в.: о взаимном влиянии политических и торговых отношений: автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2008. С. 3, 4.

в России. На этой основе разработали общий «покровительственный» таможенный тариф, сделав попытку сбалансировать рынок и равномерно поддержать различные отрасли промышленности.

Единый тариф подготовили в 1891 г. с помощью профессоров Петербургского технологического института, где Вышнеградский долгое время преподавал и пять лет был директором. Им был привлечен к работе, в частности, Д.И. Менделеев⁹, также имевший математическое образование, и все свои прогнозы и системы основывавший на математических величинах и вычислениях. Подчиняясь математической логике на основании статистических выкладок, он говорил: «Прямо из чисел видно, что от развития промышленности первое всего зависит “благо народное”»¹⁰. В 1891–1892 гг. ученый написал «Толковый тариф»¹¹, свое «главное произведение... по этой проблематике», «своеобразную экономическую энциклопедию пореформенной России», в которой дал «подробные комментарии к таможенному тарифу с экономическим обоснованием принятых в нем ставок обложения по отдельным видам товаров, описанием состояния основных отраслей и выяснением перспектив их развития»¹².

В пятилетнее правление Вышнеградского удалось решить насущные задачи. Закрыли дефицит бюджета, провели конверсию старых займов, создали золотой запас. Увеличение пошлин на ввоз фабричной продукции способствовало поддержке отечественных промышленных предприятий, количество которых росло. Вышнеградский отличался смелостью и быстротой в принятии решений. Но не очень любил программ, избегал дискуссий. Сегодня его считают основоположником теории автоматического регулирования¹³. А тогда

⁹ Д.И. Менделеев считал своими главными службами Родине научную деятельность, «преподавательство», а также ту, которая «наименее видна»: службу «на пользу роста русской промышленности».

¹⁰ Менделеев Д.И. Заветные мысли. СПб., 1905. С. 197.

¹¹ «Толковый тариф», или исследование о развитии промышленности России в связи с ее общим таможенным тарифом 1891 года. СПб., 1892.

¹² Савченко М.М. Инвентаризация крестьянских повинностей при Николае I (1825–1855): планы и реальность // Экономическая история. Обозрение / под ред. Л.И. Бородкина. М., 2005. Вып. 10. С. 173.

¹³ См., напр.: Андronov A.A. И.А. Вышнеградский и его роль в создании теории автоматического регулирования (сто лет со дня опубликования работ И.А. Вышнеградского по теории автоматического регулирования) // Автоматика и телемеханика. 1978. Вып. 4. С. 5–17.

он использовал простые «алгоритмы». Если пательщик не платит, «пожми его и средства найдутся»; «сами недоедим, а хлеб будет экспорттировать».

Жизнь «от урожая до урожая» и конкуренция с европейскими странами осложнилась неурожаем и голодом начала 90-х годов. Протекционистская торговая политика наталкивалась на ответное сопротивление. Со стороны главного торгового партнера – Германии – особенно болезненное. И слишком многое, даже находясь в цейтноте, Вышнеградский пытался делать сам. Например, все вычисления и цифровые выкладки – лично. Каждую бумагу с расчетом, которую ему давали в кредитной канцелярии, непременно проверял с «карандашом и логарифмическими таблицами»¹⁴. Огромная нервная нагрузка подорвала здоровье министра¹⁵.

На смену ученому-практику Вышнеградскому пришел осмотрительный и расчетливый Витте¹⁶, чиновник, политик¹⁷. Несмотря на то что он лишь «закончил мудрые начинания» первого¹⁸, его десятилетие, а точнее «одиннадцатилетие», на посту министра финансов затмило предыдущее пятилетие. Конечно, на «самопиар» и времени, и амбиций было больше¹⁹. У него Вышнеградский – «более, если можно так выражаться, цифровик, нежели математик», или «математик-исчислитель», который всю суть математики видит «в исчислениях, цифрах и формулах». Себя же Витте считал «более математиком, нежели цифровиком», или «математиком-философом», т.е. математиком «высшей математической мысли»²⁰. Но объективности ради все-таки следует подчеркнуть: сложилась и заработала система управления торговлей

¹⁴ Витте С.Ю. Указ. соч. С. 191, 200, 201.

¹⁵ См.: Судейкин В.Т. Указ. соч. С. 105.

¹⁶ См., напр.: Ахтямов В.В. Психоисторические аспекты жизни и деятельности С.Ю. Витте и П.А. Столыпина: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Омск, 2005. С. 16–20.

¹⁷ См.: Лутохин Д.А. Граф С.Ю. Витте, как министр финансов. Пг., 1915; Самонов С.В. Министр финансов С.Ю. Витте и его политика в общественном мнении России (1892–1903 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2008; Гаврилов К.В. С.Ю. Витте и общественное мнение о его государственной деятельности: автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2009.

¹⁸ См.: Никольский Б.В. Дневник (1896–1918). Изд. подгот. Д.Н. Шилов, Ю.А. Кузьмин. Т. 2 (1904–1918). СПб., 2015. С. 24. Ср.: Степанов В.Л. С.Ю. Витте – наследник Н.Х. Бунге и И.А. Вышнеградского // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Сер.: Гуманитарные науки. 2017. № 10. С. 38–42.

¹⁹ См., например, исследования его мемуаров и публицистики: Ананьев Б.В., Ганелин Р.Ш. Опыт критики мемуаров С.Ю. Витте (В связи с его публицистической деятельностью в 1907–1915 гг.) // Вопросы историографии и источниковедения в истории СССР. М., Л., 1963. С. 298–374; Их же. Сергей Ильевич Витте и его время. СПб., 2000. С. 349–383.

²⁰ Витте С.Ю. Указ. соч. С. 53, 54.

и промышленностью при С.Ю. Витте и под его руководством²¹. В середине последнего десятилетия XIX в. в России наступило время «невиданного» промышленного подъема²².

А сначала утвердили программу торгово-промышленного развития Российской Империи²³. В ведении министерства тогда находились не только финансы, но также торговля и промышленность. Программа стала первой попыткой в России формально определить развитие государства в торгово-промышленной области посредством государственного регулирования: поддержки внешнеторговой деятельности, частного предпринимательства и потребительского рынка, организации коммерческого и технического образования²⁴. Не вынося ее на обсуждение в виде отдельного документа, Витте согласовал ее без лишних проволочек и утвердил в Государственном Совете в ноябре 1903 г. как часть представления о необходимом увеличении штатов Департамента торговли и мануфактур Министерства финансов²⁵.

Активизировали международный переговорный процесс, и прежде всего по поводу заключения договора с Германией. Переговоры с ней шли вяло. В результате взаимного обмена «боевыми» тарифами с немцами развязалась настоящая таможенная война²⁶. Министр выхлопотал право назначения

²¹ См., напр.: Зосимчук В.Н. С.Ю. Витте и модернизация России, 1892–1903 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1998; Мельников М.В. Финансовая реформа С.Ю. Витте: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Владимир, 2000; Коловангин П.М. Государственное творчество графа С.Ю. Витте – полезный опыт модернизации России // Экономическое возрождение России. 2015. № 1 (43). С. 37–43.

²² См.: Ковалевский В.И. Воспоминания // Русское прошлое. Историко-документальный альманах. 1991. № 2. Вступ. ст. Л.Е. Шепелева. С. 15.

²³ О законотворческих «практиках» рассматриваемого периода см.: Соловьев К.А. Политическая система Российской Империи в 1881–1905 гг.: проблема законотворчества. М., 2018.

²⁴ Подробный анализ программы см.: Шепелев Л.Е. Царизм и буржуазия во второй половине XIX века. Проблемы торгово-промышленной политики. Л., 1981. В литературе обращали внимание на существующие пробелы исторической науки в изучении системы государственного регулирования хозяйства, на «довольно скучные» исследования регламентации торгово-промышленной деятельности в историографии (см.: Кольчугина С.В. Государственное регулирование российского предпринимательства в период буржуазной модернизации: историографический обзор // Социосфера. 2010. № 4. С. 147–152).

²⁵ См.: Шепелев Л.Е. Указ. соч. С. 208–211.

²⁶ См.: Министерство финансов (1802–1902). СПб., 1902. Ч. 2. С. 232. О таможенной войне России и Германии также см.: Волков Н.Е. Очерк о законодательной деятельности в царствование Александра III. СПб., 1910. С. 124–128; Гаркавенко И.С. Теория и практика торговой и таможенной политики в преобразованной России (1861–1914 гг.): дис. ... канд. экон. наук. СПб., 2017. С. 43, 44, 117, 121; Андреева О.М. История таможенного дела и таможенной политики России / под ред.

комерческих агентов за границей²⁷. В Берлин посланником и руководителем делегации от министерства был направлен В.И. Тимирязев, еще один «математик», бывший делопроизводитель в комиссии по таможенному тарифу, вице-директор департамента торговли и мануфактур²⁸. Понятно, что все представители в Берлине были только «исполнителями» воли министра, опиравшегося на поддержку монарха²⁹. Но любопытно то, как происходила выработка взаимовыгодных решений в ходе переговоров. Русская делегация воспользовалась данными, собранными при пересмотре тарифа 1891 г., и требовала также от немецкой стороны аналогичных доказательств необходимости изменения таможенных ставок. Как ни странно, пунктуальные и практические немцы оказались не совсем готовы к такому способу переговоров. Лишь в результате конференции и доверительных совещаний, длившихся несколько месяцев, нашлись разумные компромиссы³⁰.

Договор о торговле и мореплавании был подписан уполномоченными лицами 29 января (10 февраля) 1894 г. на 10 лет³¹. Вступил в силу 8 (20 марта), после ратификации Александром III, обеспечив десятилетие стабильного торгового и промышленного оборота. Заключение договора способствовало установлению и развитию более равноправных и устойчивых отношений с другими западными странами на основе принципа наибольшего благоприятствования. Этому содействовал и вновь созданный заграничный аппарат министерства. В 1898 г. наименование «комерческие агенты Министерства финансов» императором было заменено наименованием «агенты

Е.А. Степанова. Челябинск, 2021. С. 69, 70; Кулаков А.А. Таможенная война России и Германии на рубеже XIX–XX вв.: проблема периодизации // Исторический журнал: научные исследования. 2023. № 4. С. 54–64.

²⁷ См.: Высочайше утвержденное мнение Государственно-го Совета «О коммерческих агентах Министерства финансов за границей» // ПСЗРИ. Собр. 3. Т. 13. № 10217.

²⁸ См.: Савченко М. М. Василий Тимирязев: бюрократ и предприниматель в интерьере российской модернизации: сб. материалов Четвертой Междунар. науч. конф. «Торговля, купечество и таможенное дело в России в XVI–XIX вв.» (Нижний Новгород, 28–30 сентября 2017 г.) / ред.-сост. А.И. Раздорский; редкол.: В.Н. Беляева (пред.) и др. Н. Новгород, 2018.

²⁹ О торговых переговорах см.: Витте С.Ю. Указ. соч. С. 257–262; Волков Н.Е. Указ. соч. С. 126.

³⁰ См.: Иванов К.Е. Берлинская конференция 1893 г.: обсуждение условий русско-германского конвенционального торгового договора // Вестник СПбГУ. Сер. 2. 2005. Вып. 2. С. 26–30.

³¹ См.: Высочайше «ратифицированный» Договор о торговле и мореплавании между Россией и Германией // ПСЗРИ. Собр. 3. Т. 14. № 10409.

Министерства финансов»³². Реальный смысл царского «повеления» состоял в том, что по докладу Витте министерских агентов включили в состав императорских посольств и миссий, распространив на них дипломатические права и преимущества³³. Это считали даже наступлением «расцвета института коммерческих, или финансовых агентов (корреспондентов)»³⁴.

Новое соглашение с Германией было заключено 15 (28) июля 1904 г. сроком до 18 (31) декабря 1917 г. в связи с окончанием действия Таможенного договора³⁵. С российской стороны переговоры вели те же лица, но уже в новом статусе. С.Ю. Витте – Председатель Комитета министров, а В.И. Тимирязев – заместитель министра финансов. А еще через год, в 1905 г., Витте возглавил Совет министров, по его предложению было образовано Министерство торговли и промышленности во главе с В.И. Тимирязевым. С внешней стороны ход этих событий кажется закономерным, «запрограммированным». Однако в новом веке не все шло по заданному сценарию.

В 1902 г. пост заместителя («товарища») министра финансов пришлось не «по плану» покинуть В.И. Ковалевскому³⁶. Это, пожалуй, самый верный и талантливый помощник Витте в министерстве. Хотя по образованию и не математик, но государственную службу начинал со статистики в области земледелия и сельской промышленности. А в Министерстве финансов именно его департаментом торговли и мануфактур³⁷ версталась программа торгово-промышленного развития Российской Империи. Основанием же отставки стал разразившийся скандал с участием известной «роковой красавицы». Та предъявила к оплате векселя якобы Ковалевского – «дело приняло судебный оборот».

³² См.: Высочайшее повеление, объявленное министром финансов «Об изменении наименования коммерческих агентов Министерства финансов» // ПСЗРИ. Собр. 3. Т. 18. № 16004.

³³ Доклад С.Ю. Витте так и назывался «О причислении агентов Министерства финансов к императорским посольствам и миссиям» (см.: Ананьев Б.В., Ганелин Р.Ш. Сергей Ильевич Витте и его время. С. 83, 97).

³⁴ Смирнов А. Е. Агенты Министерства финансов Российской Империи за границей (С.С. Татищев в Лондоне): автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2003. С. 17.

³⁵ См.: Договор о торговле и мореплавании между Россией и Германией от 29 января (10 февраля 1894 г.), измененный согласно заключенной 15 (28) июля 1904 г. дополнительной Конвенции к означенному Договору // Материалы по пересмотру торговых договоров. СПб., 1911. С. 1–8.

³⁶ Ковалевский Владимир Иванович (1848–1934), с 1892 г. – директор департамента мануфактур и торговли Министерства финансов, а с 1900 г. – заместитель министра финансов (см. о нем: Ковалевский В.И. Указ. соч. С. 5–26).

³⁷ См.: Министерство финансов (1802–1902). Ч. 2. С. 679.

Заведовать делами торговли и промышленности был поставлен вышеупомянутый В.И. Тимирязев.

В 1903 г. интриги деятелей, более близких к Николаю II, привели к «удалению» и самого Витте от управления финансами и экономикой страны³⁸. Царь назначил его председателем Комитета министров. Руководителями этого совещательного органа обычно становились вельможи, отслужившие свой век. Витте задвинули «в тень» с маленьkim бюджетом и отсутствием «денежных проектов». Министерства действовали как самостоятельные ведомства, а министры докладывали непосредственно царю. Вместе с тем Витте сохранил «доступ к телу», поскольку новая должность формально считалась одной из самых высоких в государстве. Говорили, что «упал», но — «вверх».

И обнаружилось, что без него не смогли обойтись в решении возникших серьезных внешне-торговых и внешнеполитических вопросов. Сначала в урегулировании нового торгового соглашения с Германией. Затем при заключении мирного договора с Японией в Портсмуте, подписанного 23 августа (5 сентября) 1905 г.³⁹ Заслуженно получил графский титул. Молва, правда, назвала графа «Полусахалинским»⁴⁰. Цена компромиссов оказалась высокой. С территориальными потерями в отношениях с Японией и с экономическими уступками — с Германией⁴¹. Но «маленькую победоносную войну», в которой Россия потерпела поражение, и которая негативно повлияла на экономическое положение России в мире, спровоцировали те, кто отстранил его от власти⁴².

В условиях революционной ситуации Витте стал одним из тех, кто существенно влиял на разработку программы выхода из политического и экономического кризиса, а также на подготовку и издание соответствующих нормативных актов. Обнародовав Манифест от 17 (30) октября 1905 г.⁴³, царь

³⁸ Об отставке С.Ю. Витте, о подготовке «дальневосточной драмы», о «маленькой победоносной войне» министра внутренних дел В.К. Плеве (1846–1904) см.: Граф С.Ю. Витте: опыт характеристики внешней политики // Тарле Е.В. Соч.: в 12 т. М., 1958. Т. 5. С. 532–538.

³⁹ См.: Высочайше «ратифицированный» Мирный договор между Россией и Японией // ПСЗРИ. Собр. 3. Т. 25. № 26762.

⁴⁰ Ольденбург С.С. Царствование Императора Николая II. Белград, 1939. Т. I. С. 307.

⁴¹ См.: Байбиков В.Ю. Российско-германские отношения и торговые договора 1894 и 1904 годов в общественном мнении России // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Сер.: Гуманитарные науки. 2018. № 7. С. 7.

⁴² См.: Граф С.Ю. Витте: опыт характеристики внешней политики.

⁴³ См.: Манифест от 17 октября 1905 г. «Об усовершенствовании государственного порядка» // ПСЗРИ. Собр. 3. Т. 25. № 26803.

поручил Витте сформировать «объединенное» правительство. Вот тогда и появилось Министерство торговли и промышленности.

Вопрос о выделении торговли и промышленности из Министерства финансов в отдельное ведомство обсуждался и раньше. Однако Витте опасался ослаблять созданное им «сверхминистерство»⁴⁴. Став же премьером, он внес на утверждение Указ об учреждении Министерства торговли и промышленности⁴⁵, так как «министерство финансов чрезвычайно разрослось»⁴⁶. В состав нового министерства, учреденного на базе департамента торговли и мануфактур Министерства финансов, перешли также горное дело, тарифы и департамент железнодорожных дел. По соглашению между Министерством финансов и Министерством торговли и промышленности коммерческих агентов оставили в ведении первого с учетом их деятельности и в интересах нового министерства.

Продолжилась деятельность по разработке и принятию законов об органах государственной власти, о правах и обязанностях российских подданных, о печати, о союзах и собраниях, о забастовках и других. Основные государственные законы, названные Российской Конституцией, были утверждены Высочайшим указом императора 23 апреля (6 мая) 1906 г.⁴⁷ Но это случилось на следующий день после принятия императором отставки премьера.

За шесть месяцев правительство проделало колоссальную работу. Но преодоление общего хаоса, возникшего вследствие «дарования» свобод, «разгула демократии» и тяжелого экономического положения, требовало больше времени. Ослабление цензуры в обществе привело к широкому распространению негативного образа царской власти, а Витте превратился в объект травли со всех сторон. Справиться со стихией, на волне которой ему удалось подняться на самую вершину государственного управления, быстро не получилось.

Все склонны были считать, что сложившаяся ситуация в стране — результат ошибок и рас渺янности власти. В прессе, которой раньше манипулировали «верхи», включая самого Витте, теперь куражились, упивались свободой

⁴⁴ Соловьев Я.В. Министерство финансов Российской империи в 1858–1903 гг.: организация и функционирование: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2003. С. 24, 25.

⁴⁵ См.: Высочайший указ от 27 октября 1905 г. «Об учреждении Министерства торговли и промышленности» // ПСЗРИ. Собр. 3. Т. 25. № 26851.

⁴⁶ Витте С.Ю. Указ. соч. С. 173.

⁴⁷ См.: Высочайше утвержденные Основные государственные законы от 23 апреля 1906 г. // ПСЗРИ. Собр. 3. Т. 26. № 27805.

и безнаказанностью «низы». Например, выпускали газету «Виттова пляска». Полагают, что «ее издатели остроумно увязали революционную ситуацию в России 1905–1907 гг., с одной стороны, с тяжелым нервным недугом... и имеющим соответствующее наименование, с другой – с именем главного виновника усугубления смуты (с их точки зрения)... С.Ю. Витте»⁴⁸. Однако сама болезнь своим названием обязана все же не столько ее внешним судорожным проявлениям, похожим на странные танцы, сколько христианскому святому Витту, который, по преданию, исцелял от хвори. Таким образом, издатели и авторы газеты невольно отразили роль Витте как избавителя от социальных проблем. Впрочем, на поверхности было другое.

Поэтому отставка Витте стала средством для «выпуска пара из бурлящего котла». Первый министр не смог рассчитать ни сил, ни времени, требуемых для реализации предложенного им царю проекта. Ни главного – готовности общества (включая сторонников) к преобразованиям. Окружение и бывшие «исполнители» в новой реальности отвернулись от него. Многие общественные деятели, которым он предложил министерские должности, отказались от постов в «объединенном» кабинете. Тимирязев, ставший первым министром торговли и промышленности, в феврале 1906 г. подал в отставку: публично – «вследствие несогласия с направлениями политики кабинета», формально – «по домашним обстоятельствам», а по сути – не желая «жертвовать собою ради безнадежно осужденного дела»⁴⁹.

После ухода из правительства Витте оказался в оппозиции к правительству. В созданном им Министерстве торговли и промышленности, как и в Министерстве финансов, закрутилась настоящая кадровая чехарда. До свержения монархии министры менялись семь раз. Еще раз побывал на этой должности и Тимирязев. И снова, не проработав и года, уволился. Дольше всех, шесть лет, захватив и первый год начавшейся мировой войны, министерство возглавлял еще один «выпускник» Министерства финансов времен С.Ю. Витте – С.Ю. Тимашев⁵⁰. При нем в 1912 г. коммерческих агентов окончательно перевели в Министерство торговли и промышленности⁵¹. На них возлагались

⁴⁸ Иванов А. «Виттова пляска» // Черная сотня. Историческая энциклопедия 1900–1917 / сост. А.Д. Степанов, А.А. Иванов; отв. ред. О.А. Платонов. М., 2008. С. 101.

⁴⁹ Воспоминания министра народного просвещения графа И.И. Толстого (31 октября 1905 г. – 24 апреля 1906 г.) / сост. Л.И. Толстая. М., 1997. С. 176–178.

⁵⁰ Тимашев Сергей Иванович (1858–1920), министр торговли и промышленности в 1909–1915 гг.

⁵¹ См.: Высочайше утвержденный закон от 28 мая 1912 г. «Об учреждении должностей агентов Министерства торговли

функции по изучению иностранных рынков, содействию русским торговцам, производству особых экономических исследований по поручению министра торговли и промышленности, а равно исполнение поручений министра финансов. В 1914 г., сразу же после объявления мобилизации, накануне Первой мировой войны уполномоченные чиновники Министерства финансов выполнили свой «патриотический долг»⁵². Выехав в Берлин, изъяли в германских банках русские ценные бумаги на сумму 20 млн золотых рублей. «Цифровики» все-таки справлялись с вызовами начала XX в.

С началом Первой мировой бывшему премьеру представилась возможность вернуться во власть. Мог быть востребован опыт опытного и удачливого переговорщика. В это время С.Ю. Витте находился в опале уже почти 10 лет, не оставляя попыток вернуться во власть⁵³. Предполагают, что «Витте достиг перед смертью каких-то успехов, добившись весьма влиятельной поддержки своих миротворческих проектов»⁵⁴. Известна переписка Витте с немцами по поводу перевода его личных капиталов, хранившихся в германском банке, в нейтральную страну. Свои действия он объяснял необходимостью исключить возможность критики его пацифистской позиции из-за личной заинтересованности в возможных будущих мирных переговорах. Писал, что «принято решение о том, чтобы, когда наступит момент мирной конференции просить» его, участвовать в ней «в качестве делегата»⁵⁵. Хотя все это можно, при желании, посчитать блефом или комбинацией в своих интересах. Ведь полагали, например, что созданное им Министерство финансов «оказалось государством в государстве», со своими «дипломатическими представителями», «особыми посланниками» за границей⁵⁶. В этом видели и попытку завести «личных» представителей за границей⁵⁷. Скоропостижная смерть Витте в последний день февраля 1915 г. поставила точку в его борьбе за власть.

С.Ю. Витте называли «гениальным дельцом» и великим «комбинатором», «акробатом»

и промышленности за границей и секретарей при некоторых из них» // ПСЗРИ. Собр. 3. Т. 32. № 37148.

⁵² Ионичев Н.П. Россия и Германия: из области экономических отношений // Вестник Финансовой академии. 2003. № 1 (25). С. 77.

⁵³ См.: Ананьев Б.В., Ганелин Р.Ш. Сергей Юльевич Витте и его время. С. 383–391.

⁵⁴ Там же. С. 389.

⁵⁵ Там же. С. 388, 389.

⁵⁶ См.: Торговые агенты // Новое время. 1910. 24 апр. (7 мая). С. 2.

⁵⁷ См.: Ананьев Б.В., Ганелин Р.Ш. Сергей Юльевич Витте и его время. С. 98.

и «фокусником»⁵⁸. И все-таки в основе комбинаций и эквилибристики Витте лежала системность и программность его масштабной деятельности в целом. В научный оборот закономерно вошло понятие «система Витте»⁵⁹. Полагают, что впервые так назвали программу реформатора за рубежом⁶⁰. Однако именовали ее таким же образом еще при жизни Витте. Иногда «систему» критиковали за противоречивость⁶¹. С.Ю. Витте часто обращался с просьбой «отпарировать нападения наших аграриев на индустриальное направление экономической политики» Д.И. Менделееву, который, как уже было отмечено выше, «принимал деятельное участие в установлении разумной покровительственной системы нашей индустрии»⁶². Комплекс мероприятий по реформированию экономики в «эпоху» Витте можно изучать с разных сторон и со стороны разных наук, анализируя и обобщая как идеи по модернизации государственного управления «на общую пользу», так и цели и средства деятельности конкретных государственных и общественных деятелей.

* * *

Ныне «цифровизация» благодаря логико-математическим методам и автоматизации придает теории и практике государственного управления дополнительный импульс, одновременно обнаруживая свои пределы. Историки, используя «цифровой поворот» в науке⁶³, «вычисляют алгоритмы» деятельности и «деконструируют» образ личности Витте⁶⁴, пытаясь показать, по сути, как

⁵⁸ Сагинадзе Э.О. Образы отставного сановника: С.Ю. Витте и общественное мнение: 1906–1915 гг.: автореф. ... канд. ист. наук. СПб., 2013.

⁵⁹ См.: Ананьев Б.В., Ганелин Р.Ш. Сергей Юльевич Витте и его время. С. 83–99; Мартынов С.Д. Государство и экономика: система Витте. СПб., 2002; Бондаренко О.А. Создание «системы Витте» и ее влияние на модернизацию экономики Российской Империи // История и археология: материалы VI Междунар. науч. конф. (г. Казань, ноябрь 2018 г.) / гл. ред. И.Г. Ахметов. Казань, 2018. С. 1–11.

⁶⁰ См.: Хорос В.Г. С.Ю. Витте: судьба реформатора // Мировая экономика и международные отношения. 1998. № 10. С. 101.

⁶¹ См.: Клучарев С.В. Крестьянская нищета и финансово-экономическая система С.Ю. Витте. Киев, 1906.

⁶² Ковалевский В.И. [Воспоминания] // Д.И. Менделеев в воспоминаниях современников / сост. А.А. Макареня, И.Н. Филимонова, Н.Г. Карпило. М., 1973. С. 138, 139.

⁶³ См.: Бородкин Л.И., Владимиров В.Н. Исторические исследования в условиях «цифрового поворота»: новые вызовы, новые ответы // Историческая информатика. 2019. № 3; Полевой Н.А. «Цифровой поворот» – новая волна в серфинге исторической информатики по технологическому прогрессу // Там же. С. 99–107.

⁶⁴ См.: Шнейдер К.И., Веревкина И.Н. Трансформация са-модернизации в Российской Империи в начале XX в.: взгляд С.Ю. Витте // Historia provinciae – журнал региональной истории. 2021. Т. 5. № 3. С. 926–965; Веревкина И.Н. Образы власти

функционировала его «система общественных отношений» в зависимости от тех или иных ее элементов. Более точно, видимо, с помощью современных математико-экономических вычислений можно проверить эффективность «системы Витте» в сфере торговли и промышленности (сбалансированность развития различных отраслей, торгового оборота, влияние инвестиций на экономический рост и т.д.)⁶⁵.

Юристы на основе системного анализа могут рассмотреть идеи, состояние и развитие системы торгово-промышленного, финансового законодательства⁶⁶, Свода законов Российской Империи времен Витте. Изучение исторического опыта систематизации законодательства может содействовать не только сохранению исторической памяти, но и решению методологических и конкретных практических проблем (в том числе в сфере правовой цифровизации)⁶⁷. Не случайно С.Ю. Витте сравнивали с М.М. Сперанским. Хотя «один из творцов конституционной России», как считал, П.Б. Струве, в отличие от Сперанского «был совершенно лишен всякого чувства права» и «не потому.., что он не был юристом, а потому, что права и правды Витте никогда не чувствовал...»⁶⁸.

В основе права, конечно, лежат не только нормативно-логические связи, но также и особые меры свободы и справедливости, которые даже самым гениальным политикам и администраторам не всегда удается рассчитать.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абезгауз С.А. Торговая политика России и ее европейские партнеры конца XIX – начала XX в.: о взаимном влиянии политических и торговых отношений: автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2008. С. 3, 4.
2. Ананьев Б.В., Ганелин Р.Ш. Опыт критики мемуаров С.Ю. Витте (В связи с его публицистической деятель-

в интеллектуальном наследии С.Ю. Витте: конструирование и трансформация: дис. ... канд. ист. наук. Пермь, 2023.

⁶⁵ Например, на основе исследований моделей экономического развития (см.: Цикин А.М. Ретроспектива российских моделей национального развития // Вестник Московского ун-та. Сер. 6. Экономика. 2020. № 5. С. 40–67; Его же. Диалектика самодостаточности и конкурентоспособности российской экономики: автореф. ... д-ра экон. наук. М., 2021).

⁶⁶ См., напр.: Бровкин В.Г. Финансово-правовые идеи в России в XIX веке: становление и развитие: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2006.

⁶⁷ См., напр.: Вершинин А.П. От Свода законов Российской Империи к автоматизированной систематизации российского законодательства // Государство и право. 2016. № 10. С. 90–91.

⁶⁸ Струве П. Граф С.Ю. Витте. Опыт характеристики. М. – Пг., 1915. С. 5.

- ностью в 1907–1915 гг.) // Вопросы историографии и источниковедения в истории СССР. М., Л., 1963. С. 298–374.
3. *Ананыч Б.В., Ганелин Р.Ш.* Сергей Юльевич Витте и его время. СПб., 2000. С. 83–99, 349–391.
  4. *Андреева О.М.* История таможенного дела и таможенной политики России / под ред. Е.А. Степанова. Челябинск, 2021. С. 69, 70.
  5. *Андронов А.А. И.А. Вышнеградский и его роль в создании теории автоматического регулирования (сто лет со дня опубликования работ И.А. Вышнеградского по теории автоматического регулирования) // Автоматика и телемеханика.* 1978. Вып. 4. С. 5–17.
  6. *Ахтямов В.В.* Психоисторические аспекты жизни и деятельности С.Ю. Витте и П.А. Столыпина: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Омск, 2005. С. 16–20.
  7. *Байбиков В.Ю.* Российско-германские отношения и торговые договоры 1894 и 1904 годов в общественном мнении России // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Сер.: Гуманитарные науки. 2018. № 7. С. 7.
  8. *Бондаренко О.А.* Создание «системы Витте» и ее влияние на модернизацию экономики Российской империи // История и археология: материалы VI Междунар. науч. конф. (г. Казань, ноябрь 2018 г.) / гл. ред. И.Г. Ахметов. Казань, 2018. С. 1–11.
  9. *Бородкин Л.И., Владыров В.Н.* Исторические исследования в условиях «цифрового поворота»: новые вызовы, новые ответы // Историческая информатика. 2019. № 3.
  10. *Бровкин В.Г.* Финансово-правовые идеи в России в XIX веке: становление и развитие: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2006.
  11. *Веревкина И.Н.* Образы власти в интеллектуальном наследии С.Ю. Витте: конструирование и трансформация: дис. ... канд. ист. наук. Пермь, 2023.
  12. *Вершинин А.П.* От Свода законов Российской Империи к автоматизированной систематизации российского законодательства // Государство и право. 2016. № 10. С. 90–91.
  13. *Витте С.Ю.* Избр. воспоминания. 1849–1911 гг.: в 2 т. М., 1997. Т. 1. С. 53, 54, 173, 190, 191, 200, 201, 257–262.
  14. *Волков Н.Е.* Очерк о законодательной деятельности в царствование Александра III. СПб., 1910. С. 124–128.
  15. Воспоминания министра народного просвещения графа И.И. Толстого (31 октября 1905 г. – 24 апреля 1906 г.) / сост. Л.И. Толстая. М., 1997. С. 176–178.
  16. *Гаврилов К.В. С.Ю. Витте и общественное мнение о его государственной деятельности: автореф. дис. ... канд. ист. наук.* СПб., 2009.
  17. *Гаркавенко И.С.* Теория и практика торговой и таможенной политики в преформенной России (1861–1914 гг.): дис. ... канд. экон. наук. СПб., 2017. С. 43, 44, 117, 121.
  18. Граф С.Ю. Витте: опыт характеристики внешней политики // Тарле Е.В. Соч.: в 12 т. М., 1958. Т. 5. С. 532–538.
  19. *Дорошевич В.М.* Воспоминания. М., 2008.
  20. *Дорошевич В.М.* Торгово-промышленники. URL: http://az.lib.ru/d/doroshevich_w_m/text_1912_torgovo_promyshlenniki.shtml (дата обращения: 22.03.2024).
  21. *Зосимчук В.Н. С.Ю. Витте и модернизация России, 1892–1903 гг.:* автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1998.
  22. *Иванов А.* «Виттова пляска» // Черная сотня. Историческая энциклопедия 1900–1917 / сост. А.Д. Степанов, А.А. Иванов; отв. ред. О.А. Платонов. М., 2008. С. 101.
  23. *Иванов К.Е.* Берлинская конференция 1893 г.: обсуждение условий русско-германского конвенционального торгового договора // Вестник СПбГУ. Сер. 2. 2005. Вып. 2. С. 26–30.
  24. *Ионичев Н.П.* Россия и Германия: из области экономических отношений // Вестник Финансовой академии. 2003. № 1 (25). С. 77.
  25. *Кирпичев В.Л.* Иван Алексеевич Вышнеградский, как профессор и ученый. СПб., 1895.
  26. *Клучарев С.В.* Крестьянская нищета и финансово-экономическая система С.Ю. Витте. Киев, 1906.
  27. *Ковалевский В.И.* [Воспоминания] // Д.И. Менделеев в воспоминаниях современников / сост. А.А. Макареня, И.Н. Филимонова, Н.Г. Карпило. М., 1973. С. 138, 139.
  28. *Ковалевский В.И.* Воспоминания // Русское прошлое. Историко-документальный альманах. 1991. № 2. Вступ. ст. Л.Е. Шепелева. С. 5–26.
  29. *Коловангин П.М.* Государственное творчество графа С.Ю. Витте – полезный опыт модернизации России // Экономическое возрождение России. 2015. № 1 (43). С. 37–43.
  30. *Кольчугина С.В.* Государственное регулирование российского предпринимательства в период буржуазной модернизации: историографический обзор // Социосфера. 2010. № 4. С. 147–152.
  31. *Кулаков А.А.* Таможенная война России и Германии на рубеже XIX–XX вв.: проблема периодизации // Исторический журнал: научные исследования. 2023. № 4. С. 54–64.
  32. *Лутохин Д.А.* Граф С.Ю. Витте, как министр финансов. Пг., 1915.
  33. *Мартынов С.Д.* Государство и экономика: система Витте. СПб., 2002.
  34. *Мельников М.В.* Финансовая реформа С.Ю. Витте: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Владимир, 2000.
  35. *Менделеев Д.И.* Заветные мысли. СПб., 1905. С. 197.
  36. Министерство финансов (1802–1902). СПб., 1902. Ч. 2. С. 232, 679.
  37. *Никольский Б.В.* Дневник (1896–1918). Изд. подгот. Д.Н. Шилов, Ю.А. Кузьмин. Т. 2 (1904–1918). СПб., 2015. С. 24.
  38. *Ольденбург С.С.* Царствование Императора Николая II. Белград, 1939. Т. I. С. 307.
  39. *Полевой Н.А.* «Цифровой поворот» – новая волна в серфинге исторической информатики по технологическому прогрессу // Историческая информатика. 2019. № 3. С. 99–107.
  40. *Савченко М.М.* Василий Тимирязев: бюрократ и предприниматель в интерьере российской модернизации

- ции: сб. материалов Четвертой Междунар. науч. конф. «Торговля, купечество и таможенное дело в России в XVI–XIX вв.» (Нижний Новгород, 28–30 сентября 2017 г.) / ред.-сост. А.И. Раздорский; редкол.: В.Н. Беляева (пред.) и др. Н. Новгород, 2018.
41. Савченко М.М. Инвентаризация крестьянских повинностей при Николае I (1825–1855): планы и реальность // Экономическая история. Обозрение / под ред. Л.И. Бородкина. М., 2005. Вып. 10. С. 173.
  42. Сагинадзе Э.О. Образы отставного сановника: С.Ю. Витте и общественное мнение: 1906–1915 гг.: автореф. ... канд. ист. наук. СПб., 2013.
  43. Самонов С.В. Министр финансов С.Ю. Витте и его политика в общественном мнении России (1892–1903 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2008.
  44. Смирнов А.Е. Агенты Министерства финансов Российской Империи за границей (С.С. Татищев в Лондоне): автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2003. С. 17.
  45. Соловьев К.А. Политическая система Российской империи в 1881–1905 гг.: проблема законотворчества. М., 2018.
  46. Соловьев Я.В. Министерство финансов Российской империи в 1858–1903 гг.: организация и функционирование: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2003. С. 24, 25.
  47. Степанов В.И.А. Вышнеградский и С.Ю. Витте: партнеры и конкуренты // Росс. история. 2014. № 6. С. 39, 60.
  48. Степанов В.Л. С.Ю. Витте – наследник Н.Х. Бунге и И.А. Вышнеградского // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Сер.: Гуманитарные науки. 2017. № 10. С. 38–42.
  49. Струве П. Граф С.Ю. Витте. Опыт характеристики. М. – Пг., 1915. С. 5.
  50. Судейкин В.Т. Замечательная эпоха в истории русских финанс (Очерк экон. и фин. политики Н.Х. Бунге и И.А. Вышнеградского). СПб., 1895. С. 1–4, 55–106.
  51. «Толковый тариф», или исследование о развитии промышленности России в связи с ее общим таможенным тарифом 1891 года. СПб., 1892.
  52. Торговые агенты // Новое время. 1910. 24 апр. (7 мая). С. 2.
  53. Хорос В.Г. С.Ю. Витте: судьба реформатора // Мировая экономика и международные отношения. 1998. № 10. С. 101.
  54. Цикин А.М. Диалектика самодостаточности и конкурентоспособности российской экономики: автореф. д-ра экон. наук. М., 2021.
  55. Цикин А.М. Ретроспектива российских моделей национального развития // Вестник Московского ун-та. Сер. 6. Экономика. 2020. № 5. С. 40–67.
  56. Шепелев Л.Е. Царизм и буржуазия во второй половине XIX века. Проблемы торгово-промышленной политики. Л., 1981. С. 208–211.
  57. Шнейдер К.И., Веревкина И.Н. Трансформация самодержавия в Российской Империи в начале XX в.: взгляд С.Ю. Витте // Historia provinciae – журнал региональной истории. 2021. Т. 5. № 3. С. 926–965.

REFERENCES

1. Abezgauz S.A. Trade policy of Russia and its European partners of the late XIX – early XX centuries: on the mutual influence of political and trade relations: abstract ... Candidate of Historical Sciences. SPb., 2008. Pp. 3, 4 (in Russ.).
2. Ananyich B.V., Ganelin R.S. The experience of criticism of the memoirs of S. Yu. Witte (In connection with his journalistic activities in 1907–1915) // Questions of historiography and source studies in the history of the USSR. M., L., 1963. Pp. 298–374 (in Russ.).
3. Ananyich B.V., Ganelin R.S. Sergey Yulieovich Witte and his time. SPb., 2000. Pp. 83–99, 349–391 (in Russ.).
4. Andreeva O.M. The history of customs affairs and customs policy of Russia / ed. by E.A. Stepanov. Chelyabinsk, 2021. Pp. 69, 70 (in Russ.).
5. Andronov A.A. I.A. Vyshnegradsky and his role in the creation of the theory of automatic regulation (one hundred years since the publication of I.A. Vyshnegradsky's works on the theory of automatic regulation) // Automation and telemechanics. 1978. Iss. 4. Pp. 5–17 (in Russ.).
6. Akhtyamov V.V. Psychohistorical aspects of life and activity of S. Yu. Witte and P.A. Stolypin: abstract ... Candidate of Historical Sciences. Omsk, 2005. Pp. 16–20 (in Russ.).
7. Baibikov V. Yu. Russian-German relations and trade agreements of 1894 and 1904 in the public opinion of Russia // Modern science: actual problems of theory and practice. Ser.: Humanities. 2018. No. 7. P. 7 (in Russ.).
8. Bondarenko O.A. The creation of the “Witte System” and its impact on the modernization of the economy of the Russian Empire // History and Archeology: materials of the VI International Scientific Conference (Kazan, November 2018) / ch. ed. I.G. Akhmetov. Kazan, 2018. Pp. 1–11 (in Russ.).
9. Borodkin L.I., Vladimirov V.N. Historical research in the context of the “digital turn”: new challenges, new answers // Historical computer science. 2019. No. 3 (in Russ.).
10. Brovkin V.G. Financial and legal ideas in Russia in the XIX century: formation and development: abstract ... PhD in Law. M., 2006 (in Russ.).
11. Verevkina I.N. Images of power in the intellectual heritage of S. Yu. Witte: construction and transformation: dis. ... Candidate of Historical Sciences. Perm, 2023 (in Russ.).
12. Vershinin A.P. From the Code of laws of the Russian Empire to the automated systematization of Russian legislation // State and Law. 2016. No. 10. Pp. 90–91 (in Russ.).
13. Witte S. Yu. Selected memoirs. 1849–1911: in 2 vols. M., 1997. Vol. 1. Pp. 53, 54, 173, 190, 191, 200, 201, 257–262 (in Russ.).
14. Volkov N.E. An essay on legislative activity in the reign of Alexander III. St. Petersburg, 1910. Pp. 124–128 (in Russ.).
15. Memoirs of the Minister of National Education Count I.I. Tolstoy (October 31, 1905 – April 24, 1906) / comp. L.I. Tolstaya. M., 1997. Pp. 176–178 (in Russ.).

16. *Gavrilov K. V. S. Yu. Witte and public opinion about his state activity: abstract ... Candidate of Historical Sciences. SPb., 2009* (in Russ.).
17. *Garkavenko I. S. Theory and practice of trade and customs policy in post-reform Russia (1861–1914): dis. ... Candidate of Economic Sciences. SPb., 2017. Pp. 43, 44, 117, 121* (in Russ.).
18. Count S. Yu. Witte: the experience of foreign policy characteristics // *Tarle E. V. Essays: in 12 vols. M., 1958. Vol. 5. Pp. 532–538* (in Russ.).
19. *Doroshevich V. M. Memoirs. M., 2008* (in Russ.).
20. *Doroshevich V. M. Commercial industrialists. URL: http://az.lib.ru/d/doroshevich_w_m/text_1912_torgovo_promyshlenniki.shtml* (accessed: 22.03.2024) (in Russ.).
21. *Zosimchuk V. N. S. Yu. Witte and the modernization of Russia, 1892–1903: abstract ... Candidate of Historical Sciences. M., 1998* (in Russ.).
22. *Ivanov A. "Witt's dance" // Black Hundred. Historical Encyclopedia 1900–1917 / comp. A. D. Stepanov, A. A. Ivanov; res. ed. O. A. Platonov. M., 2008. P. 101* (in Russ.).
23. *Ivanov K. E. Berlin Conference of 1893: discussion of the terms of the Russian-German conventional trade agreement // Herald of St. Petersburg State University. Ser. 2. 2005. Iss. 2. Pp. 26–30* (in Russ.).
24. *Ionichev N. P. Russia and Germany: from the field of economic relations // Herald of the Financial Academy. 2003. No. 1 (25). P. 77* (in Russ.).
25. *Kirpichev V. L. Ivan Alekseevich Vyshnegradsky, as a professor and scientist. St. Petersburg, 1895* (in Russ.).
26. *Klucharev S. V. Peasant poverty and the financial and economic system S. Yu. Witte. Kiev, 1906* (in Russ.).
27. *Kovalevsky V. I. [Memoirs] // D. I. Mendeleev in the memoirs of contemporaries / comp. A. A. Makarenko, I. N. Filimonov, N. G. Karpilo. M., 1973. Pp. 138, 139* (in Russ.).
28. *Kovalevsky V. I. Memoirs // Russian past. Historical and documentary almanac. 1991. No. 2. Introduction by L. E. Shepelev. Pp. 5–26* (in Russ.).
29. *Kolovangin P. M. State creativity of Count S. Yu. Witte – a useful experience of modernization of Russia // The economic revival of Russia. 2015. No. 1 (43). Pp. 37–43* (in Russ.).
30. *Kolchugina S. V. State regulation of Russian entrepreneurship in the period of bourgeois modernization: a historiographical review // Sociosphere. 2010. No. 4. Pp. 147–152* (in Russ.).
31. *Kulakov A. A. The customs war of Russia and Germany at the turn of the XIX–XX centuries: the problem of periodization // Historical Journal: scientific research. 2023. No. 4. Pp. 54–64* (in Russ.).
32. *Lutokhin D. A. Count S. Y. Witte, as Minister of Finance. Petrograd, 1915* (in Russ.).
33. *Martynov S. D. State and economy: the Witte system. SPb., 2002* (in Russ.).
34. *Melnikov M. V. Financial reform S. Yu. Witte: abstract ... Candidate of Historical Sciences. Vladimir, 2000* (in Russ.).
35. *Mendeleev D. I. Cherished thoughts. St. Petersburg, 1905. P. 197* (in Russ.).
36. Ministry of Finance (1802–1902). St. Petersburg, 1902. Part 2. Pp. 232, 679 (in Russ.).
37. *Nikolsky B. V. Diary (1896–1918). Ed. prepared by D. N. Shilov, Yu. A. Kuzmin. Vol. 2 (1904–1918). SPb., 2015. P. 24* (in Russ.).
38. *Oldenburg S. S. The Reign of Emperor Nicholas II. Belgrade, 1939. Vol. I. P. 307* (in Russ.).
39. *Polevoy N. A. "Digital turn" – a new wave in the surfing of historical informatics on technological progress // Historical computer science. 2019. No. 3. Pp. 99–107* (in Russ.).
40. *Savchenko M. M. Vasily Timiryazev: bureaucrat and entrepreneur in the interior of Russian modernization: collection of materials of the Fourth International Scientific Conference "Trade, merchants and Customs in Russia in the XVI–XIX centuries" (Nizhny Novgorod, September 28–30, 2017) / ed.-comp. A. I. Razdorskij; Editor's note: V. N. Belyaeva (pred.) et al. N. Novgorod, 2018* (in Russ.).
41. *Savchenko M. M. Inventory of peasant duties under Nicholas I (1825–1855): plans and reality // Economic history. Review / ed. by L. I. Borodkin. M., 2005. Iss. 10. P. 173* (in Russ.).
42. *Saginadze E. O. Images of a retired dignitary: S. Yu. Witte and public opinion: 1906–1915: abstract ... Candidate of Historical Sciences. SPb., 2013* (in Russ.).
43. *Samonov S. V. Minister of Finance S. Yu. Witte and his policy in public opinion in Russia (1892–1903): abstract ... Candidate of Historical Sciences. SPb., 2008* (in Russ.).
44. *Smirnov A. E. Agents of the Ministry of Finance of the Russian Empire abroad (S. S. Tatishchev in London): abstract ... Candidate of Historical Sciences. M., 2003. P. 17* (in Russ.).
45. *Solovyov K. A. The political system of the Russian Empire in 1881–1905: the problem of lawmaking. M., 2018* (in Russ.).
46. *Solovyov Ya. V. The Ministry of Finance of the Russian Empire in 1858–1903: organization and functioning: abstract ... Candidate of Historical Sciences. M., 2003. Pp. 24, 25* (in Russ.).
47. *Stepanov V. I. A. Vyshnegradsky and S. Yu. Witte: partners and competitors // Russ. history. 2014. No. 6. Pp. 39, 60* (in Russ.).
48. *Stepanov V. L. S. Yu. Witte – heir of N. Kh. Bunge and I. A. Vyshnegradsky // Modern science: actual problems of theory and practice. Ser.: Humanities. 2017. No. 10. Pp. 38–42* (in Russ.).
49. *Struve P. Conte S. Yu. Witte. The experience of characteristics. M. – Petrograd, 1915. P. 5* (in Russ.).
50. *Sudeikin V. T. A remarkable epoch in the history of Russian finance (Essay by economic and the financial policies of N. Kh. Bunge and I. A. Vyshnegradsky). St. Petersburg, 1895. Pp. 1–4, 55–106* (in Russ.).
51. "Explanatory tariff", or a study on the development of Russian industry in connection with its general customs tariff of 1891. St. Petersburg, 1892 (in Russ.).
52. *Trade agents // Novoe Vremya. 1910. 24 Apr. (May 7). P. 2* (in Russ.).
53. *Khoros V. G. S. Yu. Witte: the fate of the reformer // World economy and international relations. 1998. No. 10. P. 101* (in Russ.).

54. *Tsikin A.M.* Dialectics of self-sufficiency and competitiveness of the Russian economy: abstract ... Doctor of Economics. M., 2021 (in Russ.).
55. *Tsikin A.M.* A retrospective of Russian models of national development // Herald of the Moscow University. Ser. 6. Economics. 2020. No. 5. Pp. 40–67 (in Russ.).
56. *Shepelev L.E.* Tsarism and the bourgeoisie in the second half of the XIX century. Problems of trade and industrial policy. L., 1981. Pp. 208–211 (in Russ.).
57. *Schneider K.I., Verevkina I.N.* Transformation of autocracy in the Russian Empire at the beginning of the twentieth century: the view of S. Yu. Witte // Historia provinciae – journal of Regional History. 2021. Vol. 5. No. 3. Pp. 926–965 (in Russ.).

Сведения об авторе

ВЕРШИНИН Александр Павлович –
доктор юридических наук, профессор,
профессор кафедры гражданского процесса
юридического факультета
Санкт-Петербургского государственного
университета; 199106 г. Санкт-Петербург,
22-я линия В.О., д. 7

Authors' information

VERSHININ Alexander P. –
Doctor of Law, Professor,
Professor of the Department of Civil Procedure,
Faculty of Law, St. Petersburg State University;
7, 22nd line V.O., 199106 St. Petersburg, Russia

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ НАЛОГООБЛОЖЕНИЯ В КОНТЕКСТЕ ГЛОБАЛЬНЫХ КЛИМАТИЧЕСКИХ ПРОБЛЕМ

© 2024 О. И. Лютова

НИУ ВШЭ, г. Москва

E-mail: lutova.olga@mail.ru

Поступила в редакцию 03.07.2023 г.

Аннотация. Статья посвящена концептуальным вопросам развития налоговой системы России в условиях «зеленения экономики». Представлен анализ влияния развития климатической политики на изменение структуры налогообложения в контексте обеспечения экологической безопасности. Делается акцент на необходимость использования собирательного понятия экологических налогов для реализации возможности комплексного анализа трансформации правового регулирования налоговой системы периода «зеленой» экономики. В статье рассматриваются возможные варианты будущей конструкции налогообложения на фоне интенсификации сокращения выбросов и повышения энергоэффективности.

Ключевые слова: «зеленая» экономика, экологические налоги, налогообложение недропользования, трансграничное углеродное регулирование, углеродный налог, транспортный налог, косвенное налогообложение, имущественное налогообложение, подоходное налогообложение, амортизация.

Цитирование: Лютова О.И. Правовое регулирование налогообложения в контексте глобальных климатических проблем // Государство и право. 2024. № 6. С. 165–171.

Исследование выполнено в рамках реализации проекта № 7508-623-20-05 «Разработка механизма оценки влияния использования природного газа в качестве моторного топлива на экологические, социально-экономические и иные показатели регионов», выполненного по заказу ПАО «Газпром».

DOI: 10.31857/S1026945224060154

LEGAL REGULATION OF TAXATION IN THE CONTEXT OF GLOBAL CLIMATE PROBLEMS

© 2024 О. И. Lyutova

HSE, Moscow

E-mail: lutova.olga@mail.ru

Received 03.07.2023

Abstract. The article is devoted to the conceptual issues of the development of the tax system of Russia in the conditions of “greening of the economy”. The analysis of the impact of the development of climate policy on the change in the structure of taxation in the context of environmental safety is presented. The emphasis is placed on the need to use the collective concept of environmental taxes to realize the possibility of a comprehensive analysis of the transformation of the legal regulation of the tax system during the “green” economy. The article discusses possible options for the future design of taxation against the background of intensification of emission reduction and energy efficiency improvement.

Key words: “green” economy, environmental taxes, taxation of subsurface use, cross-border carbon regulation, carbon tax, transport tax, indirect taxation, property taxation, income taxation, depreciation.

For citation: Lyutova, O.I. (2024). Legal regulation of taxation in the context of global climate problems // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 6, pp. 165–171.

The study was carried out within the framework of the project No. 7508-623-20-05 “Development of a mechanism for assessing the impact of the use of natural gas as a motor fuel on environmental, socio-economic and other indicators of the regions”, commissioned by PJSC Gazprom.

В современных условиях, характеризующихся необходимостью совершенствования экономических механизмов стимулирования использования возобновляемых источников энергии, экологически чистых видов топлива и технологий, сокращения объемов выбросов отходов, а также рационального использования природных ресурсов, существенную значимость приобретает поиск инструментов, способных эффективно обеспечить «зеленый переход» российской экономики к новым реалиям. Немаловажную роль в этом процессе играет государственная налоговая политика и формируемый в соответствии с ней механизм налогообложения, традиционно являющиеся одними из ключевых инструментов регулирования экономики и постоянно представляющие собой предмет острых политических дискуссий, что, в свою очередь, обуславливает совершенствование правовых механизмов исчисления и уплаты различных налогов, а также налогового администрирования.

С точки зрения развития современного российского налогового законодательства, а также доктрины налогового права проблема глобального изменения климата и ухудшения окружающей среды представляет собой одновременно как вызов, так и перспективу дальнейшего эволюционирования налогово-правовых норм и институтов. Всеобъемлющий характер происходящих и грядущих изменений требует адаптации правового регулирования налоговых отношений к внедрению экологических технологий, которое, в свою очередь, влечет перестройку бизнес- и производственных процессов в сторону экологизации.

На сегодняшний день, по справедливому замечанию А.А. Копиной, «был бы слишком оптимистичным вывод о том, что в Российской Федерации уже сформировалась климатическая политика, отвечающая принципам определенности, последовательности и системности»¹, несмотря на наличие некоторых программных документов².

¹ Копина А.А. Налоговые стимулы энергетического перехода и реализации стратегий зеленой экономики // Финансовое право. 2021. № 12. С. 24–34.

² См., напр.: Основы государственной политики в области экологического развития Российской Федерации на период до 2030 года (утв. Президентом РФ 30.04.2012 г.) // В официальных источниках опубликованы не были.

Соответственно, фундаментальных основ целостной концепции трансформации налогового права в условиях внедрения климатической повестки к настоящему времени также не сформировано. Прежде всего этот связано, как отмечает Банк России в Основных направлениях единой государственной денежно-кредитной политики на 2022 год и период 2023 и 2024 годов³, с объективной невозможностью представления точной и однозначной оценки влияния климатических изменений и мер климатической политики на макроэкономические условия страны сегодня. Помимо этого климатические проблемы носят всеобщий характер, а налогово-правовое регулирование ограничивается рамками национального права, что в итоге приводит к появлению различных подходов к достижению поставленных целей по стимулированию снижения выбросов и развитию «зеленых» технологий.

Множественность сценарных вариантов долгосрочного развития российской экономики в условиях обострения проблемы изменения климата находит отражение в дискуссиях на уровне бизнес-сообщества⁴ и институтов гражданского общества⁵. Это обусловлено тем, что дальнейшая разработка мер климатической политики и введение углеродного регулирования может быть неоднозначным для участников различных экономических отношений.

³ См.: URL: https://www.cbr.ru/about_br/publ/ondkp/on_2022_2024/ (дата обращения: 21.06.2023).

⁴ В частности, активное участие в обсуждении тенденций развития налогообложения в условиях «озеленения» экономики принимает «большая четверка» консалтинговых компаний (KPMG, E&Y, PWC, Deloitte) (см., напр.: KPMG посчитала ущерб для российских экспортеров от углеродного налога ЕС. URL: <https://www.vedomosti.ru/business/news/2021/08/05/881009-kpmg-podschital-uscherb-dlya-rossiiskih-eksporterov-ot-uglerodnogo-naloga-es> (дата обращения: 21.06.2023)); «Делойт» публикует данные о выручке за 2020 финансовый год и заявляет о расширении климатических обязательств. URL: <https://www2.deloitte.com/kz/ru/pages/about-deloitte/articles/global-revenue-announcement.html> (дата обращения: 21.06.2023)).

⁵ Например, представители общественной организации «Зеленый патруль» выступили за введение в России углеродного налога, средства от сбора которого, по их мнению, необходимы для смягчения последствий изменений климата, активное высаживание лесов, а также активное развитие альтернативной энергетики и автотранспорта (см.: URL: <https://tass.ru/ekonomika/12148131> (дата обращения: 21.06.2023)).

Так, для бизнеса переход на «зеленые» технологии означает увеличение затрат на создание новой инфраструктуры, выбор инновационных материалов, внедрение систем экологического мониторинга, независимого аудита и введения механизмов климатической отчетности в связи с выбросами парниковых газов и формированием т.н. углеродного следа⁶. Это повлияет на распределение производственных и распределительных затрат, на спрос на продукты и услуги со стороны потребителей. Помимо этого, в случае принятия решения о введении в систему косвенного налогообложения новых углеродных налогов, по сути, побуждающих к переходу на «зеленое производство», для предпринимателей увеличится совокупная налоговая нагрузка, если государством не будет разработан объемный пакет мер налогово-стимулирующего характера.

Для конкретного налогоплательщика реализация мер озеленения экономики означает также повышение налогового бремени, потому что трансформация механизма косвенного налогообложения всегда предполагает дальнейшее переложение реальной обязанности уплаты налога на т.н. фактического налогоплательщика, которым является потребитель. Помимо этого, переход предприятий к новым климатическим стандартам означает возможность создания новых высокооплачиваемых рабочих мест в промышленности и сфере транспорта при условии одновременного отказа от необходимости использования неактуальных компетенций работников.

Наконец, что касается Российского государства, то значительность влияния экологической повестки на его социально-экономическое развитие предопределено тем, что оно традиционно обладает «длинным углеродным следом», что означает преимущественную ориентацию его экономики на выстраивание за счет добычи и переработки природных ресурсов, что в целом позволяет характеризовать эколого-экономическую систему как «углеродную экономику России»⁷. В этой связи в литературе обычно отмечается факт перманентного возрастания налоговых поступлений от природоресурсных налогов и ввозных таможенных пошлин от нефтегазового сектора России за последние девять лет⁸, что объясняет высокую степень зависимости темпов экономического роста страны от уровня запасов природных ресурсов.

⁶ См., напр.: *Карцхия А.А.* Корпоративное управление в условиях глобальных изменений климата // Гражданское право. 2022. № 2. С. 16–20.

⁷ *Трунин Г.А.* Риски внедрения трансграничного углеродного регулирования (углеродный налог) в России // Налоги. 2022. № 2. С. 18–21.

⁸ См.: *Саакян А.М.* Особенности налогообложения предприятий добывающей отрасли // Налоги. 2020. № 5. С. 45–47.

При реализации мер экологической политики на пути достижения «углеродной нейтральности» для государства возникает ситуация снижения объема доходов публично-правового образования в результате применения мер поощрения для повышения эффективности «зеленого» перехода, поскольку, как отмечает А.А. Ситник, вынуждено финансировать «зеленые проекты» (например, выдавать «зеленые» автокредиты на приобретение экологически чистых автомобилей по ставкам ниже обычных кредитов, выпускать «зеленые» облигации для финансирования проектов устойчивого климатического развития), устанавливать и вводить новые обязательные платежи (налоги, налоговые, фискальные и парофискальные сборы), связанные с защитой окружающей среды⁹. Помимо этого постепенное сокращение налоговой базы по налогам, исчисляемым и уплачиваемым в связи с добычей, использованием топлива компаниями с т.н. высоким «углеродным следом», очевидно, приведет к ситуации выпадающих расходов, которые необходимо компенсировать иными поступлениями.

Несмотря на значительность влияния экологических проблем на налогообложение, в российской правовой науке вопросам озеленения экономики уделяется внимание преимущественно в части реалий и перспектив совершенствования экологического законодательства¹⁰, тогда как в области налогового права влияние развития климатической повестки на трансформацию правового регулирования налогообложения освещено в основном с точки зрения реакции российского законодателя на внедрение трансграничного углеродного регулирования и углеродного налога¹¹, но в целом мало. Вопросы экономического эффекта в условиях перехода к новейшим технологиям в области декарбонизации и экологизации также находят отражение в научной литературе¹².

Особенности изменения архитектуры налоговых отношений и публичных финансов актуализируют использование собирательной категории «экологические налоги», которые традиционно рассматриваются в литературе в качестве важнейшего экономического средства государственного

⁹ См.: Современные правовые векторы развития климатической политики: опыт России и зарубежных стран / под общ. ред. М.А. Егоровой. М., 2023. С. 212.

¹⁰ См.: *Новикова Е.В.* Эколого-правовое регулирование на этапе развития «зеленой» экономики в России // Экологическое право. 2020. № 4. С. 9–16.

¹¹ См.: *Лютова О.И., Карклиниш В.А.* Углеродный налог: международный и зарубежный опыт, российский старт // Налоговед. 2022. № 6. С. 83–89.

¹² См.: *Вотинов А.И., Лазарян С.С., Радионов С.А., Судаков С.С.* Оценка последствий применения механизма трансграничного углеродного регулирования для России // Экономический журнал ВШЭ. 2021. Т. 25. № 3. С. 452–477.

регулирования деятельности юридических лиц и индивидуальных предпринимателей в сфере соблюдения требований природопользования¹³. Используя дефиницию и установив перечень экологических налогов с учетом актуальных тенденций перехода к «зеленой» экономике возможно, на наш взгляд, комплексно оценить влияние декарбонизации на правовое регулирование налогообложения, т.е. перечень экологических налогов позволяет установить ту область правового регулирования, которая потребует принципиальных изменений «правил игры».

Для российской науки понятие «экологические налоги» не является общепринятым и однозначно трактуемым с точки зрения его содержания, поскольку с формальной точки зрения налоговый законодатель подобную терминологию не применяет.

Однако ученые-налоговеды в своих научных работах периодически указывают на то, что система налогов оказывает непосредственное влияние на предпринимательскую деятельность, связанную так или иначе с окружающей природной средой, обосновывая тем самым важность группировки налогов по «экологическому критерию». Например, С.М. Миронова приводит систему экологических налогов и платежей неналогового характера, направленных на обеспечение экологической функции государства, относя к ним природоурсные налоги, транспортный налог, плата за негативное воздействие на окружающую среду, утилизационный сбор, экологический сбор¹⁴.

В свою очередь, М.А. Егорова, анализируя отдельные аспекты воздействия «зеленой» экономики на трансформацию налогового законодательства, предлагает под термином «экологические (или зеленые) налоги» понимать совокупность налогов на энергию, транспорт, загрязнение и ресурсы¹⁵.

Для современного российского правового регулирования налоговой системы подобный расширительный подход представляется вполне логичным при условии дополнения его таким элементом как косвенные налоги, также толкуемым в широком смысле с точки зрения его содержания.

¹³ См.: Абрамкина Д.А., Зайдуллина Л.М., Лапина В.А., Равилова Д.Р. Экологические налоги и сборы // Экономика и бизнес: теория и практика. 2021. № 4–1 (74). С. 14.

¹⁴ См.: Миронова С.М. Экологические налоги и платежи в системе финансового обеспечения экологической безопасности Российской Федерации // Научный вестник Волгоградского филиала РАНХиГС. Сер.: Юриспруденция. 2017. № 2. С. 49–55.

¹⁵ См.: Егорова М.А. Основные направления правового регулирования «зеленого» налогообложения для целей предпринимательской деятельности: опыт зарубежных стран // Актуальные проблемы росс. права. 2022. Т. 17. № 7 (140). С. 73, 74.

Прежде всего отметим, что современный переход экологических налогов необходимо дополнить косвенными налогами, а также таможенной пошлиной, даже несмотря на то что ее налогово-правовая природа представляется многим исследователям спорной. Принципиальная важность включения в перечень экологических налогов косвенных объясняется необходимостью трансформации соответствующего налогового механизма под влиянием декарбонизации, поскольку косвенные налоги затрагивают значительное число секторов экономики, а также деятельность предприятий с различными выбросами.

Полагаем, что существенный характер трансформации правового регулирования НДС, акцизов и таможенных платежей позволяет заявить о необходимости проведения экономико-правового анализа соответствующих вопросов в отдельном исследовании. Представляется, что оно должно быть связано с оценкой процесса снижения экспортных издержек российских поставщиков продукции углеродоемких отраслей и, очевидно, предполагает учет опыта развития зарубежного налогового законодательства, а также существующие проблемы трансграничного углеродного регулирования в международном аспекте с учетом региональных особенностей. В силу этого в настоящей статье указаны отдельные направления совершенствования исчисления и уплаты НДС.

Механизм косвенных налогов может стать мощнейшим инструментом стимулирования «зеленого перехода», например, при активном использовании законодателем такого факультативного элемента налога как налоговые льготы. Возможным представляется на начальном этапе адаптации российской системы налогов к «зеленому переходу» российской экономики установить налоговый вычет по НДС для стимулирования декарбонизации производства путем поощрения совершения реализационных операций с т.н. углеродными единицами, которые выпущены по итогам реализации климатических проектов, а также единицами выполнения квоты в реестре углеродных единиц. По сути, в Федеральном законе от 2 июля 2021 г. № 296-ФЗ «Об ограничении выбросов парниковых газов»¹⁶ законодатель заложил основу для реализации этой идеи, установив систему государственного учета выбросов парниковых газов.

Правовое регулирование подоходного налогообложения в условиях стимулирования налогоплательщиков к переходу на «зеленые» технологии возможно путем снижения налога на прибыль организаций за счет установления повышенного

¹⁶ См.: проект федерального закона № 1116605-7 «Об ограничении выбросов парниковых газов». URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/1116605-7> (дата обращения: 21.06.2023).

коэффициента амортизации в отношении объектов основных средств, например, с высокой энергоэффективностью и прочими «зелеными» показателями их деятельности. Для этого логичным представляется расширить перечень объектов и технологий с высокой энергетической эффективностью, имеющейся на сегодняшний день¹⁷, а также дополнить его иными «зелеными» технологиями.

В контексте имущественного налогообложения реализация «зеленой повестки» в первую очередь затронет транспортный налог, объект которого в настоящее время определяется исходя из мощности двигателя автомобиля. На наш взгляд, реализуемые в настоящее время инициативы по освобождению от уплаты транспортного налога для автомобилей с электрическим двигателем¹⁸ являются временной мерой, логичной для переходного периода. Однако в ближайшей перспективе повсеместная замена выпуска автомобилей с бензиновым двигателем приведет к недополучению бюджетами средств от уплаты транспортного налога и нивелирует его ценность в качестве правовой конструкции. Соответственно, одним из выходов видится дифференциация налоговых ставок в зависимости от экологического класса автомобиля¹⁹, деление на которые происходит в большей степени от содержания вредных веществ в выхлопе транспортного средства.

В связи с формированием на уровне Евросоюза налогового механизма углеродного регулирования идут споры о принципиальной возможности и целесообразности введения углеродного налога для российских плательщиков. Предполагается, что такой механизм будет связан с декларированием объемов углеродного выброса как при производстве, так и при ввозе углеродоемких товаров на территорию Евросоюза²⁰, и непосредственным образом коснется российских поставщиков топлива, потому что предполагает для них дополнительные издержки. В этой связи разработка собственного механизма «зеленого» налогообложения является своеобразной мерой реагирования на происходящие изменения.

Углеродный налог на уровне национального налогового права может иметь различную правовую

¹⁷ См.: постановление Правительства РФ от 17.06.2015 № 600 «Об утверждении перечня объектов и технологий, которые относятся к объектам и технологиям высокой энергетической эффективности» // СЗ РФ. 2015. № 26, ст. 3895.

¹⁸ См.: Письмо Минфина России от 11.03.2020 № 03-05-06-04/18156 // В официальных источниках опубликовано не было.

¹⁹ См.: *Лютова О.И., Карклини В.А.* Трансформация транспортного налога в условиях развития водородной энергетики // Налоговед. 2022. № 1. С. 54, 55.

²⁰ См.: *Лютова О.И. Карклини В.А.* Углеродный налог: международный и зарубежный опыт, российский старт. С. 83–89.

природу, т.е. быть как прямым, так и косвенным, как внутренним, так и трансграничным в зависимости от воли законодателя и текущих социально-экономических условий развития.

Введение углеродного налога по модели косвенного налога предполагает прежде всего определение объектов налогообложения. В этом качестве на начальном этапе может выступить деятельность по сжиганию при производстве углеродного топлива: угля, нефти или природного газа. Со временем, ориентируясь на достаточно обширный зарубежный опыт налогово-углеродного регулирования²¹, можно предположить, что углеродный налог будет взиматься с продажи электроэнергии, алюминия, железа, цемента и удобрений. Соответственно, действие нормативных правил о таком налоге может распространяться не только на экспортёров, но также на участников внутреннего рынка.

При этом целесообразным представляется определение налоговой ставки путем установления платы за объем выбросов сверх нормы. Такая плата должна регулироваться налоговым законодательством путем вменения налогоплательщикам обязанности по покупке сертификатов на выбросы определенного объема в установленный налоговый период либо за счет установления квот на выбросы, превышение которых также «оплачивается» в зависимости от объема и характера таких выбросов.

Представляется логичным реализовать смешанный вариант, при котором в зависимости от отраслей применяется тот или иной механизм. Это связано с тем, что установление квот, например, позволяет в большей степени дифференцировать виды выбросов, что, безусловно, удобно налогоплательщику, а сертификаты удобны с точки зрения налогового администрирования, прежде всего, государственным органам. Помимо этого смешанный способ позволит непрактическими действиями определить наиболее выгодный для российского налогового права сценарий развития углеродного регулирования.

Отметим также, что для непродолжительного переходного периода сроком несколько лет возможно установление углеродного налога в виде специального режима налогообложения, носящего преференциальный характер для организаций, использующих в производственных цепочках «зеленые» технологии. В этом случае понятие «углеродный налог» будет использоваться условно и означать механизм корректировки выбросов.

²¹ На сегодняшний день правовое регулирование «зеленого» налогообложения имеется в таких странах, как КНР, Япония, Индия, Бразилия, Канада, Саудовская Аравия, Австралия и др.

Интересно, что сама по себе торговля квотами в строгом смысле не является налоговым механизмом и с точки зрения ее правовой конструкции в большей степени похожа на такой специальный налоговый режим, как патентная система налогообложения, предполагающая приобретение патента в счет исполнения налоговых обязанностей для дальнейшего осуществления предпринимательской деятельности. Квоты в этом случае могут быть имплементированы в соответствующее налогово-правовое регулирование в виде коэффициентов, что является весьма распространенным приемом правового регулирования в налоговом законодательстве.

Прообраз такого налогового режима – запущенный в 2022 г. на территории острова Сахалин налоговый эксперимент регионального характера, предполагающий достижение к 2025 г. «углеродной нейтральности». Полагаем, что при его успешности логичным было бы распространить его действие и на другие территории Российской Федерации.

* * *

В качестве вывода отметим, что вопрос разработки и принятия правил об углеродном налоге предполагает не только решение ряда юридических вопросов, связанных с его природой и элементами, но и имеет определенный политический окрас, что выражается в следующем. Во-первых, система расчетов углеродных выбросов достаточно сложна и динамична. В силу этого установление квот или определение ставки углеродного налога иными способами в любом случае предполагает значительную степень усмотрения законодателя, а сама по себе ставка не является объективно просчитываемой в зависимости от каких-либо показателей деятельности плательщика.

Во-вторых, косвенный характер углеродного регулирования означает необходимость выработки договоренностей по вопросам определения объекта и ставки углеродного налога на наднациональном уровне, а также обмена информацией о перемещении углеродоемких товаров через государственные границы различных стран. Признание безусловной ценности трансграничного углеродного регулирования одновременно не исключает повышенную степень затруднительности информационного межстранового взаимодействия, поскольку обычно цепочки продаж природных ресурсов предполагают участие множества субъектов, являющихся резидентами разных государств.

Наконец, в-третьих, любой из выбранных вариантов конструирования углеродного налога привлечет за собой множество самых различных последствий, прежде всего сложность составляет его интеграция с действующим механизмом налогообложения в России, включая наднацио-

нальные правила. В первую очередь это касается договоренности о том, чтобы Евросоюз «принимал к зачету» факт уплаты российскими налогоплательщиками углеродного налога, когда он будет установлен, что позволит нивелировать действие европейского механизма трансграничного углеродного регулирования.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абрамкина Д.А., Зайдуллина Л.М., Лапина В.А., Равилова Д.Р. Экологические налоги и сборы // Экономика и бизнес: теория и практика. 2021. № 4–1 (74). С. 14.
2. Вотинов А.И., Лазарян С.С., Радионов С.А., Судаков С.С. Оценка последствий применения механизма трансграничного углеродного регулирования для России // Экономический журнал ВШЭ. 2021. Т. 25. № 3. С. 452–477.
3. Егорова М.А. Основные направления правового регулирования «зеленого» налогообложения для целей предпринимательской деятельности: опыт зарубежных стран // Актуальные проблемы росс. права. 2022. Т. 17. № 7 (140). С. 73, 74.
4. Кацахия А.А. Корпоративное управление в условиях глобальных изменений климата // Гражданское право. 2022. № 2. С. 16–20.
5. Копина А.А. Налоговые стимулы энергетического перехода и реализации стратегий зеленой экономики // Финансовое право. 2021. № 12. С. 24–34.
6. Лютова О.И., Карклини В.А. Трансформация транспортного налога в условиях развития водородной энергетики // Налоговед. 2022. № 1. С. 54, 55.
7. Лютова О.И., Карклини В.А. Углеродный налог: международный и зарубежный опыт, российский старт // Налоговед. 2022. № 6. С. 83–89.
8. Миронова С.М. Экологические налоги и платежи в системе финансового обеспечения экологической безопасности Российской Федерации // Научный вестник Волгоградского филиала РАНХиГС. Сер.: Юриспруденция. 2017. № 2. С. 49–55.
9. Новикова Е.В. Эколого-правовое регулирование на этапе развития «зеленой» экономики в России // Экологическое право. 2020. № 4. С. 9–16.
10. Саакян А.М. Особенности налогообложения предприятий добывающей отрасли // Налоги. 2020. № 5. С. 45–47.
11. Современные правовые векторы развития климатической политики: опыт России и зарубежных стран / под общ. ред. М.А. Егоровой. М., 2023. С. 212.
12. Трунин Г.А. Риски внедрения трансграничного углеродного регулирования (углеродный налог) в России // Налоги. 2022. № 2. С. 18–21.

REFERENCES

1. Abramkina D.A., Zaidullina L.M., Lapina V.A., Ravilova D.R. Environmental taxes and fees // Economics

- and Business: theory and practice. 2021. No. 4–1 (74). Pp. 13–17 (in Russ.).
2. *Votinov A. I., Lazaryan S. S., Radionov S. A., Sudakov S. S.* Assessment of the consequences of the application of the mechanism of transboundary carbon regulation for Russia // The Economic Journal of the Higher School of Economics. 2021. Vol. 25. No. 3. Pp. 452–477 (in Russ.).
  3. *Egorova M. A.* The main directions of legal regulation of “green” taxation for the purposes of entrepreneurial activity: the experience of foreign countries // Actual problems of Russian law. 2022. Vol. 17. No. 7 (140). Pp. 71–79 (in Russ.).
  4. *Kartschiya A. A.* Corporate governance in the context of global climate change // Civil Law. 2022. No. 2. Pp. 16–20 (in Russ.).
  5. *Kopina A. A.* Tax incentives for energy transition and implementation of green economy strategies // Financial Law. 2021. No. 12. Pp. 24–34 (in Russ.).
  6. *Lyutova O. I., Karklinsh V. A.* Transformation of the transport tax in the conditions of development of hydrogen energy. 2022. No. 1. Pp. 54, 55 (in Russ.).
  7. *Lyutova O. I., Karklinsh V. A.* Carbon tax: international and foreign experience, Russian start // Tax specialist. 2022. No. 6. Pp. 83–89 (in Russ.).
  8. *Mironova S. M.* Environmental taxes and payments in the system of financial support for environmental safety of the Russian Federation // Scientific Bulletin of the Volgograd branch of the RANEPA. Series: Jurisprudence. 2017. No. 2. Pp. 49–55 (in Russ.).
  9. *Novikova E. V.* Environmental and legal regulation at the stage of development of the “green” economy in Russia // Environmental Law. 2020. No. 4. Pp. 9–16 (in Russ.).
  10. *Sahakyan A. M.* Peculiarities of taxation of enterprises in the extractive industry // Taxes. 2020. No. 5. Pp. 45–47 (in Russ.).
  11. Modern legal vectors of climate policy development: the experience of Russia and foreign countries: / under the general editorship of M. A. Egorova. M., 2023 (in Russ.).
  12. *Trunin G. A.* The risks of introducing cross-border carbon regulation (carbon tax) in Russia // Taxes. 2022. No. 2. Pp. 18–21 (in Russ.).

Сведения об авторе

ЛЮТОВА Ольга Игоревна –
кандидат юридических наук,
ведущий научный сотрудник Института
государственного и муниципального
управления НИУ ВШЭ; 101000 г. Москва,
ул. Мясницкая, д. 11

Authors' information

Lyutova Olga I. –
PhD in Law,
Leading Researcher of the Institute of State
and Municipal Management, HSE;
11 Myasnitskaya str., 101000 Moscow, Russia

УДК 342.9

ТАМОЖЕННЫЙ КОНТРОЛЬ ТОВАРОВ, ПЕРЕМЕЩАЕМЫХ В КАЧЕСТВЕ ГУМАНИТАРНОЙ ПОМОЩИ

© 2024 г. С. А. Агамагомедова

Институт государства и права Российской академии наук, г. Москва

E-mail: saniyat_ag@yandex.ru

Поступила в редакцию 11.12.2023 г.

Аннотация. В статье исследуются особенности таможенного контроля товаров, перемещаемых в качестве гуманитарной помощи. Усиление напряженности в международных отношениях, техногенные, военные и иные кризисы обуславливают повышение значимости гуманитарной помощи в современном межгосударственном взаимодействии. Таможенный контроль товаров, перемещаемых в качестве гуманитарной помощи, позиционируется в качестве направления таможенного контроля, осуществляющегося в целях оперативного оформления трансграничного перемещения гуманитарных грузов с освобождением от уплаты таможенных платежей. На основе анализа нормативно-правового регулирования процедур оказания гуманитарной помощи выделены административно-правовые и финансово-правовые особенности рассматриваемого направления таможенного контроля, сделан вывод об отнесении его к нефинансовым составляющим таможенного контроля. На основе выделения теоретических и практических проблем таможенного контроля товаров, перемещаемых в качестве гуманитарной помощи, предложены пути их решения, связанные с теоретико-правовым обоснованием специфики данного направления таможенного контроля и его места в системе таможенного контроля в целом, а также разработкой Административного регламента таможенного контроля товаров, перемещаемых в качестве гуманитарной помощи.

Ключевые слова: таможенный контроль, гуманитарная помощь, чрезвычайные происшествия, безвозмездность, трансграничность, межведомственное взаимодействие, административный регламент, гуманитарные цели, гуманитарные грузы, первоочередной порядок.

Цитирование: Агамагомедова С.А. Таможенный контроль товаров, перемещаемых в качестве гуманитарной помощи // Государство и право. 2024. № 6. С. 172–180.

DOI: 10.31857/S1026945224060169

CUSTOMS CONTROL OF GOODS MOVED AS HUMANITARIAN AID

© 2024 S. A. Agamagomedova

Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow

E-mail: saniyat_ag@mail.ru

Received 11.12.2023

Abstract. The article examines the features of customs control of goods transported as humanitarian aid. Increased tension in international relations, man-made, military and other crises determine the increased importance of humanitarian assistance in modern interstate interaction. Customs control of goods transported as humanitarian aid is positioned as an area of customs control carried out for the purpose of promptly processing the cross-border movement of humanitarian goods with exemption from customs duties. Based on the analysis of the legal regulation of procedures for the provision of humanitarian assistance, the administrative-legal and financial-legal features of the considered area of customs control are highlighted, and a conclusion is made that it is classified as a non-financial component of customs control. Based on the identification of theoretical and practical problems of customs control of goods transported as humanitarian aid, ways to solve them are proposed, related to the theoretical and legal justification of the specifics of this area of customs control and its place in the customs control system as a whole, as well as the development of Administrative Regulations for Customs Control goods transported as humanitarian aid.

Key words: customs control, humanitarian aid, emergencies, gratuitousness, cross-border, interagency cooperation, administrative regulations, humanitarian purposes, humanitarian cargo, priority order.

For citation: Agamagomedova, S.A. (2024). Customs control of goods transported as humanitarian aid // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 6, pp. 172–180.

Введение

Развитие внешнеэкономической деятельности в условиях санкций формирует новые векторы и формы государственного воздействия на экономические отношения в целом и на межгосударственные экономические связи в частности. Своего рода формой подобного воздействия выступал и выступает таможенный контроль как один из значимых видов государственного контроля. Таможенный контроль традиционно имеет множество разновидностей (направлений), дифференцируемых в зависимости от различных критериев: этап проведения (стадия), объект (предмет), субъект, форма и мера, обеспечивающая его проведение, вид транспорта и способ перемещения товаров через таможенную границу, объем и степень контрольного воздействия, категория и предназначение товаров как объектов таможенного контроля¹.

Особое место среди подобных направлений таможенного контроля занимает таможенный контроль товаров, перемещаемых в качестве гуманитарной помощи. Представляется, что в качестве критерия выделения данного направления таможенного контроля выступает цель назначения товаров, перемещаемых в качестве гуманитарной

помощи. Отдельным аспектам подобного контроля посвящены единичные работы ученых². Однако в настоящее время подобное направление таможенного контроля приобретает существенное значение и требует соответствующего правового, прежде всего административно-правового, обоснования, которое, в свою очередь, призвано оптимизировать действующую нормативно-правовую базу осуществления таможенного контроля товаров, перемещаемых в качестве гуманитарной помощи, и повысить его эффективность в современных условиях.

Прежде чем дать характеристику выделенному нами направлению таможенного контроля, следует обратить внимание на определенную условность понятия «таможенный контроль товаров, перемещаемых в качестве гуманитарной помощи». Во-первых, данное понятие не используется

¹ См.: Агамагомедова С.А. Виды таможенного контроля: понятие и критерии классификации // Таможенное дело. 2016. № 3. С. 3–7.

² См.: Малышева Т.А. Перемещение гуманитарной помощи через таможенную границу Таможенного союза: особенности финансово-правового регулирования: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2014; Акопян К.А., Званбая Е.О. Особенности декларирования и таможенный контроль товаров, ввозимых в качестве гуманитарной помощи на таможенную территорию Евразийского экономического союза: // Способы, модели и алгоритмы управления модернизационными процессами: сб. ст. Междунар. науч.-практ. конф. Уфа, 2020. С. 40–42; Захарчук В.Е., Галактионова Л.В. Перемещение через таможенную границу гуманитарной помощи // Актуальные проблемы теории и практики таможенного дела: сб. докладов VI Всеросс. науч.-практ. конф. Хабаровск, 2023. С. 179–184; и др.

в действующем таможенном законодательстве. При этом Таможенный кодекс Евразийского экономического союза³ упоминает гуманитарную помощь при установлении первоочередного порядка совершения таможенных операций в отношении отдельных категорий товаров (п. 1 ст. 81). В отношении товаров, предназначенных для гуманитарной и технической помощи, других товаров таможенные операции совершаются в первоочередном порядке. В то же время все товары, перемещаемые через таможенную границу ЕАЭС, подлежат таможенному контролю в соответствии с ТК ЕАЭС (п. 2 ст. 9). Следовательно, товары, перемещаемые трансгранично в качестве гуманитарной помощи, также подлежат таможенному контролю.

Во-вторых, в выделенном нами понятии «таможенного контроля товаров, перемещаемых в качестве гуманитарной помощи» понятие товара может выглядеть не вполне корректным по причине того, что гуманитарная помощь как вид безвозмездной помощи предполагает в качестве конечной цели перемещения использование продукции не в коммерческих, а исключительно в гуманитарных целях, что в определенной степени противоречит самой природе понятия товара как объекта гражданских прав, предназначенного для продажи, обмена или иного введения в оборот. С этой точки зрения вполне обоснованным в отношении гуманитарной помощи представляется использование понятия «гуманитарных грузов». В то же время с учетом того, что понятие товара является базовым с точки зрения объекта таможенного контроля (ст. 311 ТК ЕАЭС), а определение груза в нормативно-правовой базе ЕАЭС отсутствует, нами будет использоваться понятие товара применительно к выделенному направлению таможенного контроля.

Понятие гуманитарной помощи

В качестве одной из целей Организации Объединенных Наций провозглашено осуществление международного сотрудничества в разрешении международных проблем экономического, социального, культурного и гуманитарного характера (п. 3 ст. 1 Устава ООН⁴). На международном уровне, помимо Устава ООН и резолюций данной международной организации в сфере

³ См.: Таможенный кодекс Евразийского экономического союза (ред. от 29.05.2019, с изм. от 18.03.2023) (приложение № 1 к Договору о Таможенном кодексе Евразийского экономического союза) // Официальный сайт Евразийского экономического союза // <http://www.eaeunion.org/>, 12.04.2017.

⁴ См.: Раздел I. Понятие международного права, его сущность и роль в международных отношениях, политика и дипломатии. 1. Устав Организации Объединенных Наций (Принят в г. Сан-Франциско 26.06.1945) (с изм. и доп. от 20.12.1971) // Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами. М., 1956. Вып. XII. С. 14–47.

регулирования предоставления гуманитарной помощи, важное место принадлежит актам Международного комитета Красного Креста (МККК), а также актам межгосударственного взаимодействия. В 2014 г. МККК выпустил каталог предметов чрезвычайной помощи, который включал в себя товары, направляемые данной организацией в качестве помощи тем, кто пострадал в результате бедствия⁵.

Отдельные авторы в связи с этим обоснованно позиционируют возникновение данной международной организации с первым историко-правовым этапом в становлении централизованного оказания гуманитарной помощи⁶.

Понятие гуманитарной помощи закреплено в отечественном законодательстве.

Согласно ст. 1 Федерального закона от 4 мая 1999 г. № 95-ФЗ «О безвозмездной помощи (содействии) Российской Федерации и внесении изменений и дополнений в отдельные законодательные акты Российской Федерации о налогах и об установлении льгот по платежам в государственные внебюджетные фонды в связи с осуществлением безвозмездной помощи (содействия) Российской Федерации» **гуманитарная помощь (содействие)** – вид безвозмездной помощи (содействия), предоставляемой для оказания медицинской и социальной помощи малообеспеченным, социально незащищенным, пострадавшим от стихийных бедствий и других чрезвычайных происшествий группам населения, для ликвидации последствий стихийных бедствий и других чрезвычайных происшествий, расходы на транспортировку, сопровождение и хранение указанной помощи (содействия)⁷.

Тождественное понятие гуманитарной помощи приводится и в подзаконных нормативно-правовых актах, регламентирующих порядок ее оказания⁸.

⁵ См.: Грешных А.А., Талировский К.С., Кондрашин Р.В. Особенности правового регулирования гуманитарной помощи нормами международного и российского законодательства // European Science. 2019. № 5 (47). С. 43.

⁶ См.: Малышева Т.А. Возникновение Общества Красного Креста как первый историко-правовой этап в становлении централизованного оказания гуманитарной помощи // Вестник СГЮА. 2011. № 4 (80). С. 199–202.

⁷ См.: Федеральный закон от 04.05.1999 № 95-ФЗ (ред. от 28.12.2022) «О безвозмездной помощи (содействии) Российской Федерации и внесении изменений и дополнений в отдельные законодательные акты Российской Федерации о налогах и об установлении льгот по платежам в государственные внебюджетные фонды в связи с осуществлением безвозмездной помощи (содействия) Российской Федерации» // СЗ РФ. 1999. № 18, ст. 2221.

⁸ См.: постановление Правительства РФ от 04.12.1999 № 1335 (ред. от 15.07.2021) «Об утверждении Порядка оказания гуманитарной помощи (содействия) Российской Федерации» // СЗ РФ. 1999. № 50, ст. 6221.

Традиционно гуманитарная помощь включает в себя две составляющие: товары (грузы, ценности, продукция и др.) и работы (услуги, иные действия). Так, в Положении об оказании гуманитарной помощи иностранным государствам под гуманитарной помощью понимается осуществление гуманитарных операций по оказанию помощи иностранным государствам, пострадавшим от чрезвычайных ситуаций, а гуманитарные операции включают в себя мероприятия в виде 1) направления гуманитарных грузов (товаров, материальных ценностей) на территории иностранных государств и (или) 2) проведения аварийно-спасательных и других неотложных работ, включая тушение пожаров⁹.

В науке достаточно распространено узкое понимание гуманитарной помощи: гуманитарная помощь как движимое имущество. Так, по мнению отдельных авторов, гуманитарная помощь как объект таможенно-правового регулирования представляет собой движимое имущество (в виде продовольствия, товаров первой необходимости, медицинских товаров и т.п.), перемещаемое через таможенную границу, безвозмездно передаваемое в срочном установленном порядке лицам, пострадавшим в результате природных, техногенных и иных катастроф, а также социальных и военных конфликтов, с целью оказания медицинской и социальной помощи, а также улучшения условий жизни и быта малообеспеченных групп населения¹⁰.

Подобное узкое понимание гуманитарной помощи при рассмотрении дел с участием таможенных органов демонстрирует и судебная практика, в рамках которой имеют место факты, когда товары обладают одновременно статусами гуманитарной помощи и условно выпущенных товаров¹¹. Выделенное узкое понимание гуманитарной помощи (гуманитарная помощь как движимое имущество, как трансгранично перемещаемые товары) применительно к таможенным аспектам вполне закономерно, так как объектом таможенного контроля, как правило, выступает товар (не работа или услуга).

Таким образом, понимание гуманитарной помощи в законодательстве и в доктрине несколько различается. Тем не менее можно выделить следующие общие черты понятия гуманитарной помощи:

⁹ См.: постановление Правительства РФ от 12.07.2022 № 1239 «Об утверждении Положения об оказании гуманитарной помощи иностранным государствам» // СЗ РФ. 2022. № 29 (ч. III), ст. 5495.

¹⁰ См.: Малышева Т.А. Перемещение гуманитарной помощи через таможенную границу Таможенного союза: особенности финансово-правового регулирования: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. С. 9.

¹¹ См., напр.: Постановление ФАС Северо-Западного округа от 13.01.2006 № А56-48186/04 // В официальных источниках опубликовано не было.

безвозмездность; трансграничность; наличие критериев (условий) отнесения товаров, работ и услуг к гуманитарной помощи; гуманитарный характер целей подобной помощи; особые процедуры ее оказания.

К специфическим чертам гуманитарной помощи как объекта таможенно-правового регулирования ученые относят особый состав товаров, относимых к гуманитарной помощи, безвозмездность, международный характер, целевое использование товаров, срочность поставки¹².

Кроме того, специалисты выделяют принципы гуманитарной помощи, к примеру, представление гуманитарной помощи лицам, пострадавшим от чрезвычайных ситуаций, осуществляется на принципах гуманности, нейтралитета и беспристрастности¹³.

Гуманитарная помощь включает в себя действия (операции) как по перемещению гуманитарных грузов, так и осуществление работ. Кроме того, ее следует дифференцировать на гуманитарную помощь иностранным государствам (помощь, поступающую за пределы Российской Федерации) и помощь российским гражданам, а также иным лицам, находящимся на территории Российской Федерации (помощь, поступающую в пределы Российской Федерации), порядок совершения операций в этих случаях различается. Вполне обоснованным представляется дифференциация гуманитарной помощи в зависимости от адресата и (или) цели оказания помощи: малообеспеченные, социально незащищенные, пострадавшие от стихийных бедствий и других чрезвычайных происшествий группы населения; ликвидация последствий стихийных бедствий и других чрезвычайных происшествий. Порядок оказания гуманитарной помощи (содействия) определяет Правительство РФ.

Административно-правовые и финансово-правовые особенности таможенного контроля товаров, перемещаемых в качестве гуманитарной помощи

Следует выделить административно-правовые (точнее – административно-процедурные) и финансово-правовые особенности данного направления таможенного контроля. Первые связаны с особым порядком осуществления подобного контроля, который заключается в предоставлении специальных документов, подтверждающих гуманитарный характер (гуманитарное предназначение)

¹² См.: Малышева Т.А. Перемещение гуманитарной помощи через таможенную границу Таможенного союза: особенности финансово-правового регулирования: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. С. 16, 17.

¹³ См.: Яндиев А. Т. Правовое регулирование оказания гуманитарной помощи лицам, пострадавшим от чрезвычайных ситуаций: автореферат дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2009. С. 9.

перемещаемых товаров, а также в первоочередном (приоритетном) порядке осуществления операций в рамках подобного контроля.

Вторая группа особенностей связана с безвозмездной (нефинансовой) природой гуманитарной помощи и выражается в освобождении от уплаты таможенных платежей при ее перемещении.

Согласно п/п. 2 п. 1 ст. 35 Закона РФ от 21 мая 1993 г № 5003-1 «О таможенном тарифе»¹⁴ товары, вывозимые из Российской Федерации по решению Правительства РФ в государства, не являющиеся членами ЕАЭС, в качестве гуманитарной помощи, в целях ликвидации последствий аварий и катастроф, стихийных бедствий, в благотворительных целях по линии государств, международных организаций, правительств, в том числе в целях оказания технической помощи (содействия) освобождаются от уплаты таможенных пошлин.

Введение льгот при уплате таможенных пошлин (представляется, что и освобождений от их уплаты) ученые правомерно относят к финансовым инструментам обеспечения безопасности в сфере таможенного дела¹⁵.

Своеобразной формой льгот финансового характера можно считать и освобождение от предоставления обеспечения исполнения обязанности по уплате таможенных пошлин, налогов, специальных, антидемпинговых, компенсационных пошлин, которое предоставляется в отношении гуманитарной помощи (п/п. 3 п. 14 ст. 120 ТК ЕАЭС).

Кроме того, товары (за исключением подакцизных товаров), ввозимые в качестве безвозмездной помощи (содействия) Российской Федерации, освобождаются от налогообложения (п/п. 1 ст. 150 НК РФ)¹⁶. Подобное освобождение предоставляется при наличии подтверждающего удостоверения. Судебная практика свидетельствует о том, что данное освобождение часто предоставляется на основании удостоверения, выданного Комиссией по вопросам международной гуманитарной и технической помощи при Правительстве РФ¹⁷.

ФТС России обеспечивает совершение таможенных операций в отношении гуманитарных грузов при их ввозе в первоочередном порядке с освобождением от уплаты таможенных сборов

¹⁴ См.: Росс. газ. 1993. 5 июня.

¹⁵ См.: Кобзарь-Фролова М.Н., Фролов В.А. Обеспечение безопасности в сфере таможенного дела // Вестник Пермского ун-та. Юридические науки. 2014. № 4. С. 43–49.

¹⁶ См.: Налоговый кодекс РФ (Часть вторая) от 05.08.2000 № 117-ФЗ // СЗ РФ. 2000. № 32, ст. 3340.

¹⁷ См.: Постановление ФАС Московского округа от 22.11.2005, 15.11.2005 № КА-А40/11333-05; Постановление ФАС Московского округа от 31.01.2005 № КА-А40/13235-04 // В официальных источниках опубликовано не было.

за совершение таможенных операций, связанных с выпуском товаров (п/п. д) п. 8 Положения об оказании гуманитарной помощи иностранным государствам)¹⁸.

В таможенном законодательстве, как правило, разграничивается гуманитарная и техническая помощь (например, п/п. 3 п. 14 ст. 120 ТК ЕАЭС), акты международных судов разделяют гуманитарную и медицинскую помощь¹⁹.

Отдельно следует сказать о соотношении гуманитарной помощи и передачи товаров в рамках благотворительной деятельности. Согласно ст. 1 Федерального закона от 11 августа 1995 г. № 135-ФЗ (ред. от 21.11.2022) «О благотворительной деятельности и добровольчестве (волонтерстве)²⁰ таковой признается добровольная деятельность граждан и юридических лиц по бескорыстной (безвозмездной или на льготных условиях) передаче гражданам или юридическим лицам имущества, в том числе денежных средств, бескорыстному выполнению работ, предоставлению услуг, оказанию иной поддержки. Цели такой деятельности, перечисленные в п. 1 ст. 2 данного Закона, включают в себя и цели гуманитарного свойства. Представляется, что благотворительная деятельность и гуманитарная помощь имеют ряд общих черт, в частности, признак безвозмездности (бескорыстности). Однако их следует разграничивать как минимум по двум критериям: критерию трансграничности (присущему гуманитарной помощи) и критерию целей деятельности, которые у гуманитарной помощи ограничиваются целями гуманитарного свойства, а у благотворительной деятельности включают и иные цели. Тем не менее в современной практике эти понятия зачастую пересекаются, о чем свидетельствуют отдельные ведомственные акты федеральных органов исполнительной власти, в соответствии с которыми, к примеру, осуществляемые в рамках оказания гуманитарной помощи Донецкой Народной Республике и Луганской Народной Республике операции по безвозмездной передаче товаров, бескорыстному выполнению работ, предоставлению услуг, по существу, являются операциями по передаче товаров (выполнению работ, оказанию услуг), передаче имущественных прав безвозмездно в благотворительных

¹⁸ См.: постановление Правительства РФ от 12.07.2022 № 1239 «Об утверждении Положения об оказании гуманитарной помощи иностранным государствам» // СЗ РФ. 2022. № 29 (ч. III), ст. 5495.

¹⁹ См.: Информация о Постановлении ЕСПЧ от 01.04.2021 г. по делу «А.И. против Италии» (жалоба № 70896/17) // Бюллетень ЕСПЧ. Росс. издание. 2021. № 11.

²⁰ См.: СЗ РФ. 1995. № 33, ст. 3340.

целях²¹. Об этом свидетельствует и позиция ученых в области финансового права²².

Представляется, что применительно к вновь образованным субъектам Российской Федерации пересечение понятий гуманитарной помощи и благотворительной деятельности выступает вполне закономерным в связи с изменением статуса данных территорий и, соответственно, изменением (утратой) признака трансграничности по отношению к деятельности в их пределах.

На основе изложенного выше можно дать следующее определение таможенному контролю товаров, перемещаемых в качестве гуманитарной помощи. **Таможенный контроль товаров, перемещаемых в качестве гуманитарной помощи**, как направление таможенного контроля представляет собой совокупность мер, осуществляемых таможенными органами, в целях оперативного (в кратчайшие сроки) оформления трансграничного перемещения гуманитарных грузов с освобождением (полным или частичным) от уплаты таможенных платежей.

Рассматриваемое направление таможенного контроля имеет своими объектом деятельность лиц по трансграничному перемещению товаров в качестве гуманитарной помощи. Работы и услуги как элемент гуманитарной помощи не входят в объект такого контроля. В то же время следует выделить несколько этапов подобного контроля: контроль документов, подтверждающих принадлежность товаров к гуманитарной помощи, контроль за освобождением от уплаты таможенных платежей в отношении гуманитарной помощи, контроль целевого использования товаров в качестве гуманитарной помощи.

Следует отметить также межведомственный характер организации и проведения мероприятий по оказанию гуманитарной помощи иностранным государствам, в которых задействован целый ряд федеральных органов исполнительной власти: а) Министерство РФ по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий; б) Министерство иностранных дел РФ; в) Министерство финансов РФ участвует в финансовом обеспечении мероприятий по оказанию гуманитарной помощи иностранным государствам; г) Федеральное агентство по государственным

²¹ См.: Письмо Минфина России от 28.02.2023 № 03-03-06/3/16345 «Об НДС при передаче товаров (работ, услуг), имущественных прав в рамках гуманитарной помощи ДНР, ЛНР и учете в целях налога на прибыль расходов, связанных с безвозмездной передачей имущества СОНКО»; Письмо Минфина РФ от 06.06.2022 № 03-07-11/53356 // В официальных источниках опубликованы не были.

²² См.: Брызгалин А. В., Федорова О. С., Анферова О. В. и др. Налог на добавленную стоимость: актуальные вопросы из практики налогового консультирования // Налоги и финансовое право. 2022. № 8. С. 8–156.

резервам; д) Федеральная таможенная служба; е) Министерство здравоохранения РФ²³. Это обусловливает необходимость слаженного межведомственного взаимодействия при предоставлении гуманитарной помощи. Примером подобного взаимодействия служит, в частности, механизм, в рамках которого ФТС России в апреле 2022 г. рекомендовала обращаться в один из пунктов/центров сдачи гуманитарной помощи, находящихся в одном из субъектов Российской Федерации.

Далее МЧС России полностью обеспечивала доставку всей гуманитарной помощи населению отдельных районов Украины, а также Луганской и Донецкой Народных Республик, а приграничные таможенные органы Южного и Центрального таможенных управлений в максимально сжатые сроки проводили оформление товаров²⁴.

Проблемы таможенного контроля товаров, перемещаемых в качестве гуманитарной помощи, и пути их решения

19 августа – Всемирный день гуманитарной помощи. По данным ФТС России, за 7 месяцев 2023 г. российские таможенники передали для нужд СВО и в социальные учреждения товаров на 265.7 млн руб. Для нужд СВО таможенники передали 771 товарную позицию на 159.1 млн руб. Это – лесопиломатериалы, транспортные средства и запчасти к ним, квадрокоптеры, рации, бытовые электроприборы, одежда и обувь, средства личной гигиены и продукты питания. Все товары были признаны судом собственностью государства. За этот же период таможенники также собрали гуманитарную помощь на 29.1 млн руб. На эти деньги были закуплены тепловизоры, приборы ночного видения, оптические прицелы, экипировка и другие товары, которые необходимы бойцам в зоне проведения спецоперации²⁵. Как видим, в средствах массовой информации, в частности в официальных сообщениях ФТС России, понятие гуманитарной помощи приобретает несколько иной дополнительный оттенок, связанный прежде всего с товарами, необходимыми для нужд СВО и не всегда связанными с их трансграничным перемещением в гуманитарных целях.

²³ См.: постановление Правительства РФ от 12.07.2022 № 1239 «Об утверждении Положения об оказании гуманитарной помощи иностранным государствам» // СЗ РФ. 2022. № 29 (ч. III), ст. 5495.

²⁴ См.: Об оформлении и вывозе товаров (гуманитарной помощи) // Официальный сайт ФТС России // <https://customs.gov.ru/uchastnikam-ved/baza-tipovyx-reshenij/inye-napravleniya/document/335388> (дата обращения: 25.08.2023).

²⁵ 19 августа – Всемирный день гуманитарной помощи // Официальный канал Федеральной таможенной службы customs.gov.ru. // https://t.me/s/customs_rf (дата обращения: 19.08.2023).

В период еще досоюзного этапа таможенного регулирования имели место факты оформления контрабандных товаров под видом гуманитарной помощи²⁶, что свидетельствует о наличии рисков при определении целей ввоза товаров в качестве гуманитарной помощи. Правовое регулирование таможенного контроля товаров, перемещаемых в качестве гуманитарной помощи, призвано минимизировать подобные риски.

Вопросы эффективности предоставления гуманитарной помощи закономерно обсуждаются на уровне международных организаций, участницей которых является Россия. Так, в 2022 г. делегация ФТС России приняла участие в июньской сессии Совета таможенного сотрудничества Всемирной таможенной организации, в ходе которого благодаря усилиям российской стороны были приняты решения о необходимости содействия восстановлению цепочек поставок через границы жизненно важных и гуманитарных грузов²⁷.

В качестве основных проблем таможенного контроля товаров, перемещаемых в качестве гуманитарной помощи, следует назвать разрозненность норм, регламентирующих данное направление таможенного контроля. Предложения по их систематизации вносились отдельными учеными. В частности, И.А. Климовой предлагалось дополнить ст. 79 ТК ЕАЭС пунктом 3, содержащим положения о возможности совершения таможенных операций в отношении товаров гуманитарной помощи вне времени работы и (или) вне места нахождения таможенных органов, а также с освобождением от любых связанных с этим сборов²⁸.

Представляется, что в условиях актуальности данного направления таможенного контроля и его современного уровня административно-процедурной обеспеченности целесообразно разработать Административный регламент таможенного контроля товаров, перемещаемых в качестве гуманитарной помощи, где разграничить таможенные операции при ввозе и вывозе подобных товаров, установить принципы их перемещения, определить сроки проведения таких операций, а также порядок предоставления льгот финансового характера при перемещении таких товаров (безусловно, сами льготы должны устанавливаться исключительно на уровне закона). Предлагаемый регламент может содержать положения о специфике

²⁶ См.: Таможенники оформили контрабанду под видом детской гуманитарной помощи // Росс. газ. 2013. 26 июня.

²⁷ См.: Итоговый доклад о результатах и основных направлениях деятельности ФТС России в 2022 году. С. 15 // Официальный сайт ФТС России // <https://customs.gov.ru/activity/results/itogovye-doklady-o-rezul-tax-deyatel-nosti> (дата обращения: 05.08.2023).

²⁸ Климова И.А. Международно-правовые аспекты упрощения таможенных процедур торговли: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2022. С. 12, 13.

использовании системы управления рисками при подобном контроле, которая может быть установлена по аналогии с механизмом оптимизации таможенного контроля в рамках системы управления рисками, введенным в отношении товаров, ввозимых для нужд СВО²⁹.

С точки зрения теоретического обоснования таможенного контроля товаров, перемещаемых в качестве гуманитарной помощи, следует выделить, во-первых, проблему разграничения понятия «гуманитарная помощь» с иными смежными или близкими понятиями (к примеру, понятием «товары для благотворительных целей»), во-вторых, проблему аргументации специфики данного направления таможенного контроля в современных условиях и определения его места в общей системе таможенного контроля в целом. При этом решение последней проблемы будет, на наш взгляд, связано с дальнейшим последовательным обоснованием наличия финансовой и нефинансовой составляющих в структуре современного таможенного контроля³⁰ и отнесением выделенного направления таможенного контроля к контролю нефинансовой природы с особыми целями гуманитарного свойства.

Выводы

На основании изложенного можно сформулировать несколько выводов.

В условиях вызовов внутреннего и внешнего свойства растет значимость трансграничного перемещения товаров в качестве гуманитарной помощи, что позволяет выделить отдельное направление таможенного контроля – таможенный контроль товаров, перемещаемых в качестве гуманитарной помощи. Основным, но не единственным критерием для дифференциации данного направления таможенного контроля выступают цели подобного перемещения, которые имеют исключительно гуманитарный характер. В противовес мерам межгосударственного давления, активно используемым сегодня в международном взаимодействии³¹ и зачастую нарушающим принципы дипломатии и мирного сосуществования между государствами³², меры в рамках предоставления гуманитарной помощи призваны содействовать развитию универсальных принципов гуманитарного сотрудничества.

²⁹ См.: Итоговый доклад о результатах и основных направлениях деятельности ФТС России в 2022 году. С. 46.

³⁰ См.: Агамагомедова С.А. Финансовый и таможенный контроль: аспекты соотношения и проблемы разграничения // Государство и право. 2023. № 3. С. 158–164.

³¹ См.: Виноградова Е.В. Меры государственного давления. Экономические санкции, реторсии, репрессалии // Правовая политика и правовая жизнь. 2023. № 2. С. 163–170.

³² См.: Виноградова Е.В., Намчук А.В. Санкции как инструмент международного давления в постбиполярном мире // Евразийская адвокатура. 2022. № 2 (57). С. 100.

Таможенный контроль товаров, перемещаемых в качестве гуманитарной помощи, как направление таможенного контроля представляет собой совокупность мер, осуществляемых таможенными органами, в целях оперативного оформления трансграничного перемещения гуманитарных грузов с освобождением от уплаты таможенных платежей. Существуют административно-правовые и финансово-правовые особенности данного направления таможенного контроля. Первые выражаются в наличии определенных стадий процедуры подобного контроля, его оперативности (первоочередной порядок осуществления), межведомственном взаимодействии при его проведении. Финансово-правовые особенности выделенного направления таможенного контроля заключаются в полном или частичном освобождении от уплаты таможенных платежей (пошлин, налогов и сборов). Последнее относит выделенное направление таможенного контроля к его составляющей нефинансового характера, что определенным образом развивает теорию разграничения финансового и таможенного контроля.

Нами выделены теоретические и практические проблемы таможенного контроля товаров, перемещаемых в качестве гуманитарной помощи. Теоретические проблемы включают в себя проблемы разграничения понятия «гуманитарная помощь» с иными схожими понятиями, обоснования специфики выделенного направления таможенного контроля, определения его места в современной системе таможенного контроля в целом. В числе практических проблем таможенного контроля товаров, перемещаемых в качестве гуманитарной помощи, нами выделена проблема отсутствия системного административно-правового регулирования процедур такого контроля. Одним из вариантов ее решения мог бы стать Административный регламент таможенного контроля товаров, перемещаемых в качестве гуманитарной помощи.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Агамагомедова С.А. Виды таможенного контроля: понятие и критерии классификации // Таможенное дело. 2016. № 3. С. 3–7.
2. Агамагомедова С.А. Финансовый и таможенный контроль: аспекты соотношения и проблемы разграничения // Государство и право. 2023. № 3. С. 158–164.
3. Акопян К.А., Званбая Е.О. Особенности декларирования и таможенный контроль товаров, ввозимых в качестве гуманитарной помощи на таможенную территорию Евразийского экономического союза: // Способы, модели и алгоритмы управления модернизационными процессами: сб. ст. Междунар. науч.-практ. конф. Уфа, 2020. С. 40–42.

4. Брызгалин А.В., Федорова О.С., Анферова О.В. и др. Налог на добавленную стоимость: актуальные вопросы из практики налогового консультирования // Налоги и финансовое право. 2022. № 8. С. 8–156.
5. Виноградова Е. В. Меры государственного давления. Экономические санкции, реторсии, репрессии // Правовая политика и правовая жизнь. 2023. № 2. С. 163–170.
6. Виноградова Е. В., Намчук А. В. Санкции как инструмент международного давления в постбиполярном мире // Евразийская адвокатура. 2022. № 2 (57). С. 100.
7. Грешных А.А., Талировский К.С., Кондрашин Р.В. Особенности правового регулирования гуманитарной помощи нормами международного и российского законодательства // European Science. 2019. № 5 (47). С. 43.
8. Захарчук В.Е., Галактионова Л.В. Перемещение через таможенную границу гуманитарной помощи // Актуальные проблемы теории и практики таможенного дела: сб. докладов VI Всеросс. науч.-практ. конф. Хабаровск, 2023. С. 179–184.
9. Климова И.А. Международно-правовые аспекты упрощения таможенных процедур торговли: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2022. С. 12, 13.
10. Кобзарь-Фролова М.Н., Фролов В.А. Обеспечение безопасности в сфере таможенного дела // Вестник Пермского ун-та. Юридические науки. 2014. № 4. С. 43–49.
11. Малышева Т.А. Возникновение Общества Красного Креста как первый историко-правовой этап в становлении централизованного оказания гуманитарной помощи // Вестник СГЮА. 2011. № 4 (80). С. 199–202.
12. Малышева Т.А. Перемещение гуманитарной помощи через таможенную границу Таможенного союза: особенности финансово-правового регулирования: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2014. С. 9, 16, 17.
13. Таможенники оформили контрабанду под видом детской гуманитарной помощи // Росс. газ. 2013. 26 июня.
14. Яндиев А. Т. Правовое регулирование оказания гуманитарной помощи лицам, пострадавшим от чрезвычайных ситуаций: автореферат дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2009. С. 9.

REFERENCES

1. Agamagomedova S.A. Types of customs control: the concept and criteria of classification // Customs business. 2016. No. 3. Pp. 3–7 (in Russ.).
2. Agamagomedova S.A. Financial and customs control: aspects of correlation and problems of differentiation // State and Law. 2023. No. 3. Pp. 158–164 (in Russ.).
3. Akobyan K.A., Zvanbaya E.O. Features of declaration and customs control of goods imported as humanitarian aid into the customs territory of the Eurasian Economic Union: // Methods, models and algorithms for managing modernization processes: collection of articles of the International Scientific and Practical Conference. Ufa, 2020. Pp. 40–42 (in Russ.).
4. Bryzgalin A.V., Fedorova O.S., Anferova O.V. et al. Value added tax: topical issues from the practice of tax consulting // Taxes and Financial Law. 2022. No. 8. Pp. 8–156 (in Russ.).

5. *Vinogradova E. V.* Measures of state pressure. Economic sanctions, retractions, reprisals // Legal policy and legal life. 2023. No. 2. Pp. 163–170 (in Russ.).
6. *Vinogradova E. V., Namchuk A. V.* Sanctions as an instrument of international pressure in the post-bipolar world // Eurasian Advocacy. 2022. No. 2 (57). P. 100 (in Russ.).
7. *Greshnykh A. A., Talirovskiy K. S., Kondrashin R. V.* Features of the legal regulation of humanitarian aid by the norms of international and Russian legislation // European Science. 2019. No. 5 (47). P. 43 (in Russ.).
8. *Zakharchuk V. E., Galaktionova L. V.* Movement of humanitarian aid across the customs border // Actual problems of theory and practice of customs affairs: collection of reports of the VI All-Russian Scientific and Practical Conference. Khabarovsk, 2023. Pp. 179–184 (in Russ.).
9. *Klimova I. A.* International legal aspects of simplification of customs trade procedures: dis. ... PhD in Law. M., 2022. Pp. 12, 13 (in Russ.).
10. *Kobzar-Frolova M. N., Frolov V. A.* Ensuring security in the field of customs // Herald of the Perm University. Legal sciences. 2014. No. 4. Pp. 43–49 (in Russ.).
11. *Malyshева Т. А.* The emergence of the Red Cross Society as the first historical and legal stage in the formation of centralized humanitarian assistance // Herald of the SSLA. 2011. No. 4 (80). Pp. 199–202 (in Russ.).
12. *Malysheva Т. А.* Movement of humanitarian aid across the customs border of the Customs Union: features of financial and legal regulation: abstract ... PhD in Law. Saratov, 2014. Pp. 9, 16, 17 (in Russ.).
13. Customs officers issued contraband under the guise of children's humanitarian aid // Ross. gaz. 2013. June 26 (in Russ.).
14. *Yandiev A. T.* Legal regulation of the provision of humanitarian assistance to persons affected by emergency situations: abstract ... PhD in Law. SPb., 2009. P. 9 (in Russ.).

Сведения об авторе

АГАМАГОМЕДОВА Саният Абдулганиевна –
кандидат юридических наук, доцент,
старший научный сотрудник
Института государства и права
Российской академии наук;
119019 г. Москва, ул. Знаменка, д. 10

Authors' information

AGAMAGOMEDOVA Saniyat A. –
PhD in Law, Associate Professor,
Senior Researcher of the Institute of State and Law
of the Russian Academy of Sciences;
10 Znamenka str., 119019 Moscow, Russia

**РОССИЙСКО-КИТАЙСКИЙ КРУГЛЫЙ СТОЛ
«СОВРЕМЕННАЯ ЮРИДИЧЕСКАЯ НАУКА
И ОБРАЗОВАНИЕ В РОССИИ И КИТАЕ»**

© 2024 г. Н. В. Кроткова

Институт государства и права Российской академии наук, г. Москва

E-mail: krotkova2012@yandex.ru

Поступила в редакцию 08.06.2024 г.

Аннотация. В выступлениях круглого стола обсуждаются вопросы современного юридического образования и юридической науки России и Китая. Отмечается, что в этих странах юридическое образование и юридическая наука переживают переходный период. И в России, и в Китае введение рыночных механизмов и широкий контакт с Западом обусловили трансформацию юриспруденции. Перед учеными и преподавателями встала проблема адаптации национальной юридической традиции к новым историческим условиям. Сравнительный анализ России и Китая интересен также тем, что оба государства имеют социалистическое прошлое, а правовая система, юридическая наука и юридическое образование Китая испытали заметное влияние СССР.

Ключевые слова: юридическая наука, юридическое образование, общая теория права, философия права, социология права, сравнительное правоведение.

Цитирование: Кроткова Н. В. Российско-китайский круглый стол «Современная юридическая наука и образование в России и Китае» // Государство и право. 2024. № 6. С. 181–200.

DOI: 10.31857/S1026945224060176

**RUSSIAN-CHINESE ROUND TABLE “MODERN LEGAL SCIENCE
AND EDUCATION IN RUSSIA AND CHINA”**

© 2024 N. V. Krotkova

Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow

E-mail: krotkova2012@yandex.ru

Received 08.06.2024

Abstract. The Round Table addresses issues of modern legal education and legal science in Russia and China. It is noted that in these countries, legal education and legal science are going through a transitional period. In both Russia and China, the introduction of market mechanisms and extensive contact with the West have led to the transformation of jurisprudence. Scientists and teachers faced the problem of adapting the national legal tradition to new historical conditions. The comparative analysis of Russia and China is also interesting because both states have a socialist past, and the legal system, legal science and legal education of China have experienced a noticeable influence of the USSR.

Key words: legal science, legal education, General theory of law, Philosophy of Law, Sociology of Law, comparative jurisprudence.

For citation: Krotkova, N.V. (2024). Russian-Chinese Round Table “Modern legal science and education in Russia and China” // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 6, pp. 181–200.

25 апреля 2024 г. состоялся Российско-китайский круглый стол «Современная юридическая наука и образование в России и Китае», организованный кафедрой теории государства и права и политологии юридического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова. В круглом столе приняла участие делегация из Китайской Народной Республики во главе с Чжан Юнхэ, деканом Института прав человека Юго-Западного университета политологии и права (г. Чунцин, КНР). Модераторы круглого стола: Е.А. Фролова, зав. кафедрой теории государства и права и политологии юридического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова, д-р юрид. наук, проф.; В.Н. Жуков, профессор той же кафедры, главный научный сотрудник Института государства и права РАН, д-р юрид. наук, д-р филос. наук, проф.; А.Е. Наумов, доцент той же кафедры, канд. юрид. наук.

С приветственным словом выступили декан юридического факультета, д-р юрид. наук, проф., заслуженный деятель науки РФ, академик РАО А.К. Голиченков и заместитель декана по научной работе, д-р юрид. наук, проф. Н.В. Козлова.

Е.А. Фролова, зав. кафедрой теории государства и права и политологии юридического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова, д-р юрид. наук, проф.
Теоретико-правовая наука в России: значение и современное состояние

Во все исторические эпохи наукам, формирующим юридическое мышление, а в более широком смысле – мировоззрение, уделяется большое внимание. В результате философских дискуссий и споров в разные времена создавались концепции в защиту правового (религиозного, общественного, политического, государственного) идеала. В настоящее время в нашем государстве подчеркивается необходимость развития социальных наук как наук об обществе и межличностных отношениях внутри него. Юридическая наука – наука социальная; она объединяет в себе фундаментальные, отраслевые и прикладные юридические науки. К фундаментальным юридическим наукам относятся теория государства и права, история (отечественная и зарубежная) государства и права, история

политических и правовых учений, философия права, социология права. По классификации наук, предложенной неокантианцами баденской школы (в Германии – В. Виндельбанд, Г. Риккерт, в России – П.И. Новгородцев, Б.А. Кистяковский и др.), эти науки относятся к наукам о культуре, для которых важны сознание, воля, цели и ценности человека. Теоретико-правовые науки формируют способность к альтернативному концептуальному мышлению.

За последние несколько десятилетий в отечественной юриспруденции произошли существенные изменения в исследовании методологии права и государства. Если для советской правовой науки существовала единственно верная марксистско-ленинская методология познания государства и права, то в условиях деидеологизации социальных наук авторы основываются на множественности подходов к исследованию политico-правовых явлений. Признается, что методология задает угол зрения, под которым исследователь оценивает право и государство, а поскольку эти методы различны (либерализм, консерватизм, кантианство, гегельянство, марксизм, идеализм, прагматизм, феноменология, экзистенциализм и др.), разные взгляды на сущность права и государства – объективная реальность.

Следствием плюралистического подхода к изучению социальных явлений в последние несколько десятилетий выступила необходимость разграничения смежных наук историко-теоретического цикла. В XXI в. в российских университетах и юридических вузах вводятся новые (по сравнению с советским временем) учебные курсы по дисциплинам «Философия права», «Социология права», «История и методология юридической науки», послужившие импульсом для формирования интеллектуальной среды нашего общества. Для всего блока теоретико-правовых дисциплин приоритетным становится сравнительный метод исследования – качественное теоретическое обобщение невозможного без проведения анализа исторических условий формирования доктрины, оценки его логического

объема и определения места в системе политико-правовых концепций.

В настоящее время, как и сто лет назад, отечественные юристы подчеркивают, что общая теория права выражает содержание права в системе юридически четких понятий формально-догматической юриспруденции (норма права, правоотношение, субъект права, объект права, юридическая ответственность, юридический факт и др.). Этим во многом определяется и методологическое значение общей теории права: классифицируя и обобщая понятия, лежащие в основании положительного права разных стран, времен, народов, эта наука выступает своеобразным посредником между отраслевыми юридическими науками. Вместе с тем юристы различных школ и направлений сходятся в том, что право есть очень сложное по содержанию, по формам своего проявления и по идеологическим ориентирам (идеалам) социальное явление. Поэтому его изучение в рамках науки общей теории права недостаточно.

Особое значение в системе теоретико-правовых наук занимает философия права. Эта наука изучает смысл права, законы его бытия, связи права с человеком, обществом, государством. Цель философии права – исследовать вопрос значимости ценностей применительно к области права и государства. Поскольку данная наука видит в праве отражение развития культуры каждой исторической эпохи, она носит в отличие от общей теории права идеологический характер.

Наука истории политических и правовых учений представляет собой отражение в понятийно-категориальном аппарате теории государства и права меняющихся исторических условий и интересов различных общественных групп. В таком понимании эта научная и учебная дисциплина тесно связана с теорией государства и права и философией права. Одна из задач истории политических и правовых учений – выявить закономерности развития политико-правовой идеологии, прежде всего доктринального уровня. Изучая модели правового сознания эпохи, эта наука формирует системные подходы к решению социально-политических проблем. История политических и правовых учений предполагает борьбу разных мировоззрений, каждое из которых стремится доказать свою правоту, воплотившись в общественное сознание. Доктрины о праве, политике и государстве – это варианты альтернативного юридического мышления, обоснованность и актуальность которых подтверждается степенью их востребованности на том или ином историческом этапе развития общества. К сожалению, в настоящее время в отечественных юридических вузах наметилась тенденция к существенному сокращению часов по предмету истории

политических и правовых учений. Такой вектор развития современной системы высшего юридического образования нельзя считать оправданным¹.

Науки фундаментальной юриспруденции воплощают мировой опыт всех предшествующих веков в области права и государства. Их практическая значимость заключается в том, что они позволяют понять связь права с другими социальными регуляторами и способствуют выработке профессионального отношения к действующему праву с учетом его исторического и ценностного компонентов, а также социокультурных перспектив развития.

Чжан Юнхэ (Zhang Yonghe), декан Института прав человека Юго-Западного университета политологии и права, д-р юрид. наук, проф. (КНР, г. Чунцин). Эволюция сознания и трансформация методологии современной китайской юриспруденции

После создания Китайской Народной Республики в 1949 г. *Шесть законов Китайской Республики* (1912–1949) были исключены из правовых источников. Конституция КНР была принята в 1954 г., но в то время не была создана полная социалистическая правовая система. 1980-е годы стали наиболее важным периодом эволюции китайского правового сознания, поскольку в 1979 г. были принятые Уголовный закон КНР и УПК КНР, а в 1982 г. – новая Конституция КНР (действующая). В ней не только уделяется пристальное внимание обобщению богатого опыта социалистического развития Китая, но и обращается внимание на использование международного опыта, учитываются как текущая действительность, так и перспективы развития. После того были принятые Общие принципы гражданского права КНР (как основной гражданский закон до принятия Гражданского кодекса КНР в 2020 г.), Административно-процессуальный закон КНР и др. Все эти важные законы определили направление развития китайской юриспруденции.

1980-е годы были самым активным периодом реформ и открытости Китая. Западные теории становились популярными, особенно в идеологии юриспруденции, даже западные правовые идеи и правосознание стали основой в исследовании. Конечно, западная юридическая идея также является кристаллизацией человеческой цивилизации, ее мерцающий свет человеческой мудрости до сих пор ощущается китайскими юристами. Взгляды на правовые явления, представленные различными юридическими школами, и их различные представления о равенстве и справедливости оказали глубокое влияние на поколения

¹ См.: Кроткова Н.В. Всероссийская конференция с международным участием «История политических и правовых учений как научная и учебная дисциплина» // Государство и право. 2023. № 8. С. 191–206.

китайских юристов. В то же время критиковалась правовая идеология Советского Союза, такая как взаимосвязь между государством и правом в теории А.Я. Вышинского. Многие китайские юристы начали считать, что в правовой идеологии СССР слишком обращали внимание на роль и статус государства в политической жизни и игнорировали социальный характер права. Одна из наиболее распространенных практик заключается в том, что в китайских юридических вузах меняли название кафедры теории государства и права, которая копировала опыт СССР, новое название кафедры было ближе к западным – кафедра основной теории права. К середине 1980-х годов название даже было изменено на «юриспруденция» (Jurisprudence). Учебник также был переименован из «Общей теории государства и права» в «Основы теории права», а затем в «Юриспруденцию», чтобы отличаться от идеологии Советского Союза. В то же время у китайских юристов были сомнения в своей истории. Некоторые юристы задались вопросом: является ли традиционная китайская правовая идеология справедливой? Но большинство юристов с высокими идеалами все еще были убеждены, что, хотя общественное развитие требовало новой правовой идеологии, они не считали, что традиционная китайская правовая идеология бесполезна. Эти прекрасные правовые культуры все еще полезны для Нового времени. В XXI в. мы уверены, что эти взгляды верны.

Текущая задача, стоящая перед китайскими юристами, – это найти, что полезно для настоящей правовой практики Китая. Такое стремление решать проблемы привело к трансформации правовой методологии. Особое внимание уделяется правовым явлениям, происходящим в Китае. Тенденции развития мира и тенденции развития Китая влияют друг на друга и являются причинами и следствием друг друга. Эта позиция необходима для понимания международной ситуации, прояснения направления развития Китая и прогнозирования новых общественных отношений, которые могут возникнуть в КНР, и новых правовых отношений, которые могут возникнуть в результате этого. Исходя из этого, китайские юристы должны решить свои проблемы на основе китайской практики. Это своего рода осознание проблемы и методологии исследования. Современные юридические исследования Китая открыты и разнообразные в результате трансформации правовой методологии.

В.Н. Жуков, профессор кафедры теории государства и права и политологии юридического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, главный научный сотрудник Института государства и права РАН, д-р юрид. наук, д-р филос. наук, проф. Российская юридическая наука: этапы развития

Юридическая наука и юридическое образование начинаются в России во второй половине XVIII в., когда в 1755 г. императрица Елизавета Петровна учредила Московский университет в составе трех факультетов: философского, юридического и медицинского. Науку (в том числе юридическую) в России ставили европейцы, главным образом немцы. Именно немецкая система легла в основу нашей отечественной науки и образования, именно с Германией теснее всего были научные связи. В целом следует понимать, что наука и образование в России – неотъемлемый элемент европейского влияния. Наша страна в этом смысле – страна европейская.

Примерно до 60–70-х годов XIX столетия российская юридическая наука носит ученический характер. Во второй половине XIX – начале XX в. наша юридическая наука принимает зрелый, самостоятельный характер и начинает развиваться на своей собственной основе. Однако при этом для русских ученых любого профиля европейцы, европейская наука продолжают оставаться своеобразным эталоном, на который следовало равняться. Для русского быть настоящим ученым означало быть настоящим европейцем. Данный комплекс, к сожалению, не изжит и до настоящего времени. В целом можно констатировать, что за XIX – начало XX в. российская юридическая наука прошла путь, на который Европе потребовалось несколько столетий. За это время был создан не просто фундамент нашей юридической науки, она достигла своего расцвета, той высшей точки, превзойти которую не удалось последующим поколениям ученых.

Советский период юридической науки неоднороден и подразделяется на несколько этапов. Первый – ленинско-сталинский – начался с установления большевистской диктатуры в 1917 г. и завершился примерно в 1956 г., когда на XX съезде КПСС были публично осуждены сталинские репрессии. Этот период характерен резким снижением уровня обществоведческой науки, в том числе юридической. Большевики заявили о полном разрыве с немарксистской социальной наукой, обязав воспринимать ее в качестве буржуазной диверсии против молодой советской республики. Решающим аргументом большевистской диктатуры в пользу правоты марксизма стали массовые репрессии. Если обществовед или даже естественник и технарь хотели заниматься наукой, им было необходимо демонстрировать полную лояльность советской власти и приверженность ее идеологическим клише. Тяжелее всего пришлось фундаментальной юридической науке (общей теории государства и права, истории государства и права, истории политических учений), представители которой вынуждены были подстраивать ее под догмы советского марксизма. Задача ученого-юриста состояла прежде

всего в том, чтобы на материале своей науки показать торжество идей Маркса – Ленина – Сталина. Отраслевая юридическая наука в эпоху военного коммунизма почти замерла, но с введением новой экономической политики оказалась востребованной. Хозяйственная жизнь страны потребовала приспособления традиционной юридической догмы к новым историческим условиям. Вместе с тем очевидно, что огромная часть богатейшего наследия европейского частного права (включая римское право) была обречена на забвение в условиях жестких рамок административно-командной экономики. В период с начала 60-х и до конца 80-х годов юридическая наука оживляется, партийная власть разрешает дискуссии (например, о «широком» и «узком» понимании права), но по-прежнему в строго заданных идеологических рамках. Создаются работы достаточно высокого уровня, в том числе потому, что марксизм представлял собой добротную теоретико-методологическую базу.

Горбачевская перестройка и распад СССР (1991) знаменовали собой начало третьего этапа в развитии российского обществоведения и юридической науки, в частности. Процессы, проходившие и проходящие в данный период, противоречивы, но в целом российская наука (естественная, техническая, общественная) демонстрировала упадок и глубочайший кризис. В условиях русского капитализма финансирование науки со стороны государства почти прекратилось. Обществоведение во многом оказалось в руках зарубежных фондов, главной целью которых было изменение культурного кода нашего народа и подчинение Российского государства глобальному Западу. Появились сотни частных юридических вузов, задачей которых было не развитие образования и науки, а получение прибыли и сверхприбыли. Во второй раз за XX столетие резко упал уровень обществоведческой науки, и юридической науки в том числе.

Вместе с тем новый русский капитализм оказал сильное стимулирующее воздействие на отраслевую юридическую науку. Возникла острая потребность вернуться к европейскому юридическому наследию, изучить европейскую юридическую догму. Так, в основу нашего Гражданского кодекса во многом были положены конструкции немецкого и французского права. Российские цивилисты проделали большую работу по творческой переработке европейской догматики под наши условия. К слову, это одно из наследий советской власти: она умела создавать высокопрофессиональные кадры. Ученые, защитившие свои диссертации в условиях партийной диктатуры, вполне успешно адаптировались к новой исторической реальности, доказав свой профessionализм.

Много хуже обстояло дело с фундаментальной юридической наукой, которая в условиях рыночной экономики оказалась никому не нужной. Общая теория права и история политических и правовых учений, например, в глазах чиновников от образования и науки оказалась лишним довеском к отраслевой юридической науке, материальным бременем, от которого следует освободиться. Одна из главных причин такого отношения – разрыв с европейской юридической наукой, совершенной большевиками. Генерации позднесоветских и постсоветских юристов, которые сегодня руководят юридическим образованием, неведома ценность европейской юридической традиции, во многом определяемой именно фундаментальной юридической наукой.

Особый вопрос современного этапа – присоединение к Болонской системе высшего образования, что имело для юридического образования как позитивные, так и негативные последствия. Введение магистратуры повлекло за собой появление новых, а точнее старых, но забытых или отмененных дисциплин: философии права, социологии права, сравнительного правоведения, истории и методологии юридической науки. К сожалению, попытки внедрить данные дисциплины показали, что их некому ни готовить, ни читать. Так, редкий преподаватель знает историю своей отрасли, а специализированных работ на эту тему крайне мало. Недостатки новой системы уже видны всем. Первое: учеба в магистратуре не влияет на качество подготовки юриста. Строго говоря, подготовка юриста завершается не в вузе, а на практике. Только через два-три года после окончания вуза можно говорить, что юрист подготовлен. Нормальный профессионал обязан учиться всю жизнь, здесь важнее не сумма даваемых знаний, а навыки самообразования. В императорских университетах юриста готовили за четыре года, и это были превосходные профессионалы, особо ценившиеся в годы советской власти. До реформы страна получала юриста через пять лет, сейчас – через шесть. Второе: курсы, даваемые в магистратуре, как правило, дублируют базовые дисциплины бакалавриата. Искусственность этих курсов видят и студенты. Третье: в магистратуру в юридической специальности можно принимать лиц, не имеющих базового юридического образования. Если для теории и истории государства и права это где-то нормально, то для отраслевых дисциплин совершенно неприемлемо. Невозможно без базового юридического образования освоить магистерскую программу отраслевой юридической науки. Это еще раз говорит, что чиновники в сфере образования слабо представляют себе специфику юридической науки и процесс подготовки юриста.

Чжан Цзяньвэнь (Zhang Jianwen), декан Института перспективных исследований Юго-Западного университета политологии и права, д-р юрид. наук, проф. (КНР, г. Чунцин). Размыщение о правовом образовании в эпоху искусственного интеллекта

Искусственный интеллект, большие данные и другие термины популярны в наше время и часто участвуют в процессе правового образования и воспитания в вузах. Изменяют ли искусственный интеллект и большие данные сущность правил обучения человечества? Изменяют ли способы познания человечества?

Основываясь на собственном опыте в образовании и работе в качестве преподавателя для студентов колледжей и университетов, а также руководителя отдела управления преподаванием, автор считает, что способ человеческого обучения, правило познания и способ человеческого понимания мира до сих пор не претерпели существенных изменений. Хотя некоторые уверены, что в эпоху искусственного интеллекта технология больших данных и др. использует т.н. принцип корреляции, когда представляют мир и помогают понять его, но этот принцип корреляции показан как способ сбора и представления данных, а также информация. Что касается информации, лежащей в основе собранных и представленных данных, то человеку по-прежнему необходимо понимать и осваивать ее в соответствии с законом причинно-следственной связи. Ведь понимание релевантной информации, лежащей на поверхности вещей, является не конечной точкой человеческого понимания и даже не целью человеческого понимания, а отправной точкой и фундаментом для человеческого понимания, открытия и в конечном счете постижения причинно-следственной связи.

В настоящее время все еще невозможно поверить, что за недолгое время наступит переломный момент, когда технология искусственного интеллекта полностью изменит методы обучения человека. Напротив, в обозримом будущем по-прежнему должны применяться традиционные методы обучения.

Чтобы стать специалистом, обладающим соответствующими профессиональными знаниями в определенной области, необходимо обладать глубоким пониманием мира, особенно в области истории, философии, политики, права и т.д., иметь глубокое представление о достижениях человеческой цивилизации. Люди, воспитанные в эпоху искусственного интеллекта, должны обладать не только смелостью и энтузиазмом для изучения грандиозных человеческих проблем, стоящих перед будущим, но и интересом и способностью возвращаться к классике и традициям.

Что касается высшего юридического образования, то невозможно испытывать головокружение и восхищаться технологическим великолепием, создаваемым технологиями искусственного интеллекта и больших данных, но необходимо рационально рассмотреть и определить влияние технологий искусственного интеллекта на высшее юридическое образование.

П. В. Трощинский, ведущий научный сотрудник Института Китая и современной Азии РАН, канд. юрид. наук. Юридическое образование в КНР

В 2024 г. Китайской Народной Республике исполняется 75 лет. За недолгое время существования нового Китая (образован 1 октября 1949 г.) в нем созданы и успешно функционируют крупные образовательные площадки, на которых преподаются юридические дисциплины; активно работает юридическая наука КНР, деятельность китайских ученых-юристов весьма продуктивна, публикационная активность – высокая.

История юридического образования и юридической науки КНР прошла в своем развитии несколько основных этапов. Возникновение правоведения в социалистическом Китае относится к периоду образования КНР. Уже в апреле 1953 г. была создана «Китайская ассоциация политических и юридических наук» (中国政法学会), которая с мая 1954 г. начала выпускать журнал «Политико-юридические исследования» (政法研究); с января 1956 г. стал выходить журнал «Сборник политико-юридических переводов» (政法译丛) и одновременно в Шанхае – журнал «Правоведение» (法学). В декабре 1954 г. было создано «Издательство юридической литературы» (法律出版社).

В первые годы после образования нового Китая в него из СССР были командированы советские юристы для оказания помощи в формировании правовой системы страны. Не только законодательство, но и сам фундамент юридической науки КНР был заложен советскими специалистами:

во-первых, советские ученые выступали в качестве советников по правовым вопросам, читали лекции и проводили семинарские (практические) занятия на юридических факультетах ведущих китайских институтов;

во-вторых, на обучение праву в советские юридические институты приезжали китайские студенты, которые знакомились с особенностями теории и практики советского законодательства;

в-третьих, с научно-практическими визитами в СССР приезжали делегации работников органов юстиции для изучения советского опыта работы в юридической сфере;

в-четвертых, осуществлялся перевод на китайский язык советских законов и научных трудов по юридическим наукам, что позволяло китайским юристам напрямую погружаться в мир советского социалистического права.

Таким образом, Китай копировал советскую систему юридического образования, которая включала в себя не только программы по обучению, но и критерии оценки знаний, подготовки профессорско-преподавательского состава, методологию и т.п.

Юридические работы того времени в основном затрагивали вопросы государственного (конституционного) права, учебные пособия по правовым дисциплинам ограничивались лишь изданиями сборников нормативных правовых актов и документов нормативного характера.

К сожалению, с 1957 г. в КНР была остановлена всякая правотворческая деятельность, в стране начались различные политические кампании («борьба против правых элементов»; «большой скачок» и т.п.), апогеем которых стала «великая пролетарская культурная революция» (1966–1976). Право было объявлено буржуазным, реакционным явлением, связывающим революционные массы. В эти годы правового нигилизма прекратили действовать не только ранее принятые законы, но и было прекращено юридическое образование, профессорско-преподавательский состав юридических факультетов подвергся репрессиям. Кадрам в юридической сфере был нанесен большой удар. Хотя в 1958 г. был открыт Институт права Академии наук, однако это не спасло юридическую сферу от разрушения.

Лишь после смерти в сентябре 1976 г. Мао Цзэдуна, ареста «банды четырех» (октябрь 1976 г.) и прекращения «культурной революции» в реформируемом Китае были восстановлены юридическое образование и юридическая наука. В 1977 г. возобновилась деятельность Института права. В 1978 г. в четырех крупных регионах КНР начался прием студентов на юридические факультеты, происходил количественный рост лиц, занимавшихся юриспруденцией, стали выходить журналы и работы по праву. Уже к середине 80-х годов выходит около 70 периодических изданий по праву, включая газеты. В 1982 г. учреждается Юридическое общество Китая (中国法学会). В эти годы китайские юристы массово уезжают на обучение в западные юридические институты, получая в них базовое образование. После распада СССР и заимствования Россией западных правовых институтов интерес к российскому праву в китайской среде совершенно угас. Он начал восстанавливаться лишь в последние годы, когда наша страна стала защищать национальные интересы в праве.

В настоящее время в КНР существует несколько основных категорий площадок высшего юридического образования, в которых готовят китайских специалистов в области права.

Первая категория – юридические институты (как правило, ранее преобразованные из юридических факультетов) при классических университетах, учрежденных Министерством образования и его местными органами. К наиболее крупным из них отнесем Юридический институт Народного университета Китая (中国人民大学法学院), Юридический институт Пекинского университета (北京大学法学院), Юридический институт Университета Цинхуа (清华大学法学院), Юридический институт Уханьского университета (武汉大学法学院), Юридический институт Цзилиньского университета (吉林大学法学院), Юридический институт Фуданьского университета (复旦大学法学院). Они схожи с юридическими факультетами российских вузов, например юридическим факультетом МГУ или юридическим факультетом СПбГУ.

Вторая категория – это политко-правовые университеты (университеты политики и права), созданные Министерством юстиции в регионах и существующие как самостоятельные учебные заведения. Они очень похожи на российские МГЮА, СГЮА, академии (институты) МВД и т.п. К лидерам из них отнесем Политико-юридический университет Китая (Институт Китая политики и права; Китайский политико-юридический университет) (中国政法大学), Политико-юридический университет Восточного Китая (Восточно-Китайский университет политики и права) (华东政法大学), Юго-Западный политико-юридический университет (西南政法大学), Народный университет общественной безопасности Китая (中国人民公安大学), Северо-Западный политико-юридический университет (西北政法大学) и др. Как правило, выпускники указанных образовательных площадок идут работать в органы государственной власти и управления.

Третья категория – юридические факультеты (институты) при различных финансовых, экономических, торговых, национальных, технических образовательных учреждениях (институтах, колледжах).

Система высшего образования в юридических институтах КНР, как правило, состоит из трех ступеней: бакалавриат, магистратура и докторантура (аспирантура). При успешной защите диссертации присваивается степень доктора юридических наук. Отметим, что этой степенью обладает нынешний лидер Китая Си Цзиньпин, который в свое время успешно защитил диссертацию по теме «Исследование сельского маркетинга Китая», написанную во время учебы в аспирантуре

на кафедре марксистской теории и идеологического, политического воспитания Института гуманитарных и общественных наук Университета Цинхуа с 1998 по 2002 г.

Подводя краткий итог вышесказанному, отметим, что юридическое образование в современном Китае, несмотря на недолгую историю своего существования, все же следует признать качественным, но в большей степени ориентированным на собственные китайские правовые традиции с привнесением в них марксизма-ленинизма. Ориентация на Запад происходит лишь в части заимствования наиболее передовых правовых институтов, однако с их последующей обязательной «китаизацией».

Ван Чжихуа (Wang Zhihua), профессор Исследовательского института сравнительного правоведения Китайского университета политики и права, д-р юрид. наук (КНР, г. Пекин). *Правовая система современного Китая с точки зрения китайских компартистов*

Известно, что западные компартисты, например американцы Р. Шлезингер, К. Осакве, французы Рене Давид и М. Ансель, итальянец Р. Сакко, канадец П. Гленн, немцы К. Цвайгерт и Х. Кетц, в свое время в своих работах уделяли большие усилия социалистической правовой системе в лице советского права, анализировали ее особенности по сравнению с другими двумя основными правовыми системами в мире – континентальной и англо-американской. Что касается китайского права, они вообще отнесли его к дальневосточной правовой системе. По мнению этих компартистов, в данную группу правовой системы кроме китайского правопорядка еще включены японское, корейское и даже вьетнамское право.

Но такое суждение о китайском праве не соответствует действительности, поскольку в китайской правовой системе мало что осталось от того, что может считаться остатком древнекитайской правовой традиции. В учебнике «История права Китая» говорится о китайской правовой системе или даже китайской правовой семье, но это только в контексте истории права. Общее мнение состоит в том, что древняя китайская правовая система уже выжила из жизни, не действенна сегодня.

Компаративисты в Китае обсуждают вопрос об основных правовых системах и признают существующие в мире континентальную, англосаксонскую, исламскую и индийскую системы.

В то же время после распада СССР компаративисты уверены, что социалистическая правовая система в лице советского права уже распалась, и мало кто считает, что китайская правовая система

может представлять такую т.н. социалистическую правовую систему. Вместе с этим ученые-юристы устремили свой взор на западный правопорядок и даже выдвинули предложение о десоветизации в области права, в том числе цивилисты и специалисты по уголовному праву, акцентируя внимание на удалении отрицательного влияния советского права. Поэтому компаративисты Китая пришли к выводу, что китайская правовая система должна быть отнесена к континентальной, не признавая ее принадлежность социалистической правовой системе.

Однако в действительности заметное влияние советского права проявляется везде и всюду, как в основных правовых принципах, так и в конкретных положениях законодательных актов современного Китая.

Ввиду этого нельзя не согласиться с мнением В. Е. Чиркина, который отнес пять государств, таких как Китай, Северная Корея, Вьетнам, Куба и Лаос, к группе тоталитарно-социалистической правовой системы. Конечно, кроме Северной Кореи, все остальные государства уже в той или иной мере реализовали реформы и перестройку, законодательства в этих государствах не могут считаться ортодоксальным социалистическим правопорядком. Например, поправками к Конституции, принятыми в 1988–2004 гг., в Китае уже реализовано нижеследующее: отказ от концепции диктатуры пролетариата, признание в конституции необходимости частной собственности и ее важной роли в экономике, положения о «рыночной» экономике, признание прав человека и даже тезис о правовом государстве и др.²

Следует отметить, что перед формулировкой «рыночная экономика» необходимо прибавить слово «социалистическая». То же самое – правовое государство: не такое правовое, как в статье Конституции РФ, провозглашающей «демократическое федеративное правовое государство», а «социалистическое правовое государство с китайской спецификой».

И надо признать, что политика реформы и открытости, которая была осуществлена с 1980-х годов, сильно изменила Китай, особенно сектор экономики. Экономика быстро развивалась. Но политика была не затронута. Значит, на фоне политики реформ и открытости изменение в Китае не существенно. Китай еще находится в стадии перехода к рыночной экономике и демократическому правовому государству.

² См.: Чиркин В. Е. Глобальные правовые системы, правовые семьи и их классификация // Право. Журнал ВШЭ. 2017. № 4. С. 26, 27.

Сегодня в Китае особенности социалистической правовой системы основываются на общественной собственности. Не признается право частной собственности на землю. Основные природные ресурсы находятся в распоряжении государства или общественных организаций. Самое важное имущество гражданина – жилое помещение – может принадлежать на праве собственности сроком не более 70 лет.

В настоящее время имущества у частных лиц не мало, но защищается оно по закону недостаточно. Хотя в Конституции КНР предусмотрена частная собственность, но по сравнению с общественной собственностью она защищается не на равных началах. Например, согласно ст. 12 действующей Конституции КНР социалистическая общественная собственность священна и неприкосновенна, а в отношении частного имущества Конституция предусматривает, что законное частное имущество защищается законом (ст. 13). Очевидно, частное имущество не священно и может быть прикосновенно, и даже предполагается, что частное имущество может быть незаконным.

Сразу отметим, что согласно ст. 113 ГК КНР «имущественные права субъектов гражданского права охраняются законом в равной мере». Но если проверить конституционность данного положения основного гражданского закона, результат не может быть положительным. Конечно, в Китае нет такой процедуры проверки конституционности положений законодательных актов.

Исходя из вышеизложенного, можно сказать, что китайское право хотя еще может быть отнесено к социалистической правовой системе, но уже не в фундаментальном смысле модели советского права. Если характеризовать Китай в современное время, можно назвать его государством «государственного капитализма», хотя официально Китай сам себя называет государством «социализма с китайской спецификой», а специфика здесь может быть во многом объяснима.

А. Г. Хабибулин, зав. кафедрой экономических и финансовых расследований Высшей школы государственного аудита МГУ им. М. В. Ломоносова, профессор кафедры теории государства и права и политологии юридического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова, д-р юрид. наук, проф. Идеология – системообразующий фактор юридического образования

В настоящее время назрела необходимость совершенствования образовательной системы России. В целях прорывного развития страны сегодня требуются специалисты, обладающие новейшими знаниями, адаптированными к российской действительности, и базирующиеся на традиционных российских ценностях. Президент РФ В. В. Путин

отметил, что назрели существенные изменения в системе высшей школы с учетом новых требований к специалистам в экономике, социальных отраслях, во всех сферах нашей жизни. «Необходим синтез всего лучшего, что было в советской системе образования, и опыта последних десятилетий»³.

Юридическое образование базируется на идеологическом фундаменте. Современная реформа образовательной системы основана на духовно-нравственных ценностях, которые нашли отражение в законодательстве Российской Федерации. Как Конституция РФ, так и Указ Президента РФ от 9 ноября 2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей»⁴ устанавливают «нравственные ориентиры, формирующие мировоззрение граждан России, передаваемые от поколения к поколению, лежащие в основе общероссийской гражданской идентичности и единого культурного пространства страны, укрепляющие гражданское единство, нашедшие свое уникальное, самобытное проявление в духовном, историческом и культурном развитии многонационального народа России»⁵.

Идеологическая регуляция общественной жизни – один из важнейших элементов правового прогресса. Идеология выступает средством реализации правовых целей, правовой политики, она позволяет обеспечить реальное единство ценностных ориентаций индивида и права. Именно ценностные ориентации, пропагандируемые традиционные духовно-нравственные ценности, представления о путях и конечных целях развития общества и государства есть отправные начала юридического образования. Поэтому идеологию можно рассматривать как предтечу права.

Таким образом, идеология позволяет создать систему ценностей, лежащую в основе юридического образования, определить конкретные цели, ближайшие и перспективные, выбрать средства их достижения. В основе юридического образования – определенная система ценностей, предопределяющая логику развития общественных отношений. Образовательный процесс, совершенно свободный от идеологических детерминант, не выполняет своего предназначения и не формирует ценностно-ориентированную личность в соответствии с традиционными российскими духовно-нравственными началами.

³ Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию от 21.02.2023 г. // Росс. газ. 2023. 22 февр.

⁴ См.: СЗ РФ. 2022. № 46, ст. 7977.

⁵ Пункт 4 Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей, утв. Указом Президента РФ от 09.11.2022 № 809.

Ван Хайцюнь (Wang Haijun), профессор Восточно-китайского политico-правового университета, д-р юрид. наук (КНР, г. Шанхай). Развитие и изменение образования в сфере цифровой юриспруденции Китая

В контексте огромного цифрового перехода юридическое образование должно приспосабливаться к новым ситуациям, новым требованиям, новым заданиям в цифровую эпоху, создается новая форма, новая модель образования в области цифровой юриспруденции. В цифровом обществе возникнут новые правовые вопросы, находящиеся на грани закона и этики (например, распознавание лиц, автопилотирование, правосудие и технологии блокчейн, виртуальное имущество и т.д.). Все эти вопросы превысили рамки традиционной правовой теории, на них трудно ответить эффективно и рационально с помощью существующих правовых теорий и норм права. В то же время, несмотря на быстрое развитие технологий, законодательный процесс является более вялым и медленным, современное законотворчество не отражает закономерности указанных вопросов, и законы могут быть отсталыми с точки зрения скорости законотворчества. Цифровое общество существенно меняет представление о ценностях, в частности о справедливости. «Свобода, равенство, демократия, закон, порядок и справедливость поставлены перед необходимостью нового их определения: цифровая справедливость будет самой высокой»⁶. Эти новые проблемы, без сомнения, бросают вызов юридическому образованию.

Современная юриспруденция, являющаяся продуктом цифровой экономики, неизбежно будет заменена на цифровую юриспруденцию. Образование в сфере цифровой юриспруденции – новая форма образования, адаптированная к развитию цифрового общества и требованиям цифрового правосудия, отражающая систему знаний, а также теорию и законы культивирования талантов в области цифровой юриспруденции. Поскольку растет целое поколение, для которого цифровые технологии – норма, перед преподавателями стоит задача собственного постоянного профессионального совершенствования.

Система знаний существующего юридического образования родом из современного просветительского духа и под флагом науки и демократии. Она поощряет свободу, равенство, права человека, верховенство закона, рациональность, договор, правду, формирует систематизированное мировоззрение и методологию объективизма, рационализма, индивидуализма. Таким образом, была заложена

⁶ Чжоу Цян. Углубленно изучать дух 4-го пленума ЦК КПК девятнадцатого созыва, постоянно продвигать модернизацию судебной системы и судебных возможностей // Народное правосудие. 2020. № 1.

прочная основа теории юридической науки в западных странах. В первой половине XX в. эта система знаний столкнулась с «подрывом» и «деконструкцией» постмодернизма, но, по существу, она является самореверсивной критикой на современном пути.

Информационная революция привела к «ненеэффективности системы знаний промышленной эпохи». Точно так же, как промышленная революция на Западе породила современное верховенство закона, информационная революция также должна создать новую форму верховенства закона благодаря ее глубокому влиянию на социально-экономическую жизнь. Эта новая форма – цифровое верховенство закона. На основе этого система знаний в области современной юриспруденции будет поглощена новой системой, интегрирована и перестроена с помощью архитектуры знаний, основанной на образовании в области цифровой юриспруденции.

Переход к образованию в области цифровой юриспруденции – неизбежное требование перехода от современной юриспруденции к цифровой юриспруденции. Теория цифровой юриспруденции и образования в этой области находятся в процессе чередования старого и нового. Многие теоретические утверждения и механизмы практики находятся в процессе экспериментов и исследований, поскольку не хватает достаточного опыта для накопления и академической переработки, в результате чего проводятся лишь предварительные обсуждения с тем, чтобы обеспечить возможность получения уроков для последующей более конкретной образовательной практики.

На основании места определения дисциплины в области цифровой юриспруденции система обучения цифровой юриспруденции не может быть преобразована в альтернативную систему обучения, она только создается на основании системы современной юриспруденции. В последние годы в Китае также увеличилось количество исследований в области цифровой юриспруденции, было создано более 100 учреждений, связанных с цифровой юриспруденцией. Но при этом в каждом из них имелись различные названия (например, кибер-юриспруденция, информационная юриспруденция, информационное правоведение, искусственный интеллект, вычислительная юриспруденция, будущая юриспруденция, когнитивная юриспруденция, цифровая юриспруденция и т.д.).

Цифровое юридическое образование Китая, очевидно, еще не достигло зрелого уровня, но было бы ценным научным исследованием, если бы соответствующие дискуссии могли предоставить большее общее понимание о цифровом верховенстве закона, цифровом обществе.

Т.Р. Орехова, доцент кафедры теории государства и права и политологии юридического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, канд. юрид. наук. *Правовые аспекты стратегического планирования (на опыте реформ Китая)*

Сегодня, когда Российское государство решает для себя задачи стратегического значения, определяя будущее страны, делается ставка на восстановление традиционных ценностей в общественном устройстве, образовании, культуре и т.д. Во многом такое политическое движение появилось как реакция на объективные мировые тенденции: крушение глобальных либеральных реформ и попыток условного Запада принудительно построить во всем мире некие универсальные (на взгляд западных политиков и идеологов) системы управления и ценностные конструкции; жесткая пропаганда разрушения традиционной семьи и принудительное внедрение постгуманистических (а в реальности просто антигуманных) идей; развал и перерождение международных организаций; целенаправленная политика внешних сил на разрушение науки, образования, культуры и морали.

Определение вектора политического движения к традиционным ценностям на высшем уровне государственной власти ставит в первую очередь следующие вопросы (но не исчерпывается этим):

какие ценности мы признаем как исконно традиционные для страны и всего народа, как они могут проявляться в современных условиях (так как речь, безусловно, не может идти о простом копировании общественных конструкций, существовавших в предыдущие исторические периоды, и объявлению их традиционными ценностями)?

соответствует ли структура государственных и муниципальных органов, а также сложившаяся практика их деятельности идеям восстановления традиционных ценностей, в том числе через призму развития науки и реформы образования, с целью сохранить национальные приоритеты?

адекватны ли существующие методы реализации права и правового воздействия (как, впрочем, и отдельные правовые конструкции и институты) задаче защиты, развития, внедрения и пропаганды традиционных ценностей в практике государственного управления и общественной жизни?

Представляется, что современные российские политическая и правовая науки не могут дать развернутые ответы на эти принципиальные вопросы и тем более не вполне готовы предложить практические механизмы преобразования государственного управления и права в соответствии с важнейшей политической задачей восстановления и защиты традиционных ценностей (без их примитивизации и ретроградных попыток объявить

традиционными ценностями исторически отжившие конструкции). В этой ситуации важно не погрязнуть в построении умозрительных концепций и полном отрицании всего мирового опыта, а присмотреться к опыту стран, решавших схожие задачи.

И поэтому представляется весьма ценным и заслуживает глубокого и всестороннего изучения опыт КНР в деле построения модели политического управления государством и обществом на основе гармонического сочетания достижений мировой науки и национальной специфики.

Конечно, в отличие от России Китай всегда сохранял (скорее даже защищал) свою отдельность и самобытность, граничащую с пропагандой исключительности, свой культурный код. Но нас интересуют последние десятилетия в деле политического строительства КНР, когда политическое руководство, с одной стороны, применяло базовые принципы марксизма-ленинизма и опыт Советского Союза, а с другой – создало уникальную модель управления государством, что и помогло стране совершить серьезный скачок в развитии.

Интересно отметить, что в КНР, несмотря на то что идеи Ленина и Мао и социалистическая революция во многом повлияли на политические процессы в стране, первоначально были восприняты западные идеи разделения властей, затем была скопирована модель Советов, и только позднее было признано, что необходимо строить принципиально иную (собственную) уникальную модель управления. Это – результат сознательного поиска таких моделей государственного строительства и правовой системы, которые, с одной стороны, соответствовали бы многократно усложнившимся социальной и экономической системам и мировым тенденциям, а с другой – соответствовали бы культурно историческому коду, позитивным и прогрессивным (!) традициям и менталитету населения.

Много примеров такой политики демонстрирует история нового Китая. Так в 1950-е годы после победы народной революции для КНР (так же, как и для Советского государства в свое время) актуальной была задача борьбы с неграмотностью. Создавая новое будущее страны, в Китае проводили такие реформы, которые помогли, с одной стороны, достигнуть высокого уровня экономического развития, с другой – поддержать при этом национальные традиции. Так, например, реформа письменности рассматривалась не только как социальная (рост культуры, ликвидация неграмотности), но и как политическая задача, так как в процессе была проведена большая работа по упрощению иероглифов и приведению их к единому стандарту для того, чтобы огромная страна с множеством народностей, говорящих на разных наречиях,

не имела препятствий для общения людей⁷. Показательно также решение о реформе китайской музыкальной драмы как традиционного национального искусства, которая также ярко демонстрирует стремление китайского руководства к сохранению разнообразия культур (курс «Пусть расцветают сто цветов, спорят сто школ»).

Обращают на себя внимание также энтузиазм и патриотизм, которые демонстрируют китайские граждане, откликаясь на призывы государства и КПК о национальном возрождении.

В этой связи невозможно пройти мимо факто-ра, который, как представляется, сегодня актуален для России. Это – решение вопросов повышения доверия общества к государству и чиновникам, борьба с коррупцией. Жесткая и непримиримая борьба с коррупцией в КНР демонстрирует, что в Китае действительно реализуются идеи воплощения в жизнь принципа: «Закон народа против чиновников» (принципа, который былложен в основу первых законодательных актов, устанавливающих независимую административную процедуру рассмотрения споров между гражданами и государством).

Китай никогда не забывал про национальные традиции, многое и определялось именно этими традициями, а не на уровне нормативного регулирования. И этот опыт требует глубокого, без слепого копирования изучения и переосмыслиния для поиска своих уникальных, новейших, но глубоко впитавших традиции и дух российского народа путей государственного строительства и формирования правовой системы.

Ли ЧАОЧОНЬ (Li Chaoqun), зав. кафедрой теории права Юго-Западного университета политологии и права, д-р юрид. наук, доц. (КНР, г. Чунцин). *Основа гуманистического марксистского взгляда в современном китайском понимании прав человека*

В настоящее время права человека стали в Китае неоспоримой и легитимной концепцией. Это же – результат идеологического освободительного движения 1980-х годов. В то время китайские ученые творчески переосмыслили дискуссии классиков марксизма по вопросам прав человека, продемонстрировали легитимность прав человека в социалистических странах и разработали ряд важных положений, таких как экономический взгляд на права человека, исторический взгляд на права человека, классовый взгляд на права человека и т.д. Среди них *освобождение человека* признается наиболее важным фактором современного китайского понимания прав человека.

⁷ Здесь и далее примеры из практики КНР приводятся на основе: Се Чуньтао. Как КПК изменила Китай / пер. с кит. А.А. Монастырского. М., 2021.

Освобождение человека подчеркивает важность освобождения в соответствии с гуманной методологией, а также формирует на трех уровнях гуманистическую основу, которая отличается от либерального взгляда на права человека. И такая гуманистическая основа закладывает теоретическую логику современного китайского понимания прав человека. Ее три уровня показывают данные.

Первое – *креативность*. Это фундаментальный способ выражения сущности человека и его субъективности классическими марксистскими авторами. Его специфический смысл заключается в том, что человек может создавать свои собственные атрибуты, а также отношения между другим человеком и внешним миром, используя свои собственные врожденные и обусловленные трудовые способности, чтобы стать хозяином самого себя и различных отношений как творец. В классической марксистской теории наиболее фундаментальное проявление человеческой субъективности – ее способность на труд как *свободная сознательная деятельность*, а фундаментальная цель этой способности – *созидание*. С помощью этой свободной сознательной деятельности человек поставит себя как меру, чтобы мерить своей целью внешнюю природу. Такая свободная сознательная деятельность не только подтверждает, что человек является хозяином внешней природы, но и что сам человек и даже человеческое общество и история также есть продукты самосозидания человека.

Второе – *реальность*. Так выражает исторический материализм свойства человеческой реальности, смысл такой: надо понимать человека с точки зрения *реальных индивидуумов*, а не абстрактных и рассматривать человека как бытие (нем. *Dasein*, англ. *this-be*) различных реальных социальных отношений, созданных самим человеком. Такой взгляд, по сути, является детализацией логики *труд – созидание – субъективность*. Марксизм отвергает все виды внешних и абстрактных предписаний о человеке. Основываясь на логической отправной точке *индивидуума в реальности*, классики марксизма описывали как основный вопрос о субъективности, кто является творцом истории. «*История не делает ничего... Не “история”, а именно человек, действительный, живой человек – вот кто делает всё это, всем обладает и за всё борется*⁸». Четыре первоначальных элемента реальных индивидуумов и создания истории вращаются вокруг конкретной реальности материального производства. Материальное производство – это не использование природных объектов в готовом виде, а сознательная и созидающая практическая деятельность. На основе данных человек провозгласил свою главную

⁸ Маркс К., Энгельс Ф. Святое семейство // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. М., 1955. Т. 2. С. 102.

роль в истории, а способность к творческому производству считается фундаментальным образом *рельных индивидуумов*.

Третье – *социальность*. Это значит, что нужно понимать сущность человека и его реальность как сумму всех социальных отношений. Особое внимание уделялось членству в сообществе человека, ценился органичный союз человека в обществе. Творчество и реальность человека основаны на его социальности. Самый фундаментальный субъектный образ человека как творца должен основываться на истинном социальном единстве, а человек должен быть социальным существом. Истинное социальное единство также создается людьми на основе взаимного признания субъектной идентичности друг друга как творца и является продуктом всеобщего и свободного взаимодействия человека. Маркс считал, что только тогда, когда человек по-настоящему объединяется в общество, он может использовать общую мощь общества для борьбы с внешними материальными силами и контроля над ними. Только таким образом можно устраниТЬ отчуждение внешних материальных сил и действительно стать объектом и продуктом творческой деятельности человека. Следует также отметить, что Маркс однажды особо подчеркнул: «*прежде всего следует избегать того, чтобы снова противопоставлять «общество», как абстракцию, индивиду*»⁹. Это показывает, что акцент Маркса на социальности заключается не в том, чтобы противопоставить индивидууму абстрактную коллективную личность, а в том, чтобы подчеркнуть социальную принадлежность индивида и легитимность социальных и общественных отношений, что требует осознания органического единства реальности частной и общественной жизни.

Таким образом, на основе разных пониманий образа человека марксистское понимание прав человека отличается от либеральной традиции просвещения, основанной на индивидуализме, который подчеркивает атомарную индивидуальность и ее инструментальную рациональность. Конечно, мы не оценили, какой подход к пониманию прав человека лучше всего. Но марксистское понимание человека дает больше возможностей для понимания подхода к правам человека и его целей.

К. Р. Мурсалимов, доцент кафедры экономических и финансовых расследований Высшей школы государственного аудита МГУ им. М. В. Ломоносова, канд. юрид. наук. От качества юридического образования к качеству юридической деятельности

Одной из основных проблем юридической деятельности является отсутствие высококвалифицированных специалистов. Практика показывает,

⁹ Маркс К. Экономическо-философские рукописи 1844 года и другие ранние философские работы. М., 2010. С. 59.

что наличие диплома юриста не всегда свидетельствует о глубоких знаниях и умениях обладающего им лица. Поэтому реформа системы юридического образования – одно из наиболее важных направлений совершенствования юридической деятельности. Процесс подготовки юриста в образовательном учреждении необходимо осуществлять на основе практико-ориентированного подхода.

Правовые знания, которыми обладает юрист, его отношение к праву, навыки и стереотипы деятельности в правовой сфере, степень его социально-правовой активности должны рассматриваться как субъективные факторы, которые самым непосредственным образом влияют на качество, законность и эффективность его деятельности. Взятые в совокупности, они и образуют индивидуальный правокультурный облик юриста.

В целом уровень правовой культуры субъектов, осуществляющих реализацию права, на сегодняшний день не может оцениваться как удовлетворительный. Его формирование – задача весьма сложная. Ее успешное решение предполагает реализацию целого комплекса взаимосвязанных программ, включающих в себя правовое воспитание, правовое обучение, правовую пропаганду.

Важное значение в решении этой сложной задачи отводится процессу правового воспитания. Однако сегодня воспитательное воздействие на человека очень сильно ограничено реальной юридической практикой в условиях значительного распространения правового нигилизма в российском обществе.

В современной ситуации ведущая роль в процессе формирования должного уровня правовой культуры отводится юридическому образованию. Необходимо расширение масштабов образовательных программ, причем не только в системе подготовки юристов-профессионалов. Особое внимание должно быть уделено правовой подготовке государственных и муниципальных служащих, право-применительная деятельность которых не является основной формой решения стоящих перед ними задач. Их юридическое обучение следует осуществлять в соответствии с плановыми программами по повышению квалификации. Это возможно путем создания на базе соответствующих образовательных организаций юридического профиля краткосрочных, но постоянно действующих курсов по освоению специализированных программ «узкой» профилизации.

В сегодняшних условиях значительно возрастает роль научно обоснованных специализированных правовых знаний посредством получения дополнительного профессионального образования. Достоверная и полная информация не только о действующем законодательстве, но и о существую-

щей практике в определенной юридической сфере, особенностях правореализационного процесса способствуют укреплению законности в юридической деятельности. Появление новых сфер общественных отношений определяет процесс детализации профессиональной юридической деятельности, что обуславливает необходимость получения соответствующего юридического образования.

В этой связи передовой опыт в юридической сфере, отвечающий социальным потребностям, требованиям юридической техники, может рассматриваться в качестве основы правовой культуры. Поэтому его распространение в рамках дополнительного юридического образования способствует формированию необходимого уровня правовой культуры должностных лиц, повышению эффективности их юридической деятельности.

Лю Цюсэнь (Liu Qiucen), доцент Института прав человека Юго-Западного университета политологии и права, д-р юрид. наук (КНР, г. Чунцин). Правовая система и теоретическая основа защиты прав человека в современном Китае

В КНР, как и во многих других странах, защита прав человека вменяется в обязанность государству, поэтому правительства обращают все более пристальное внимание на права человека. В частности, соблюдение прав человека – один из ключевых показателей эффективности работы правительства. В современном Китае выработан собственный подход к организации защиты прав человека. При неуклонном следовании интересам народа правительство КНР в последние годы добилось выдающихся достижений в правозащитной деятельности. Этот опыт наглядно показывает развивающимся странам лучшие практики в этой отрасли. В КНР понятие прав человека более не считается заимствованным у западных стран, но определяется интересами народа.

Теория и основное понимание в области защиты прав человека

Исследования теории прав человека в современном Китае начались относительно поздно и постепенно перешли от прямого переноса западных теорий к поиску своего пути, отвечающего национальным потребностям. Но безусловно, что основные права человека, такие как право на жизнь и здоровье, право на образование, право на свободу вероисповедания, а также другие политические, экономические, социальные и культурные права, право на безопасную и экологически чистую окружающую среду, права женщин и детей и т.д., признаются и в полной мере реализуются в КНР¹⁰.

¹⁰ См.: 国家人权行动计划（2021—2025年）. URL: <http://www.scio.gov.cn/37234/Document/1712231/1712231.htm> (дата обращения: 01.07.2022).

Права человека универсальны, неотъемлемы, неделимы и взаимозависимы¹¹. Некоторые китайские ученые считают, что в дополнение к законодательству, стратегии и государственному планированию в этой области также необходима массовая популяризация знаний о правах человека в обществе¹², чтобы каждый гражданин знал, какие существуют права человека, как их применять и как их охранять. Система защиты прав человека должна основываться как на основных понятиях, так и на уважении национального суверенитета.

Правовая система защиты прав человека в современном Китае

С момента запуска политики реформ и открытости в 1978 г. прошло более сорока лет. ИЧР (Human Development Index) КНР с момента его внедрения вырос более чем на 50% (с 0.502 в 1990 г. до 0.761 в 2019 г.)¹³. Правительство КНР добилось известных успехов в сокращении бедности, улучшении качества жизни людей, обеспечении занятости и содействии развитию образования.

Дело защиты прав человека в КНР добилось огромного прогресса благодаря поддержке и защите со стороны правовой системы государства. Для устройства современной системы защиты прав человека в современном Китае законодательные органы приняли много постановлений и административных регламентов, касающихся прав человека, и создали полноценную правовую систему защиты прав человека.

В КНР, как и в большинстве государств мира, правовая система защиты прав человека подразделяется на две области – национальное законодательство и международные договоры. Наивысшую юридическую силу на территории государства имеет Конституция КНР, в которой защита прав человека заявлена наивысшей ценностью.

1. Правовая защита прав человека в Конституции КНР включает в себя защиту политических прав и свобод (ст. 4, 33–35, 41); защиту личных прав и свобод (ст. 37–40); защиту свободы вероисповедания (ст. 36); защиту экономических, культурных и социальных прав (ст. 42, 43, 45–49).

¹¹ См.: URL: <https://www.ohchr.org/ru/what-are-human-rights> (дата обращения: 02.06.2022).

¹² См.: 中华人民共和国国务院新闻办公室：《发展权：中国理念，贡献与实践》（Information Bureau of the State Council of the People's Republic of China. Right to Development: China's Ideas, Contributions and Practices). URL: http://www.gov.cn/zhengce/2016-12/01/content_5141177.htm (дата обращения: 04.06.2022).

¹³ См.: Программа развития ООН. Доклад о человеческом развитии 2020. URL: <https://hdr.undp.org/system/files/documents/hdr2020rupdf.pdf> с. 358 (дата обращения: 04.06.2022).

2. Правовая система защиты прав человека в национальном законодательстве КНР. В 2020 г. после 20 лет подготовительной работы принят Гражданский кодекс КНР¹⁴, в котором подчеркивается ценность основных прав человека. Бывшая «Общая часть гражданского права» в 2017 г. стала первой главой нового Кодекса. Гражданский кодекс считается своего рода «библией народной свободы», как первый и единственный Кодекс в КНР. Новый Гражданский кодекс занимает важное место в правовой системе современного Китая. Главная составляющая духа ГК КНР – гармоничное развитие человека как личности. ГК КНР построен вокруг процесса развития жизни человека, и защита этой жизни – его ключевая функция. ГК КНР состоит из 1260 статей, разделенных на семь глав. В гл. 1 закреплены предмет, объект и система гражданских прав, осуществление и ограничение гражданских прав и иных основных прав. В гл. 2 «О вещном праве» – 6 «О наследовании» предусматриваются подтверждение и защита самых основных гражданских и личных прав. Так, гл. 2 «О вещном праве» подтверждается и защищается право собственности. Глава 3 «О договоре» устанавливает правовые нормы подтверждения и защиты договорных отношений. Глава 4 «О личных правах» содержит правовые нормы установления и защиты прав личности. Глава 5 «О браке и семье» устанавливает правовые нормы и основные правила защиты личных прав в браке и семье. Глава 6 «О наследовании» определяет основные принципы и правила защиты наследственных прав. Глава 7 «Деликтная ответственность» обеспечивает все вышеперечисленные права, определяет ответственность и устанавливает принципы помощи при их нарушениях.

3. Уголовно-правовая защита прав человека включает в себя не только защиту прав обвиняемых и подозреваемых, но и прав свидетелей, потерпевших и иных законопослушных граждан. В уголовном законодательстве современного Китая правам человека уделяется значительное внимание. В этом отношении достигнут заметный прогресс, который демонстрируется следующим: (а) создание системы защиты прав человека. В поправках к Уголовному закону появились новые статьи с наказаниями за террористическую деятельность, разжигание межнациональной розни, дискриминацию по этническому признаку, отмывание денег, преступления в сфере информационной и компьютерной безопасности и т.д.; (б) ограничение применения смертной казни; (в) защита прав т.н. особых групп (特定群体).

¹⁴ См.: 中华人民共和国民法典, принят 28 мая 2020 г. URL: <http://www.npc.gov.cn/npc/c30834/202006/75ba6483b8344591ab0d7917e1d25cc8.shtml>

4. В административном праве Закон об административных наказаниях КНР¹⁵ и Административно-процессуальный закон КНР¹⁶ также нацелены на защиту прав человека.

5. Правовая система защиты прав человека в международных договорах, подписанных Правительством КНР.

С точки зрения защиты прав человека КНР, отвечая новым вызовам и требованиям к развитию человеческого общества и государства, выработала свой путь развития системы защиты прав человека, соответствующий веяниям времени и специфическим национальным условиям¹⁷.

И.Ф. Мачин, доцент кафедры теории государства и права и политологии юридического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, канд. юрид. наук. Сравнительное правоведение в лицах: Ш.Л. Монтескье

В современном мире правоведы разных стран существуют в одной вселенной – юридической. Возможность приблизиться к ее детальному изучению предоставляет наука сравнительного правоведения.

Можно ли определить сравнительное правоведение, подчеркнув его исключительность в ряду смежных наук? Представляется, что это удалось французскому компартиативисту Р. Леже. Сравнительное правоведение, по его мнению, «является социальной наукой, объединяющей знания и методы, которые позволяют точно проводить параллели между различными правовыми системами или некоторыми из их институтов для выявления их сходств или различий, необходимых для проведения фундаментальных исследований или совершенствования правовой политики и практики»¹⁸.

Трудно переоценить вклад в развитие юриспруденции французского мыслителя Ш.Л. Монтескье. Известный отечественный правовед Б.Н. Чичерин одной лаконичной фразой определил значение Монтескье для развития юридической науки: «Локк писал о правительстве, Монтескье – о законах»¹⁹. Р. Леже подчеркивает факт «непосредственного влияния Монтескье на развитие сравнительного правоведения»²⁰. И он же с истинно

¹⁵ См.: 中华人民共和国行政处罚法, принят 17 марта 1996 г. URL: <http://www.npc.gov.cn/npc/c30834/202101/49b50d96743946bda545ef0c333830b4.shtml>

¹⁶ См.: ibid.

¹⁷ См.: 鲁广锦：《论中国式人权文明新形态》，载《吉林大学社会科学学报》2022年第3期，第5–18页。

¹⁸ Леже Р. Великие правовые системы современности. М., 2009. С. 501.

¹⁹ Чичерин Б.Н. История политических учений: в 5 ч. М., 1872. Ч. 2. С. 355.

²⁰ Леже Р. Указ. соч. С. 492.

французским изяществом отмечает неординарные способности Монтескье: «этот человек, вкусиивший в молодости плоды виноградников и прекрасной библиотеки замка Ла-Брэд, очень рано открылся миру»²¹. Действительно, еще в юные годы у него проявился интерес к научному познанию. Монтескье обладал энциклопедическими знаниями (он принимал участие в создании энциклопедии Дидро и Д'Аламбера). Современный французский автор А. Жюппе приводит слова Монтескье, которые говорят сами за себя: «Все меня интересует, все меня удивляет»²².

В 1727 г. Монтескье продает свою должность председателя парламента Бордо (эту пожизненную должность он унаследовал от своего дяди в 1716 г.), у него появляется возможность путешествовать по странам Европы (Австрия, Италия, Венгрия, Голландия, Англия). Он изучает государственное устройство, законы и обычаи этих стран, проявляя все грани таланта разностороннего исследователя. Монтескье собрал огромный эмпирический материал о законах разных народов. После возвращения в 1731 г. в свой родовой замок, он начинает работать с собранными материалами. Методы наблюдения и сравнения, которые использовались в естествознании XVIII в., стали для него основополагающими. Результат его почти двадцатилетнего труда – знаменитый труд «О духе законов», впервые опубликованный в 1748 г.

Как же Монтескье объяснил разнообразие законов у народов? Ему принадлежит мысль, которая способствует объяснению исключительного разнообразия законов у народов: «Многие вещи управляют людьми: климат, религия, законы, принципы правления, примеры прошлого, нравы, обычаи; как результат всего этого образуется общий дух народа»²³. Эта формула Монтескье позволяет изучать законы как системообразующий элемент общего духа народа. В данном случае окружающей средой для законов становятся физические и культурные факторы: климат, религия, принципы правления, примеры прошлого, нравы и обычаи. Специфика каждого из этих факторов, отличающая один народ от другого, и обуславливает крайнее разнообразие их законодательств.

Обратимся лишь к одному из факторов – климату. Климат в перечне факторов, влияющих на законы, у Монтескье стоит на первом месте. Думается, что это не случайно. Ведь о влиянии климата на политические и правовые институты рассуждали еще античные мыслители, такие как Геродот и Аристотель. Аристотель, например, считал, что

у греков климат не жаркий и не холодный, и потому им свойственна хитрость южан и ум северян. Именно этот факт предполагает, по мнению Аристотеля, возможность создания у греков умеренной формы правления – политии, т.е. идеальной формы полисного правления. На Монтескье же, который увлекался естествознанием, большое влияние оказала книга английского врача Дж. Арбутно «Очерк о влиянии воздуха на человеческие тела» (1733), изданная на английском языке. А. Жюппе полагает, что именно этой книгой Монтескье и «будет непосредственно вдохновляться»²⁴.

Как же, с точки зрения Монтескье, соотносятся законы с климатом? Монтескье указывает на связь между этими явлениями, но не прямую, а опосредованную: «От различия в потребностях, порожденного различием климатов, происходит различие в образе жизни, а от различия в образе жизни – различие в законах»²⁵.

Так, обращаясь к южным народам, Монтескье объясняет, что в южных климатах женщины стярятся рано, что благоприятствует браку с малолетними лицами; такого рода брак, в свою очередь, обуславливает подчиненное положение супруги и многоженство. Вывод Монтескье: неравенство в правах между полами свойственно жарким странам. Монтескье делится также своими наблюдениями о народах умеренного климата, считая, что эти народы непостоянны в своем поведении, в своих пороках и добродетелях, так как недостаточно определенные свойства климата не в состоянии дать им устойчивость. Таким образом, законодательство в странах с умеренным климатом обусловлено такого рода зависимостью. Заметим, что климат – это единственный физический фактор, который указан в вышеприведенной формуле Монтескье, все же остальные факторы – моральные. Отметим, что в настоящее время проблема климата – глобальная проблема номер один.

Однако в самом тексте «О духе законов» Монтескье анализирует причинную связь законов также и с другими физическими факторами. Он обнаруживает связи, существующие между законами и особенностями почвы, между законами и островным или материковым расположением проживания того или иного народа и др.

За законами у Монтескье всегда скрывается законодатель. Однако он описывает не идеального законодателя, напротив, он предлагает психологический портрет реального законодателя: «Законы всегда сталкиваются со страстями и предрассудками законодателя. Иногда они проходят сквозь эти последние, принимая от них некоторую окраску»;

²¹ Леже Р. Указ. соч. С. 491.

²² Juppe A. Montesquieu. Le moderne. Р., 1999. Р. 15.

²³ Монтескье Ш.Л. Избр. произв. М., 1955. С. 412.

²⁴ Juppe A. Op. cit. Р. 242.

²⁵ Монтескье Ш.Л. Указ. соч. С. 357.

иногда же задерживаются ими и с ними сливаются»²⁶. Это еще одно объяснение разнообразия законов, которое предлагает Монтескье. Эти суждения Монтескье о законодателе не потеряли своей остроты и сегодня. Так, немецкий философ права О. Хеффе указывает на то, что законодателю может быть свойствен «политический мазохизм»; у него может не хватать информации о реальном положении дел; он может руководствоваться заблуждениями; ему могут быть присущи «глубинные искажения, невротического, психотического или идеологического характера». Хеффе делает непредвзятый вывод: «Короче говоря, из-за когнитивной или эмоциональной ограниченности выносящего решения субъекта нечто, представляющееся вполне безвредным, с большой долей вероятности может обернуться своей противоположностью»²⁷.

Многие современные исследователи отмечают колоссальный вклад Монтескье в науку сравнительного правоведения. По признанию французского автора А. Жюппе, поражает воображение анализ феодальных законов франков, который нашел свое выражение в последних двух книгах работы «О духе законов» (кн. 30 и 31). По тонкому замечанию французского исследователя Ж. Шевалье, Монтескье «воздвиг «монумент сравнительной юриспруденции».

А. Е. Наумов, доцент кафедры теории государства и права и политологии юридического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова, канд. юрид. наук. Олимпиады школьников в российском юридическом образовании

В России достаточно давно сложилась система мероприятий по выявлению талантливых школьников в конкретных областях знания и созданию условий для приоритетного зачисления их в ведущие вузы. Пожалуй, центральными мероприятиями такого рода стали олимпиады школьников. МГУ им. М. В. Ломоносова (совместно с другими известными вузами) стоял у истоков этого мероприятия и являлся одним из его основных популяризаторов.

В настоящее время олимпиады школьников можно разделить на два вида – Всероссийские олимпиады, основным организатором которых является Министерство просвещения РФ, и т. н. перечневые олимпиады, организуемые высшими учебными заведениями,ключенными в ежегодно утверждаемый Министерством науки и высшего образования РФ перечень. По сути, олимпиады школьников, включенные в данный перечень,

представляют собой интеллектуальные соревнования, предполагающие решение специально разработанных преподавателями высших учебных заведений заданий и поэтапный отбор участников. По результатам этого мероприятия конкурсное жюри, также состоящее преимущественно из вузовских преподавателей, определяет победителей и призеров, получающих преимущественные права при поступлении в российские высшие учебные заведения, включая и поступление без вступительных испытаний.

Достаточно часто можно услышать, что «перечневые» олимпиады школьников стали отдельным путем для поступления в отечественные вузы, но признать такой путь полноценной альтернативой Единому государственному экзамену все же нельзя, поскольку количество победителей и призеров данных олимпиад (даже в сумме с победителями и призерами Всероссийских олимпиад школьников) не так уж и велико, а преимущественное право победителя или призера олимпиады при поступлении в высшие учебные заведения необходимо подтверждать высоким результатом ЕГЭ (не менее 75 баллов по профильному предмету). При этом следует отметить, что большинство победителей и призеров «перечневых» олимпиад подтверждают свой статус, получая необходимые баллы по результатам ЕГЭ.

Непосредственно для юридического образования в России значение имеют олимпиады школьников по профилю «право». Например, юридический факультет МГУ им. М. В. Ломоносова на протяжении уже 15 лет организует и проводит олимпиаду школьников «Ломоносов» по праву, которая традиционно вместе с профильной олимпиадой СПбГУ, Высшей школы экономики (олимпиада школьников «Высшая пропа») и МГЮА («Кутафинская олимпиада школьников») относится к олимпиадам 1-го, наивысшего среди «перечневых» олимпиад, уровня. За время своего проведения она стала своеобразным брендом и знаком качества факультета в среде абитуриентов. В том числе благодаря олимпиаде школьники получают первичное представление об университете, в котором они хотят учиться. Велико значение олимпиады и в части ранней адаптации потенциальных студентов к учебе на факультете и университетским требованиям к обучению в целом. Подготовка школьников к участию в олимпиаде органично сочетается с процессом обучения по общеобразовательному предмету «обществознание» (в некоторых школах дополнительно преподают предмет «право») и требует от них более глубокого погружения уже в собственно юридическую проблематику.

Следует отметить, что усилия организаторов олимпиады дают свои плоды: ежегодно десятки

²⁶ Монтескье Ш. Л. Указ. соч. С. 656.

²⁷ Хеффе О. Политика. Право. Справедливость. Основоположения критической философии права и государства. М., 1994. С. 291.

победителей и призеров олимпиады школьников «Ломоносов» по праву становятся студентами юридического факультета МГУ. По отзывам коллег-преподавателей такие студенты выделяются из общей массы своей успеваемостью, неплохим уровнем общей эрудиции и достаточно высокой степенью готовности к обучению в университете.

А. В. Пищулин, доцент кафедры теории государства и права и политологии юридического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова, канд. юрид. наук. Философия права как учебная дисциплина

Так как конференция посвящена не только вопросам науки, но и образования, то хотелось бы поделиться некоторыми размышлениями о философии права как учебной дисциплине. Роль и место философии права как учебной дисциплины в ряду российских теоретико-правовых дисциплин представляется довольно неоднозначным. С одной стороны, это учебная дисциплина, которая преподается на юридических факультетах в России в магистратуре, а с другой – по сравнению, например, с теорией государства и права, она не занимает важного места в юридическом образовании и фактически, пожалуй, мыслится многими, в том числе представителями отраслевых юридических наук, как факультативная.

Помимо этого, у философии права как учебной дисциплины есть ряд существенных проблем.

1. Методологическая неопределенность в программах и учебных пособиях по философии права. Проблема здесь кроется прежде всего в том – является ли эта дисциплина юридической или философской? Этот вопрос в полной мере отражается и на учебных курсах, и в построении учебного материала. В основе мировоззрения советского и постсоветского юриста-теоретика лежат типы правопонимания: юридический позитивизм, естественное право и т.д. Этот факт находит свое отражение и в ряде учебников по философии права авторства теоретиков права. При этом нельзя не видеть, что научное мировоззрение социального философа формируют разделы философии: онтология, гносеология, аксиология. Такое расхождение и образует ключевую проблему для учебной дисциплины «философия права». Как, собственно говоря, излагать материал, используя классические традиции теоретиков права или брать за основу разделы философии? Этот вопрос довольно принципиален, и от него зачастую могут зависеть те выводы, к которым приходит преподаватель по итогу курса.

2. Объективно в России существует проблема разграничения философии права и истории политических и правовых учений как учебных дисциплин. Главный риск для преподавателя философии права – удариться в повторение изложения материала истории политических и правовых учений.

На Западе как раз такой проблемы нет – в силу отсутствия там истории политических и правовых учений как дисциплины. В рамках отечественного опыта вряд ли нужно излагать философию права «по фамилиям», т.е. в рамках методологии, принятой в истории политических и правовых учений, когда в основе курса лежит учение о праве и государстве того или иного мыслителя. То есть неизбежно в рамках преподавания философии права необходимо концентрироваться на определенных философских проблемах, а мнения и позиции тех или иных мыслителей должны лишь иллюстрировать их. В то же время учебная дисциплина «философия права» позволяет рассказать студентам о мыслителях, которые не вошли в курс истории политических и правовых учений, как-то Дж. Агамбен, М. Фуко и т.д.

3. Относительная новизна учебной дисциплины «философия права» в российских учебных программах по юриспруденции и не ясный ее статус в будущем. Философия права появилась в российских учебных программах по юриспруденции явно под влиянием тенденции сотрудничества и интеграции с Западом. Этот факт доказать довольно просто – в советских учебных программах такого предмета не было в принципе. К тому же необходимо принять во внимание грядущую реформу образования, намеченную на 2025 год, найдется ли место философии права как учебной дисциплине в постреформенной реальности – пока неизвестно.

Б. В. Лесив, ассистент кафедры теории государства и права и политологии юридического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова, канд. юрид. наук. Сравнительные исследования в фундаментальной юриспруденции: непреходящая актуальность и современные векторы

В качестве самостоятельного направления юридических исследований целенаправленное сравнение государственно-правовых институтов сложилось не так давно. Конечно, никогда не предполагалось, что сравнительное правоведение составляет отдельную отрасль знаний о праве, как, скажем, наука гражданского или уголовного права, однако невозможно отрицать большой эвристический потенциал этого направления, который столь очевиден по тем же причинам, что были описаны выше. Зачастую при изучении одной правовой системы или определенной ее части новые грани для их осмыслиения открываются именно тогда, когда начинают сопоставляться с аналогичными объектами из других правовых систем. Это позволяет сделать выводы об исследуемом объекте, его преимуществах и недостатках, которые не пришли бы на ум вне процесса сравнения.

Стремительное развитие сравнительное правоведение в качестве самостоятельного направления

научной деятельности получило в XIX в. Специальный термин «сравнительная юриспруденция» был отчетливо предложен английским юристом Г. Мэйном и немецким правоведом И.А. фон Фейербахом. Фейербах выступал за «сравнение законов (права) и правовых обычаяев всех народов всех времен и во всех местах с целью создания универсальной юриспруденции, чистой науки о праве»²⁸. Несмотря на разные оценки действительной эмпиричности и достоверности результатов компаративистики как коннотации «аналитической юриспруденции», все же очевидно, что особую актуальность методологически точное сравнение приобретает именно в общетеоретических правовых науках, имеющих дело с наиболее глобальными социальными процессами. Выводы об общих закономерностях функционирования и развития государства и права были бы не столь полны и обоснованны, если бы наука теории государства и права не прибегала в значительной степени к сравнительному методу. Многие проблемы, поднимаемые фундаментальной юриспруденцией, изначально предполагают необходимость сравнения государственно-правовых явлений (типы государства, формы правления, формы государственных режимов, источники права, правовая культура и т.п.).

В современной России сравнительная юриспруденция стала наиболее популярна в ее «универсалистском» варианте. Сравнительный фокус универсалистского подхода максимально широк, предполагая больше описание разных правовых систем, чем собственно их сравнение по четким параметрам. Этот подход по-своему важен, так как формирует эмпирическую базу для имплицитного анализа разницы между *правовыми традициями* (включая вопросы правовой культуры, обыкновений юридической практики и т.д.)²⁹, нежели для прицельного сравнения отдельных правовых систем или, тем более, отраслевых правовых институтов. Однако это направление, которое за рубежом иногда называют «правовой географией» или «сравнительной номоскопией»³⁰, является лишь «вершиной айсберга». Не меньший интерес представляют более точные направления сравнительных исследований, способные раскрыть весь эвристический потенциал юридической компаративистики. Классики

²⁸ Resta G. The ‘Comparative Method’ at the Roots of Comparative Law. In: *Dedeck H.*, ed. *A Cosmopolitan Jurisprudence: Essays in Memory of H. Patrick Glenn. ASCL Studies in Comparative Law*. Cambridge University Press, 2021. Pp. 44–63.

²⁹ Классическим примером этого подхода является популярная в России книга Рене Давида: *Основные правовые системы современности* / Р. Давид, К. Жоффре-Спинози; пер. с франц. В.А. Туманова. М., 2019.

³⁰ Wigmore J. H. A New Way of Teaching Comparative Law // *Journal of the Society of Public Teachers of Law*. 1926. Pp. 6–16.

зарубежной сравнительной юриспруденции называли эти направления «сравнительной номотетикой» и «сравнительной номогенетикой» (Дж. Вигмор), «материальным сравнением» и «методологическим сравнением» (Г. Канторович), «догматическим сравнением» (Э.Г. Кэйден, в противоположность «формальному сравнению») и «прикладным сравнительным правом» (Г. Гаттеридж, в противоположность «описательному сравнительному праву»)³¹. Все они направлены на исследование более глубокое, чем дескриптивное, и позволяют прийти к более точным и весомым выводам о преимуществах и недостатках того или иного правового подхода к решению похожих социальных проблем.

Помимо интереса указанных направлений для обогащения знаний по вопросам, непосредственно составляющим предмет теории государства и права, они поднимают закономерный вопрос о формировании адекватной методологической базы, которая с учетом ранее сказанного позволила бы достоверно сравнивать правовые институты с учетом их социально-детерминированной специфики. Прикладное сравнение по понятным причинам особенно интересно для отраслевых юридических наук. Однако именно задачей общей теории права в силу самого ее предназначения является выработка общих методологических подходов, способствующих эффективному выполнению всеми отраслевыми науками стоящих перед ними задач. Нет явных аксиоматических оснований полагать, что в каждой отраслевой юридической науке может иметь место собственная методология сравнения, непригодная ни для какой из других. Представляется, что, достигнув уже существенных успехов в «сравнительной номоскопии», сегодняшний взор отечественного сравнительного правоведения как части общетеоретических дисциплин должен быть устремлен именно в эту сторону.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Кроткова Н.В. Всероссийская конференция с международным участием «История политических и правовых учений как научная и учебная дисциплина» // Государство и право. 2023. № 8. С. 191–206.
2. Леже Р. Великие правовые системы современности. М., 2009. С. 491, 492, 501.
3. Маркс К. Экономическо-философские рукописи 1844 года и другие ранние философские работы. М., 2010. С. 59.
4. Маркс К., Энгельс Ф. Святое семейство // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. М., 1955. Т. 2. С. 102.
5. Монтескье Ш.Л. Избр. произв. М., 1955. С. 357, 412, 656.

³¹ См.: Butler W.E. Comparative International Law // *Journal of Comparative Law*. 2015. Vol. 10. No. 1. Pp. 241–254.

6. Основные правовые системы современности / Р. Давид, К. Жоффре-Спинози; пер. с франц. В.А. Туманова. М., 2019.
7. Хеффе О. Политика. Право. Справедливость. Основоположения критической философии права и государства. М., 1994. С. 291.
8. Чжоу Цян. Углубленно изучать дух 4-го пленума ЦК КПК девятнадцатого созыва, постоянно продвигать модернизацию судебной системы и судебных возможностей // Народное правосудие. 2020. № 1.
9. Чиркин В.Е. Глобальные правовые системы, правовые семьи и их классификация // Право. Журнал ВШЭ. 2017. № 4. С. 26, 27.
10. Чичерин Б.Н. История политических учений: в 5 ч. М., 1872. Ч. 2. С. 355.
11. Butler W.E. Comparative International Law // Journal of Comparative Law. 2015. Vol. 10. No. 1. Pp. 241–254.
12. Juppe A. Montesquieu. Le moderne. P., 1999. P. 15, 242.
13. Resta G. The ‘Comparative Method’ at the Roots of Comparative Law. In: Dedeck H., ed. A Cosmopolitan Jurisprudence: Essays in Memory of H. Patrick Glenn. ASCL Studies in Comparative Law. Cambridge University Press, 2021. Pp. 44–63.
14. Wigmore J. H. A New Way of Teaching Comparative Law // Journal of the Society of Public Teachers of Law. 1926. Pp. 6–16.
3. Marx K. Economic and philosophical manuscripts of 1844 and other early philosophical works. М., 2010. P. 59 (in Russ.).
4. Marx K., Engels F. The Holy Family // Marx K., Engels F. Essays. М., 1955. Vol. 2. P. 102 (in Russ.).
5. Montesquieu Sh.L. Selected works. М., 1955. Pp. 357, 412, 656 (in Russ.).
6. The main legal systems of modernity / R. David, K. Joffre-Spinosi; transl. from French. V.A. Tumanov. М., 2019 (in Russ.).
7. Heffe O. Politika. Law. Justice. Fundamentals of the critical Philosophy of Law and the state. М., 1994. P. 291 (in Russ.).
8. Zhou Qiang. To study in depth the spirit of the 4th Plenum of the CPC Central Committee of the nineteenth convocation, to constantly promote the modernization of the judicial system and judicial capabilities // People’s justice. 2020. No. 1 (in Russ.).
9. Chirkin V.E. Global legal systems, legal families and their classification // Law. HSE Journal. 2017. No. 4. Pp. 26, 27 (in Russ.).
10. Chicherin B.N. The history of political teachings: in 5 parts. М., 1872. Part 2. P. 355 (in Russ.).
11. Butler W.E. Comparative International Law // Journal of Comparative Law. 2015. Vol. 10. No. 1. Pp. 241–254.
12. Juppe A. Montesquieu. Le moderne. P., 1999. Pp. 15, 242.
13. Resta G. The ‘Comparative Method’ at the Roots of Comparative Law. In: Dedeck H., ed. A Cosmopolitan Jurisprudence: Essays in Memory of H. Patrick Glenn. ASCL Studies in Comparative Law. Cambridge University Press, 2021. Pp. 44–63.
14. Wigmore J. H. A New Way of Teaching Comparative Law // Journal of the Society of Public Teachers of Law. 1926. Pp. 6–16.

REFERENCES

1. Krotkova N.V. All-Russian Conference with international participation “The history of political and legal doctrines as a scientific and educational discipline” // State and Law. 2023. No. 8. Pp. 191–206 (in Russ.).
2. Leger R. Great legal systems of modernity. М., 2009. Pp. 491, 492, 501 (in Russ.).

Сведения об авторе

КРОТКОВА Наталья Викторовна –
кандидат юридических наук,
ведущий научный сотрудник сектора
конституционного права
и конституционной юстиции
Института государства и права
Российской академии наук,
заместитель главного редактора
журнала «Государство и право»;
119019 г. Москва, ул. Знаменка, д. 10
ORCID: 0000-0003-2853-1287

Authors' information

KROTKOVA Natalya V. –
PhD in Law,
Leading Researcher of the Sector
of Constitutional Law and Constitutional Justice,
Institute of State and Law
of the Russian Academy of Sciences,
Deputy Editor-in-Chief
of the journal “State and Law”;
10 Znamenka str., 119019 Moscow, Russia

УДК 342

**С.В. Кабышев. КОНСТИТУЦИЯ РОССИИ: ТРАДИЦИИ ПРОГРЕССА
(к 30-летию). М.: Издательский центр Университета
им. О.Е. Кутафина (МГЮА), 2024**

© 2024 г. В. Д. Мазаев

НИУ «Высшая школа экономики», г. Москва

E-mail: vmazaev@hse.ru

Поступила в редакцию 10.06.2024 г.

Аннотация. В рецензии обращено внимание на оригинальность работы С.В. Кабышева «Конституция России: традиции прогресса (к 30-летию)». В частности, в рецензируемой монографии представлены шесть самостоятельных тем в общем контексте истолкования ценностных категорий и направлений как в науке конституционного права, так в общем процессе конституционного регулирования общественных отношений: 1) преемственность и диалог в конституционно-правовом развитии России; 2) место и роль российского конституционного права в системе национальной юриспруденции; 3) конституционная идеология как гарантия суверенного развития; 4) права человека в конституционном строе: диалог о перспективах; 5) конституционная формула российского юридического образования; 6) Конституция России, научно-технологический прогресс и пространственно-территориальное развитие.

Ключевые слова: Конституция РФ, государство, суверенитет, конституционное право, монография.

Цитирование: Мазаев В.Д. С.В. Кабышев. Конституция России: традиции прогресса (к 30-летию) // Государство и право. 2024. № 6. С. 201–205.

DOI: 10.31857/S1026945224060184

**S.V. Kabyshev. THE CONSTITUTION OF RUSSIA: TRADITIONS
OF PROGRESS (to the 30th anniversary). Moscow:
O.E. Kutafin University Publishing Center (MSLA), 2024**

© 2024 V. D. Mazaev

Higher School of Economics, Moscow

E-mail: vmazaev@hse.ru

Received 10.06.2024

Abstract. The review draws attention to the originality of S.V. Kabyshev's work "The Constitution of Russia: traditions of progress (to the 30th anniversary)". In particular, the reviewed monograph presents six independent topics in the general context of the interpretation of value categories and directions both in the science of Constitutional Law and in the general process of constitutional regulation of public relations: 1) continuity and dialogue in the constitutional and legal development of Russia; 2) the place and role of Russian constitutional law in the system of national jurisprudence; 3) constitutional ideology as a guarantee of sovereign development; 4) human rights in the constitutional system: a dialogue on prospects; 5) the constitutional formula of Russian legal education; 6) the Constitution of Russia, scientifically-technological progress and spatial and territorial development.

Key words: Constitution of the Russian Federation, state, sovereignty, Constitutional Law, monograph.

For citation: Mazaev, V.D. (2024). S.V. Kabyshev. The constitution of Russia: traditions of progress (to the 30th anniversary) // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 6, pp. 201–205.

Работа С. В. Кабышева «Конституция России: традиции прогресса (к 30-летию)» посвящена ряду вопросов конституционного права России, логически взаимосвязанных и направленных на поиск новых смыслов, закрепленных в поправках к Конституции РФ 2020 года. В книге представлены шесть относительно самостоятельных тем в общем контексте истолкования ценностных категорий и направлений как в науке конституционного права, так в общем процессе конституционного регулирования общественных отношений. Автор затрагивает такие проблемы как: 1) преемственность и диалог в конституционно-правовом развитии России; 2) место и роль российского конституционного права в системе национальной юриспруденции; 3) конституционная идеология как гарантия суверенного развития; 4) права человека в конституционном строе: диалог о перспективах; 5) конституционная формула российского юридического образования; 6) Конституция России, научно-технологический прогресс и пространственно-территориальное развитие.

Основными смысловыми векторами раскрытия указанных проблем являются российский конституционный суверенитет, конституционная идентичность российской государственности и общества, выстраиваемая на идеях концепции России как государства-цивилизации, изменяющееся назначение Конституции в обществе (как основы солидарности государства и общества в решении общенациональных задач). Авторский подход опирается на то, что обеспечение преемственности государственного развития России предполагает учет потенциала и традиций российских и советских научных школ конституционного (государственного) права, что обогащает мировоззренческий, политico-правовой механизм национальной модели Конституции РФ.

Автор определяет формат работы как «проблемно-постановочный и очерковый вариант обсуждения некоторых стратегически важных вопросов конституционно-правового развития России в условиях смены исторических эпох и глобального переустройства современного миропорядка». Интерес к данной работе обусловливается и тем, что автор делится своими философско-правовыми и мировоззренческими представлениями с учетом практического опыта российского законодателя.

С. В. Кабышев справедливо поднимает тему преемственности государственного развития России в контексте конституционного диалога. Как обеспечить преемственность конституционного становления российской государственной модели в условиях, когда первая (формальная юридическая) Конституция РСФСР 1918 г. установила

полное отрицание государственной преемственности, отказ от институтов Российской Империи. А Конституция РФ от 12 декабря 1993 г. закрепила отказ от советской государственной и общественной модели. Конституционное становление на важнейших рубежах национального выбора всякий раз прерывало преемственность государственного обустройства. Впервые в поправках к Конституции РФ 2020 года был закреплен принцип преемственности государственного развития, т.е. принцип эволюционного переустройства государства.

Автор предлагает рассматривать в качестве элемента преемственности принцип примирения с прошлым как конституционное морально-политическое требование (скрепляющий фактор общенационального согласия). В качестве необходимого практического механизма обеспечения конституционной преемственности он представляет диалоговую практику, политico-правовой институт – «систему форм, методов, средств публично-властного и гражданского (не публично-властного) характера, востребованных в государственно организованном обществе для целей его самоорганизации путем определения пределов и перспектив формирования, реализации и развития конституционных норм и институтов» (с. 15). Примерами организации такого конституционного диалога могут быть Конституционная комиссия Съезда Народных Депутатов РСФСР (1990–1993 гг.), Конституционное совещание (1992–1993 гг.), в результате деятельности которых была разработана и принятая Конституция РФ. Так, ретроспективный взгляд на создание проекта Конституции РФ показывает, что даже в условиях колоссального политического и социального напряжения в России был заложен и в значительной мере использован профессиональный потенциал конституционного диалога, основанный на демократических принципах и мирных способах решения государственных задач. В работе над поправками к Конституции РФ 2020 года также использовался механизм конституционного диалога, что нашло организационное выражение в Распоряжении Президента РФ от 15 января 2020 г. № 5-рп «О рабочей группе по подготовке предложений о внесении поправок в Конституцию Российской Федерации»¹, согласно которому в состав этой группы вошли депутаты, сенаторы, представители Общественной палаты РФ, общественных организаций, региональных законодательных органов власти, юристы, эксперты и т.д.

Идея конституционного диалога имеет хорошую доктринальную и практическую перспективу, она требует дальнейшего осмыслиения и развития. В этом смысле можно рассматривать варианты создания постоянно действующей группы конституционалистов

¹ См.: СЗ РФ. 2020. № 3, ст. 251.

(представителей государственных и общественных организаций, в том числе политических партий), которая занималась бы регулярным мониторингом конституционного регулирования, обобщением доктринальных наработок и конкретных предложений по совершенствованию конституционного законодательства и практики его применения.

Автор высказывается против предложений осуществить пересмотр действующей и принятие новой Конституции России по мотивам необходимости ее большей встроенности в современную модель Российского государства². Нельзя не согласиться с данной позицией автора. Нет на сегодняшний день объективных предпосылок пересмотра Конституции РФ. При этом не исключается собственно авторская идея конституционного диалога, в рамках которого могла бы постоянно проводиться деятельность по созданию макетов различных конституционных моделей и институтов, которые так или иначе пригодятся в исторической перспективе.

С.В. Кабышев ставит ряд принципиальных вопросов о месте и роли российского конституционного права в системе национальной юриспруденции. Так, автор подчеркивает, что роль конституции и конституционного права в современных демократических государствах существенно скорректирована — она не ограничивается только старым, изначально либерально-демократическим представлением о необходимости установления барьеров для государства, она в большей мере обеспечивает «стратегическое созидательное взаимодействие общества и государства». В этой связи конституционное право является «системообразующим для всего российского права, определяет его единство и целостность».

Нельзя не согласиться, что при этом конституционное право не может быть безыдейным и бездуховным. В то же время сложно признать, что оно не должно быть политизированным (с. 31). Если рассматривать конституцию и конституционное право как нормативный правовой документ и часть законодательства, то можно как-то позиционироваться от политической природы конституционных отношений. Но, на наш взгляд, этот тезис требует уточнения. Конституция — это уникальный учредительный политico-правовой документ, где заложены основы политической жизни и ее институтов. На конституцию следует смотреть более широко и системно, например с позиции интегративного понимания. Так, В.В. Лазарев рассматривает конституцию «в тройком аспекте: как реальное соотношение политических

² См., напр.: Клеандров М.И. О неизбежности разработки и принятия новой Конституции Российской Федерации и что в ней должно быть (Окончание) // Государство и право. 2022. № 3. С. 7–18.

сил, как представление о необходимой организации власти, как письменный текст»³.

Наиболее значима позиция автора в поддержку исключительной важности конституционного права Российской Федерации как учебной дисциплины в учебно-образовательном процессе. Нельзя не поддержать конкретные предложения С. В. Кабышева по внесению изменений в федеральные государственные стандарты высшего образования по юриспруденции в целях полноценного изучения учебной дисциплины «Конституционное право России»; по установлению обязательности изучения основ конституционного строя Российской Федерации при получении высшего образования по неюридическим направлениям, специальностям (с. 34, 35).

Нельзя не отметить постановку злободневной проблемы — эффективности конституционно-правовых исследований, которые должны быть ориентированы на социально-полезный эффект. Автор достаточно смело предлагает обратиться к формированию системы квалифицированного государственного заказа на научные конституционно-правовые исследования (с. 35). Правда, государственный заказ в этой сфере объективно связан с элементами политической составляющей при постановке задачи. По конституционно-правовым вопросам следует вырабатывать более точные критерии и границы размежевания правовых и политических моментов, чтобы в научном поиске не преобладала политическая ангажированность.

С. В. Кабышев ясно ставит вопрос о том, что без общенациональной идеологии, роли государства в формировании и обеспечении национальной идентичности не может быть достигнут соответствующий уровень суверенного развития. «Утрата организующей общенациональной ценностной идентичности — путь к самоотчуждению народа и социальной деградации» (с. 39).

Автор верно оценивает проблему, заложенную в норме ч. 2 ст. 13 Конституции РФ, где при буквальном истолковании ставится под сомнение вопрос признания государственной идеологии. Этот вопрос активно и неоднозначно обсуждается в российской научной литературе⁴. С. В. Кабышев призывает подходить к его решению «максимально взвешенно, деликатно и прагматично, избегая односторонне-упрощенных, сугубо формальных

³ Лазарев В.В. Об интегративном понимании конституционализма // Журнал росс. права. 2023. № 5.

⁴ См., напр.: Краснов М.А. Введение в конституционное право с разъяснением сложных вопросов: учеб. пособие. М., 2018. С. 296–309; Боброва Н.А. Государство без идеологии — это нонсенс // Мир политики и социологии. 2019. № 7; Лазарев В.В. Идеология конституционного реформирования правовой системы Российской Федерации // Журнал росс. права. 2021. Т. 25. № 4. С. 5–17.

решений». Автор предлагает достаточно логичный подход к решению этой проблемы: 1) Конституция РФ не запрещает идеологию как таковую и предполагает идеологическое многообразие (ч. 1 ст. 13); 2) Конституция РФ запрещает «придавать официально-обязывающий (государственно-принудительный) характер идеологическим установкам какой-либо отдельной части общества и ни в коей мере не снимает с государства решающую ответственность за обеспечение исторически сложившихся духовно-нравственных идеалов многонационального народа Российской Федерации» (с. 40); 3) Конституция РФ является концентрированным выражением общенационального мировоззрения, которое лежит в основе деятельности, политики органов публичной власти государства, в том числе в проведении и защите идеологических ценностей и установок; 4) выраженные в конституционных нормах ценностно-целевые установки народа определяют границы диапазона идеологического многообразия.

Нельзя не отметить концептуальную позицию автора по проблеме прав человека в контексте российской конституционной идентичности. Признавая значимость конституционной ценности человека, его прав и свобод, автор подчеркивает, что абсолютизация автономии личности, «культы индивидуальной свободы» не обогащает личность, а ограничивает реализацию его возможностей, «ценность прав человека не в отрыве от государства и не в противовес ему, а в системе российской государственности». Данный подход созвучен идеям таких российских мыслителей как Б.Н. Чичерин с его признанием свободы человека неотделимой от обеспечительной роли государства⁵, обогащает современную тенденцию раскрытия потенциала прав и свобод через взаимодействие с государством, идеями солидаризма⁶. Автор предлагает ряд идей, способных дополнить российскую концепцию прав человека, например, таких как «доминантная ценность Родины как политического и цивилизационного единства, благополучие которой является основой и условием для самореализации каждого ее члена» и др. (с. 55).

С.В. Кабышев наиболее последовательно проводит неотъемлемую взаимосвязь Конституции, ее установок и качества юридического образования и воспитания. Он формулирует и раскрывает содержание собственной формулы российского юридического образования (логического квадрата): 1) правопознания; 2) правдолюбия; 3) патриотизма

⁵ См.: Чичерин Б.Н. Философия права. М., 1900. С. 94–100.

⁶ См., напр.: Эбзееев Б.С. Конституционный правопорядок и основные права: юридическая природа и особенности государственной защиты (о методологии научного поиска) // Государство и право. 2016. № 10. С. 5–18.

и 4) прогрессизма (с. 58). Конечно, можно увидеть в данной формуле некий элемент юридического романтизма, но нельзя не согласиться в обоснованности применения таких критериев и установок к отечественному образованию.

В работе автор выделяет важную проблему конституционализации общественных отношений в сфере научно-технического прогресса, пространственно-территориального развития страны, реализации в этой сфере новых конституционных полномочий Российской Федерации. С.В. Кабышев предметно показывает пути совершенствования ряда правовых институтов, например, роли и правового статуса наукоградов (с. 79–82). Автор справедливо актуализирует необходимость раскрытия новых конституционных категорий в сфере экономики, обогащает представления о соотношении конституции и экономики. Данный подход также соответствует положению ст. 75.1 Конституции РФ, где закреплена цель Российского государства – обеспечение условий для устойчивого экономического роста. Без достаточного уровня экономического развития не может быть ни конституционного, ни государственного суверенитета. Такие конституционные понятия нуждаются в наполнении конкретным правовым содержанием⁷. Они служат определенным конституционным ориентиром проведения экономической государственной политики.

В заключение автор обозначает некоторые проблемы развития российского обществоведения, среди которых стоит выделить потребность в междисциплинарном анализе, связанные конституционными установками, мировоззренческими задачами и др.

* * *

Научная ценность подобной работы заключается в предложении авторского видения важнейших конституционных мировоззренческих ценностей для широкого конституционного диалога.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Боброва Н.А. Государство без идеологии – это нонсенс // Мир политики и социологии. 2019. № 7.
2. Кабышев С.В. Конституция России: традиции прогресса (к 30-летию). М., 2024. С. 15, 31, 34, 35, 39, 40, 55, 58, 79–82.
3. Клеандров М.И. О неизбежности разработки и принятия новой Конституции Российской Федерации и что в ней должно быть (Окончание) // Государство и право. 2022. № 3. С. 7–18.

⁷ См.: Мазаев В.Д. Реализация устойчивого экономического роста (конституционно-правовые аспекты) // Журнал российского права. 2023. Т. 27. № 10. С. 16–29.

4. *Краснов М.А.* Введение в конституционное право с разъяснением сложных вопросов: учеб. пособие. М., 2018. С. 296–309.
5. *Лазарев В.В.* Идеология конституционного реформирования правовой системы Российской Федерации // Журнал росс. права. 2021. Т. 25. № 4. С. 5–17.
6. *Лазарев В.В.* Об интегративном понимании конституционализма // Журнал росс. права. 2023. № 5.
7. *Мазаев В.Д.* Реализация устойчивого экономического роста (конституционно-правовые аспекты) // Журнал росс. права. 2023. Т. 27. № 10. С. 16–29.
8. *Чичерин Б.Н.* Философия права. М., 1900. С. 94–100.
9. *Эбзееев Б.С.* Конституционный правопорядок и основные права: юридическая природа и особенности государственной защиты (о методологии научного поиска) // Государство и право. 2016. № 10. С. 5–18.
3. *Kleandrov M.I.* On the inevitability of the development and adoption of a new Constitution of the Russian Federation and what it should contain (End) // State and Law. 2022. No. 3. Pp. 7–18 (in Russ.).
4. *Krasnov M.A.* Introduction to Constitutional Law with clarification of complex issues: textbook. M., 2018. Pp. 296–309 (in Russ.).
5. *Lazarev V.V.* Ideology of constitutional reform of the legal system of the Russian Federation // Journal of Russ. law. 2021. Vol. 25. No. 4. Pp. 5–17 (in Russ.).
6. *Lazarev V.V.* On the integrative understanding of constitutionalism // Journal of Russ. law. 2023. No. 5 (in Russ.).
7. *Mazaev V.D.* Realization of sustainable economic growth (constitutional and legal aspects) // Journal of Russ. law. 2023. Vol. 27. No. 10. Pp. 16–29 (in Russ.).
8. *Chicherin B.N.* Philosophy of Law. M., 1900. Pp. 94–100 (in Russ.).
9. *Ebzeev B.S.* Constitutional Law and order and fundamental rights: the legal nature and features of state protection (on the methodology of scientific research) // State and Law. 2016. No. 10. Pp. 5–18 (in Russ.).

REFERENCES

1. *Bobrova N.A.* A state without ideology is nonsense // The world of politics and sociology. 2019. No. 7 (in Russ.).
2. *Kabyshev S.V.* The Constitution of Russia: traditions of progress (to the 30th anniversary). М., 2024. Pp. 15, 31, 34, 35, 39, 40, 55, 58, 79–82 (in Russ.).

Сведения об авторе

МАЗАЕВ Владимир Дмитриевич –
доктор юридических наук, профессор,
профессор департамента публичного права
НИУ «Высшая школа экономики»;
123022 г. Москва,
Б. Трехсвятительский пер., д. 3

Authors' information

MAZAEV Vladimir D. –
Doctor of Law, Professor,
Professor of the Department of Public Law,
Higher School of Economics;
3 B. Trekhsvyatitelsky Lane,
123022 Moscow, Russia

**ДОКТОРУ ЮРИДИЧЕСКИХ НАУК, ПРОФЕССОРУ,
ЧЛЕНУ-КОРРЕСПОНДЕНТУ РАН
Ю.М. БАТУРИНУ – 75 ЛЕТ**

В 2024 г. отмечает юбилей выдающийся ученый и видный общественный деятель, летчик-космонавт, Герой Российской Федерации, член-корреспондент РАН, доктор юридических наук, профессор Юрий Михайлович Батурин.

Ю.М. Батурин родился 12 июня 1949 г. в г. Москве. По окончании факультета аэрофизики и космических исследований Московского физико-технического института Юрий Михайлович параллельно обучался во Всесоюзном юридическом заочном институте по специальности «Правоведение» и Московском государственном университете им. М. В. Ломоносова по специальности «Журналистика», которые окончил в 1980 г. и 1981 г. соответственно.

В 1985 г. Ю.М. Батурин успешно защитил диссертацию на тему «Европейский парламент в политико-правовом механизме Сообщества» с присвоением ученой степени кандидата юридических наук в Институте государства и права Академии наук СССР (ныне – Институт государства и права РАН), в 1992 г. там же – докторскую диссертацию на тему «Теоретические проблемы компьютерного права».

Достижения в служебной и научной деятельности Ю. М. Батурина во многом обусловлены его богатым профессионально-служебным опытом. Юрий Михайлович успешно осуществлял трудовую деятельность на базе Центрального конструкторского бюро экспериментального машиностроения (ныне – ПКК «Энергия» им. С. П. Королёва), свыше десяти лет занимался наукой в Институте государства и права АН СССР. Участвовал в российской космической программе и осуществил два полета в космос в 1998 и 2001 гг., в ходе которых совершил научное открытие. С 2010 по 2015 г. занимал должность директора

Института истории естествознания и техники им. С. И. Вавилова Российской академии наук. В 2011 г. избран членом-корреспондентом РАН.

В своей научной деятельности Ю.М. Батурин уделяет огромное внимание практическим задачам, что выразилось в подготовке многочисленных концептуальных и прикладных работ в области информационного права, истории науки и техники, космической дипломатии и космонавтики.

Ю. М. Батурин – автор и соавтор более 400 научных трудов, среди которых: «Проблемы компьютерного права» (1991), «Компьютерная преступность и компьютерная безопасность» (1991), «Космическая дипломатия и международное право» (2006), «Конституционные этюды» (2008), «Феноменология юридического чуда» (2012), «От интернета до метавселенной: краткая история информационных технологий на критическом рубеже» (2021), «Союз (не)возможный: документированная хроника Ново-Огаревского процесса» (2021) и др.

Коллектив Института государства и права Российской академии наук, редакционный совет и редакционная коллегия журнала «Государство и право» РАН поздравляют с юбилеем и желают Юрию Михайловичу Батурину здоровья, благополучия и новых научных свершений!

* * *

Редакция журнала «Государство и право» Российской академии наук поздравляет уважаемого Юрия Михайловича с юбилеем и желает крепкого здоровья, неиссякаемой энергии и творческого долголетия!